

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

ИНСТИТУТ ДЕМОГРАФИИ

НАСЕЛЕНИЕ РОССИИ 2006

Четырнадцатый
ежегодный
демографический
доклад

*Ответственный редактор
А.Г. Вишневский*

Издательский дом ГУ ВШЭ
Москва 2008

Н31 **Население России 2006** [Текст] : Четырнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. — 229, [1] с. : ил. — ISBN 978-5-7598-0613-4 (в обл.).

В четырнадцатом ежегодном аналитическом докладе, подготовленном Институтом демографии ГУ ВШЭ, анализируется демографическая ситуация в России в 2006 г. на фоне долговременных тенденций ее изменения, а также перспективы ее развития. Рассматриваются все основные демографические процессы: динамика численности и возрастно-половой структуры населения России, брачность, рождаемость, смертность, внутренние и внешние миграции.

Анализ основан на официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), Евростата и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных расчетных показателей, полученных с использованием этих данных, результатах специальных обследований.

Доклад включает новый вероятностный прогноз численности и структуры населения России до 2050 г.

УДК 314.122(042.3)
ББК 60.7(2 Рос)

Предисловие.....	6
1. Численность и размещение населения	
1.1. Сокращение населения России замедлилось.....	7
1.2. Россия остается в числе крупнейших по населению стран мира, хотя быстро сдает свои позиции.....	14
1.3. После переписи 2002 г. население увеличилось лишь в 14 регионах — субъектах Российской Федерации.....	19
1.4. Сохраняется тенденция концентрации населения в больших городах.....	26
1.5. Регионы России существенно различаются по уровню урбанизированности и тенденциям динамики городского и сельского населения.....	38
2. Возрастной состав населения России	
2.1. Российская возрастная пирамида предопределяет волнообразные изменения демографических показателей.....	47
2.2. Демографический дивиденд от изменения возрастной структуры исчерпывается.....	49
2.3. Население России — не самое старое в Европе.....	52
2.4. Детерминанты старения и потенциальный возраст.....	57
2.5. Превращение инерции роста в инерцию убыли.....	62
2.6. Текущие изменения возрастного состава становятся крайне невыгодными.....	63
3. Браки и разводы	
3.1. Рост числа регистрируемых браков продолжается.....	71
3.2. Повышение возраста вступления в брак затормозилось.....	75
3.3. Долговременная тенденция к повышению разводимости сохраняется, но официальная статистика этот процесс отразить не в состоянии.....	83
3.4. Риск распада для брачных союзов разного типа не одинаков....	88
4. Рождаемость и воспроизводство населения	
4.1. Рождаемость сохраняется на прежнем уровне.....	98
4.2. Многодетных матерей становится все меньше.....	104

4.3. Материнство продолжает стареть.....	110
4.4. Рост внебрачной рождаемости остановился?	117
4.5. За 15 лет число абортот снизилось почти в три раза, но все еще остается высоким	125
4.6. Эффективность планирования семьи повышается, но распространенность современных средств контрацепции еще недостаточна.....	139
4.7. Рождаемость в России намного ниже уровня замещения поколений.....	142
4.8. Возможные изменения рождаемости в будущем	148
4.8.1. Прогнозируемая динамика рождаемости реальных поколений	149
4.8.2. Прогнозируемая динамика рождаемости условных поколений	156
5. Смертность и продолжительность жизни	
5.1. Число смертей в России после 2003 г. сокращается	165
5.2. Темпы снижения детской смертности замедлились.....	176
5.3. Динамика продолжительности жизни: конец снижения или начало роста?	181
5.4. В 2005—2006 гг. прогресс достигнут на самых «трудных» направлениях борьбы с высокой смертностью	187
5.5. Снижение смертности в 2005—2006 гг.: объяснительные гипотезы.....	198
5.6. Возможные изменения смертности населения России в будущем.....	206
5.6.1. Пессимистический сценарий (нижняя граница прогнозных оценок)	207
5.6.2. Оптимистический сценарий (верхняя граница прогнозных оценок).....	218
6. Миграция	
6.1. Иммиграция на подъеме	230
6.2. Страны СНГ — главные миграционные доноры России	237
6.3. Эмиграция за пределы бывшего СССР возвращается к исходному уровню	243
6.4. Миграционная мобильность россиян невысока.....	246
6.5. Миграционная география России не меняется	249
6.6. Западный перенос внутренних миграций сохраняется	252

6.7. Перспективные тенденции и сценарии миграции в будущем	254
6.7.1. Внутренние миграции	255
6.7.2. Внешние миграции.....	258
7. Демографические перспективы России до 2050 г.	
7.1. Прогнозные гипотезы	265
7.2. Две серии прогнозных расчетов	270
7.3. Основные результаты прогноза	271
7.3.1. Динамика численности населения	271
7.3.2. Роль миграционного прироста	274
7.3.3. Изменения возрастной структуры	277
7.3.4. Население в рабочем возрасте.....	277
7.3.5. Население в дорабочем и послерабочем возрастах.....	280
7.3.6. Демографическая нагрузка на трудоспособное население	282
7.3.7. Число потенциальных матерей	285
7.3.8. Сокращение призывного контингента	287
8. Заключение	
8.1. Неутешительный диагноз	289
8.2. Прогноз-предостережение.....	292
Приложения	
Приложение 1. Федеральные округа и входящие в них субъекты Российской Федерации	296
Приложение 2. Численность населения крупнейших городов Российской Федерации.....	298

Предисловие

Институт демографии ГУ ВШЭ представляет очередной аналитический доклад о демографическом положении России.

В этом четырнадцатом по счету ежегодном докладе содержится анализ демографической ситуации в России в 2006 г. на фоне долговременных тенденций ее развития. Анализ основан на официальных данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата), международных организаций, собственных расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, специальных обследований, а также на материалах научных публикаций.

Доклад содержит новый вероятностный прогноз численности и структуры населения России до 2050 г.

Доклад подготовлен авторским коллективом в следующем составе:
руководитель авторского коллектива — д-р экон. наук, академик РАН
А.Г. Вишневский;

авторы разделов:

раздел 1 — канд. экон. наук *Е.М. Щербакова;*

раздел 2 — *С.А. Васин;*

раздел 3 — канд. экон. наук *С.В. Захаров;*

раздел 4 — канд. экон. наук *С.В. Захаров,*
д-р экон. наук *А.Г. Вишневский,*
канд. экон. наук *В.И. Сакевич;*

раздел 5 — канд. физ.-мат. наук *Е.М. Андреев,*
канд. экон. наук *Е.А. Кваша,*
канд. экон. наук *Т.Л. Харьковская;*

раздел 6 — канд. геогр. наук *Ж.А. Зайончковская,*
канд. геогр. наук *Н.В. Мкртчян;*

раздел 7 — канд. физ.-мат. наук *Е.М. Андреев,*
д-р экон. наук *А.Г. Вишневский;*

заключение — д-р экон. наук *А.Г. Вишневский.*

1. Численность и размещение населения

1.1. Сокращение населения России замедлилось

По оценке Федеральной службы государственной статистики (Росстата), постоянное население Российской Федерации на 1 января 2007 г. насчитывало 142 221 тыс. человек¹, а к концу года его численность, по предварительным данным², снизилась до 142,0 млн.

За столетие с небольшим, прошедшее после первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., численность населения России в современных границах более чем удвоилась (с 67,5 млн человек). Однако последняя из проведенных переписей населения показала сокращение числа россиян по сравнению с предыдущей переписью: в 2002 г. их было на 1855 тыс. человек, или на 1,3%, меньше, чем в 1989 г.

В период после переписи 2002 г. население России продолжало убывать, сократившись к началу 2007 г. еще на 3,1 млн человек, или на 2,2%. В итоге по состоянию на середину 2007 г. оно по своей численности примерно соответствовало постоянному населению³ России на середину 1984 г. (рис. 1.1).

Согласно данным текущего учета, уточненным по итогам переписи 2002 г., убыль населения впервые была зафиксирована в 1993 г. — почти на 206 тыс. человек, или на 1,4‰ (рис. 1.2). За 1994 г. постоянное население России вновь немного увеличилось, но начиная с 1995 г. число россиян сокращалось ежегодно. Сначала интенсивность убыли не превышала 0,2% в год, но в 1999 г. она удвоилась, а в 2001—2005 гг. составляла порядка 0,5% в год. Достигнув наибольшего значения в 2003 г. — 5,5‰, убыль населения стала снижаться, причем особенно быстро в последние два года. В 2006 г. она составила 3,7‰, а в 2007 г., по предварительным данным, — 1,7‰.

¹ Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года // Статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М., 2007. С. 14. В соответствии с действующей методологией текущего учета населения оценки численности населения на начало очередного года рассчитываются на основании итогов последней переписи населения, к которым ежегодно прибавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и, наоборот, вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

² Социально-экономическое положение России. Январь 2008 года: Ежемесячный доклад Росстата. М., 2008. С. 299.

³ Постоянное население, к которому относят лиц, постоянно проживающих на данной территории, включая временно отсутствовавших на момент переписи, представлено на дату переписи соответственно 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. и на начало других лет в соответствии с данными текущего учета. Предварительная оценка на начало 2008 г. показана без заливки.

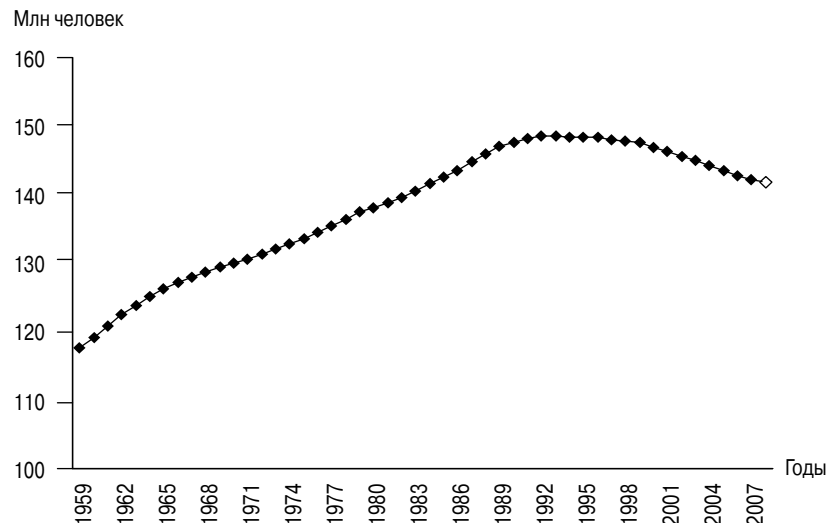

Рис. 1.1. Численность постоянного населения России, 1959—2007 гг.

Источники: Демографический ежегодник России, 2006. С. 20; Демографический ежегодник России, 2000. С. 19—21; Социально-экономическое положение России, январь 2008. С. 299.

Убыль населения в России отмечалась и ранее — в годы Первой мировой и Гражданской войн, голода и репрессий 1930-х гг., Второй мировой войны, но начавшаяся в 1990-е гг. носит долговременный и устойчивый характер. В отличие от предыдущих периодов сокращения населения, когда убыль была обусловлена демографическими факторами, в 90-е гг. XX в. она была предопределена самим ходом демографического развития. Именно в силу своей внутренней обусловленности эта тенденция устойчива и в ближайшее время, несомненно, сохранится.

Сокращение численности населения происходит из-за его естественной убыли, т.е. превышения числа смертей над числом рождений. Впервые она была зарегистрирована в 1992 г., а к концу 2007 г. ее совокупная величина за эти годы составила 12,3 млн человек, или 8,3% численности населения России на начало 1992 г. (табл. 1.1).

Естественный прирост населения России оставался высоким — более 1% в год — до середины 1960-х гг. (исключая годы войн и голода 1932—1933 гг.). Затем он стабилизировался на уровне 0,5—0,7%. В течение примерно 30 лет естественный прирост сочетался с миграционной убылью населения (за счет превышения числа выбывавших из России в другие союзные республики

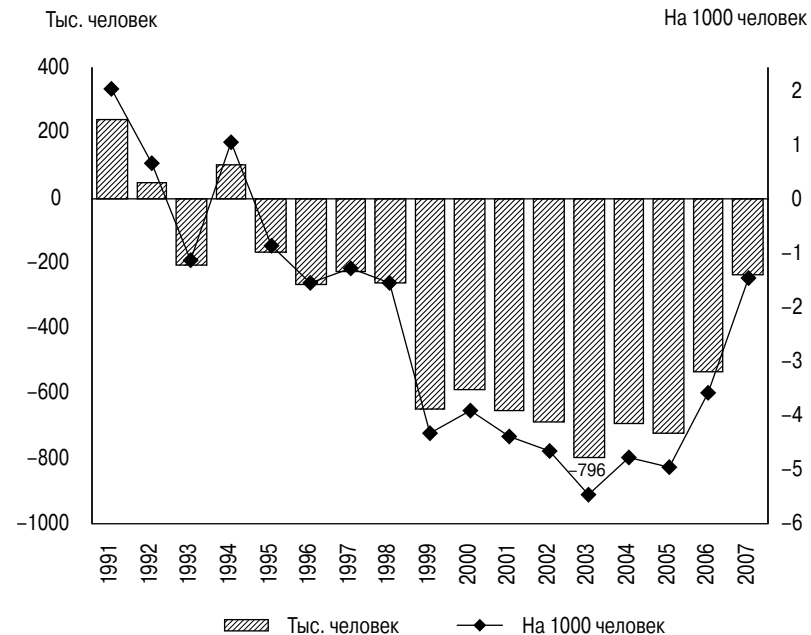

Рис. 1.2. Прирост (убыль) численности постоянного населения России за 1991—2007 гг.

СССР над числом въезжавших в нее оттуда), что не мешало довольно быстрому росту населения. С середины 1970-х гг. население увеличивалось за счет как естественного, так и миграционного прироста, который, как правило, не превышал четверти общего прироста. Начиная с 1992 г. в условиях естественной убыли населения миграция стала единственным источником роста его численности.

Перепись 2002 г. показала, что текущие оценки численности населения были занижены в первую очередь из-за недоучета миграции. Однако и скорректированные с учетом итогов переписи объемы миграции были таковы, что лишь в пиковый 1994 г. не только компенсировали естественную убыль, но и обеспечили прирост численности россиян. В остальные годы миграция лишь частично восполняла потери, вызванные превышением числа умерших над числом родившихся.

В целом за 1992—2007 гг. зарегистрированный миграционный прирост, составивший 5,7 млн человек, возместил чуть менее половины (47%) естественной убыли населения. В начале текущего десятилетия вклад миграционного компонента в рост населения заметно сократился по сравнению с серединой

Таблица 1.1. Изменение численности населения России и его компоненты, 1951—2007 гг.

Годы	Численность населения в конце периода, тыс. человек		Изменение численности населения*			
	постоянного	наличного	Среднегодовые темпы прироста, %	Общий прирост, тыс. человек	В том числе	
					естественный	миграционный
1	2	3	4	5	6	7
1951—1955	...	112 266	17,5	9321	9160	161
1956—1960	...	120 766	14,7	8500	9515	-1015
1961—1965	...	127 189	10,4	6423	7067	-644
1966—1970	130 563	130 704	5,5	3515	4180	-665
1971—1975	134 549	134 690	6,0	3986	4180	-195
1976—1980	138 839	139 028	6,6	4338	3730	607
1981—1985	143 528	143 835	7,0	4807	3939	869
1986—1990	148 274	148 543	6,5	4746	3644	1102
1991	148 515	148 704	1,6	241	105	136
1992	148 562	148 673	0,3	47	-219	266
1993	148 356	148 366	-1,4	-206	-732	526
1994	148 460	148 306	0,7	104	-874	978
1995	148 292	147 976	-1,1	-168	-822	654
1996	148 029	147 502	-1,8	-263	-777	513
1997	147 802	147 105	-1,5	-227	-741	514

Окончание табл. 1.1

1	2	3	4	5	6	7
1998	147 539	146 693	-1,8	-263	-692	429
1999	146 890	145 925	-4,4	-649	-919	269
2000	146 304	145 185	-4,0	-587	-949	362
2001	145 649	...	-4,5	-654	-933	278
2002	144 964	...	-4,7	-686	-917	231
2003	144 168	...	-5,5	-796	-889	93
2004	143 474	...	-4,8	-694	-793	99
2005	142 754	...	-5,0	-721	-847	126
2006	142 221	...	-3,7	-533	-687	154
2007**	141 983	...	-1,7	-238	-478	240

* Начиная с 1991 г. по постоянному населению.

** Предварительные данные.

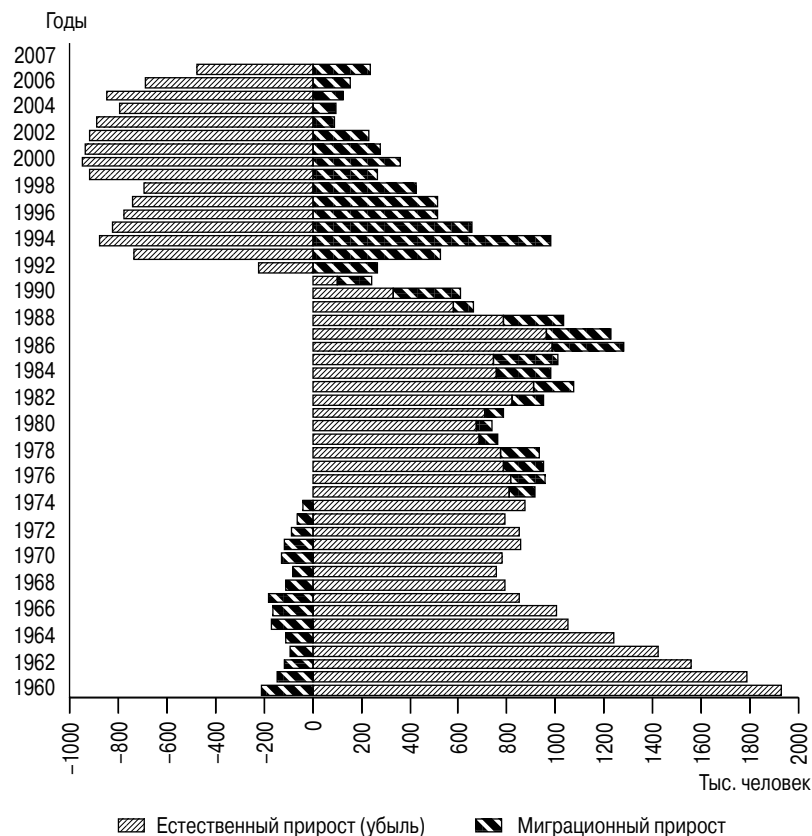

Рис. 1.3. Компоненты прироста (убыли) численности населения России, 1960—2007 гг.

Источники: Демографический ежегодник Российской Федерации, 1993. С. 10; Демографический ежегодник России, 2006. С. 21; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года. С. 14; Социально-экономическое положение России, январь 2008. С. 299, 301.

90-х гг. Наименьшим он был в 2003 г., когда компенсировал естественную убыль населения лишь на 10,5%. Однако в 2004—2006 гг. он стал понемногу возрастать, а в 2007 г. увеличился до 240 тыс. человек, компенсировал 50,2% численных потерь населения в результате естественной убыли (рис. 1.3).

Увеличение миграционного прироста в последние годы обусловлено ростом числа лиц, зарегистрированных по месту жительства (т.е. прибыв-

ших ранее в Российскую Федерацию), на фоне продолжающегося с начала 1990-х гг. сокращения числа выбывающих за пределы страны.

Естественная убыль населения России обусловлена тем режимом воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости, который сложился в России уже к 1960-м гг. В течение некоторого времени естественный прирост еще оставался относительно высоким — в основном из-за особенностей возрастной структуры населения, в которой был накоплен определенный потенциал демографического роста. Но по мере исчерпания этого потенциала естественный прирост начал снижаться. Тем не менее вплоть до 1990-х гг. именно он в основном и обеспечивал рост населения России.

Коэффициент суммарной рождаемости, опустившись к середине 1960-х гг. несколько ниже уровня простого воспроизводства, в течение примерно 20 лет колебался в довольно узких пределах (от 1,9 до 2,1). После небольшого подъема в середине 1980-х гг. — до 2,2 в 1986—1987 гг. — он резко сократился в 1990-е гг., опустившись в 1999—2000 гг. до крайне низкого уровня — 1,2 ребенка на одну женщину. В последующие годы он немного возрос, составив в 2002—2005 гг. 1,3. Снижение рождаемости повлекло за собой падение общего числа рождений, в то время как число умерших вследствие увеличения доли пожилого населения и усиления неблагоприятных тенденций смертности сильно выросло.

Начиная с 1992 г. число смертей устойчиво превышает число рождений, несмотря на колебания уровней рождаемости и смертности (рис. 1.4).

Общий коэффициент рождаемости опустился до своего наименьшего значения в 1999 г. — 8,3‰, а затем стал постепенно возрастать, поднявшись в 2004 г. до 10,5‰. После незначительного снижения в 2005 г. он вновь начал расти, составив в 2006 г. 10,4‰, а в 2007 г., по предварительным данным, — 11,3‰. Тенденция роста общего коэффициента рождаемости, вероятно, сохранится и в ближайшие годы, поскольку это повышение в определенной степени связано с увеличением численности потенциальных матерей (в репродуктивный период вступили многочисленные поколения родившихся в середине 1980-х гг.).

Устойчивое повышение общего коэффициента смертности прерывалось непродолжительным снижением в 1996—1998 гг., после которого оно возобновилось. В 2003 г. общий коэффициент смертности достиг наибольшего значения — 16,4‰. Начиная с 2004 г. намечилось его новое снижение, и в 2006 г. общий коэффициент смертности составил 15,2‰, а в 2007 г., по предварительным данным, — 14,7‰.

В результате роста числа рождений (стало быть, и общего коэффициента рождаемости) и одновременного сокращения числа смертей (и общего

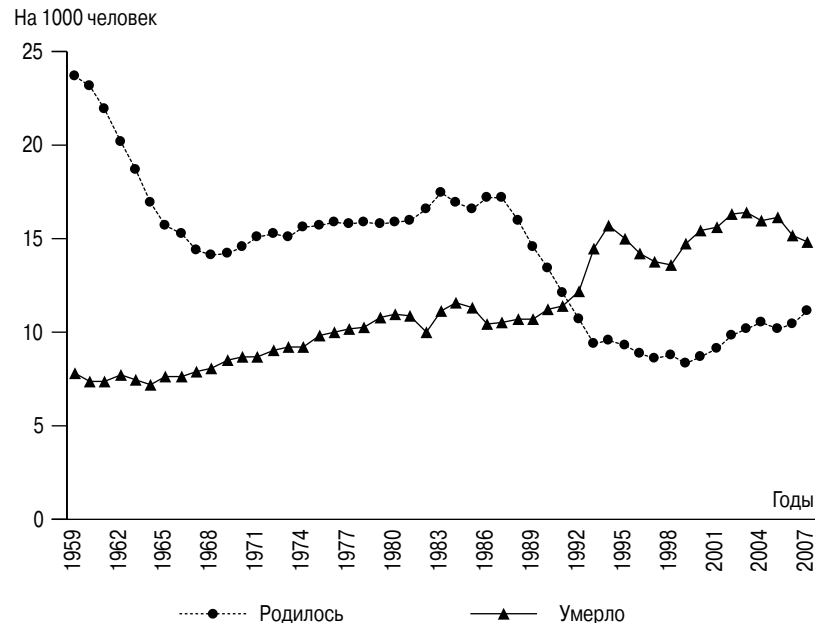

Рис. 1.4. Число родившихся и умерших в России, 1959—2007 гг.

Источники: см. примечания к рис. 1.3.

коэффициента смертности) естественная убыль россиян в последние годы сокращалась.

1.2. Россия остается в числе крупнейших по населению стран мира, хотя быстро сдает свои позиции

По численности населения Россия по-прежнему входит в число крупнейших стран мира. Уже в 1930-е гг., несмотря на значительные людские потери в результате социальных катаклизмов XX в. (войн, репрессий, голода), число россиян превысило 100 млн человек. В 1950 г. Россия, по оценкам ООН, входила в четверку стран мира с численностью населения, превышавшей 100 млн человек (табл. 1.2)⁴. Но позже, несмотря на продолжавшийся рост населения, наша страна постепенно уступала свою позицию, пропуская вперед развивающиеся страны с более быстро прирастающим населением. По

⁴ World Population Prospects: The 2006 Revision. Highlights. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. N.Y., 2007. P. 49.

оценке на середину 2007 г., Россия занимала девятое место в мире и в ближайшие десятилетия покинет десятку крупнейших стран мира. По прогнозам экспертов ООН, при сохранении современных тенденций естественного воспроизводства и миграции численность населения России к 2050 г. сократится на 24% — до 108 тыс. человек. И таковы перспективы не только России: ожидается, что численность населения 46 стран и территорий мира, включая Германию, Италию, Японию, Южную Корею, большинство республик бывшего СССР и некоторые небольшие островные государства, в 2050 г. будет меньше, чем в 2005 г. Однако население большинства стран мира продолжит расти, и при этом тройка лидеров останется неизменной: только Китай уступит первенство Индии, а США удержат свое третье место.

В текущем десятилетии убыль населения наблюдается в 28 странах мира, причем в 19 из них достаточно устойчивая (рис. 1.5). Причины этой убыли разные. Если в более развитых странах это, как правило, естественная убыль, усиливаемая или частично компенсируемая миграционным приростом, то в менее развитых странах это прежде всего миграционный отток.

По данным специализированных международных организаций, сокращение населения в результате превышения смертности над рождаемостью отмечается в 14 странах мира: в 12 европейских и двух африканских государствах с высоким уровнем распространения ВИЧ-инфекции и СПИДа (рис. 1.6). Наиболее интенсивна естественная убыль на Украине — 0,6% в год. Россия делит второе место с Белоруссией и Литвой (по 0,5%). Ситуация немного улучшилась по сравнению с предшествующими годами, когда естественная убыль регистрировалась в большем числе стран (в 2006 г. — в 16) и была более интенсивной (0,8% на Украине)⁵.

⁵ 2006 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau, 2006. P. 5—10 (www.prb.org).

Таблица 1.2. Страны мира, совокупное население которых составляет около 75% мирового населения, в порядке убывания численности населения, тыс. человек, по оценкам и среднему варианту прогноза ООН, 1950, 2007 и 2050 гг.

1950 г.			2007 г.			2050 г.					
Ранг	Страна	Тыс. человек	% накопленным итогом	Ранг	Страна	Тыс. человек	% накопленным итогом	Ранг	Страна	Тыс. человек	% накопленным итогом
1	Китай	555	21,9	1	Китай	1329	19,9	1	Индия	1658	18,0
2	Индия	372	36,6	2	Индия	1169	37,4	2	Китай	1409	33,4
3	США	158	42,8	3	США	306	42,0	3	США	402	37,7
4	Россия	103	46,8	4	Индонезия	232	45,5	4	Индонезия	297	41,0
5	Япония	84	50,1	5	Бразилия	192	48,4	5	Пакистан	292	44,2
6	Индонезия	80	53,3	6	Пакистан	164	50,8	6	Нигерия	289	47,3
7	Германия	68	56,0	7	Бангладеш	159	53,2	7	Бразилия	254	50,1
8	Бразилия	54	58,1	8	Нигерия	148	55,4	8	Бангладеш	254	52,8
9	Великобритания	51	60,1	9	Россия	142	57,6	9	Конго,	187	54,9
10	Италия	47	61,9	10	Япония	128	59,5		Демократическая		
11	Бангладеш	44	63,7	11	Мексика	107	61,1		Республика		
12	Франция	42	65,3	12	Филиппины	88	62,4		Эфиопия	183	56,9
13	Украина	37	66,8	13	Вьетнам	87	63,7		Филиппины	140	58,4
14	Пакистан	37	68,3	14	Эфиопия				Мексика	132	59,8
15	Нигерия	34	69,6	15	Германия				Египет	121	61,1

Окончание табл. 1.2

16	Испания	28	70,7	16	Египет	83	65,0	14	Вьетнам	120	62,4
17	Мексика	28	71,8	17	Турция	83	66,2	15	Россия	108	63,6
18	Вьетнам	27	72,9	18	Иран	75	67,3	16	Япония	103	64,7
19	Польша	25	73,9	19	Таиланд	75	68,4	17	Иран	100	65,8
20	Египет	22	74,7	20	Конго,	71	69,5	18	Турция	99	66,9
					Демократическая	64	70,5	19	Уганда	93	67,9
					Республика	63	71,4	20	Танзания	85	68,8
				21	Франция	62	72,3	21	Кения	85	69,8
				22	Великобритания	61	73,2	22	Афганистан	79	70,6
				23	Италия	59	74,1	23	Германия	74	71,4
				24	Мьянма	49	74,9	24	Судан	73	72,2
								25	Великобритания	69	73,0
								26	Франция	68	73,7
								27	Таиланд	67	74,4

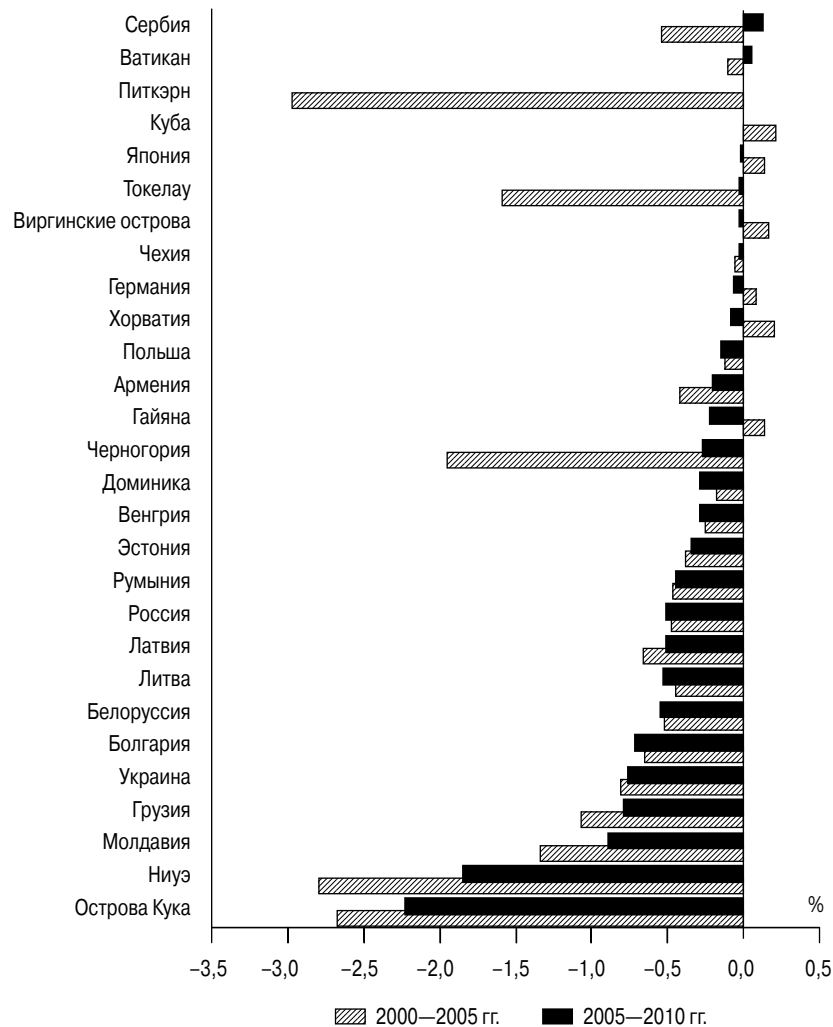

Рис. 1.5. Среднегодовой темп прироста (убыли) населения стран и территорий мира с населением, сокращавшимся в 2000—2010 гг.

Источник: World Population Prospects: The 2006 Revision. Highlights. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. N.Y., 2007. P. 54—59.

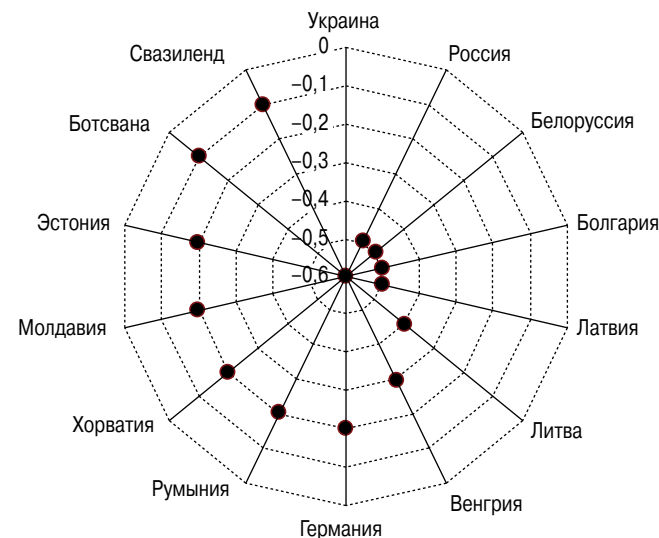

Рис. 1.6. Естественная убыль населения стран мира в 2007 г., %

Источник: 2007 World Population Data Sheet. Population Reference Bureau, 2007. P. 7—10. (www.prb.org)

1.3. После переписи 2002 г. население увеличилось лишь в 14 регионах — субъектах Российской Федерации

Россия располагает самой большой территорией в мире — более 17 млн км², которая почти вдвое превосходит территории других «гигантов» по занимаемой территории — Китая, США, Канады, Австралии. В то же время население ее не так велико и к тому же крайне неравномерно распределено по огромной территории (табл. 1.3). Наиболее плотно заселены историческое ядро России, Северный Кавказ и Поволжье, но и здесь плотность населения по крайней мере вдвое ниже, чем в странах Европейского союза (119 человек на 1 км²), примерно соответствуя плотности заселения Северной Европы (55 человек на 1 км²). В целом Европейская часть страны сопоставима по заселенности с США (31 человек на 1 км²), а Азиатская — с Австралией и Канадой (по 3 человека на 1 км²).

В Азиатской части, занимающей почти $\frac{3}{4}$ территории страны, проживает лишь один из пяти россиян. Особенно слабо заселены районы Крайнего

Севера и приравненные к ним местности⁶ с суровыми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. На начало 2006 г. в них проживало 10,6 млн человек, или 7,5% общей численности россиян, при плотности населения 0,9 человека 1 км².

На 1 января 2007 г. в состав Российской Федерации входило 86 регионов — субъектов Федерации: 21 республика, 7 краев, 48 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область и 7 автономных округов. Ранее они все (кроме Калининградской области) объединялись в 11 крупных экономико-географических районов, а в соответствии с региональной реформой 2000 г. сгруппированы в 7 федеральных округов (см. приложение 1).

Среди регионов — субъектов Федерации по численности населения выделяются Москва (10 451 тыс. человек, или 7,3% населения России на начало 2007 г.), Московская область (6655 тыс. человек, или 4,7% населения России на начало 2007 г.) и Краснодарский край (5109 тыс. человек, или 3,6%). На г. Санкт-Петербург, Свердловскую и Ростовскую области приходится по 3,0—3,2% россиян, а на остальные субъекты Федерации — менее чем по 3%. Самым малочисленным населением отличаются Корякский (22,6 тыс. человек), Ненецкий (42,0), Чукотский (50,4) и Агинский Бурятский (75,8 тыс. человек) автономные округа.

На протяжении XX в. доминирующей тенденцией расселения был регулируемый, подчас весьма жесткими мерами, сдвиг населения на север и восток и в меньшей степени — на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя и с существенным замедлением в 1960—1980-е гг., росла — от 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989 г. Постоянно увеличивалась доля населения, проживавшего на территории современных федеральных округов: Уральского (с 5,3 до 8,5%), Сибирского (с 10,6 до 14,3%), Дальневосточного (с 1,7 до 5,4%) и Южного (с 12,5 до 14,0%). А удельный вес населения Центрального и Приволжского округов, напротив, неуклонно сокращался (соответственно с 34,5 до 25,9% и с 26,2 до 21,5%).

⁶ Особый статус районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к нему, был закреплен постановлением Совета Министров СССР 1967 г., согласно которому для работавших в этих районах были установлены ежемесячные надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска, доплаты к пособиям по временной нетрудоспособности, льготы при назначении пенсий и др. В 1990-х гг. перечень территорий расширился. Теперь такой статус имеет вся территория республик Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва, Долгано-Ненецкого, Корякского, Ненецкого, Ханты-Мансийского, Чукотского, Эвенкийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Архангельской, Камчатской, Магаданской, Мурманской и Сахалинской областей, а также часть территории республик Алтай и Бурятия, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Иркутской, Пермской, Томской, Тюменской и Читинской областей.

Таблица 1.3. Постоянное население и территория федеральных округов Российской Федерации на начало 2007 г.

	Население		Территория*		Плотность населения, человек/км ²
	тыс. человек	%	тыс. км ²	%	
Российская Федерация	142 221	100,0	17 098,2	100,0	8,3
В том числе округа:					
Центральный	37 218	26,2	650,2	3,8	57,2
Северо-Западный	13 550	9,5	1687,0	9,9	8,0
Южный	22 777	16,0	591,3	3,5	38,5
Приволжский	30 346	21,3	1037,0	6,1	29,3
Уральский	12 231	8,6	1818,5	10,6	6,7
Сибирский	19 590	13,8	5145,0	30,1	3,8
Дальневосточный	6509	4,6	6169,3	36,1	1,1
Европейская часть	112 777	79,3	4319,8	25,3	26,2
Азиатская часть	29 444	20,7	12 778,5	74,7	2,3

* По данным Роснедвижимости на 1 января 2006 г.

Источник: Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года. М.: Росстат, 2007. С. 4—7, 14—16.

После переписи 1989 г. возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении. В результате население азиатской части страны уменьшилось за период, прошедший после переписи 1989 г. до августа 2007 г., на 2701 тыс. человек, а население европейской части — на 2294 тыс. человек. При этом в период между переписями 1989 и 2002 гг. население европейской части, напротив, даже слегка увеличилось (на 240 тыс. человек), но затем также начало сокращаться, и даже быстрее, чем в азиатской части страны. В результате доля населения азиатской части России снизилась до 20,7%. Убыль населения охватила все федеральные округа начиная с конца 1990-х гг. (табл. 1.4).

В 1990-е гг. убыль населения стала характерной и для большинства российских регионов — субъектов Федерации (рис. 1.7). Согласно итогам переписи 2002 г., по сравнению с 1989 г. население уменьшилось в 66 из 89 существовавших в тот период субъектов Российской Федерации (включая Коми-Пермяцкий, Таймырский и Эвенкийский автономные округа, которые в настоящее время являются административно-территориальными еди-

Таблица 1.4. Изменение численности населения федеральных округов Российской Федерации, 1989—2007 г., %

	Между переписями 1989 и 2002 гг.	После переписи 2002 г. (2002—2007 гг.)*	В том числе за			
			2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Российская Федерация	-1,3	-2,2	-0,55	-0,48	-0,50	-0,37
В том числе федеральные округа:						
Центральный	0,2	-2,2	-0,56	-0,50	-0,50	-0,37
Северо-Западный	-8,3	-3,3	-0,84	-0,73	-0,75	-0,57
Южный	11,5	-0,5	-0,18	-0,13	-0,13	-0,06
Приволжский	-1,9	-2,8	-0,65	-0,62	-0,65	-0,54
Уральский	-1,2	-1,2	-0,37	-0,30	-0,29	-0,11
Сибирский	-4,8	-2,5	-0,65	-0,54	-0,60	-0,44
Дальневосточный	-15,8	-3,0	-0,68	-0,62	-0,70	-0,58
Европейская часть	0,2	-2,2	-0,56	-0,49	-0,50	-0,38
Азиатская часть	-6,5	-2,0	-0,52	-0,44	-0,50	-0,35

* Численность населения на 1 августа 2007 г. к численности населения на дату переписи 2002 г. — 9 октября.

Источники: Основные итоги Всероссийской переписи 2002 года. Т. 14; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года; Социально-экономическое положение России. Январь—август 2007.

ницами с особым статусом в составе соответственно Пермского и Красноярского краев). Наиболее значительно сократилось число жителей Чукотского автономного округа (в 3 раза), Магаданской области (более чем в 2 раза), Корякского (на 37%), Таймырского (Долгано-Ненецкого), Эвенкийского (по 29%) автономных округов, Камчатской, Мурманской, Сахалинской областей и Ненецкого автономного округа (по 23—24%) и некоторых других регионов Севера и Дальнего Востока.

В остальных 23 субъектах Российской Федерации численность населения за прошедший период, напротив, возросла. Наибольший прирост отмечался в Республике Дагестан (на 43%), Кабардино-Балкарской Республике (20%), г. Москве (17%), Ставропольском крае (13%), Республике Север-

ная Осетия—Алания и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре (по 12%), Краснодарском крае (11%), Белгородской и Калининградской областях (по 10%). Совокупное население Чечни и Ингушетии, по данным переписи 2002 г., увеличилось почти на 24% по сравнению с числом жителей бывшей Чечено-Ингушской Республики.

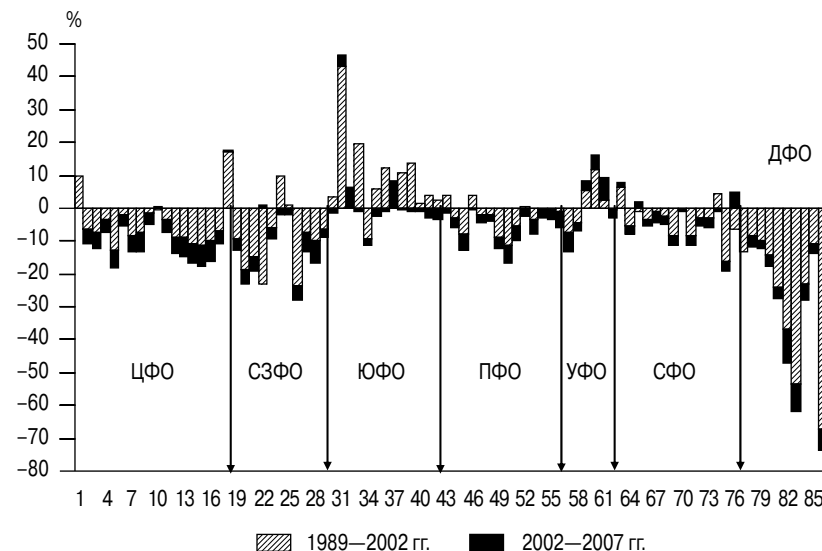

Рис. 1.7. Прирост (убыль) численности населения регионов — субъектов РФ⁷ в период между переписями 1989 и 2002 гг. и после переписи 2002 г.

Источник: см. примечания к табл. 1.4.

В результате, за период между переписями 1989 и 2002 гг. увеличилось население Центрального (за счет Москвы и Белгородской области) и Южного федеральных округов (всех регионов, кроме Республики Калмыкия, которая еще не так давно отличалась довольно высоким ростом населения), и, как уже говорилось, европейской части страны в целом.

За период, прошедший после переписи населения 2002 г., число жителей увеличилось в 14 субъектах Российской Федерации. Наиболее быстро

⁷ Здесь и далее, если не оговорено другое, регионы — субъекты РФ пронумерованы в стандартном порядке, используемом в публикациях Госкомстата России (см. приложение 1). На графике не представлены данные по Ингушетии и Чечне за 1989—2002 гг., поскольку до 1993 г. существовала единая Чечено-Ингушская Республика.

оно растет в северокавказских республиках — Чечне (на 1 августа 2007 г. на 8,5% больше, чем на 9 декабря 2002 г.), Ингушетии (6,3%) и Дагестане (3,6%), а также в добывающих регионах Крайнего Севера — Ямало-Ненецком (6,7%), Ханты-Мансийском — Югре (4,6%) и Ненецком (1,1%) автономных округах. Кроме того, рост населения отмечался в Агинском Бурятском автономном округе (на 5,0%), а также в Тюменской области в целом (2,9%), республиках Тыве и Алтай (по 1,6—1,7%). Население г. Москвы увеличилось за этот период на 0,7%, Московской области — на 0,5%. Прирост населения Республики Саха (Якутия) и Белгородской области близок к нулю.

В остальных регионах население сокращается, причем в шести из них оно уменьшилось за этот период на 6% и более: в Корякском и Чукотском автономных округах, Магаданской, Псковской, Тверской и Тульской областях.

В результате сокращения численности населения слабозаселенных регионов (с низкой плотностью населения) и ее роста в наиболее плотно заселенных регионах увеличивается концентрация населения во все меньшем числе регионов меньшей площади. Если по данным переписи 1989 г. 50% россиян проживало в 33 субъектах Федерации (не являющихся частью другого субъекта), общая площадь территории которых составляла около 7% территории России, то в 2002 г. — в 29 регионах на 6,5% площади территории страны, а на начало 2007 г. — в 28 регионах с совокупной долей территории в 6,2% общей территории страны.

Данные текущего учета рождаемости, смертности, убытий и прибытий населения за 2003—2006 гг. подтверждают, что тенденции воспроизводства населения, сложившиеся в 1990-е гг., в целом сохраняются.

С 1993 г. естественная убыль наблюдается во всех федеральных округах и большинстве регионов — субъектов Российской Федерации. Если еще в 1992 г. естественный прирост отмечался в половине российских регионов, то в 1993 г. — только в 19. В дальнейшем эта группа еще больше сужалась. Но поскольку в ряде регионов естественный прирост близок к нулевому, их число в этой группе колеблется: в 1998 г. она включала 21 регион, в 2002—2003 гг. — 16, в 2004 г. — 17, в 2005 г. — вновь 16, в 2006 г. — 20, в 2007 г. — 21.

В условиях ставшей практически всероссийской естественной убыли заметное влияние на изменение численности населения регионов оказали объемы и направления миграций, прежде всего внутренних, составляющих до 90% и более в миграционном обороте населения России. Основные потоки внутренних мигрантов направлялись в Центр, Поволжье и на Юг страны, что привело к значительному сокращению численности населения районов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Значительный естественный прирост характерен для трех республик Северного Кавказа — Чечни (18,8‰ в 2006 г.), Ингушетии (11,4‰) и Дагестана

(9,3‰). За счет него население этих республик увеличилось к августу 2007 г. по сравнению с началом 2003 г. соответственно на 9,3; 5,2 и 4,5% (рис. 1.8).

Несколько ниже коэффициент естественного прироста в республиках Тыва (7‰ в 2006 г.), Саха (Якутия) (4,7‰), Алтай (2,7‰) и Калмыкия (2,1‰) и близок к нулевой отметке в республиках Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкессия и Бурятия. Достаточно высок естественный прирост населения в регионах, отличающихся молодой возрастной структурой, — Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Агинском Бурятском автономных округах (по 6—7‰), а также Ненецком, Чукотском и Усть-Ордынском Бурятском автономных округах (от 1,1 до 3,7‰).

А естественная убыль по-прежнему наиболее высока в Псковской, Тульской, Тверской, Новгородской, Ивановской, Смоленской и Ленинградской областях (от 11 до 14‰ за 2006 г.). В большинстве остальных регионов Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов она также значительна и составляет от 5 до 10‰.

Сохраняется интенсивный миграционный отток из регионов Крайнего Севера, входящих в Дальневосточный и Северо-Западный федеральные ок-

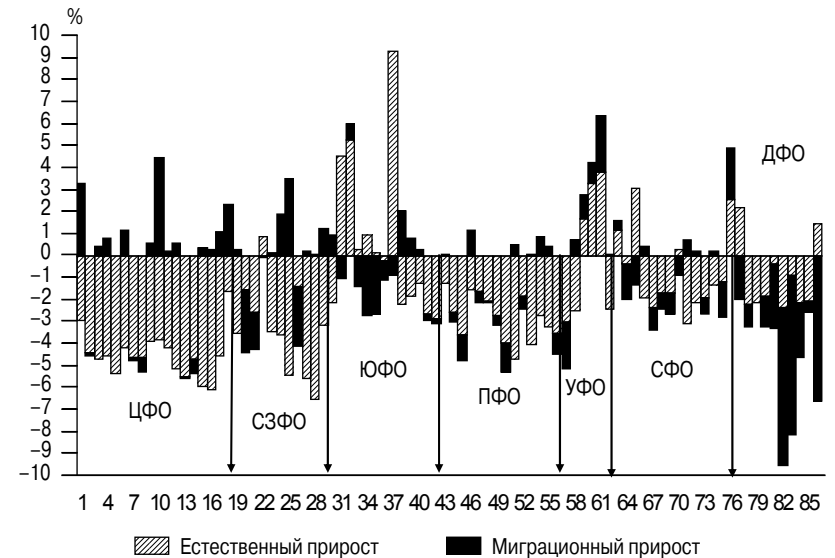

Рис. 1.8. Компоненты прироста (убыли) населения регионов — субъектов РФ* за 2003—2006 гг., % к численности населения на начало 2003 г.

* См. сноску к рис. 1.7.

руга. В 2006 г. он составил более 22% в существовавшем тогда Корякском автономном округе и 15,4% в Магаданской области. К августу 2007 г. эти регионы потеряли в миграционном обмене с другими территории 7,2% населения, которым они располагали на начало 2003 г.

Заметную убыль в миграционном обмене с другими территориями продолжает нести Чукотский автономный округ (6,6% за 2003—2007 гг.) и, в меньшей степени, республики Коми, Карачаево-Черкессия, Калмыкия и Саха (Якутия), Камчатская, Мурманская, Сахалинская и Курганская области (от 2,0 до 2,9%). В 2006 г. миграционный отток был зарегистрирован в 52 регионах (в предшествующем 2005 г. — в 53). В абсолютном выражении наибольшую миграционную убыль населения понесли республики Коми (–7,8 тыс. человек) и Дагестан (–7,1), а также Алтайский край (–7,0).

Население других российских регионов, напротив, увеличивается за счет миграционного притока. В наибольшей мере за счет этого фактора увеличивается население Московской области (на 4,4% к августу 2007 г. по сравнению с началом 2003 г.), а также Ленинградской (на 3,5%) и Белгородской (на 3,2%) областей. В 2006 г. наиболее интенсивный миграционный прирост зафиксирован в той же Московской области (10,5% в 2006 г.), а, кроме того, в Белгородской и Ленинградской областях, Ямало-Ненецком автономном округе (более чем по 7%). В Агинском Бурятском автономном округе, Краснодарском крае, городах Москве и Санкт-Петербурге и Калининградской области он составил от 4,4 до 5,7%.

По абсолютным значениям миграционного прироста за 2006 г. выделяются Московская область (69,9 тыс. человек), за которой следуют г. Москва (50,6), Краснодарский край (26,6) и г. Санкт-Петербург (20,5). За счет превышения миграционного прироста над естественной убылью увеличилось население четырех регионов: Краснодарского края, Белгородской и Московской областей и г. Москвы.

1.4. Сохраняется тенденция концентрации населения в больших городах

В 1990-е гг. заметные изменения произошли в динамике численности городского и сельского населения России (рис. 1.9).

На протяжении предшествующих десятилетий число жителей городских поселений⁸ быстро увеличивалось абсолютно и относительно, а число сельских жителей, напротив, сокращалось.

⁸ Городскими поселениями в Российской Федерации считаются населенные пункты, утвержденные законодательными актами в качестве городов и поселков городского

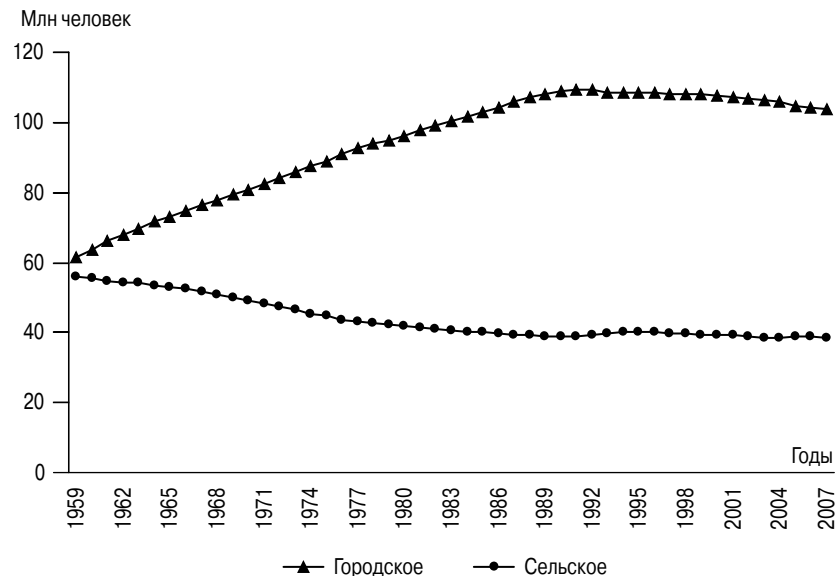

Рис. 1.9. Городское и сельское население России, 1959—2007 гг.

По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в городских поселениях проживало лишь 15% населения России (в современных границах). В основном это были малые города, число жителей которых не превышало 50 тыс. По численности населения выделялись обе исторические столицы — Санкт-Петербург (1265 тыс. человек) и Москва (1039 тыс.). К разряду больших городов, в которых проживало более 100 тыс. человек, относились также Саратов, Казань, Ростов-на-Дону, Тула и Астрахань, но ни в одном из них число жителей не достигало 150 тыс. Население еще 17 городов составляло от 50 до 90 тыс. человек. Всего в России насчитывалось 430 городов и 37 посадов.

К концу 1930-х гг. в городских поселениях проживала уже треть россиян, к концу 1950-х — половина, а с конца 1980-х — почти три четверти.

В период между переписями 1989 и 2002 гг. впервые за всю историю российских переписей численность городского населения сократилась (на 1530 тыс. человек, или на 1,4%). Сельское население также уменьшилось,

типа (рабочих, курортных, дачных поселков и поселков закрытых административно-территориальных образований). Все остальные населенные пункты считаются сельскими.

но в меньшей степени, чем городское (на 225 тыс. человек, или на 0,8%)⁹. В результате доля городского населения осталась практически неизменной, уменьшившись на десятую долю процента — до 73,3%. После переписи 2002 г. городское население продолжало сокращаться быстрее, чем сельское. К началу 2007 г. число городских жителей снизилось до 103 778 тыс. человек (на 2,5%), сельских — до 38 443 тыс. человек (на 0,8%), а доля горожан уменьшилась до 73%.

До начала 1990-х гг. рост городского населения России происходил за счет трех составляющих: естественного и миграционного прироста, а также административно-территориальных преобразований¹⁰.

Начавшаяся в 1992 г. естественная убыль стала основным долговременным фактором уменьшения числа горожан. Зафиксированный данными текущего учета в 1992 г. миграционный отток из городских поселений лишь усугубил его сокращение. Однако более существенную роль сыграло такое новое по сравнению с практикой предшествующих десятилетий явление, как преобразование городских поселений — главным образом поселков городского типа — в сельские населенные пункты (рис. 1.10, а). В отдельные годы — 1991—1992 и 2004 — оно принимало массовый характер, хотя одновременно с этим продолжались и обратные преобразования (т.е. сельских поселений в городские).

Суммарные потери городского населения за счет естественной убыли в 1992—2002 гг. составили 6187 тыс. человек (5,7%), а за 2003—2006 гг. — более 2155 тыс. человек (2,0%). Начиная с 2001 г. наблюдалась тенденция снижения естественной убыли горожан: если в 2000 г. она составила 675 тыс. человек (−6,3‰), то в 2006 г. она снизилась до 457 тыс. (−4,4‰).

В результате административно-территориальных преобразований число горожан за 1991—2002 гг. сократилось на 1086 тыс. человек, или на 1% (причем в 1998 г. оно немного увеличилось за счет этого фактора), а за 2003—2006 гг. лишь немногим меньше — на 974 тыс. человек (0,9%). Убыль городского населения по этой причине в 2004 г. превысила его естественную убыль, составив −6,6‰ против −5,1‰.

Миграция продолжала увеличивать численность горожан, хотя в последние годы ее значение заметно снизилось. В целом за 1993—2002 гг. число городских жителей возросло за счет миграционного прироста на 4095 тыс. че-

⁹ Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: В 14 т. Т. 1: Численность и размещение населения / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 7.

¹⁰ При преобразовании сельских поселений в городские или включении их в черту разраставшихся городских поселений их жители, никуда не выезжая, становились горожанами.

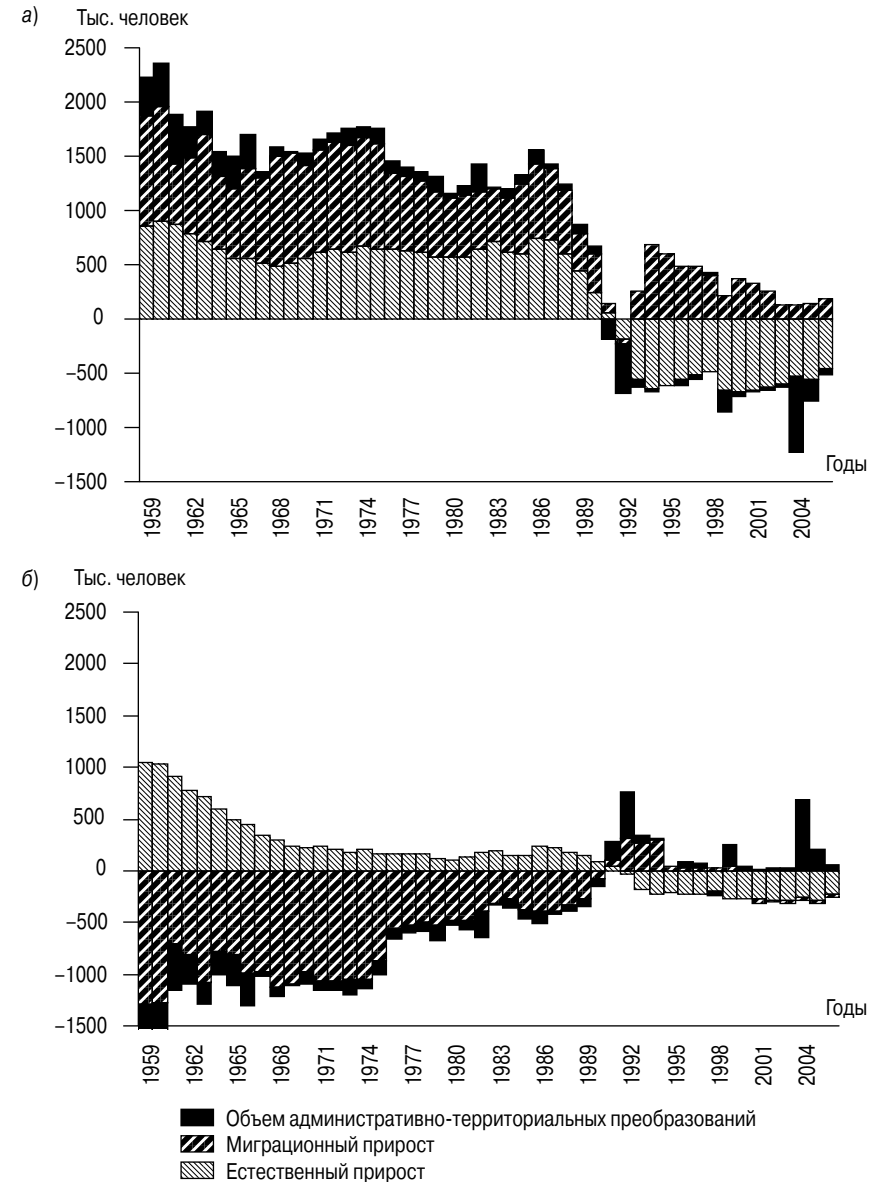

Рис. 1.10. Компоненты прироста (убыли) городского (а) и сельского (б) населения России, 1959—2006 гг.

людек (3,8%), а за 2002—2006 гг. — лишь на 586 тыс. (0,6%). В 2003—2004 гг. миграционный прирост городского населения составлял лишь 1,2‰; в 2005 г. — 1,4; в 2006 г. — 1,8‰.

Сельское население России до начала 1990-х гг. увеличивалось только за счет естественного прироста, который, однако, с лихвой перекрывался более значительным сокращением в результате миграционного оттока населения (кроме 1961 г.). Различные административно-территориальные преобразования также сокращали число сельских жителей в целом по стране (рис. 1.10, б).

Начиная с 1992 г. для сельского населения России, как и для городского, стала характерна естественная убыль, ставшая основным долгосрочным фактором его динамики. За 1992—2002 гг. естественная убыль сельского населения составила 2386 тыс. человек (–6,1%), за 2003—2006 гг. — 1060 тыс. (–2,7%). Интенсивность естественной убыли сельского населения выше, чем у городского, колеблется около уровня –7‰ и только в 2006 г. она снизилась до –6‰.

Новым явлением стал миграционный прирост сельского населения, сохранявшийся на протяжении прошлого десятилетия, но бывший существенным лишь в 1992—1994 гг. В целом за 1991—1999 гг. он составил 1113 тыс. человек (2,9%). С 2000 г. сельское население вновь убывает, хотя и не так интенсивно, как прежде, за счет превышения числа выбывающих над числом прибывающих в сельские населенные пункты. Миграционная убыль в основном не превышает 1‰ в год. Так, в 2004 и 2006 гг. она составляла –0,7‰, в 2005 г. — –0,6‰.

Уменьшение численности горожан в результате административно-территориальных преобразований означало соответствующее увеличение числа сельских жителей в абсолютном выражении, хотя в относительном выражении оно было более значимым — на 2,8% за 1991—2002 гг. и на 2,5% за 2003—2006 гг.

Из-за столь изменчивых тенденций динамики городского и сельского населения доля горожан в общем населении страны, достигнув наибольшего значения — по данным текущего учета в 1991 г. 73,8%, — перестала расти и, колеблясь, снизилась до 73%. Тенденции снижения удельного веса городского населения в России раньше не наблюдалось. Однако этот показатель, хотя и является важной и наиболее часто используемой характеристикой процесса урбанизации, далеко не полностью отражает его существо. Не меньшее значение имеют тенденции расселения по поселениям разного типа и размера.

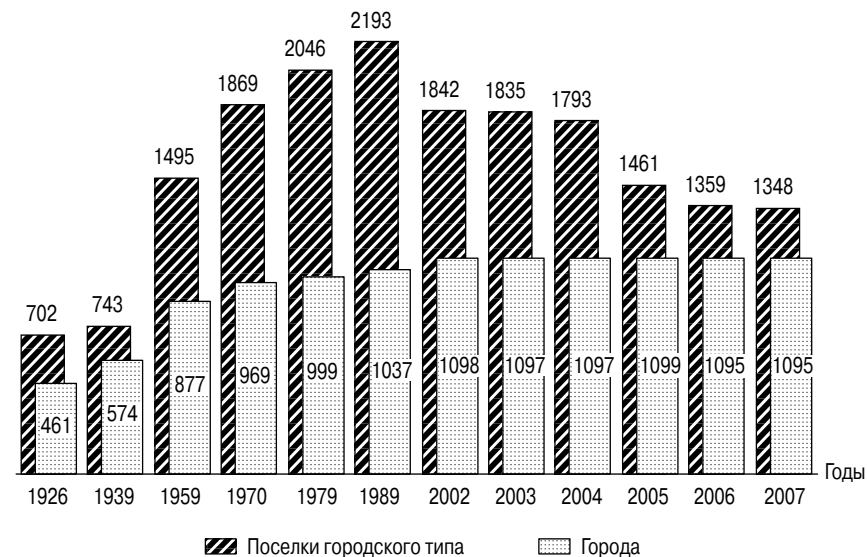

Рис. 1.11. Изменение числа городских поселений России, 1926—2007 гг.

Источники данных для рис. 1.11, 1.12 и табл. 1.5—1.7: Российский статистический ежегодник, 2004. С. 99; Российский статистический ежегодник, 2006. С. 98; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года. С. 40—57.

В России, в отличие от других стран¹¹, к городским поселениям относятся не только города, но и поселки городского типа, совмещающие в себе черты небольших городков и сельских поселений. В советский период быстро росло число обоих типов городских поселений (рис. 1.11). Но если в 1920—1930-е гг. быстрее увеличивалось число городов, то в 1960—1980-е гг. — чис-

¹¹ Само определение городского населения существенно различается по странам. Из 228 стран и территорий мира, по которым эксперты ООН собирают и анализируют статистические данные, примерно в половине используются административные критерии (например, проживание в столице страны или административном центре региона). Среди других стран можно выделить 51 страну, где различие между городским и сельским населением производится исходя из размера (числа жителей) и плотности заселенности населенных мест, и 39 стран, в которых основываются прежде всего на функциональных характеристиках, таких, например, как основные виды экономической деятельности. В 22 странах не используют никаких определений городского населения, а 8 стран относят свое население полностью либо к городскому (например, Сингапур), либо к сельскому (ряд государств Полинезии). По: *Brockerhoff M.P. An Urbanizing World // Population Bulletin. Vol. 55. No 3. September 2000. P. 6.*

ло поселков городского типа. В определенной степени это было связано со стремительным заселением районов нового освоения в Сибири и на Дальнем Востоке (районов нефте- и газодобычи, зоны БАМа и т.д.).

В 1990-е гг., когда экономические реалии, а вместе с ними и направления миграционных потоков резко изменились, многие из этих поселений стали быстро терять население, что нередко служило одним из оснований для изменения их статуса и даже упразднения. Определенную роль сыграла и проводимая реформа местного самоуправления, в соответствии с которой формировались новые муниципальные образования путем объединения нескольких поселений. Во всяком случае, число поселков городского типа стало быстро сокращаться, а число городов продолжало увеличиваться.

Таким образом, за период между переписями 1989 и 2002 гг. впервые произошло сокращение числа городских поселений — с 3230 до 2940. При этом число городов увеличилось на 61, или на 5,9%, а число поселков городского типа сократилось на 351 населенный пункт, или на 16,0%. Но надо понимать, что это лишь общий итог более многочисленных административно-территориальных преобразований, в частности:

- 71 населенный пункт получил статус города (42 поселка городского типа, 20 закрытых административно-территориальных образований¹², получившие географические названия, и девять сельских или вновь зарегистрированных населенных пунктов);
- 10 городов утратили свой статус (девять включены в состав более крупных городов¹³, а один преобразован в сельское поселение¹⁴);
- утратили свой статус 432 поселка городского типа (329 преобразованы в сельские населенные пункты, 42 — в города, 46 — включены в черту других городских поселений или объединены, 15 — упразднены или ликвидированы);
- образован 81 поселок городского типа (в том числе 21 закрытое административно-территориальное образование, которым были присвоены географические названия).

¹² В середине 1990-х гг. большинство закрытых административно-территориальных образований получили «открытые названия» и данные о численности населения в них стали учитываться непосредственно как численность населения отдельных городов или поселков городского типа, а не распределяться по другим территориям страны. См.: *Тихонов В.* Закрытые города в открытом обществе. М.: ИНП РАН, Лаборатория миграции, 1996; *Лапко Г.М., Полян П.М.* Закрытые города России // *Население и общество.* Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИНП РАН. 1997. № 15.

¹³ В 1989 г. г. Нововятск был включен в черту г. Кирова; в 1998 г. города Зеленогорск, Колпино, Кронштадт, Ломоносов, Павловск, Петродворец, Пушкин и Сестрорецк — в черту Санкт-Петербурга.

¹⁴ В 1993 г. г. Лесогорск Сахалинской области.

После переписи населения 2002 г. число городских поселений продолжало сокращаться. На начало 2007 г. оно составило 2443, что на 490 населенных пунктов меньше, чем на дату последней переписи. Продолжалось преобразование поселков городского типа в сельские населенные пункты и включение их в городскую черту более крупных городских поселений, хотя одновременно с этим происходило образование новых поселков городского типа и преобразование поселков городского типа в города. Если в 2003 г. число российских городов уменьшилось за счет преобразования г. Зеленограда в Зеленоградский административный район г. Москвы¹⁵, то в 2004 г. оно увеличилось на два: были преобразованы в города районного подчинения п. Московский в Московской области, пгт. Лаишево в Республике Татарстан и пгт. Тарко-Сале в Ямало-Ненецком автономном округе, а г. Чехов Сахалинской области, напротив, был преобразован в сельский населенный пункт. В 2005 г. число городов сократилось в результате включения в черту г. Норильска Красноярского края городов Кайеркан и Талнах, г. Северо-Задонска — в черту г. Донской Тульской области и преобразования в поселок городского типа г. Приморска Калининградской области.

Из-за быстрого снижения числа поселков городского типа ускорилась наблюдавшаяся уже на протяжении нескольких десятилетий тенденция сокращения доли горожан, проживающих в поселках городского типа. По данным переписей 1926, 1939 и 1959 гг., в таких населенных пунктах проживало около 15% городского населения, но впоследствии их доля стала снижаться, составив в 1970 г. 13,6%; 1979 г. — 12,6; 1989 г. — 12,5; 2002 г. — 9,9; а на начало 2007 г. — 7,9%.

Численность населения, проживающего в городах, за 1989—2002 гг. увеличилась на 1466 тыс. человек (1,6%), а численность проживающих в поселках городского типа, напротив, уменьшилась на 2996 тыс. человек (22,2%). После переписи 2002 г. сократилось и население городов (на 351 тыс. человек, или на 0,4%), но в меньшей степени, чем население поселков городского типа (на 2300 тыс. человек, или на 21,9%). Таким образом, снижение абсолютной и относительной численности горожан происходит в первую очередь за счет сокращения числа поселков городского типа и населения, проживающего в них (рис. 1.12).

Что касается российских городов, их основная масса представлена малыми городами с числом жителей не более 50 тыс. человек (табл. 1.5). Среди них есть даже города-«карлики» — 11 городов с населением до 3 тыс. человек и 24 города с населением от 3 до 5 тыс. человек по состоянию на начало

¹⁵ Зеленоград, население которого насчитывает около 216 тыс. человек, с самого начала подчинялся администрации г. Москвы (ранее Московскому городскому совету), но теперь он утратил статус отдельного города.

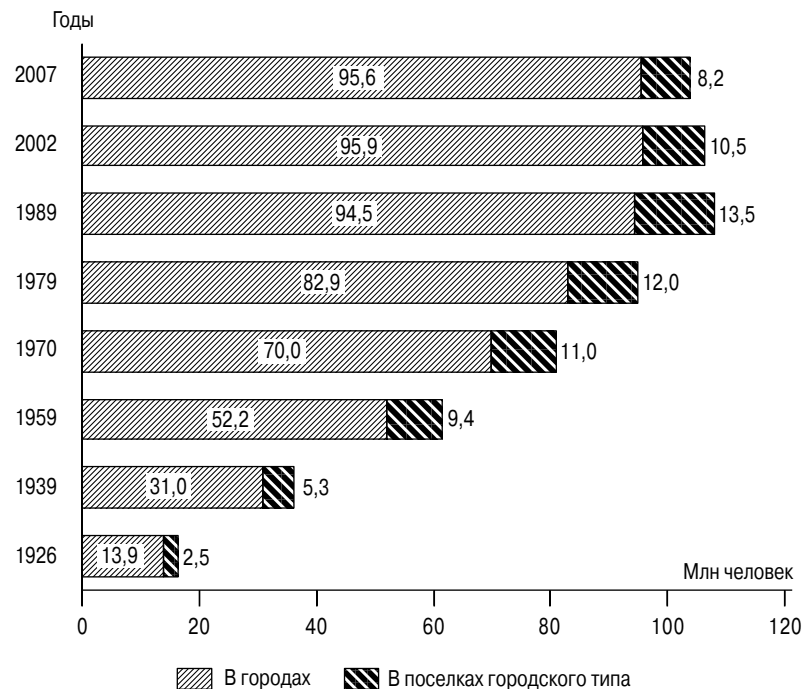

Рис. 1.12. Изменение численности населения городских поселений России, 1926—2007 гг.

2007 г. В этой наиболее многочисленной группе городов растет число городов с населением до 20 тыс. человек и понемногу уменьшается число городов с населением от 20 до 50 тыс. человек.

Рост числа средних и больших городов после переписи 1989 г. затормозился, а по отдельным группам и снизился, прежде всего из-за устойчивой естественной убыли населения.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. группа городов с населением 1 млн человек и более пополнилась за счет Волгограда (см. приложение 2). Однако он вскоре покинул ее вместе с Пермью из-за уменьшения численности постоянного населения.

Среди российских, да и европейских¹⁶ городов своим размером выделяется Москва, число жителей которой превысило 10,4 млн человек, а также

¹⁶ Население других крупнейших агломераций Европы по состоянию на середину 2005 г. не достигало 10 млн человек: в Париже оно составляло 9,8 млн человек;

Таблица 1.5. Группировка городов России по числу жителей

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2007 г.
Всего городов	461	574	877	969	999	1037	1098	1095
В том числе с числом жителей, тыс. человек:								
до 20	334	284	399	389	361	349	410	418
20—49,9	70	180	289	342	348	360	358	356
50—99,9	37	58	97	114	138	163	163	154
100—499,9	18	48	78	107	126	131	134	132
500—999,9	—	2	12	11	18	22	20	—
1 млн и более	2	2	2	6	8	12	13	11

Санкт-Петербург с 4,6 млн жителей. Численность постоянного населения других российских городов-миллионников — Новосибирска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Самары, Омска, Казани, Челябинска, Ростова-на-Дону и Уфы — никогда не превышала 1,5 млн человек.

Группа городов с численностью населения от 500 до 1000 тыс. человек уменьшилась за 1989—2002 гг. за счет Волгограда, на время пополнившего число городов-миллионников, а также Тулы, Томска и Кемерово, перешедших, наоборот, в группу городов меньшего размера — до 500 тыс. человек. Вместе с тем население двух других городов — Тюмени и Липецка — превысило рубеж в 500 тыс. человек. В итоге число городов в этой группе сократилось на два. Однако после переписи 2002 г. она вновь пополнилась за счет Волгограда, Перми, Кемерово и Тулы.

Группу городов меньшего размера — с числом жителей от 100 до 500 тыс. — в период между переписями 1989 и 2002 гг. покинули из-за его снижения Анджеро-Судженск, Воркута, Воткинск, Кинешма, Колпино, Липецк, Магадан, Мичуринск, Тюмень и Усолье-Сибирское. Одновременно она пополнилась за счет увеличивших свое население Батайска, Дербента, Железнодорожного, Зеленодольска, Кызыла, Назрани, Нефтеюганска, Северска, Хасавюр-

Лондоне — 8,5; Мадриде — 5,6; Барселоне — 4,8; Берлине, Риме и Афинах — примерно по 3,3 млн человек; в остальных городских агломерациях — менее 3 млн человек. См.: World Urbanization Prospects: The 2005 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. N.Y., 2006. P. 130—142.

та и Элисты, а также перешедших из разряда более крупных городов Тулы, Томска и Кемерово. В результате общее число городов с населением от 100 до 500 тыс. человек увеличилось на три — со 131 до 134. За период после переписи 2002 г. число городов в этой группе сократилось на два, немного изменился и ее состав. Она пополнилась за счет шести городов, численность населения которых превысила 100 тыс. человек: Артема, Копейска, Магадана, Нового Уренгоя, Ноябрьска и Тобольска. В то же время группу покинуло восемь городов: Зеленоград, ставший административным районом г. Москвы, Кемерово и Тула, повысившие свой ранг по числу жителей, а также Сарапул, Соликамск, Усть-Илимск, Зеленодольск и Глазов, число жителей которых, напротив, опустилось ниже 100 тыс. человек.

Столь противоречивые тенденции изменения численности населения даже крупных городов России были обусловлены как ставшей преобладающей тенденцией естественной убыли населения городов, так и различным сочетанием миграционных потоков и административно-территориальных преобразований.

В период между переписями 1989 и 2002 гг. наиболее значительно увеличилось население ряда городов Северного Кавказа и прилегающих регионов: Назрани (почти в 6 раз), Хасавюрта (на 74%), Махачкалы (на 47%), Дербента (на 29%), а также Кисловодска, Нальчика, Армавира (на 19—23%). Примерно на четверть увеличилось население Старого Оскола и Новороссийска. А наибольшие потери населения понесли Грозный (на 47%), Магадан (35%), Ленинск-Кузнецкий (32%), Мурманск (29%), Петропавловск-Камчатский (28%), Норильск (25%), Северодвинск (21%). И сверхвысокий прирост, и значительные потери населения в этот период были связаны в основном с миграционным оттоком населения.

После переписи 2002 г. значительный рост отдельных городов был связан в первую очередь с административно-территориальными преобразованиями. Так, число жителей г. Копейска Челябинской области, ранее устойчиво сокращавшееся, увеличилось к началу 2007 г. на 88% по сравнению с данными переписи 2002 г. за счет включения в черту города семи поселков городского типа, до 2005 г. подчинявшихся администрации города. Сходными причинами объясняется и резкое увеличение численности городов Артем (на 59%), Норильск (на 55%), Химки, Балашиха, Новый Уренгой (на 24—28% за 2002—2006 гг.). В целом такие тенденции вполне соответствуют природе процессов урбанизации, хотя в ряде случаев они обусловлены скорее не объективными закономерностями развития, а соображениями административной целесообразности. Так или иначе, население продолжало концентрироваться в городах, являющихся более полноценными городскими поселениями в сравнении с поселками городского типа.

Сокращение числа поселков городского типа в период между переписями 1989 и 2002 гг. было наиболее существенным в группе крупных поселений (табл. 1.6). Число же самых малых поселений, в которых проживало не более 3 тыс. человек, оставалось стабильным, но резко снизилось после переписи 2002 г. В итоге существенно уменьшилось число поселков городского типа всех размеров.

Таблица 1.6. Группировка поселков городского типа по числу жителей, по данным переписей и текущего учета

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2007 г.
Всего поселков городского типа	702	743	1495	1869	2046	2193	1842	1348
В том числе с числом жителей, тыс. человек:								
до 3	413	127	302	451	530	595	595	359
3—4,9	141	174	410	507	568	524	393	294
5—9,9	113	269	540	669	655	713	582	478
10—19,9	30	156	221	216	262	321	247	197
20—49,9	5	17	22	26	31	38	25	20
50 и более	—	—	—	—	—	2	—	—

Важно отметить, что в целом сохраняется такая важная тенденция урбанизации, как концентрация населения в больших городах. Несмотря на то что после десятилетий быстрого роста доли проживающих в городских поселениях она практически не изменяется уже 20 лет, доля проживающих в больших городах — с числом жителей 100 тыс. и более — неуклонно возрастает. К началу 2007 г. она достигла 48% общего числа россиян (табл. 1.7). Доля проживающих в городских поселениях меньшего размера была более стабильной на протяжении полувека, в последнее десятилетие она стала снижаться, причем быстрее сокращается доля проживающих в малых городских поселениях (до 50 тыс. жителей). В группе больших городов более стабильна доля населения, сконцентрированная в городах с числом жителей от 100 до 500 тыс., а доля городов-миллионников, возраставшая до 2002 г., в последние годы несколько сократилась в связи с тем, что теряющие население Пермь и Волгоград перешли в группу городов меньшего размера.

Таблица 1.7. Распределение населения России по поселениям разного типа, по данным переписей населения и текущего учета, %

	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2007 г.
Все население России	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Проживает в поселениях:								
сельских	82,3	66,5	47,7	37,8	30,9	26,6	26,7	27,0
городских	17,7	33,5	52,3	62,2	69,1	73,5	73,3	73,0
В том числе с числом жителей, тыс. человек:								
не более 50 тыс.	8,0	12,8	19,7	20,4	19,8	20,0	18,7	17,5
50—99,9	2,7	3,7	5,7	6,1	6,8	7,7	7,6	7,5
100 и более	7,0	17,0	26,9	35,7	42,5	45,8	47,0	48,0
Включая:								
100—499,9	3,1	9,3	13,1	17,9	19,5	19,2	19,6	19,2
500—999,9	—	1,1	7,0	6,4	9,2	9,5	8,5	10,8
1 млн и более	3,9	6,6	6,8	11,4	13,8	17,1	18,9	18,0

1.5. Регионы России существенно различаются по уровню урбанизированности и тенденциям динамики городского и сельского населения

Регионы — субъекты Российской Федерации существенно различаются по уровню урбанизированности и тенденциям изменения численности городского и сельского населения.

Доля населения, проживающего в городских поселениях, неуклонно возрастает в Центральном федеральном округе, в котором она достигла к началу 2007 г. 80,5% против 77,9% в 1989 г. Еще выше она в Северо-Западном федеральном округе — уже в 1989 г. она была более 82% и увеличилась с колебаниями в последующие годы, составив на начало 2007 г. 82,2%. Высоким уровнем урбанизированности отличается также Уральский федеральный округ, в котором доля городского населения увеличилась за 1989—2002 гг. с 80,2 до 80,7%, но к началу 2007 г. снизилась до 79,5%.

Несколько ниже доля горожан в Дальневосточном (74,2% в 2007 г. против 75,9% в 2002 г.), Сибирском (70,7 против 71,2%) и Приволжском (70,1 против 70,8%) федеральных округах.

Самой низкой и при этом устойчиво снижающейся в последние десятилетия долей горожан выделяется Южный федеральный округ, в котором она сократилась с 59,7% в 1989 г. до 56,9% в 2007 г.

По регионам — субъектам Федерации доля городского населения на начало 2007 г. составляла от нуля в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе до 100% в Москве и Санкт-Петербурге. В половине российских регионов ее значение превышало 68,5% (напомним, что в целом по России она составляла 73%).

Если учесть распределение городских поселений по размеру, предстанет еще более пестрая картина (рис. 1.13).

Помимо Усть-Ордынского Бурятского автономного округа, высокой долей сельского населения отличаются Республика Алтай (74%), Корякский автономный округ (73%), Чеченская Республика (66%), Агинский Бурятский автономный округ (63%), а также республики Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкессия и Калмыкия (по 56—57%). Напротив, крайне низкой долей сельского населения отличаются Магаданская (5%) и Мурманская области и Ханты-Мансийский автономный округ (примерно по 9%).

Доля жителей больших городов — с числом жителей 100 тыс. и более — выше всего, помимо Москвы и Санкт-Петербурга, в Самарской (67%) и Ярославской (62) областях, Хабаровском крае, Магаданской, Томской, Кемеровской, Челябинской, Камчатской, Омской и Ульяновской областях (от 56 до 60%). В половине российских регионов — субъектов РФ доля населения, проживающего в больших городах, оставляет от 39% и выше. Однако в восьми регионах — Республике Алтай, Ленинградской области, Усть-Ордынском и Агинском Бурятском, Ненецком, Корякском и Чукотском автономных округах и Еврейской автономной области — таких городов вообще нет и городское население, если оно есть, проживает в поселениях меньшего размера.

Что касается региональной динамики городского и сельского населения, то за период между переписями 1989 и 2002 гг. численность городского населения сократилась по всем федеральным округам, кроме Южного и Центрального, а численность сельского населения — по всем округам, кроме Южного, в котором оно выросло весьма существенно — на 17,8% (табл. 1.8). За период после переписи 2002 г. городское население всех федеральных округов сократилось, а сельское — только в Центральном, Северо-Западном,

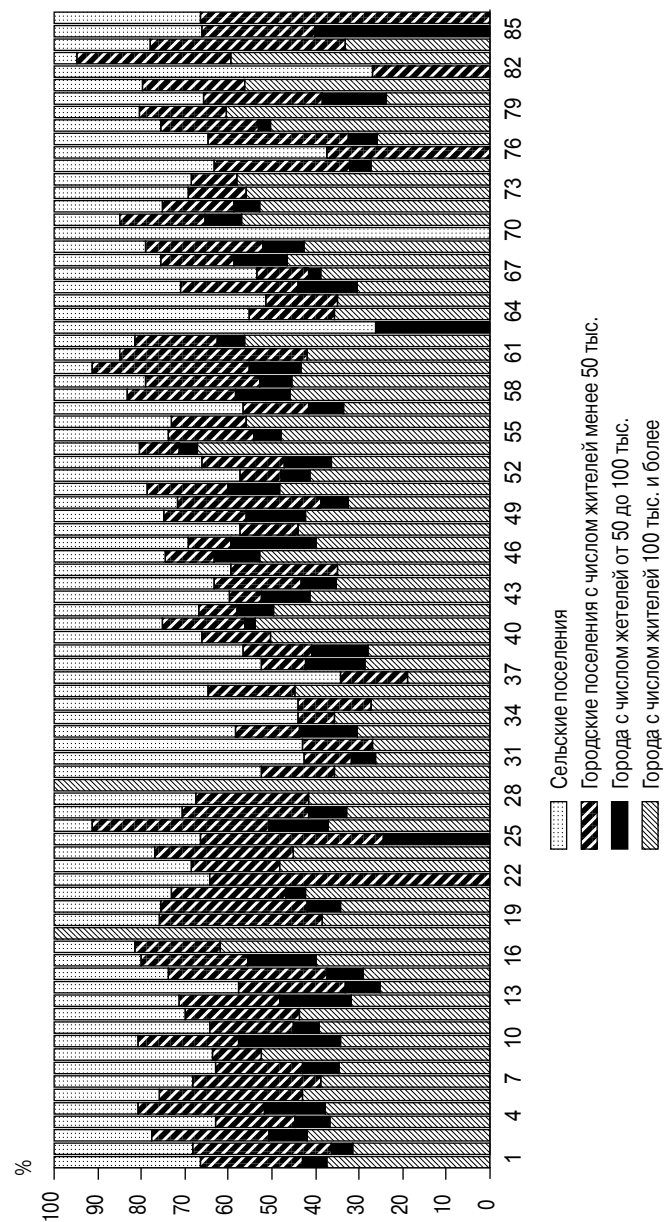

Рис. 1.13. Распределение населения регионов — субъектов РФ* по типам поселений, на начало 2007 г.

* См. сноску к рис. 1.7.

Приволжском и Сибирском федеральных округах. Наиболее интенсивной была убыль городского населения Дальневосточного федерального округа и сельского населения Центрального федерального округа.

Таблица 1.8. Прирост (убыль) численности городского и сельского населения федеральных округов Российской Федерации, 1989—2007 гг., %

	Городское население		Сельское население	
	Между переписями 1989 и 2002 гг.	За 2002—2007 гг.*	Между переписями 1989 и 2002 гг.	За 2002—2007 гг.*
Российская Федерация	-1,4	-2,5	-0,8	-0,8
В том числе федеральные округа:				
Центральный	2,8	-1,3	-9,2	-5,1
Северо-Западный	-8,0	-3,1	-9,5	-2,7
Южный	7,3	-1,5	17,8	0,7
Приволжский	-1,8	-2,8	-2,3	-0,5
Уральский	-0,5	-2,7	-4,0	5,4
Сибирский	-5,7	-2,9	-2,4	-0,9
Дальневосточный	-15,7	-4,9	-16,2	4,2
Европейская часть	0,1	-2,5	0,4	-0,9
Азиатская часть	-7,0	-2,5	-5,3	4,2

* Численность населения на 1 января 2007 г. к численности населения на дату переписи 2002 г. — 9 октября.

В результате доля Центрального федерального округа в сельском населении России сократилась с 26,0% в 1970 г. до 18,8% в 2007 г., а доля Южного округа, напротив, возросла — с 17,3 до 25,5%.

Доли округов в городском населении более стабильны: около 29% сконцентрировано в Центральном, 21 — в Приволжском, 11% — в Северо-Западном федеральных округах. Доля Южного федерального округа в городском населении России увеличилась с 11,4% в 1970 г. до 12,5% на начало 2007 г.

После переписи 2002 г. в основном усугубились тенденции динамики численности городского населения, сложившиеся в последний межпере-

писной период, хотя в некоторых регионах они сменились на прямо противоположные (рис. 1.14, а).

В Центральном федеральном округе продолжало увеличиваться, хотя и с меньшей скоростью, городское население Белгородской области и Москвы, возобновился рост численности горожан в Московской области, причем он был выше, чем в двух других регионах округа.

В Северо-Западном федеральном округе после резкого сокращения за 1989—2002 гг. (на 23%) стало увеличиваться городское население Ненецкого автономного округа, в котором стала наращиваться добыча нефти. Городское население Калининградской и Ленинградской областей, напротив, стало сокращаться.

В Южном федеральном округе сохранялся рост городского населения в республиках Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария и Чечня. В остальных регионах округа число горожан к началу 2007 г. стало меньше, чем было зафиксировано переписью 2002 г., хотя для некоторых из них в 1989—2002 гг. был характерен значительный прирост горожан.

В Приволжском федеральном округе рост городского населения сохраняется только в Республике Татарстан, в Уральском федеральном округе — в Тюменской области и входящих в нее автономных округах.

В Сибирском федеральном округе за время после переписи 2002 г. увеличилось число городских жителей в республиках Алтай и Тыва, в Агинском Бурятском автономном округе и минимально — в Томской области.

В Дальневосточном федеральном округе небольшой прирост горожан был зафиксирован только в Республике Саха (Якутия). Остальные регионы продолжали терять население своих городских поселений.

В итоге, если между переписями 1989 и 2002 гг. увеличение городского населения произошло в 29 из 89 регионов — субъектов Федерации, то после переписи 2002 г. — только в 17 из 86.

Многочисленные преобразования поселков городского типа в сельские населенные пункты особенно заметно отразились на изменении численности сельского населения отдельных регионов (рис. 1.14, б).

Так, сельское население Сахалинской области за период после переписи 2002 г. увеличилось на 59%, Свердловской области — на 36, Республики Башкортостан, Кемеровской области, Приморского края, Республики Бурятия — на 9—11%. Вместе с тем продолжалось интенсивное сокращение численности сельских жителей в Магаданской области (–37%), Корякском автономном округе (–11%) и ряде областей Европейского центра.

В целом за 1989—2002 гг. сельское население выросло в 26 из 89 регионов — субъектов Федерации, а за 2002—2007 гг. — в 25 из 86.

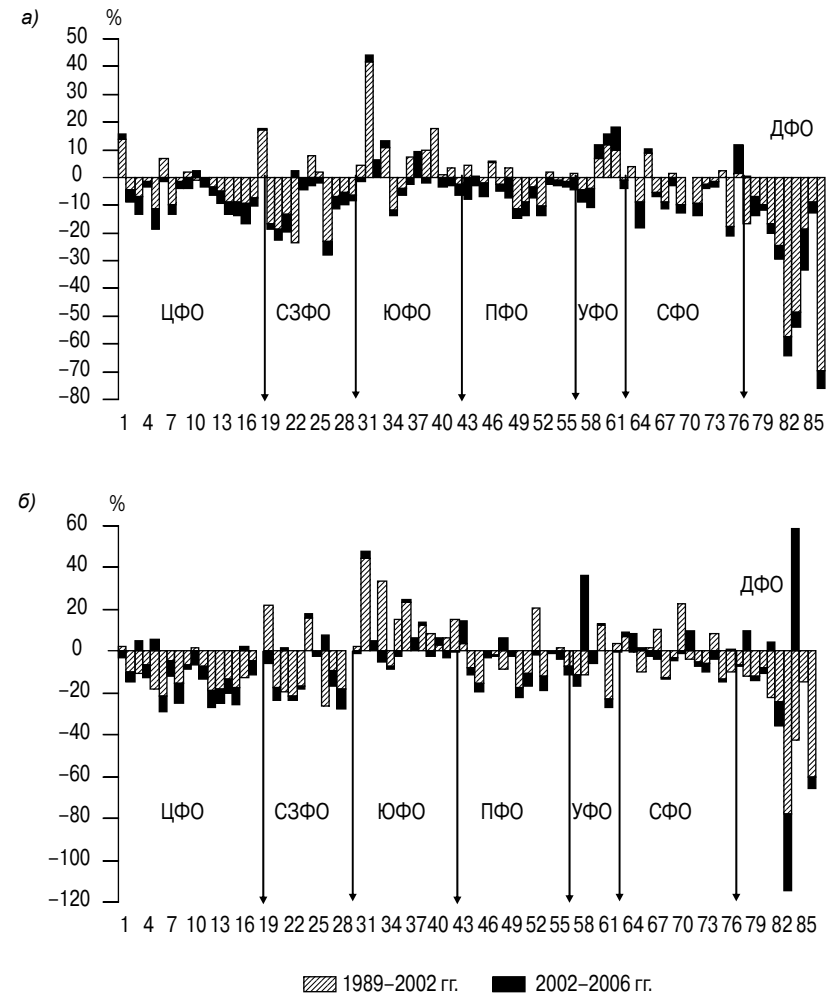

Рис. 1.14. Прирост (убыль) численности городского (а) и сельского (б) населения регионов — субъектов РФ* в период между переписями 1989 и 2002 гг. и после переписи 2002 г. (численность на начало 2007 г. к численности по переписи 2002 г.)

* См. сноску к рис. 1.7.

Региональная динамика городского населения определяется главным образом устойчивой тенденцией естественной убыли населения, сложившейся в большинстве регионов и не компенсируемой миграционным приростом. Миграционный потенциал села, в предыдущие десятилетия отдававшего свое избыточное население в города, уже исчерпан. При этом далеко не все городские поселения и регионы в целом привлекательны для мигрантов, более того, сформировались зоны устойчивого оттока населения. Ставшие массовыми преобразования не вполне сформировавшихся городских поселений в сельские усугубляли эту ситуацию, причем нередко очень значительно, хотя в отдельных регионах они продолжали действовать как фактор увеличения городского населения (рис. 1.15, а).

За счет естественного прироста после переписи 2002 г. увеличилось городское население 13 регионов, в наибольшей степени — в республиках Чечня (на 10,6% за 2003—2006 гг.), Ингушетия (4,5%) и Дагестан (3,4%), а также в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском и Агинском Бурятском автономных округах (примерно по 3%).

За счет миграционного прироста увеличилось число горожан в 47 регионах — субъектах Федерации. Особенно значительным он был в Агинском Бурятском автономном округе (на 7,4% за 2003—2006 гг.), Московской (3,7%) и Белгородской (3,3%) областях, Ямало-Ненецком автономном округе (3,1%). Миграционные потери горожан были наиболее велики в Чукотском (5,7%) и Корякском (4,6%) автономных округах и Магаданской области (4,5%).

Заметный прирост городского населения за счет административно-территориальных преобразований произошел в Кабардино-Балкарской Республике (на 3,4%), Московской области (1,9%), Ямало-Ненецком автономном округе (1,7%). В то же время в Сахалинской области за счет этого фактора число горожан снизилось на 10,4%, в Республике Башкортостан — на 7,2%, в Чувашии, Бурятии и Свердловской области — на 6% и более.

Для сельского населения эти преобразования, как уже говорилось, были более значимыми. Так, в той же Сахалинской области они обеспечили увеличение сельского населения на 68%, хотя при этом оно сократилось за счет миграционного оттока на 6,4% и за счет естественной убыли на 2,7% (рис. 1.15, б). Сельское население Свердловской области увеличилось за счет административно-территориальных преобразований на 41%, Приморского края, Ивановской и Кемеровской областей, Республики Башкортостан — на 13—14%. Всего за счет данного фактора сельское население увеличилось за 2003—2006 гг. в 49 регионах. В 24 регионах он не сыграл никакой роли, в 11 регионах — действовал в сторону сокращения численности сельских жителей.

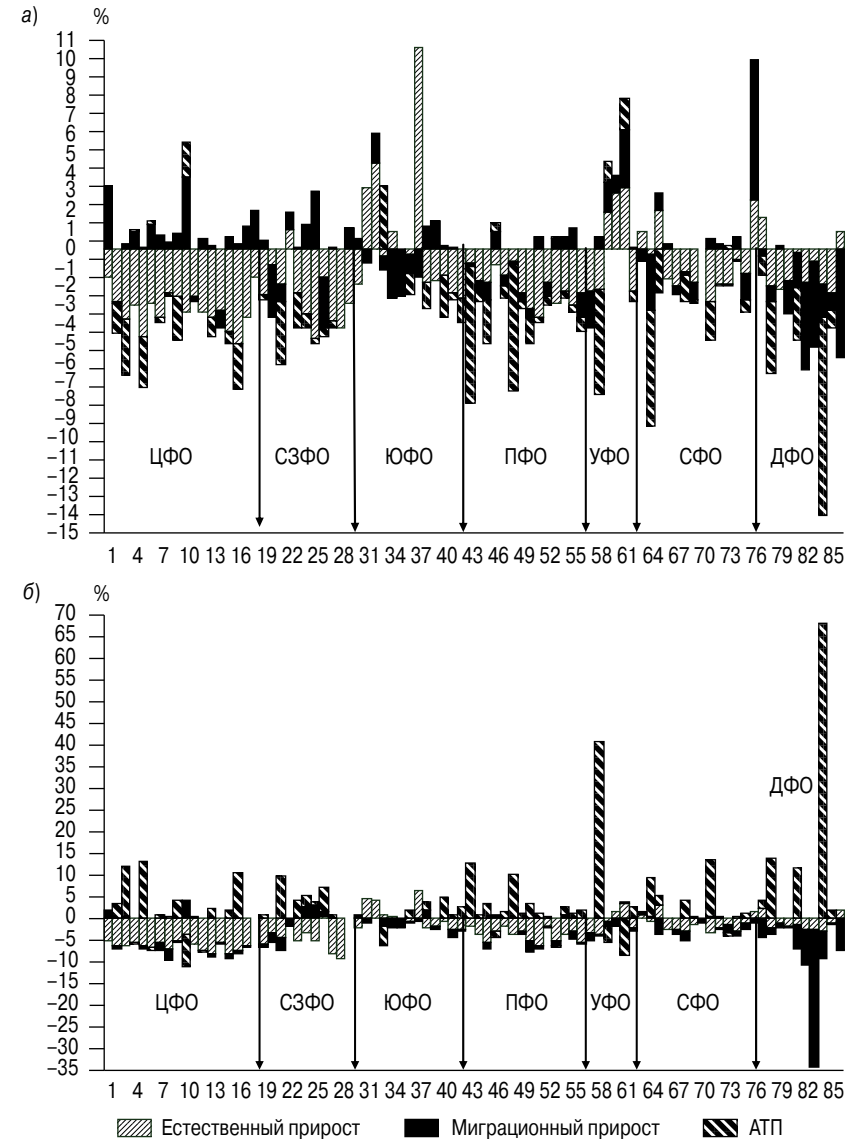

Рис. 1.15. Компоненты прироста (убыли) численности городского (а) и сельского (б) населения регионов — субъектов РФ* за 2003—2006 гг., (численность на начало 2007 г. к численности на начало 2003 г.)

* См. сноску к рис. 1.7.

В 25 регионах сельское население после переписи 2002 г. увеличивалось за счет миграционного притока. Наиболее значительным он был в Московской (4,2%), Ленинградской (3,1%), Калининградской (3,1%) и Белгородской (1,9%) областях, а также в Краснодарском крае (2,1%). Миграционная убыль по-прежнему была наиболее значительной в Магаданской области (–32%), а также в Корякском и Чукотском автономных округах, Сахалинской и Камчатской областях (от –6 до –8%).

Естественная убыль сельского населения наблюдалась в большинстве российских регионов. Наиболее интенсивна она, как и прежде, в Псковской, Смоленской, Тверской и Новгородской областях (более чем на 8% за 2003–2006 гг.). Естественный прирост на селе сохранялся в 15 регионах. Больше всего за счет этого фактора увеличилось сельское население республик Чечня (на 6,5%), Дагестан (4,5%) и Ингушетия (4,4%).

2. Возрастной состав населения России

2.1. Российская возрастная пирамида предопределяет волнообразные изменения демографических показателей

Возрастно-половая структура населения — результат длительной истории изменений рождаемости, смертности и миграции вследствие как нормальной исторической эволюции этих процессов, так и демографических катастроф. Возрастная пирамида населения России (рис. 2.1) до сих пор хранит память о последствиях Второй мировой войны. Даже в 2006 г. ее контур был очень сильно изломан. Но, кроме того, на контуре пирамиды отложились четкие следы высокая смертность взрослых мужчин, общая тенденция к снижению рождаемости четырех последних десятилетий и ее конъюнктурные колебания в последней четверти века.

Переход от высокого к низкому, а с 1990-х гг. и к очень низкому уровню рождаемости обусловил старение населения России: с 1959 по 2005 г. его медианный возраст повысился на 10 лет и достиг 34 лет у мужчин и 40 лет у женщин, доля лиц пенсионного возраста¹ (оба пола) увеличилась с 12 до 20%, а доля детей сократилась с 31 до 17%. Удельный вес населения в трудоспособном возрасте вырос на 5 пунктов и достиг 63%. Благодаря этому общая демографическая нагрузка снизилась за период на 12 пунктов. Вследствие изрезанности пирамиды населения России показатели менялись во времени неравномерно — волнами. Особняком стоит последний период — период явной депопуляции.

Сначала убыль населения России охватила детский контингент (рис. 2.2), численность которого стала уменьшаться с 1992 г. и к 2006 г. сократилась на 12 млн человек; с 1998 г. убыль населения затронула пенсионный возраст (–1,4 млн человек за 1997–2005 гг.), и только численность населения рабочего возраста продолжала расти.

Однако 2006 г. — последний год этого роста. В 2007 г. возобновился рост числа пожилых и началась убыль населения в рабочем возрасте, а после 2010 г. в период увеличения численности вступит детский контингент. Согласно среднему варианту демографического прогноза до 2025 г., выполненного Росстатом, первые две тенденции сохранятся по крайней мере в течение всего прогнозного периода, а число детей до 16 лет будет продолжать уве-

¹ Здесь используются принятые в России критерии отнесения к рабочим возрастам: 16–59 лет у мужчин и 16–54 года у женщин.

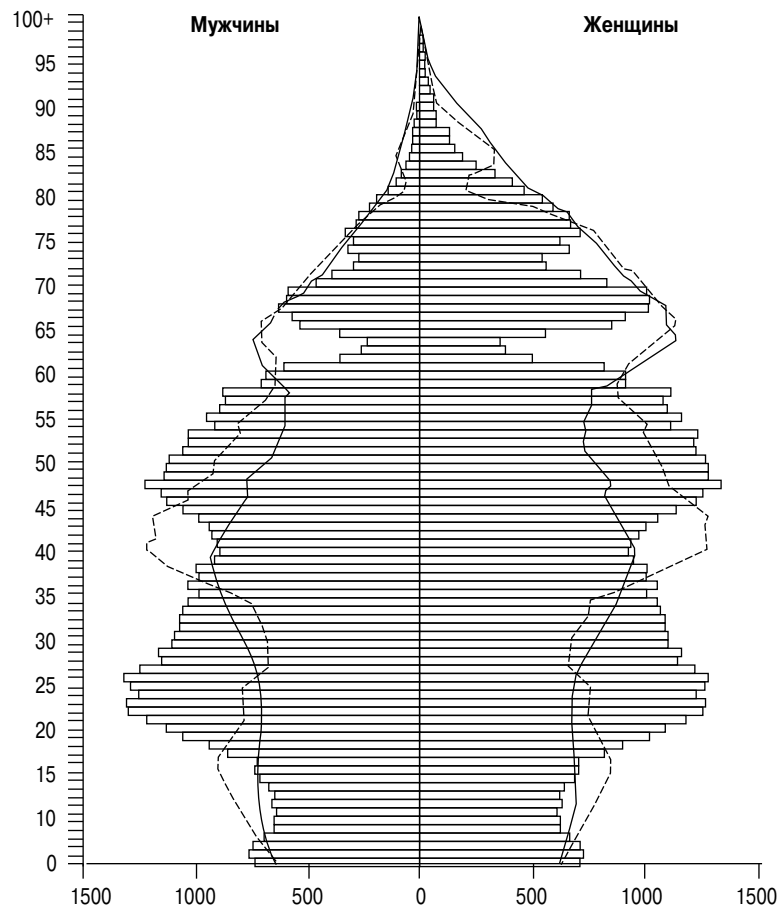

Рис. 2.1. Возрастная пирамида населения России в 2006 г. (столбики) и согласно среднему варианту прогноза Росстата в 2025 г. (пунктирная линия) и в 2050 г. (сплошная линия), тыс. человек

личиваться до 2022 г., после чего и оно начнет снижаться. Прогнозируемые изменения в численности населения этих трех возрастных групп, предопределенные существующей возрастной структурой, будут происходить, как и в 1993—2005 гг., на фоне общей убыли населения. Но если в прошедшем периоде соотношение между возрастными группами менялось в основном за счет снижения числа детей, то в предстоящем оно будет меняться за счет

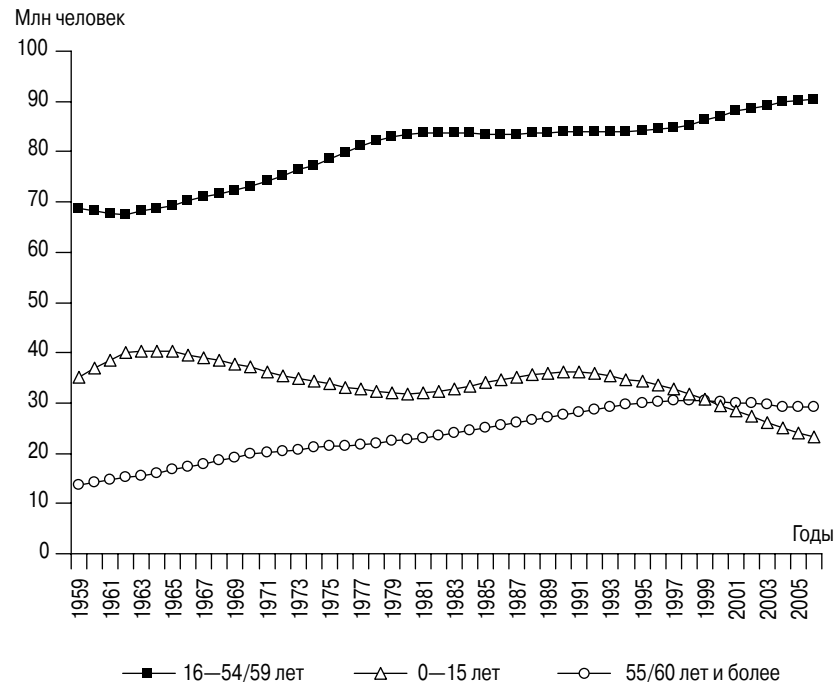

Рис. 2.2. Число лиц в рабочем возрасте, детей до 16 лет и пожилых, оба пола, 1959—2006 гг.

снижения числа лиц в рабочем возрасте. Это качественно различные ситуации, поэтому рассмотрим эти два периода подробнее.

2.2. Демографический дивиденд от изменения возрастной структуры исчерпывается

В 1990—2005 гг. снижение числа детей сопровождалось ростом численности взрослого населения, поэтому пропорции трех крупных возрастных групп менялись очень быстро, что и привело к композиционному сдвигу в демографической нагрузке. С 2001 г. в ней стали преобладать пожилые, а резкое падение показателя нагрузки детьми привело к снижению общей демографической нагрузки (рис. 2.3), и Россия вступила в кратковременную полосу получения «демографического дивиденда» (бонуса), выигрыша, получаемого всеми странами при снижении рождаемости.

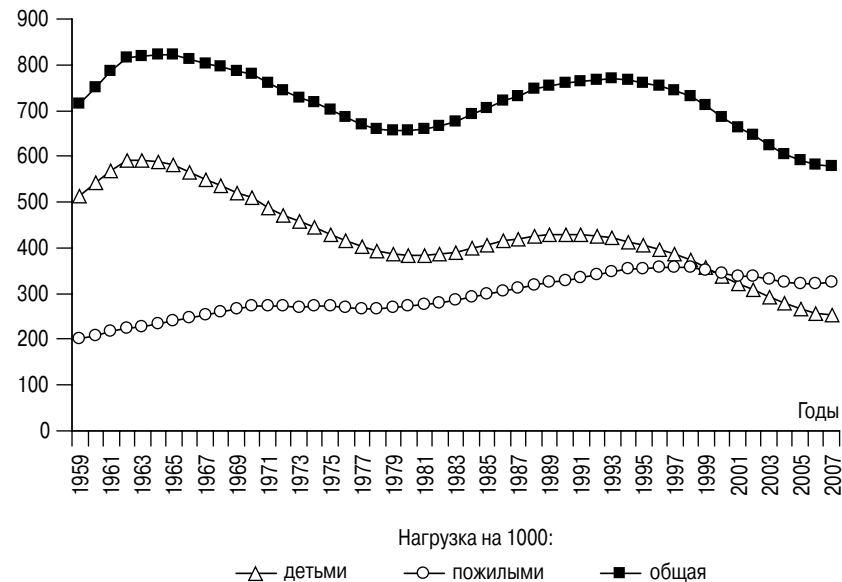

Рис. 2.3. Демографическая нагрузка детьми до 16 лет и пожилыми (женщины 55 лет и старше, мужчин 60 лет и старше) на 1000 человек трудоспособного возраста, 1959—2007 гг.

Основная часть получения дивиденда выпала на 1999—2006 гг., когда вступили в рабочий возраст многочисленные поколения 1980-х и покинули его поколения, рожденные в 1940-х. Благодаря действию этой очередной демографической волны (предыдущая прокатилась в 1965—1980 гг.) к снижению нагрузки детьми добавилось снижение нагрузки пожилыми, а общая нагрузка упала сразу на 13 процентных пунктов (за 1993—1998 гг. — только на 4 пункта), придя к своему самому низкому за всю историю уровню (580 лиц в возрасте иждивения на 1000 лиц рабочего возраста в 2006 г. против 655 в 1980 г.).

Как показывает динамика медианного возраста (рис. 2.4), получение демографического дивиденда сопровождается дальнейшим старением населения, причем увеличение медианного возраста с 33,1 до 37,4 года в 1990—2006 гг. происходило вследствие не только изменений пропорций детского и пенсионного контингентов, но и старения самого населения в рабочем возрасте.

Сравнение медианного возраста всего населения в целом и его трудоспособного сегмента иллюстрирует еще одну особенность изменения воз-

растной структуры населения России в первый период убывли численности ее населения. Увеличение численности населения в трудоспособном возрасте, что само по себе привело к получению демографического дивиденда, сопровождалось, если использовать принятые в России границы трудоспособного возраста (16—54 года для женщин и 16—59 лет для мужчин), его омоложением (рис. 2.4).

Вопрос о перспективных изменениях возрастного состава населения России анализируется в гл. 7 настоящего доклада. Прогноз Института демографии ГУ ВШЭ, как, впрочем, и прогноз Росстата, показывает, что в 2006 г. Россия еще не исчерпала свой демографический дивиденд, но была очень близка к этому. В 2007 г. уровень общей нагрузки достигает абсолютного минимума, а трудоспособное население еще немного молодеет. Однако затем начнется новый виток демографического развития, на котором трудо-

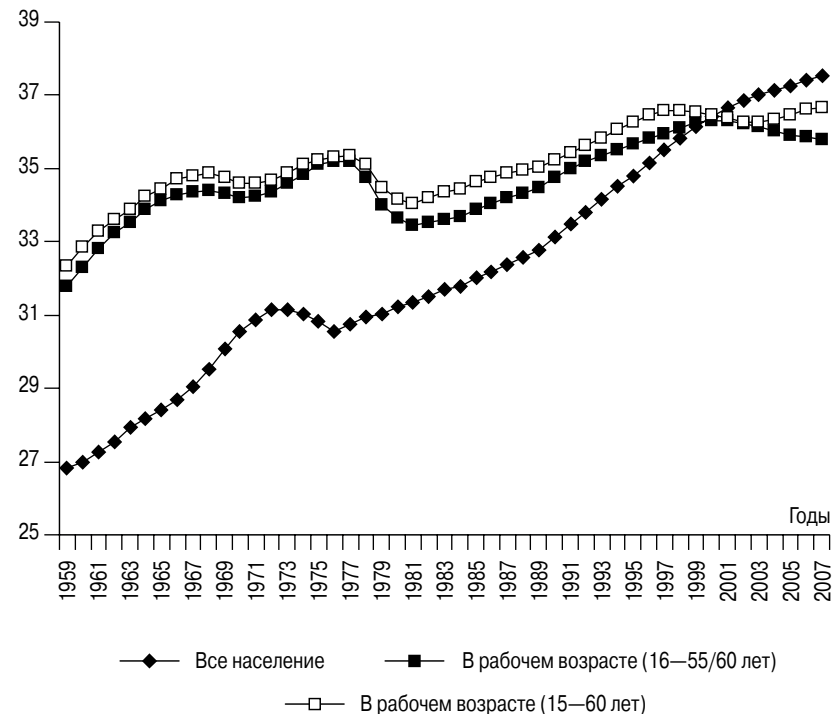

Рис. 2.4. Медианный возраст населения в целом и его трудоспособной части в двух вариантах границ (15—59 лет для обоих полов, 16—54 года для женщин и 16—59 лет для мужчин), 1950—2007 гг.

способное население снова будет стареть, общая нагрузка — быстро расти, так что к 2020 г. она выйдет на уровень начала 1990-х. На этом этапе убыль трудоспособного населения становится быстрой и неизбежной.

В ближайшие 30 лет медианный возраст населения России будет продолжать быстро увеличиваться, перейдя границу, пролегающую между зрелой возрастной структурой населения и старой. (Этот переход иллюстрирует рис. 2.1.) К 2025 г. пирамида 2006 г. трансформируется за счет снижения численности молодых людей в возрастах 15—30 лет и увеличения численности пожилых. В следующие 25 лет при некотором увеличении числа пожилых несколько уменьшится число детей, но основное сокращение снова произойдет среди трудоспособного населения: на этот раз в возрастах от 35 до 55 лет.

Таким образом, в настоящее время Россия завершает этап депопуляции с демографическим дивидендом, на котором убыль общей численности населения сопровождается ростом общей численности населения в трудоспособном возрасте, и находится в преддверии нового этапа, на котором убыль трудоспособного населения становится неизбежной и довольно быстрой. В результате к середине 2020-х гг. уровень общей демографической нагрузки превзойдет тот, что наблюдался в 1993 г., и вплотную приблизится к максимальному, наблюдавшемуся в начале 1960-х, но население будет гораздо старше, так как процесс его старения не прекратится.

2.3. Население России — не самое старое в Европе

Россия не относится к числу стран с самым старым населением: большинство европейских населений старше. Согласно последним данным, опубликованным на сайте ООН², в 2006 г. среди 228 стран мира по доле лиц в возрасте 60 лет и старше Россия занимала 44-е место, по показателю медианного возраста — 33-е, а по индексу старения — 30-е³. Как показывают рис. 2.5—2.7, в настоящее время по степени старения население России несколько моложе населения Восточной Европы⁴, но существенно моложе населения остальных европейских стран и Японии. Что касается сравнения

² World population ageing 2007. Summary Tables: Table A.III.4: p. 64, Table A.III.5: p. 66, Table A.III.6: p.68 (http://www.un.org/esa/population/publications/WPA2007/SummaryTables_new.pdf).

³ В данном случае это отношение числа пожилых в возрасте 60 лет и старше к числу детей в возрасте до 15 лет.

⁴ Поскольку Россия входит в регион Восточной Европы, ее показатели влияют на показатели по этому региону в целом. Если сравнить Россию с остальными государствами этого региона, то за исключением Молдавии и Польши она выглядит по этим показателям моложе.

с США, то медианный возраст в России выше, доля пожилых (60 лет и старше) — примерно такая же, а доля самых старых (80 лет и старше) — ниже. Именно по последнему показателю различия между Россией и остальными странами наиболее велики (см. также табл. 2.1). Два фактора способствуют более низкой доле в возрастах 80 лет и старше: высокая смертность на протяжении четырех последних десятилетий и людские потери поколений, принимавших активное участие во Второй мировой войне. Оба фактора важны в первую очередь для мужского населения. Не удивительно поэтому, что Россия отличается самым низким соотношением полов в старших возрастах (табл. 2.1). Высокий уровень овдовения в сочетании с огромным дефицитом мужчин старше 60 лет приводит к тому, что в России отмечается самая низкая среди сравниваемых стран доля состоящих в браке женщин. Тем не менее, за исключением Японии, стран Южной и Восточной Европы, одиноко проживающие пожилые женщины в России встречаются реже. По доле занятых среди пожилого населения Россия ничем не уступает другим регионам Европы, но значительно проигрывает Японии и США.

Благодаря относительной молодости своего населения Россия имеет и самые низкие уровни демографической нагрузки (рис. 2.8). Если нагрузка пожилыми на протяжении более полувека была одной из самых низких сре-

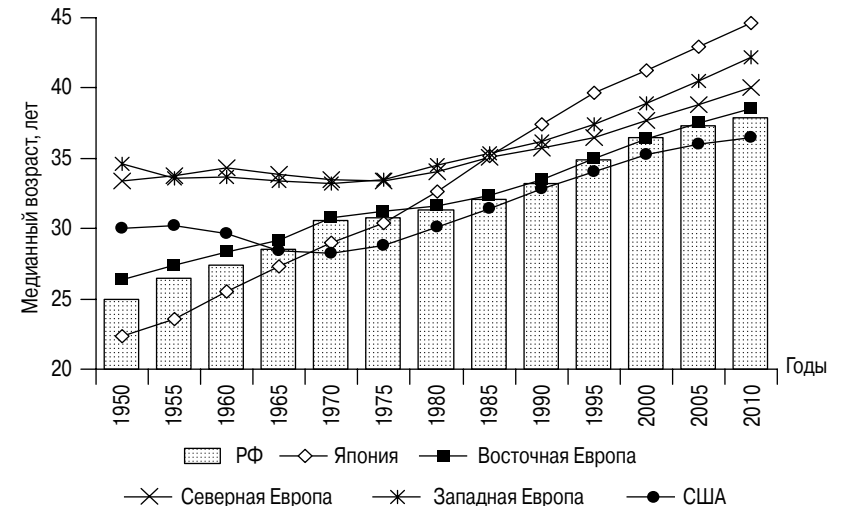

Рис. 2.5. Медианный возраст населения России и некоторых других стран и регионов

Источник: База данных отдела населения ООН: WPP 2006.

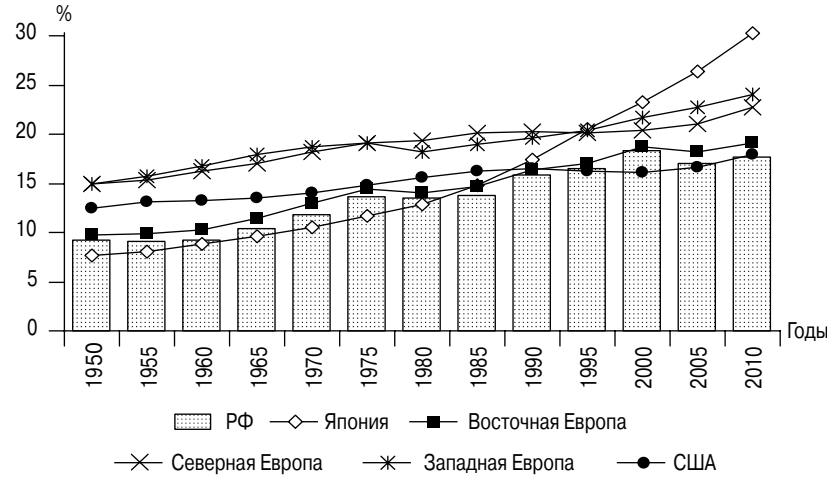

Рис. 2.6. Доля населения в возрасте 60 лет и старше в России и некоторых других странах и регионах

Источник: База данных отдела населения ООН: WPP 2006.

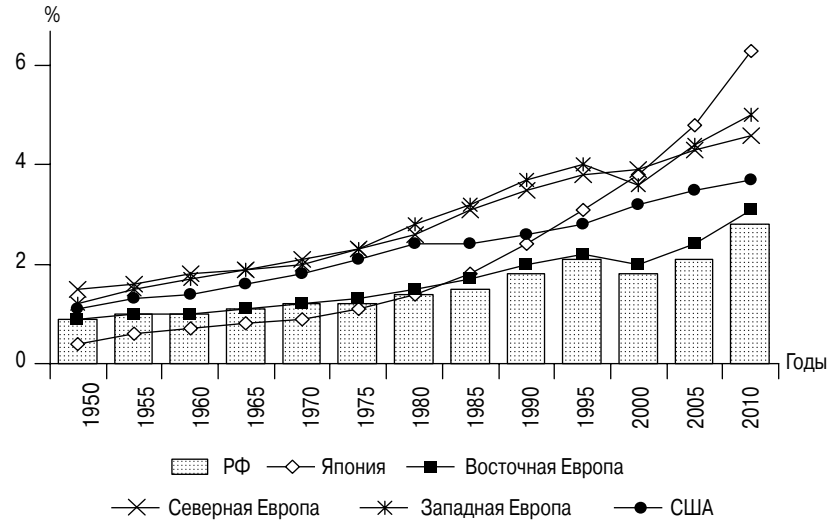

Рис. 2.7. Доля населения в возрасте 80 лет и старше в России и некоторых других странах и регионах

Источник: База данных отдела населения ООН: WPP 2006.

Таблица 2.1. Характеристики населения в возрасте 60 лет и старше, 2006 г.

Страна / регион	Доля населения в возрасте 60 лет и старше, %				Продолжительность жизни в возрасте 60 лет, в годах		
	во всем населении	населения 80 лет и старше	состоящих в браке, мужчины/женщины	одиноких, мужчины/женщины	на 100 женщин		
					60+	80+	
Северная Европа	21	21	74 / 50	21 / 44	20 / 8	19	23
Южная Европа	23	19	81 / 48	9 / 26	16 / 6	20	24
Западная Европа	23	20	76 / 45	15 / 43	11 / 5	20	25
Восточная Европа	18	14	83 / 47	11 / 31	16 / 7	15	19
Россия	17	14	77 / 36*	10 / 31	20 / 9	14	19
США	17	21	75 / 48**	15 / 35	30 / 19	20	24
Япония	27	19	86 / 53**	13***	41 / 19	22	27

*Расчет по данным переписи 2002 г. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. Табл. 3). В источнике (публикации ООН) указано 87/53.

** 1995 г. или позже.

*** Для обоих полов.

Источник: UN. Population Ageing 2006 (Wall Chart) (<http://www.un.org/esa/population/publications/ageing/ageing2006.htm>).

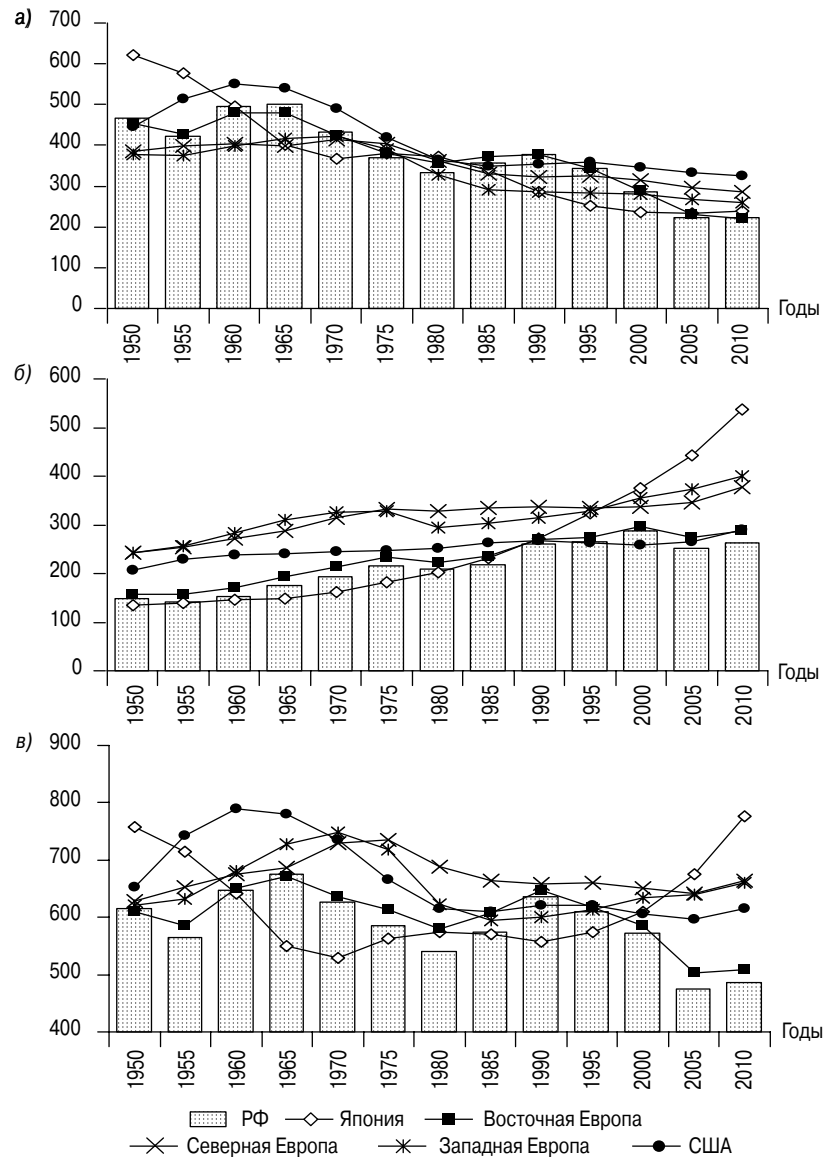

Рис. 2.8. Демографическая нагрузка детьми до 15 лет (а), пожилыми 60 лет и старше (б) и общей на 1000 населения в возрасте 15–59 лет в России и некоторых других странах и регионах

Источник: База данных отдела населения ООН: WPP 2006.

ди сравниваемых стран и регионов, то нагрузка детьми, напротив, вплоть до начала 1990-х гг. была одной из самых высоких. Именно резкое падение нагрузки детьми в 1990-х гг. привело к тому, что сейчас показатель общей нагрузки в России стал самым низким для рассматриваемой группы за весь период, начиная с 1950 г. Как следует из рис. 2.8, в, на котором приведена динамика общей нагрузки, все сравниваемые страны и регионы уже исчерпали свой демографический дивиденд от снижения рождаемости и теперь синхронно вступают в противоположную фазу.

2.4. Детерминанты старения и потенциальный возраст

То, что Россия относительно молода на фоне большинства европейских государств, отчасти связано с низкой продолжительностью жизни в России. Старение населения России происходит только снизу, т.е. за счет низкой рождаемости. Смертность вносит свой вклад в старение населения, во-первых, если больше людей доживает до старших возрастов и, во-вторых, если увеличивается продолжительность жизни старых людей. При выполнении первого условия в результате общего сдвига в возрастном распределении смертности к старшим возрастам кривая дожития постепенно приближается к прямоугольной форме («ректангуляция» кривой дожития). Как показано на рис. 2.9, за почти 50 лет кривая дожития населения Россия не сдвинулась ни на йоту в сторону ректангуляции, напротив, она стала более полой. При этом дожитие женщин до возраста 60 лет осталось на уровне середины 1950-х, а у мужчин даже заметно снизилось. Следовательно, этот фактор — увеличение числа доживающих до старших возрастов — никак не мог привести к старению российского населения. То же самое можно сказать и в отношении второго фактора — увеличения продолжительности в возрасте 60 лет, ибо за период с 1956 г. уровень этого показателя имел тенденцию к снижению (рис. 2.10).

На процесс старения населения может влиять и миграция, а на сравнительно коротких по демографическим меркам отрезках времени — начальная возрастная структура. Анализ, выполненный демографами ООН⁵, показал, что вклад миграции в изменение возрастной структуры населения развитых стран с 1950 по 2000 г. был ничтожно мал. В то же время эффект от воздействия начальной возрастной структуры был направлен на увеличение доли населения в старших возрастах (+2 процентных пункта увеличения удельного веса пожилых за период) за счет ее уменьшения в трудоспособных (соответственно –2 процентных пункта в удельном весе населения от

⁵ The diversity of changing population age structure in the world. UN/POP/PD/2005/1, 25 August, 2005. P. 14–18.

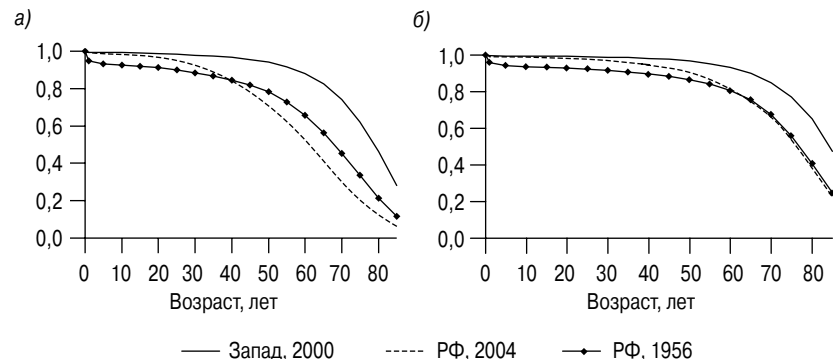

Рис. 2.9. Возрастные кривые дожития мужчин и женщин в России в 1956 и 2004 гг. в сравнении с усредненной современной кривой дожития мужского (а) и женского (б) населения 16 западных стран

Источник: расчеты для западных стран на основе базы данных по причинам смерти ВОЗ, для России — на основе данных Росстата.

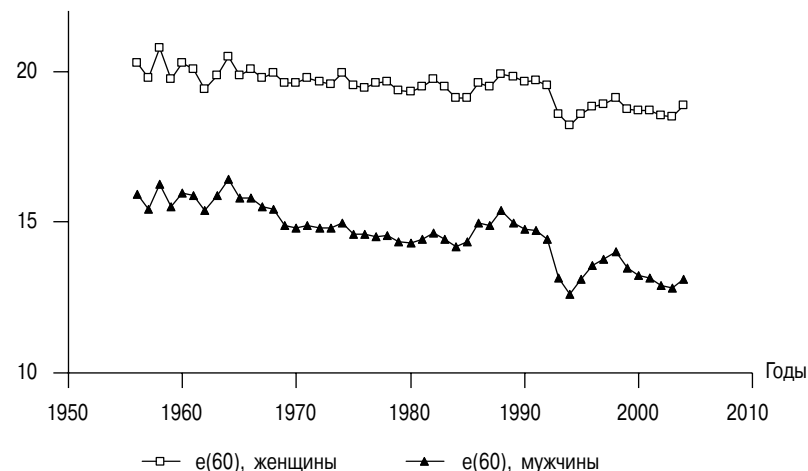

Рис. 2.10. Продолжительность жизни в возрасте 60 лет мужчин и женщин России в 1956—2004 гг.

Источник: расчеты на основе данных Росстата.

15 до 60 лет). Это влияние несопоставимо мало по сравнению с влиянием, оказанным на старение населения развитых стран динамикой рождаемости, из-за снижения которой доля населения в детских возрастах снизилась на 9 пунктов, в рабочих — выросла на 5, а в старших — на 4 пункта. Кроме того, говоря о влиянии начальной возрастной структуры на ее же последующие изменения, следует учитывать, что она сама есть результат предшествующей эволюции рождаемости и смертности. С этой точки зрения сложившаяся к 1950 г. возрастная структура населения развитых стран, проанализированная демографами ООН, — в основном плод снижения рождаемости. Что касается вклада смертности в процесс старения населения стран этой группы, то он был абсолютно идентичен вкладу начальной возрастной структуры (+2 процентных пункта в доле населения 60 лет и старше и -2 пункта в доле трудоспособного населения). Но это относится только к тем западным странам, в которых начиная с 1970-х гг. кривая дожития стала приобретать прямоугольные очертания (см. рис. 2.9) и темпы роста продолжительности жизни в старших возрастах опережали темпы роста продолжительности жизни при рождении. В первой половине нынешнего столетия согласно прогнозам ООН вклад смертности в старение населения станет гораздо более заметным, но ключевую роль предстоит играть самой возрастной структуре населения, сложившейся к 2000 г. Тот факт, что старение населения развитых стран в 2000—2050 гг. будет почти целиком обусловлено возрастной структурой населения 2000 г., означает неизбежность и предопределенность этого процесса.

В целом изложенные демографами ООН результаты анализа компонентов изменения возрастной структуры убедительно свидетельствуют о том, что в условиях низкой рождаемости и низкой смертности старение необратимо и мы никогда не вернемся к молодой возрастной структуре населения, которую знали наши предки.

Если старение населения России происходит только снизу, то в большинстве развитых стран уже три десятилетия население стареет и сверху из-за вытеснения смертности в самые старшие возраста. В этом случае, продлевая жизнь людей, снижение смертности старит население. Обычно оба эти аспекта рассматриваются отдельно. Для их объединения Сандерсон и Щербов ввели концепцию перспективного (потенциального) возраста⁶, дополняющую обычно применяемую концепцию ретроспективного возраста. Необходимость нововведения вызвана тем, что вопросы, связанные с забо-

⁶ Sanderson W., Scherbov S. Average remaining lifetimes can increase as human populations age // Nature. 2005. No 435 (7043). P. 811—813. См. также: Никитина С.Ю., Щербов С.Я. Вероятностный прогноз численности населения России // Вопросы статистики. 2007. № 7. С. 6—9.

той о здоровье, выходе на пенсию, наследстве, вопросы потребления и накопления человеческого и имущественного капитала зависят не только от возраста, но и от времени, которое осталось прожить, а потому понимание процесса старения должно учитывать оба этих фактора.

Если ретроспективный, или хронологический, возраст — это число лет, которые человек уже прожил с момента рождения, то потенциальный возраст обращен в будущее и измеряет ожидаемое число лет, которое человеку предстоит прожить. В соответствии с этой концепцией при изучении старения населения обычный показатель медианного (ретроспективного) возраста дополняется показателем потенциального (перспективного) медианного возраста.

Проиллюстрировать концепцию двумерного возраста удобно на примере Японии, в которой произошли значительные изменения по обоим возрастным осям. Так, согласно таблице смертности 1955 г. продолжительность предстоящей жизни 30-летнего японца составляла 39,7 года, по таблице смертности 2002 г. ровно столько же предстояло прожить 40-летнему японцу. Следовательно, несмотря на 10-летнюю разницу в хронологическом возрасте по оси перспективного возраста, т.е. потенциально, они — ровесники. Очевидно, что величина потенциального возраста относительна и зависит от выбора базового года, с которым производится сравнение. Так, если за базу сравнения принять 2002 г., то японец, которому исполнилось 30 лет в 1955 г., будет иметь потенциальный возраст 40 лет, если же сравнивать с 1955 г., то 40-летний японец 2002 г. должен быть приравнен к 30-летнему в 1955 г.

Подобное соотношение реализуется и при оценке потенциального медианного возраста. В 1955 г. медианный возраст мужского населения Японии был равен 23 годам, а ожидаемая продолжительность предстоящей жизни в этом возрасте — 46. Между тем в 2002 г. столько же предстояло прожить японцу в возрасте 33 лет. Следовательно, если принять за базу сравнения 2002 г. (точнее говоря, таблицу смертности мужского населения Японии 2002 г.), то потенциальный медианный возраст мужского населения Японии в 1955 г. был бы равен 33 годам. Иными словами, потенциальный медианный возраст оказывается на 10 лет больше ретроспективного.

Точно так же можно оценить величину этого показателя и для других лет. Оценив обычный и потенциальный медианный возраст за ряд лет, можно сравнить их динамику. Для базового года (в нашем примере это 2002 г.) ретроспективный и потенциальный возраст всегда совпадают. Поскольку в 2002 г. значение медианного возраста равно 40,5 года, то с позиций ретроспективного медианного возраста мужское население Японии постарело за рассматриваемый период на 17 лет, а с позиций потенциального — только на семь благодаря омолаживающему эффекту снижения смертности.

Отражая разные аспекты старения, обе концепции дополняют друг друга и вместе создают целостную картину старения, которое предстает более сложным и неоднозначным процессом: население может стареть по одной и одновременно молодеть по другой оси возраста. Именно это, как показали Сандерсон и Щербов, происходит в большинстве развитых стран в последние десятилетия и согласно прогнозам будет происходить в будущем.

В табл. 2.2 приведена динамика обоих показателей медианного возраста для мужского и женского населения России за 1965—2004 гг. По оси ретроспективного возраста мужское население постарело на 8,6 года, а по оси потенциального — на 16,6 года, а женское соответственно на 8,6 и 10,9 года. Таким образом, тенденции смертности, наблюдаемые в России, приводят к тому, что ее население стареет по оси потенциального возраста быстрее, чем по оси хронологического, т.е. становится старше, чем «по паспорту».

Таблица 2.2. Медианный возраст и потенциальный медианный возраст населения России (за стандарт принят 1965 г.)*

Год	Возраст, лет			Возраст, лет		
	Медианный	Потенциальный медианный	Разница	Медианный	Потенциальный медианный	Разница
	Мужчины			Женщины		
1965	25,5	25,5	0,0	31,6	31,6	0,0
1970	26,0	28,2	2,2	33,5	33,9	0,4
1975	27,1	29,9	2,8	35,3	36,0	0,6
1980	28,2	32,4	4,1	34,7	35,8	1,1
1985	29,5	32,5	3,1	34,7	35,7	1,1
1990	31,0	33,2	2,2	35,6	35,9	0,2
1995	32,5	40,6	8,0	37,2	39,9	2,6
2000	33,8	40,9	7,0	39,0	41,1	2,2
2004	34,1	42,1	8,0	40,2	42,5	2,3
2004—1965	8,6	16,6		8,6	10,9	

* Расчет произведен по отношению к таблице смертности соответствующего пола населения России за 1965 г.

Особенно быстро этот процесс происходил в 1990—2004 гг. За этот период медианный возраст увеличился на 3 года у мужчин и на 4,6 года у женщин, а потенциальный медианный возраст — почти на 9 лет у мужчин и на 6,6 года у женщин. В итоге в 2004 г. потенциальный медианный возраст мужского населения на 8 лет превышал его ретроспективный возраст (34-летний мужчина соответствовал 42-летнему в 1965 г.). У женщин разница не так велика и составляет немногим более двух лет.

Если же за стандарт принять Японию 2002 г., то потенциальный медианный возраст россиян и россиянок в 2004 г. передвинется еще на 9 лет и составит 51 год. Таким образом, имея относительно низкий на фоне других развитых стран медианный возраст (34 года и 40 лет в 2004 г. у мужчин и женщин соответственно), потенциально население России гораздо старше, причем мужское население страны потенциально особенно старо.

2.5. Превращение инерции роста в инерцию убыли

Формируясь в соответствии с историческими изменениями режимов рождаемости, смертности и миграции, возрастная структура населения транслирует их в текущие показатели движения населения, внося тем самым элемент предопределенности или, иначе говоря, инерционности в демографическую ситуацию. Молодые возрастные структуры обладают инерцией роста, т.е. способствуют увеличению численности населения, даже если уровень рождаемости недостаточен для простого замещения поколений, старые — инерцией убыли. Показатель демографической инерции измеряет, во сколько раз изменится численность населения за счет возрастной структуры текущего года, если режимы рождаемости и смертности текущего года станут постоянными, а уровень рождаемость будет обеспечивать простое воспроизводство.

Так, в 1959 г. возрастная структура России обладала значительной инерцией роста (1,34), иными словами, прежде чем общая численность населения стала бы постоянной, благодаря молодой возрастной структуре 1959 г. она увеличилась бы в 1,34 раза. Высоким (1,28) оставался уровень показателя и в 1965 г., когда рождаемость уже опустилась ниже уровня простого воспроизводства. В дальнейшем запасы инерции роста постепенно таяли, но окончательно растаяли спустя еще немало лет. В 1992 г. (первый год естественной убыли населения России) величина показателя находилась уже на отметке 1,02, что было явно мало для компенсации низкого уровня рождаемости, наблюдавшегося в том году, а на следующий год инерция роста сменилась инерцией убыли (0,98). С тех пор возрастная структура населения России накапливает инерцию убыли, величина которой достигла в 2004 г. 0,87. Это

означает, что если бы в одночасье в России установился режим простого воспроизводства (что пока выглядит несбыточной мечтой даже для таких стран, как Франция или Швеция, где рождаемость значительно выше, чем в России), то прежде чем население стабилизировалось бы, его численность сократилась бы на 13%. Следовательно, из-за сопротивления сложившейся в России возрастной структуры населения для того, чтобы убывающее население России вернулось к своей максимальной численности, достигнутой к 1993 г., нужно повысить рождаемость до уровня, заметно превышающего уровень простого воспроизводства.

Показатель инерции отражает степень демографического старения. В отличие от других индикаторов, измеряющих этот процесс (средний или медианный возраст, доля пожилых и т.п.), он позволяет однозначно определить, является население молодым или старым. Население России перешло рубеж демографической старости в 1993 г. и с тех пор продвинулось довольно далеко в этом направлении.

2.6. Текущие изменения возрастного состава становятся крайне невыгодными

Помимо последствий, связанных с закономерной эволюцией возрастной структуры населения, т.е. с ее старением (рост медианного возраста, доли пожилых, сдвиг в композиции демографической нагрузки в пользу пожилых), существенные социальные, экономические и демографические последствия имеют ее конъюнктурные изменения, вызванные демографическими волнами, влияющими на текущие показатели естественного движения населения. Иногда такое влияние имеет благоприятный эффект, иногда — негативный.

Проиллюстрировать влияние изменений в возрастной структуре на показатели естественного движения населения за 1990—2006 гг. можно, обратившись к сравнению динамики стандартизованных и общих коэффициентов рождаемости и смертности. Стандартизованные прямым методом коэффициенты, представленные на рис. 2.11, показывают, какова была бы величина общих коэффициентов рождаемости и смертности, если бы возрастная структура населения не изменялась с 1990 г. Стандартизованные коэффициенты смертности имеют более низкий уровень, и со временем разница нарастает, что свидетельствует об увеличении общего коэффициента смертности под влиянием старения населения.

С коэффициентом рождаемости дело обстоит не так просто. Поскольку для него важнее изменения доли женщин репродуктивных возрастов, общий коэффициент рождаемости на коротких отрезках времени может больше зависеть не от фундаментальной тенденции к старению, а от конкретного этапа

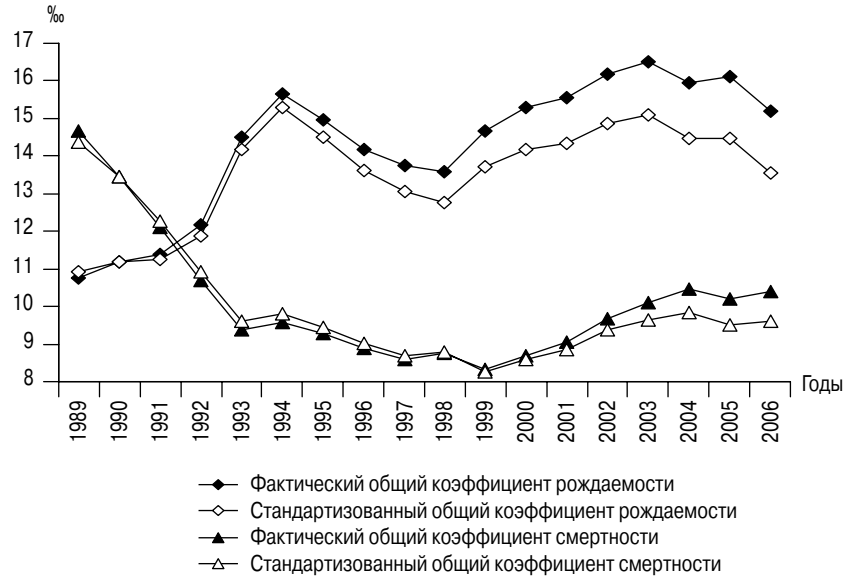

Рис. 2.11. Динамика фактических и стандартизованных коэффициентов рождаемости и смертности в 1990—2006 гг. (возрастная структура населения России 1990 г. принята за стандарт)

старения и демографических волн. Сравнение фактического и стандартизованного коэффициентов рождаемости показывает, что за рассматриваемый период изменения в возрастной структуре благоприятно сказывались на величине общего коэффициента рождаемости, особенно после 1998 г.

Однако положительное влияние конъюнктурных изменений возрастной структуры на общий коэффициент рождаемости невелико по сравнению с отрицательным влиянием на общий коэффициент смертности: фундаментальная тенденция к старению приводит к снижению показателя естественного прироста (рис. 2.12).

Общая тенденция к старению населения России в целом способствует росту числа умерших и общего коэффициента смертности, поскольку интенсивность смертности увеличивается с возрастом. Однако в 2003—2005 гг. число пожилых (60 лет и старше) снизилось в общей сложности на 2,84 млн человек, что на какое-то время затормозило этот рост. Впрочем, уже с 2008 г. рост численности пожилых возобновится.

Демографические волны оказали свое воздействие и на другие показатели естественного движения населения, в частности на число рождений и общий коэффициент рождаемости, а также на изменение показателей брачности.

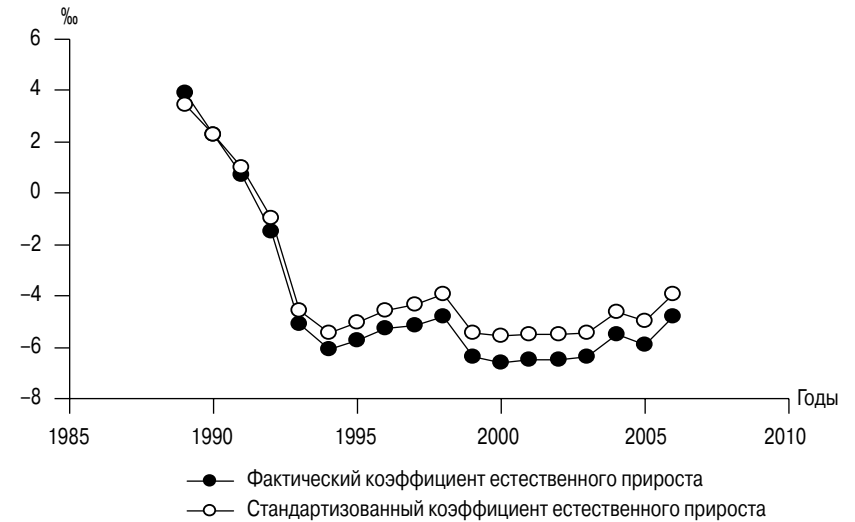

Рис. 2.12. Динамика фактического и стандартизованного коэффициентов естественного прироста в 1990—2006 гг.

Источник: расчеты на основе данных Росстата.

Начиная с 1997 г. отмечаются благоприятные с точки зрения брачности изменения в возрастной структуре населения. Во-первых, число мужчин и женщин в основных бракоспособных возрастах (15—34 года) увеличилось на 3 млн (рис. 2.13), и выросла их доля в населении. Во-вторых, сложилась практически идеальная ситуация на брачном рынке: соотношение потенциальных женихов и невест было один к одному (рис. 2.14), чего не наблюдалось по крайней мере последние 70 лет. Поскольку изменения в брачности и образовании партнерских союзов оказывают заметное воздействие на рождаемость, отмеченные сдвиги в возрастной структуре населения были благоприятны и для увеличения числа рождений в эти годы. Однако уже в 2007—2008 гг. произойдет перелом этой тенденции и снова возникнет разбалансированность брачного рынка, что в России уже бывало не раз. Новым явлением станет снижение численности и доли населения в основных бракоспособных возрастах до рекордно низкого уровня к 2026 г., а именно до 30,1 млн человек (45,6 млн в 2006 г.) и до 22,5% (сейчас 32%) соответственно.

Возрастной контингент 15—34 лет — важнейший не только для брачности, но и для рождаемости, так как подавляющее большинство российских женщин к 35 годам уже полностью реализуют свои репродуктивные планы. Соответственно отмеченный выше рост численности этой группы оказал

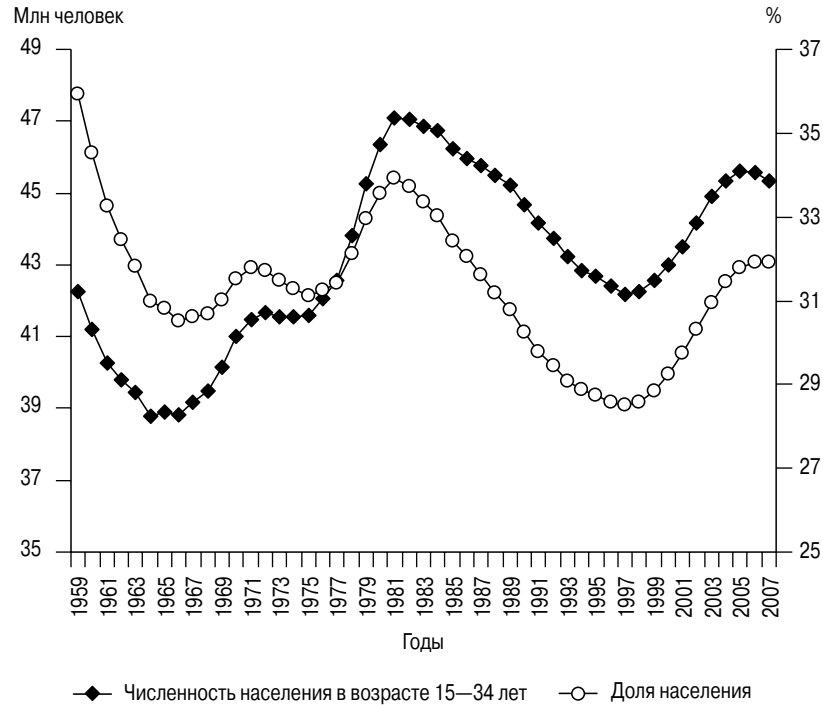

Рис. 2.13. Численность (левая ось) и удельный вес (правая ось) в населении возрастной группы 15—34 года в 1959—2007 гг., оба пола

прямое благоприятное воздействие на динамику числа рождений и общего коэффициента рождаемости. Положительное влияние на эти показатели оказало также и то, что с 1993 г. стало расти число женщин репродуктивного периода (15—49 лет): с середины 1990-х гг. оно достигло максимальных за всю историю значений, и хотя уже в 2003 г. прошло точку максимума (40 млн человек), в 2006 г. все еще было очень высоким (39,5 млн). Но в ближайшем будущем скорость снижения численности этой группы заметно возрастет.

Помимо демографических изменения возрастного состава порождают многочисленные социальные и экономические последствия. Значение изменений численности населения трудоспособного возраста в целом и его отдельных частей для рынка труда наиболее очевидно. Как уже говорилось, предстоит смена тенденции роста общей численности этого контингента тенденцией убыли. В целом ключевые изменения связаны с возрастной группой 20—35 лет. Изменения в ее численности ведут к существенным изме-

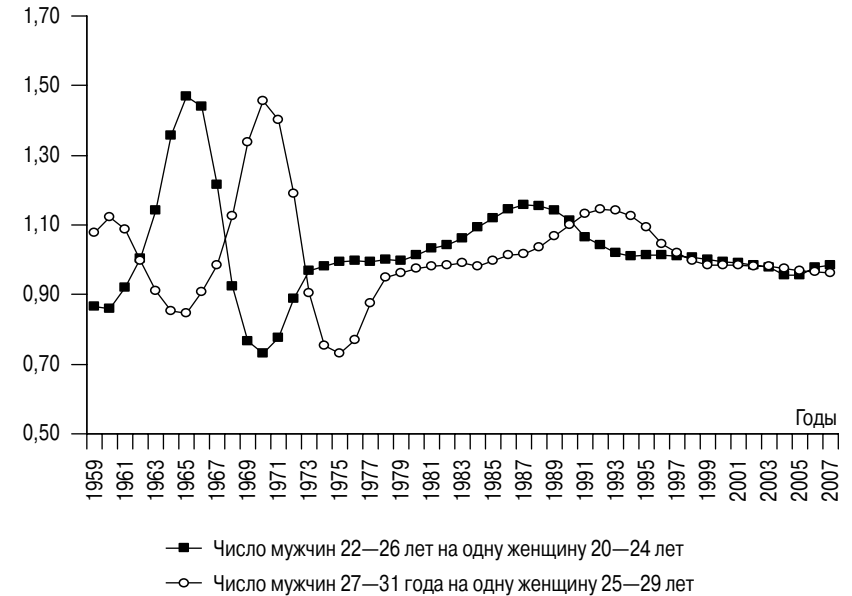

Рис. 2.14. Соотношение потенциальных женихов и невест в возрастах максимальной брачности. Число мужчин в возрасте 22—26 лет и 27—31 год на одну женщину в возрасте 20—24, 25—29 лет в 1959—2007 гг.

нениям ситуации на рынке труда. Пока ее численность растет, что создает благоприятные условия для реализации проводимой в настоящее время демографической политики, нацеленной на повышение рождаемости, но не нацеленной на сочетание материнской и репродуктивной карьеры женщины. После 2010 г. обратная волна в динамике численности этой группы приведет к тому, что такая политики будет противоречить ситуации на рынке труда. В этом столкновении проиграет скорее всего именно демографическая политика. Эффективность даже самых успешных мер пронаталистской политики весьма умеренна, а если к тому же российская экономика будет в этот период на подъеме, то победа рынка труда, т.е. профессиональной карьеры над репродуктивной, будет предрешена.

Подводя итог анализу конъюнктурных изменений, отметим, что хотя население России старело и продолжает стареть, изменения возрастной структуры в последние 7—10 лет носили уникально благоприятный характер, в частности:

- снижение абсолютного числа и доли пожилых тормозило рост общего числа умерших и общего коэффициента смертности, а также способствовало снижению показателя демографической нагрузки;
- увеличение численности (на 5 млн человек с 1997 г.) и доли (на 6 процентных пунктов) населения трудоспособного возраста на фоне снижения числа «иждивенцев» привело к очень значительному снижению демографической нагрузки. К тому же само население этого возрастного сегмента даже несколько помолодело;
- к 2004 г. число женщин репродуктивного возраста достигло максимальной величины (40 млн) и на протяжении всех этих лет оставалось на очень высоком уровне (39—39,5 млн в 1997—2006 гг.). Более того, с 2000 г. стало расти и число женщин в основном сегменте репродуктивных возрастов 20—34 лет (рис. 2.15);
- с 1996 по 2008 г. идеальная ситуация сложилась на брачном рынке, ее благоприятное влияние на рождаемость усилилось с 1997 г., когда

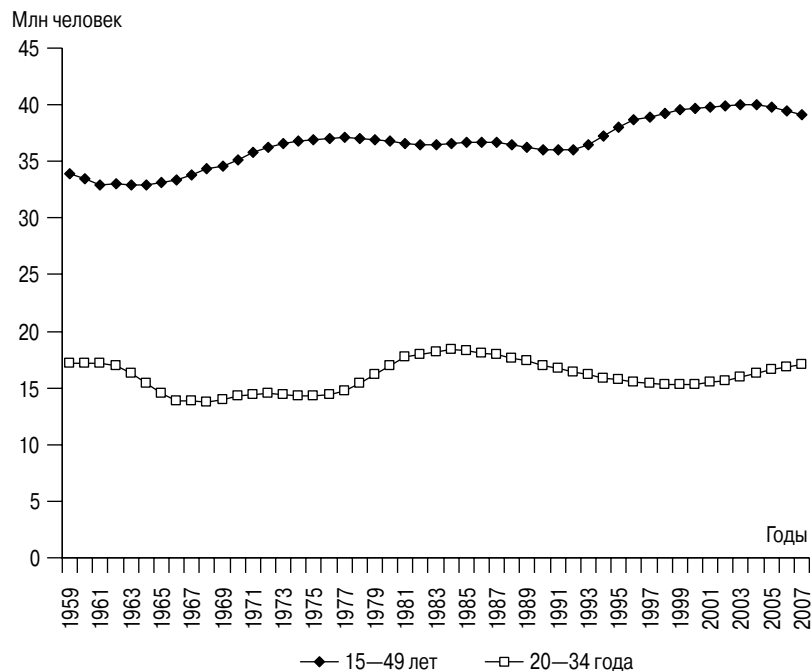

Рис. 2.15. Число женщин всех (15—49 лет) и основных репродуктивных (20—34 года) возрастов в 1959—2007 гг.

стала расти численность населения основных бракоспособных возрастов (20—34 года).

Наконец, до самого последнего времени росло число заканчивавших среднее образование юношей и девушек и одновременно юношей призывного возраста (рис. 2.16). Это способствовало росту спроса на высшее образование и облегчало комплектование армии.

Однако грядущие изменения в возрастной структуре будут иметь негативные (демографические, социальные и экономические) последствия. Быстро начнут расти численность и доля пожилого населения, что неблагоприятно скажется на динамике общего числа умерших и общего коэффициента смертности, а в итоге — на показателе естественного движения населения.

К 2015 г. убыль общей численности трудоспособного населения составит 8 млн человек, а к 2025 г. — 15 млн. На убыль численности населения в рабочих возрастах накладывается рост не только числа пенсионеров, но и числа детей, что приведет к заметному повышению общей демографической нагрузки. Возобновится процесс старения населения трудоспособного возраста. Его сегмент от 16 до 35 лет, удельный вес которого в настоящее

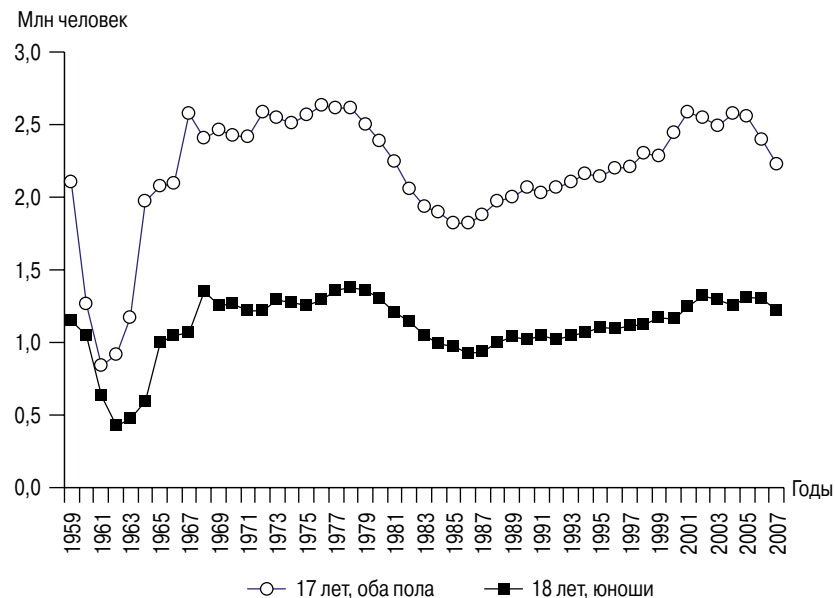

Рис. 2.16. Число 17-летних юношей и девушек и 18-летних юношей в 1959—2007 гг.

время составляет почти половину, к 2025 г. сократится до 39%, правда, наиболее быстрыми темпами этот процесс пойдет после 2015 г.

На 5 млн к 2015 г. сократится число женщин репродуктивного возраста, а после 2010 г. начнется сокращение их числа в основных репродуктивных возрастах (20—34 года). Ухудшится ситуация на брачном рынке.

Резкий спад призывного контингента и поступающих в вузы представляет серьезный вызов комплектованию вооруженных сил и системе высшего образования, особенно для возникших в 1990-е и непрестижных университетов.

Более подробно все эти предстоящие изменения рассматриваются в гл. 7 настоящего доклада.

3. Браки и разводы

3.1. Рост числа регистрируемых браков продолжается

В течение почти двух десятилетий — с конца 1970-х и вплоть до середины 1990-х гг. — интенсивность заключения брачных союзов в России снижалась. Особенно быстро падала брачность в 1989—1995 гг., после чего наступило пятилетие стабилизации. Наименьшие показатели брачности были зафиксированы в 1998 г., когда было заключено 848,7 тыс. браков (табл. 3.1), а общий коэффициент брачности составил 5,8 на 1000 населения, что, видимо, близко к рекордно низкой величине за всю историю (рис. 3.1).

Таблица 3.1. Число зарегистрированных браков и доля повторных браков в их общем числе, Россия, 1979—2006 гг.

Год	Все браки, тыс.	Первые браки, тыс.		Повторные браки, тыс.		Доля повторных браков в общем числе браков, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1	2	3	4	5	6	7	8
1979	1535,49	1264,06	1277,74	271,43	257,75	17,7	16,8
1980	1464,58	1187,96	1202,36	276,62	262,22	18,9	17,9
1981	1472,75	1191,23	1191,39	281,52	281,36	19,1	19,1
1982	1460,20	1165,70	1163,36	294,50	296,84	20,2	20,3
1983	1479,13	1166,10	1158,93	313,03	320,20	21,2	21,6
1984	1367,83	1060,17	1055,63	307,66	312,20	22,5	22,8
1985	1389,43	1058,71	1048,75	330,72	340,68	23,8	24,5
1986	1417,54	1047,36	1035,55	370,18	382,00	26,1	26,9
1987	1442,62	1019,71	1041,98	392,92	400,64	27,2	27,8
1988	1397,45	1009,90	1008,41	387,54	389,04	27,7	27,8

Окончание табл. 3.1

1	2	3	4	5	6	7	8
1989	1384,31	1014,41	1019,30	369,90	365,01	26,7	26,4
1990	1319,93	985,26	994,35	334,67	325,58	25,4	24,7
1991	1277,23	948,60	954,54	328,63	322,69	25,7	25,3
1992	1053,72	773,15	782,98	280,57	270,73	26,6	25,7
1993	1106,72	817,45	825,60	289,27	281,13	26,1	25,4
1994	1080,60	789,19	793,17	291,41	287,43	27,0	26,6
1995	1075,22	775,95	780,12	299,27	295,10	27,8	27,5
1996	866,65	620,59	626,16	246,07	240,49	28,4	27,8
1997	928,41	663,70	671,97	264,72	256,45	28,5	27,6
1998	848,69	610,97	620,59	237,73	228,10	28,0	26,8
1999	911,16	660,80	671,51	250,36	239,66	27,5	26,3
2000	897,33	650,20	661,20	247,10	236,10	27,5	26,3
2001	1001,59	726,40	734,00	275,10	267,60	27,5	26,7
2002	1019,76	744,80	754,96	274,00	264,80	27,0	26,0
2003	1091,78	807,95	820,25	283,83	271,52	26,0	24,9
2004	979,67	720,36	733,91	259,31	245,75	26,5	25,1
2005	1066,37	791,04	807,79	275,32	258,57	25,8	24,2
2006	1113,56	830,07	846,41	283,49	267,15	25,5	24,0
2006/1998	1,338	1,359	1,364	1,192	1,171	—	—
2006/2005	1,044	1,049	1,048	1,030	1,033	—	—

Однако за 2001—2006 гг. показатели регистрируемой брачности существенно увеличились (только в 2004 г. отмечалось нарушение тенденции к росту). Число браков в 2001—2003 гг. и в 2005—2006 гг. превышало 1 млн, в 2006 г. — 1114 тыс., что более чем на треть выше, чем в 1998 г. Соответственно возрос и общий коэффициент брачности, вернувшись к уровню начала 1990-х гг., — 7,8 на 1000 населения в 2006 г. Увеличивалось ежегодное число и первых, и повторных браков, но первые росли быстрее — за 1998—2006 гг. их прирост составил 36% для мужчин и женщин.

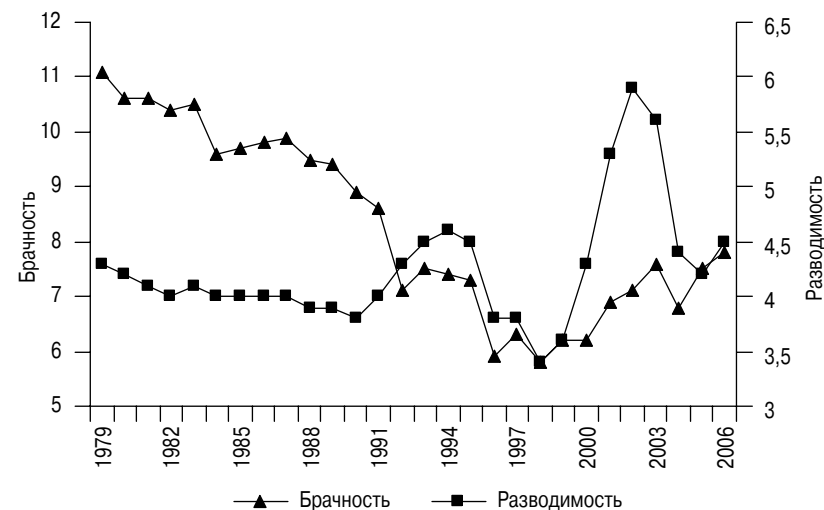

Рис. 3.1. Общие коэффициенты брачности и разводимости на 1000 населения, Россия, 1979—2006 гг.

Прирост повторных браков выглядит скромнее — 19% для мужчин и 17% для женщин за тот же период. В результате опережающего роста числа первых браков доля их в общем числе браков слегка увеличилась, а доля повторных соответственно снизилась (см. табл. 3.1). В то же время компенсация разводов и овдовения повторными браками в последнее десятилетие существенно выше, чем в конце 1970-х — начале 1980-х гг.: доля повторных браков, составляющая сейчас 24—28% общего числа браков, на 10 процентных пунктов выше, чем двадцатилетием ранее. Снижению доли повторных браков способствовало повышение распространенности неформальных союзов, которые все чаще замещают повторные зарегистрированные браки.

Увеличению общего числа браков способствует в целом благоприятная возрастная структура населения. Число мужчин и женщин в основных бракоспособных возрастах до 35 лет увеличивалось за счет относительно многочисленных поколений, родившихся в 80-е годы. Так, в возрастах максимальной брачности — от 20 до 30 лет — суммарная численность населения выросла по сравнению с первой половиной 1990-х гг. более чем на 2 млн (рис. 3.2). Особенно заметно растет численность населения в возрасте 20—24 лет, которое вносит самый большой вклад в ежегодное число браков и рождений в России. Соотношение чисел по-

тенциальных женихов и невест в возрастах, наиболее привлекательных для заключения брака, также не выглядит сколько-нибудь проблемным. Если исходить из широкораспространенной нормы, что жених старше невесты на 2—3 года, то сейчас на одну потенциальную невесту в возрасте 20—29 лет приходится примерно один потенциальный жених (рис. 3.3). Сегодняшняя ситуация на брачном рынке для невест не столь выигрышна, как во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг., когда женихов подходящих возрастов было на 10—15% больше, чем невест, но, с другой стороны, она более сбалансирована для женихов. В последние годы выбор для женихов основных бракоспособных возрастов несколько расширился: более многочисленным мужским когортам, рожденным в середине 1980-х гг., сегодня противостоят малочисленные женские поколения, появившиеся в период спада рождаемости в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (на рис. 3.2 отчетливо видно начавшееся сокращение численности когорт, которым сегодня 15—19 лет). Однако благоприятная конъюнктура, сложившаяся в структурных соотношениях возрастных когорт населения России, продлится недолго. Пройдет не более пяти лет, как начнется резкое сокращение числа браков под воздействием отрицательной динамики численности населения в бракоспособном возрасте.

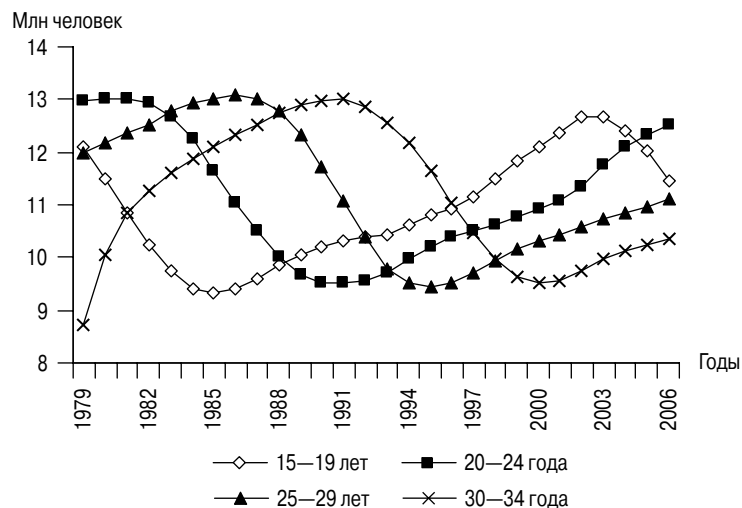

Рис. 3.2. Среднегодовая численность населения обоих полов в соответствующих возрастах, Россия, 1979—2006 гг.

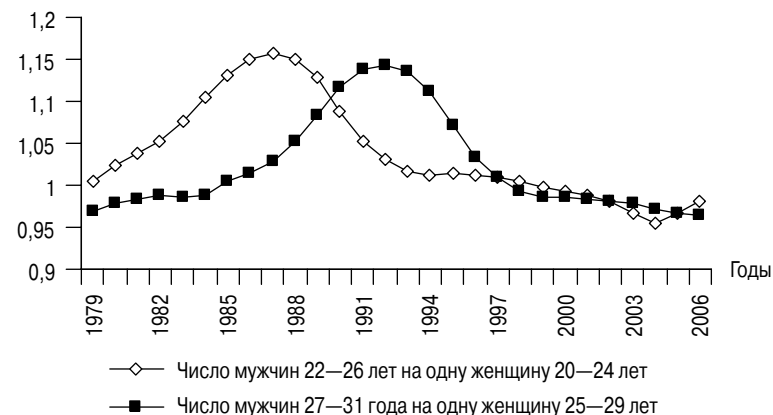

Рис. 3.3. Соотношение потенциальных женихов и невест в возрастах максимальной брачности, Россия, 1979—2006

3.2. Повышение возраста вступления в брак затормозилось

Рост брачности, зафиксированный в последние годы, был обеспечен главным образом социально зрелыми людьми: устойчиво росла интенсивность брачности у мужчин и женщин в возрастах 25 лет и старше (табл. 3.2, рис. 3.4). Этот рост — относительно новое явление, довольно долго брачность в России скорее «молодела». Новая тенденция явственно обозначилась во второй половине 1990-х гг. В последние три года показатели брачности для возрастной группы 25—34 года превышали уровень 25-летней давности, а для лиц 35 лет и старше вплотную приблизились к уровню тех лет. Интенсивность заключения брака у мужчин в возрастной группе 25—34 года за последние годы существенно сблизились с показателем брачности в более молодой группе 18—24-летних. В то же время частота заключения браков мужчин и женщин в возрастной группе 18—24 года на протяжении десятилетия имела в целом тенденцию к снижению и составляет в последние годы 50% максимального уровня показателя за последнюю четверть века. Следует также отметить более чем трехкратное падение интенсивности заключения брака в возрастах до 18 лет. Браки среди несовершеннолетних перестали быть статистически значимым явлением в России.

В результате всех этих изменений средний возраст жениха и невесты в России в 1992—2004 гг. увеличивался. Если во второй половине 1990-х гг. увеличение среднего возраста вступления в брак происходило за счет опе-

Таблица 3.2. Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин (число заключенных браков на 1000 населения соответствующего пола и возраста), 1979—2006 гг.

Год	Мужчины в возрасте, лет				Женщины в возрасте, лет			
	До 18	18—24	25—34	35 и более	До 18	18—24	25—34	35 и более
1979	2,12	103,62	35,17	8,48	14,43	120,77	25,72	5,39
1980	2,27	97,53	32,98	8,22	14,84	113,63	24,71	5,23
1981	2,39	98,48	32,91	8,09	15,63	114,79	24,92	5,13
1982	2,47	98,90	32,52	7,99	16,49	114,62	25,09	5,12
1983	2,95	101,69	33,10	8,25	18,35	117,16	26,09	5,34
1984	3,04	95,63	30,78	8,01	18,37	109,39	24,68	5,31
1985	3,12	97,91	32,14	8,60	19,60	111,90	26,14	5,77
1986	3,59	97,38	34,91	9,46	20,81	113,25	28,28	6,45
1987	3,97	99,33	36,04	9,99	23,29	116,98	28,84	6,93
1988	4,63	96,66	35,05	9,78	24,46	116,15	27,30	6,90
1989	5,90	99,81	34,02	9,14	30,89	119,73	25,36	6,53
1990	6,54	99,90	31,23	8,24	35,72	117,78	22,37	5,94
1991	6,46	96,77	30,20	8,08	39,68	112,38	21,24	5,87
1992	4,99	80,61	24,63	6,85	35,11	92,42	17,13	4,99
1993	4,58	85,86	26,24	6,86	36,38	98,13	18,08	5,00
1994	4,08	79,98	26,86	6,90	32,89	92,37	18,58	5,04
1995	3,66	75,50	28,53	7,08	29,88	88,52	19,65	5,15
1996	2,76	57,87	24,49	5,94	21,96	69,18	16,70	4,29
1997	2,60	60,67	27,47	6,29	19,88	73,72	18,91	4,45
1998	2,08	53,49	26,34	5,79	16,38	66,28	18,09	4,00
1999	1,54	55,13	29,83	6,19	13,95	70,13	20,60	4,16
2000	1,45	51,40	30,37	6,28	12,17	66,42	21,55	4,11
2001	1,40	53,75	35,23	7,16	11,53	71,15	25,14	4,64
2002	1,30	50,69	36,80	7,52	10,43	68,89	26,41	4,77
2003	1,32	51,30	40,37	8,01	10,53	71,58	28,76	4,93
2004	1,09	43,36	36,51	7,52	9,45	61,30	26,33	4,60
2005	1,01	45,84	40,73	7,91	8,95	65,74	29,59	4,71
2006	1,00	46,52	43,31	8,14	9,12	67,91	31,45	4,74

Источник: расчеты С. Захарова на основе опубликованных и неопубликованных данных Росстата.

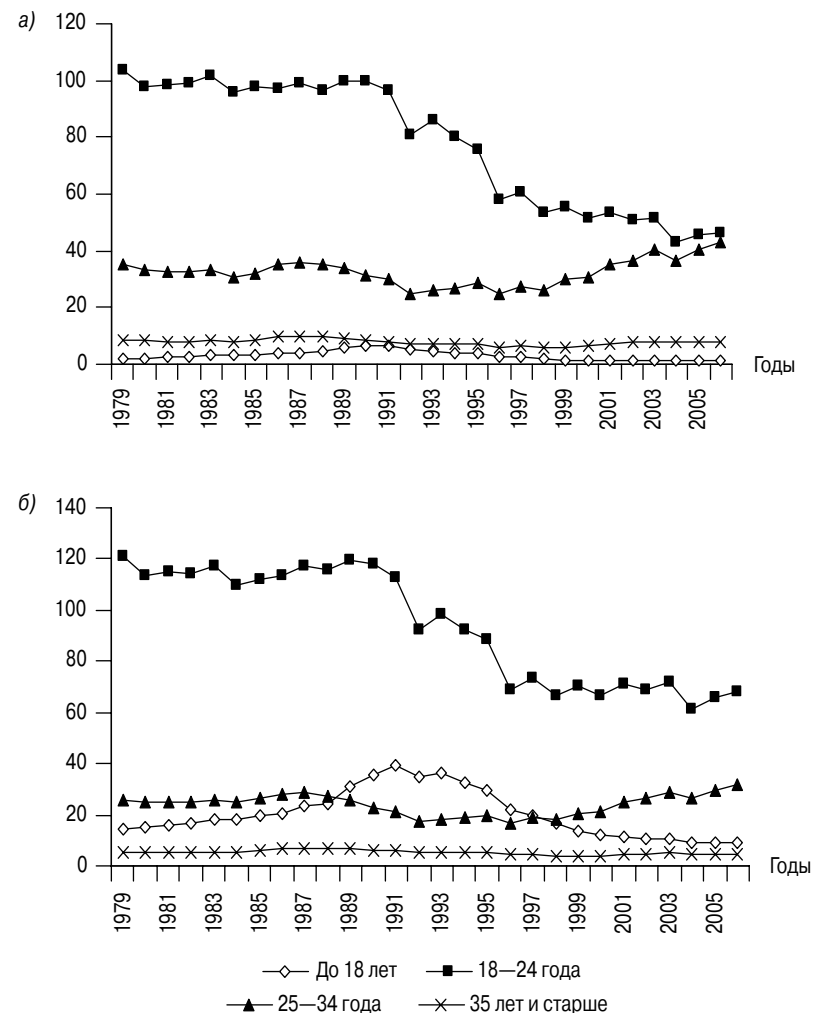

Рис. 3.4. Возрастные коэффициенты брачности мужчин (а) и женщин (б) в 1979—2006 гг.

режающего снижения интенсивности заключения браков в младших бракоспособных возрастах, то начиная с 1999 г., когда брачность начала увеличиваться, оно продолжилось за счет опережающего роста брачности в старших возрастах.

Официальная разработка данных о зарегистрированных браках по возрастному возрасту с 1997 г. ограничивается лишь распределением браков по укрупненным возрастным группам (указанным в табл. 3.2) отдельно для мужчин и женщин, без указания на то, первый это брак или повторный. Поэтому методологически выверенная оценка среднего возраста вступления в брак, тем более в первый, сейчас невозможна, равно как невозможен и детальный анализ по официальным данным соотношения возрастов жениха и невесты при вступлении в брак. Поэтому приходится ограничиваться косвенными оценками обобщенных показателей и тенденций их изменения, полученные с использованием элементов моделирования¹ (табл. 3.3, рис. 3.5).

Таблица 3.3. Средний возраст мужчины и женщины при регистрации брака (для женихов и невест, заключивших брак в возрасте до 50 лет) в 1979—2006 гг.

Год	Все браки			Первые браки		
	Мужчины	Женщины	Разница	Мужчины	Женщины	Разница
1	2	3	4	5	6	7
1979	26,1	24,2	1,9	24,2	22,4	1,8
1980	26,3	24,3	2,0	24,3	22,4	1,8
1981	26,4	24,4	2,0	24,4	22,4	2,0
1982	26,4	24,4	2,0	24,3	22,4	2,0
1983	26,4	24,4	2,0	24,3	22,3	2,0
1984	26,4	24,4	2,0	24,1	22,2	1,9
1985	26,5	24,5	2,0	24,2	22,2	1,9
1986	26,9	24,8	2,1	24,3	22,3	2,0
1987	27,0	24,9	2,1	24,4	22,3	2,1
1988	26,9	24,8	2,1	24,3	22,2	2,1
1989	26,5	24,5	2,0	24,1	22,0	2,1
1990	26,2	24,1	2,1	24,0	21,9	2,1
1991	26,2	24,2	2,0	24,0	21,8	2,2

¹ Впервые оценки среднего возраста при регистрации брака для России после 1996 г. опубликованы С. Захаровым в: Население России 2001: Десятый ежегодный демографический доклад. М., 2002. С. 29. Метод расчетов описан там же. См. также: Население России 2003—2004: Одиннадцатый—двенадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2006. С. 209—211.

Окончание табл. 3.3

1	2	3	4	5	6	7
1992	26,3	24,2	2,1	23,9	21,7	2,2
1993	26,2	24,1	2,1	23,9	21,7	2,1
1994	26,4	24,4	2,0	24,0	21,8	2,2
1995	26,6	24,6	2,0	24,2	22,0	2,2
1996	26,9	24,8	2,1	24,4	22,2	2,3
1997	27,0	24,9	2,1	24,5	22,3	2,3
1998	27,1	25,0	2,1	24,7	22,3	2,3
1999	27,3	25,1	2,2	24,9	22,5	2,4
2000	27,6	25,4	2,2	25,1	22,6	2,5
2001	27,9	25,6	2,3	25,4	22,8	2,5
2002	28,2	25,8	2,4	25,7	23,0	2,6
2003	28,4	25,8	2,4	25,8	23,1	2,7
2004	28,7	26,1	2,6	26,1	23,3	2,8
2005	28,7	26,1	2,6	26,1	23,3	2,8
2006	28,8	26,1	2,7	26,2	23,3	2,9

Источник: расчетные оценки С. Захарова. Для 1979—1996 гг. получены общепринятым способом на основе коэффициентов брачности для детальных возрастных групп; с 1997 г. — грубые косвенные оценки, базирующиеся на расчете коэффициентов общей брачности для укрупненных возрастных групп, приведенных в табл. 3.2.

По сравнению с минимальными значениями, достигнутыми в 1993 г., средний возраст заключения брака, по нашей оценке, для мужчин увеличился на 2,6 года и составил в 2006 г. 28,8 года, в том числе для вступающих в первый брак — на 2,3 года (26,2 года). Для женщин повышение возраста было меньшим, чем для мужчин, но также существенным — на 1,9 года для всех браков и на 1,6 года для первых (в 2004—2006 гг. средний возраст невесты — 26,1 года, а для тех, кто вступал в первый брак, — 23,3 года). Средний возраст вступления в брак повысился не только в сравнении с минимальными показателями, зафиксированными в начале 1990-х гг., но и существенно превысил планку, на которой он устойчиво удерживался два десятилетия назад.

По нашей оценке, текущий возраст вступления в брак для женщины в России сейчас самый поздний с 1970 г. Но в 2005—2006 гг., впервые после 1992 г., статистически значимого увеличения возраста вступления в брак

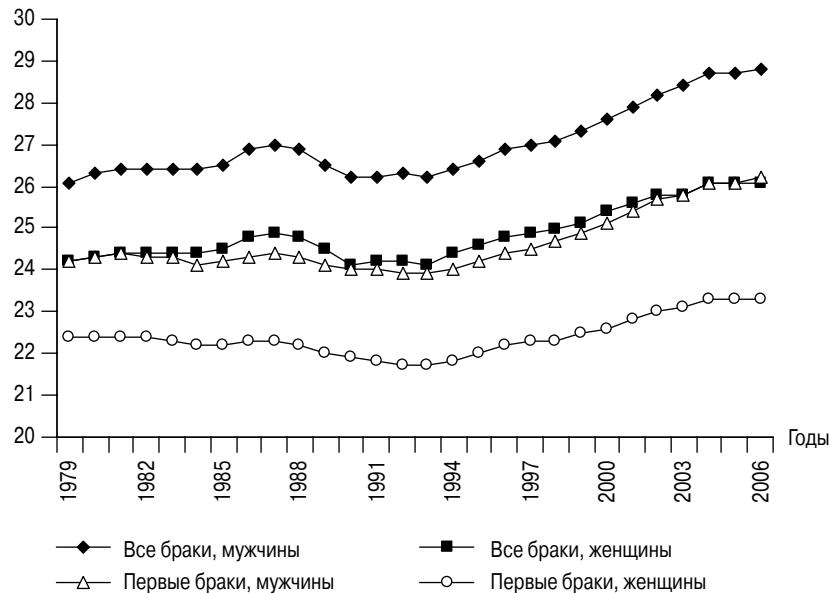

Рис. 3.5. Средний возраст мужчины и женщины при регистрации брака (для женихов и невест, заключивших брак в возрасте до 50 лет) в 1979–2006 гг.

не происходило (в 2006 г. только у мужчин едва заметно повысился средний возраст вступления в брак). В какой-то мере это следствие особо благоприятной ситуации, сложившейся на брачном рынке для молодых возрастных групп. Последующие годы покажут, в какой степени можно торможение процесса постарения модели брачности, отмеченное в последние три года, интерпретировать как временную приостановку долговременной тенденции, а в какой — как ее перелом.

Более быстрое «постарение» брачности у мужчин вызвало увеличение средней разницы в возрасте жениха и невесты. Если до 1990-х гг. она устойчиво поддерживалась на уровне двух лет, как для первых, так и для всех браков, то с середины 1990-х гг. происходит постепенный отход от этой социальной нормы. Для первых браков, заключенных в возрасте до 50 лет, разница в возрасте жениха и невесты, по нашей оценке, достигла почти трех лет.

Судя по всему, меняется социальное поведение обоих потенциальных партнеров. Юноши не спешат заключать брак, тем более что, по-видимому, ранние браки, стимулированные добрачной беременностью, отходят в прошлое (на это одновременно указывает то, что в раннем возрасте одно-

временно происходит и падение интенсивности деторождения, и рост ее внебрачной составляющей). Девушки же при вступлении в брак, по-видимому, все более стремятся выбирать потенциальных женихов с устойчивым социальным и экономическим статусом. Кроме того, в какой-то незначительной мере на повышение разницы возрастов влияет изменение ситуации на брачном рынке в связи с меняющимся не в пользу невест соотношением возрастных когорт мужчин и женщин — потенциальных женихов и невест, о чем говорилось выше. Расширение выбора потенциальных женихов происходит за счет представителей старших возрастных групп.

Новейшие тенденции трансформации российской возрастной модели брачности не выглядят исключением на фоне других стран. В западных странах первые признаки повышения возраста вступления в брак обнаружались во второй половине 1970-х гг., а в 1980-х эта тенденция стала преобладающей практически во всех европейских и неевропейских развитых странах, за исключением стран Центральной и Восточной Европы. Возраст заключения брака повышается не только в развитых странах, но и в динамично развивающихся странах Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. К сегодняшнему дню в Швеции, например, средний возраст невесты, вступающей в первый брак, уже превысил 30 лет, в большинстве стран запада и юга Европы достиг 27–28 лет. В России средний возраст «первобрачующейся» невесты — едва превышающий 23 года — еще очень низок даже по сравнению со странами Восточной и Центральной Европы, где с конца 1980-х гг. также активно меняется возрастная модель брачности параллельно с глобальными социально-экономическими и политическими реформами. Так, в Латвии, Эстонии, Венгрии, Хорватии, Чехии возраст заключения первого брака превысил 25 или достиг 26 лет, в Словении — более 27 лет. Заметим, что еще 30 и даже 20 лет назад — в 1970–1980-х гг. — различия в возрасте вступления в брак между Россией и большинством других развитых стран были минимальными (рис. 3.6, см. также: Население России 2005. М., 2007). Ослабление тенденции к «постарению» брачности пока не наблюдается ни в одной из стран, включая и те, в которых этот процесс зашел очень далеко. За «постарением» брачности стоит, по-видимому, продолжающееся повышение общего образовательного уровня населения, в первую очередь женщин, увеличение длительности получения профессионального образования, а также быстрое распространение неформальных союзов, которые в последние два десятилетия серьезно потеснили традиционный брак в качестве единственной формы начала семейной жизни².

² Подробнее о ситуации в России и других развитых странах в связи с изменением возрастной модели брачности, массовым распространением неформальных союзов см.: Население России 2005: Тринадцатый демографический доклад. М., 2007.

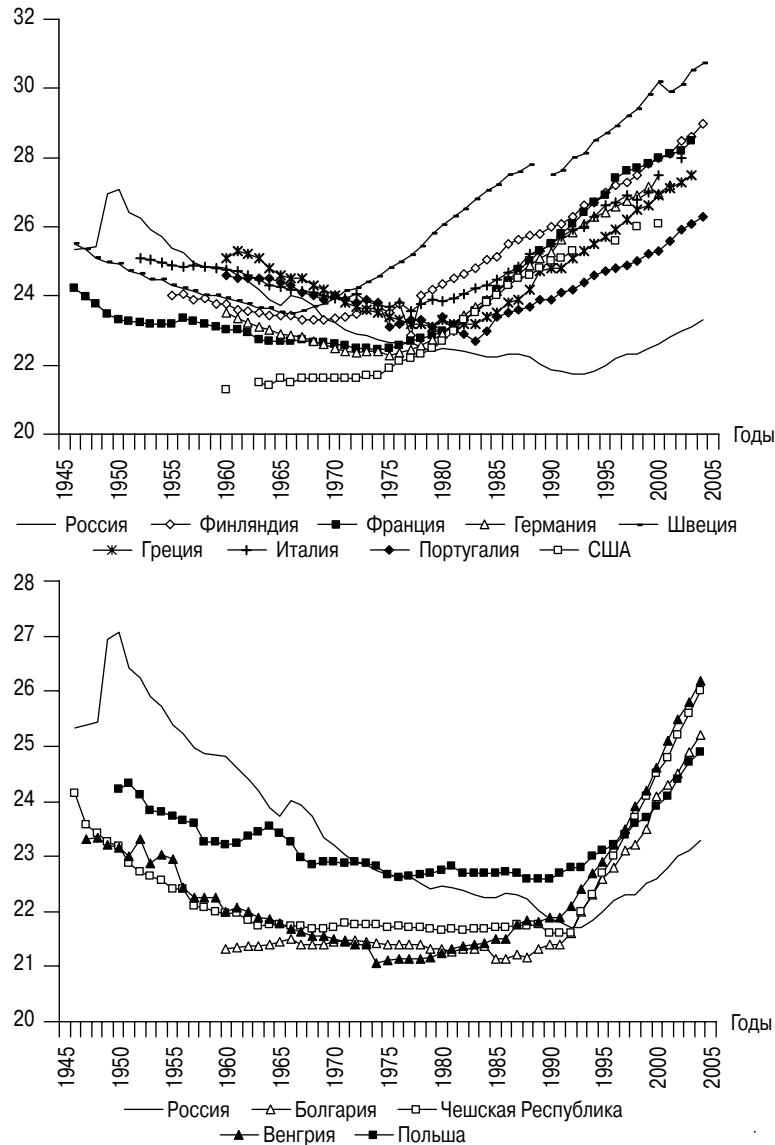

Рис. 3.6. Средний возраст невесты при вступлении в первый брак в России и некоторых странах Западной и Восточной Европы (для женщин, заключивших брак в возрасте до 50 лет)

3.3. Долговременная тенденция к повышению разводимости сохраняется, но официальная статистика этот процесс отразить не в состоянии

За последние два десятилетия динамика числа регистрируемых разводов пережила несколько всплесков и спадов. В первой половине 1990-х гг. число разводов росло, затем в течение четырех лет, с 1995 по 1998 г., наблюдалось значительное снижение. В 1998 г. общий коэффициент разводимости составил 3,4 на 1000 населения, что соответствовало возврату к уровню первой половины 1970-х гг. (см. рис. 3.1). Далее, в 1999–2002 гг., Россия пережила четырехлетнюю «эпидемию» разводов: за этот период число зарегистрированных разводов увеличилось на 70% с 501,7 тыс. в 1998 г. до 853,6 тыс. в 2002 г. (см. табл. 3.4). Общий коэффициент достиг 5,9 на 1000 населения, что, видимо, близко к исторически рекордной величине. Такие темпы роста разводимости за столь короткий период встречались крайне редко в российской и мировой истории. Один из немногих примеров — ситуация, сложившаяся в СССР в 1965–1966 гг. после изменения законодательства в сторону упрощения процедуры разводов. Либерализация законодательства спровоцировала лавину бракоразводных процессов — оформлялось прекращение тех союзов, которые уже давно фактически существовали только на бумаге. Тогда за один 1966 г. число разводов в России увеличилось в два раза.

В 2003–2005 гг. маятник числа разводов вновь качнулся в противоположном направлении: в 2005 г. было зарегистрировано 605 тыс. разводов, или 4,2 на 1000 населения, что означает снижение показателя по отношению к уровню начала 1980-х гг. В 2006 г. общий коэффициент разводимости вновь приподнялся до 4,5‰. Поскольку трудно вообразить, чтобы настроения людей, состоящих в браке, менялись столь резко всего за несколько лет, остается искать причины колебаний числа разводов в изменении либо законодательства, либо практики статистического учета.

В конце 1990-х гг. принципиальных изменений в законодательстве, касающемся расторжения брака, не было. В то же время с 1999 г. существенным образом изменилась *статистическая практика регистрации* этого события. Получив на руки решение суда о расторжении брака, бывшие супруги могут теперь обращаться за получением свидетельства о его расторжении в разные прежде, а не только в тот, в котором их брак был когда-то зарегистрирован, как было прежде. Практика пересылки соответствующих документов и сигнальных информационных сообщений между разными загсами также отсутствует. Поэтому статистика разводов стала превращаться в *статистику получения свидетельств о расторжении браков*. Понятно, что при такой системе регист-

рации расторжения браков двойной счет значительной части разводов практически неизбежен. С целью исправления ситуации в 2003 г. была введена в действие поправка к инструкции Минюста России, обязывающая хотя бы в рамках одного и того же загса проводить соответствующий контроль, чтобы не допускать в статистической отчетности двукратной фиксации одного и того же события (в 1999—2002 гг. не делалось даже этого).

В качестве примера нарастающей деградации официальной статистики разводов приведем такой факт. С начала 1990-х гг. в 10 раз увеличилось число разводящихся мужчин и женщин «неизвестного возраста». Если в 1980-х — начале 1990-х гг. не более 2% разведенных в статистической отчетности оставались не распределенными по возрасту, то в 2003 г. таких «неизвестного возраста» мужчин оказалось 114,6 тыс. и женщин — 79,9 тыс., что составило 14,3 и 10% общего числа разводов соответственно среди мужчин и женщин. В 2005 г. абсолютное число разведенных «неизвестного возраста» стало чуть ниже, видимо, по причине того, что снизилось «число разводов» — соответственно 113,1 тыс. мужчин и 63,3 тыс. женщин. В то же время в относительном измерении процесс продолжал идти по нарастающей: в 2006 г. уже каждый пятый развод у мужчин (20,4%) и 11,3% разводов у женщин попали в графу разводов у лиц «неизвестного возраста». Игнорировать столь значительную совокупность разведенных при расчете возрастных коэффициентов разводимости уже невозможно. Поэтому приходится распределять переживших развод мужчин и женщин «неизвестного возраста» пропорционально доле разводящихся известного возраста (как это сделано при расчете показателей, представленных в табл. 3.4). Но при столь высокой и год от года растущей доле лиц «неизвестного возраста» подобная процедура становится все менее адекватной, поскольку мы не знаем, в какой мере зависит от возраста индивида риск попасть в совокупность «разведенных неизвестного возраста».

В период бурного роста показателей разводимости в 1999—2002 гг. они увеличивались в средних и старших возрастных группах, в то время как в возрастах до 25 лет интенсивность расторжения браков имела тенденцию к снижению (табл. 3.4). Такая динамика хорошо согласуется с гипотезой о том, что именно упрощение процедуры получения свидетельств о расторжении брака и недостатки статистического учета этого события вызвали рост числа зарегистрированных разводов, поскольку этот во многом искусственный фактор должен был в первую очередь вызвать двойной счет разводов, оформленных на основе решений судов, и, следовательно, в отношении бывших партнеров, имевших совместных детей и проживших в браке достаточно продолжительное время. Сокращение же показателей в 2003—2005 гг. затронуло все возрастные группы, но сильнее, опять же, лиц средних и стар-

ших возрастов. В 2006 г. увеличение разводимости затронуло все возраста. Если верить официальным данным регистрации, то сегодняшний уровень разводимости в России соответствует показателям конца 1970-х гг.

Таблица 3.4. Число разводов на 1000 мужчин и женщин в отдельных возрастных группах, Россия, 1970—2006 гг.

Год	Мужчины в возрасте, лет				Женщины в возрасте, лет			
	До 18	18—24	25—39	40 и более	До 18	18—24	25—39	40 и более
1970	0,00	5,39	18,21	6,92	0,02	10,62	16,31	3,63
1975	0,00	7,10	20,67	7,65	0,05	13,09	18,35	4,31
1980	0,00	7,63	23,12	9,09	0,07	14,47	21,08	5,59
1985	0,00	8,18	20,68	7,62	0,08	15,51	19,17	4,79
1990	0,02	8,61	18,44	7,54	0,22	16,36	17,38	5,00
1995	0,03	10,85	23,60	8,06	0,41	20,40	21,57	5,55
1999	0,05	6,66	19,26	7,29	0,23	12,85	17,85	5,21
2000	0,07	6,96	22,98	8,85	0,26	13,67	21,56	6,31
2001	0,06	6,78	27,47	11,81	0,21	13,89	26,19	8,46
2002	0,13	6,58	29,53	14,34	0,22	13,43	28,50	10,33
2003	0,06	5,93	27,39	13,65	0,19	12,31	26,56	9,65
2004	0,07	5,46	22,57	10,12	0,20	11,57	21,41	6,96
2005	0,05	5,04	21,62	9,55	0,16	10,76	20,61	6,45
2006	0,06	5,22	23,21	9,88	0,16	11,59	22,09	6,52

Приблизительная оценка среднего возраста мужчин и женщин, регистрирующих развод, представлена в табл. 3.5. Возраст расторжения брака в России за последнее десятилетие по сравнению с 1970—1980-ми гг. повысился не менее чем на один год у мужчин и на два года у женщин. В результате средняя разница в возрастах разводящихся мужчин и женщин уменьшилась, как минимум, на один год, что привело к сближению средних возрастов расторгающих браки мужчин и женщин. К сожалению, официальная статистика сегодня не располагает действовавшей до 1997 г. отчетной формой, в которой зарегистрированные разводы распределены одновременно по возрасту обоих партнеров, вследствие чего более детально исследовать данный вопрос на уровне официальной статистики не представляется возможным.

Таблица 3.5. Средний возраст мужчин и женщин при расторжении брака, Россия, 1970—2006 гг., лет

Год	Мужчины	Женщины	Разница	Год	Мужчины	Женщины	Разница
	Оценка на основе общепринятой методики*				Приблизительная оценка**		
1970	37,84	33,57	4,27	2000	37,8	35,2	2,6
1975	37,84	34,03	3,81	2001	38,5	36,0	2,5
1980	38,38	34,61	3,77	2002	39,1	36,7	2,4
1985	38,28	34,60	3,68	2003	39,3	36,7	2,6
1990	38,07	34,63	3,44	2004	38,7	35,9	2,8
1995	36,59	33,65	2,94	2005	38,7	35,9	2,8
				2006	38,5	35,6	2,9

* Расчеты С. Захарова, выполненные общепринятым способом на основе коэффициентов разводимости для пятилетних возрастных групп.

** Грубая оценка, выполненная С. Захаровым на основе коэффициентов разводимости для возрастных групп, приведенных в табл. 3.4.

С 1996 г. нет также возможности произвести оценку уровня разводимости с учетом продолжительности расторгнутого брака — сбор соответствующих данных государственной статистикой прекращен. Можно лишь предполагать, что вслед за повышением возраста заключения брака не только повысился возраст, в котором браки расторгаются, о чем было сказано выше, но и повысилась средняя длительность расторгаемого союза.

В целом приходится признать, что с конца 1990-х гг. мы не знаем действительной картины изменения риска расторжения брачного союза, поскольку прежняя система статистического наблюдения этого процесса оказалась практически разрушенной, а существующая крайне несовершенна и едва ли вообще способна обеспечивать статистическое изучение феномена разводимости. Поэтому остается рассчитывать только на данные выборочных обследований.

Репрезентативное для населения страны обследование РиДМиЖ/Rus-GGS-2004³ подтверждает сомнения в истинности факта кратковременной

³ Российское обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» в рамках международной программы Европейской экономической комиссии ООН «Generations and Gender Programme»/Программа «Поколения и гендер» было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда РФ и Научного общества Макса Планка (Германия). Оригинальный

«эпидемии разводов» на рубеже 1990-х и 2000-х гг., охватившей якобы россиян по свидетельству официальной статистики. С другой стороны, нет оснований и для утверждений, что риск прекращения брака снижается. Напротив, долговременная тенденция снижения стабильности брачных союзов в России сохраняется (см. рис. 3.7). Расчеты, основанные на данных РиДМиЖ, свидетельствуют, что до серебряной свадьбы из-за развода не дожил примерно каждый третий-четвертый брак, заключенный в 1970-х гг., в то время как для брачных когорт 1950-х гг. накопленный риск развода к той же продолжительности брака был вдвое ниже. Правда, такое сравнение не вполне корректно, поскольку партнеры, заключавшие брак в 1950-х гг., значительную часть своей семейной жизни прожили в условиях действия ограничительного законодательства в отношении развода. Но и для союзов, заключавшихся с конца 1960-х гг., т.е. после принятия либерального брачно-семейного кодекса, характерна все та же тенденция повышения риска развода. Хотя средняя длительность расторгнутого брака в последнее десятилетие вероятнее всего действительно несколько повысилась за счет снижения вклада расторгнутых браков с низкой продолжительностью (до трех лет), в то же время накопленная доля браков, закончившихся разводом к пятому или десятому году существования, уверенно увеличивается от старших к младшим брачным когортам. В течение 10 лет разводом закончилось 16% браков, заключенных в 1969—1973 гг., 18% браков 1979—1983 гг. и 23% браков 1989—1993 гг. Приостановку действия данной тенденции продемонстрировали только брачные когорты пятилетия горбачевской «перестройки» (рис. 3.7).

вопросник на английском языке был разработан экспертами консорциума ведущих европейских исследовательских центров и является базовым для всех стран — участник проекта. Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Опрос проведен в июне—августе 2004 г. в 32 регионах России, объемом случайной нестратифицированной выборки — 11 261 мужчина и женщина в возрасте 18—79 лет. Метод опроса — формализованное интервью. Дополнительную информацию о проекте, английский и российский варианты опросника см.: <http://www.unece.org/ead/pau/ggp/Welcme.html>; http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml.

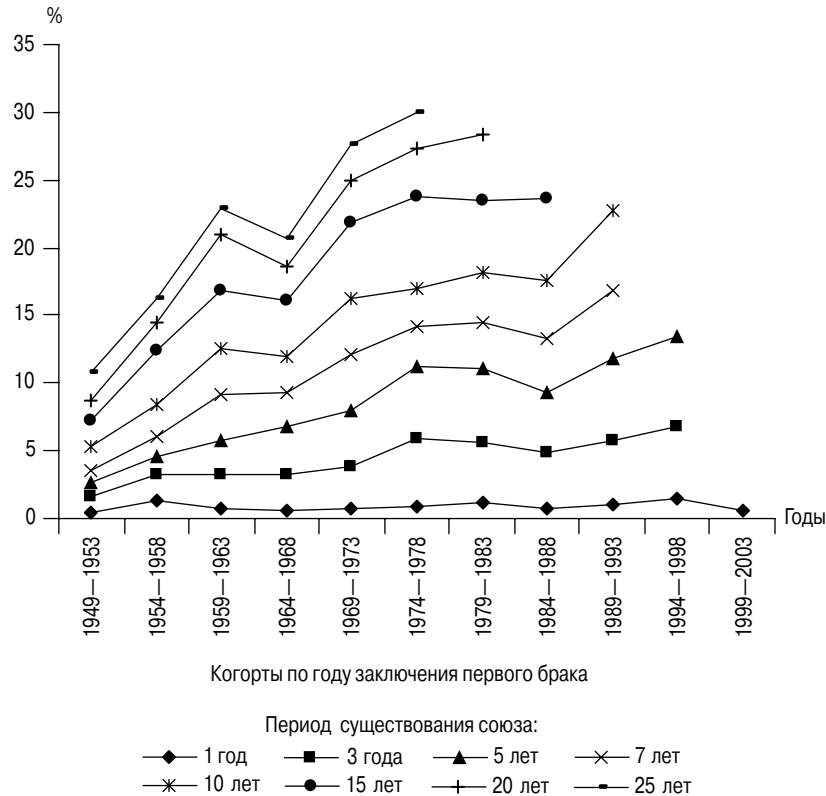

Рис. 3.7. Доля первых браков, прекратившихся вследствие развода в течение указанного периода существования союза. Россия, когорты, заключившие брак в 1949—2003 гг.

Источник: рассчитано С. Захаровым на основе данных обследования РидМиЖ/RusGGS-2004.

3.4. Риск распада для брачных союзов разного типа не одинаков

Семейные союзы различного типа: формальные союзы (зарегистрированные браки) и неформальные союзы (сожительства), бездетные пары или семьи с детьми — имеют различный риск прекратиться. Известно, например, что бездетные пары распадаются с наибольшей вероятностью. Данные вышеупомянутого обследования РидМиЖ/RusGGS-2004 позволили впер-

вые оценить прочность семьи в России в зависимости от различных характеристик, а также сравнить результаты с результатами, полученными тем же методом для других стран.

В табл. 3.6—3.10 приводятся проценты распавшихся союзов к тому или иному году от начала совместной жизни партнеров в России за два периода: 1992—1998 и 1998—2004 гг. при условии, что вероятности распада семейных союзов, наблюдаемые в указанные периоды, не будут меняться (обычное предположение при построении вероятностных таблиц для условных поколений, в частности таблиц смертности, рождаемости и др.).

Как и ожидалось, в России максимальный риск прекращения союза наблюдается у бездетных пар при условии, что они не будут иметь детей на всем протяжении совместной жизни: к четвертой годовщине распадается до одной четверти таких союзов, а к 15-му году (т.е. в течение 14 лет) прекращается каждый второй. За 10 лет ситуация не слишком изменилась, и прочность бездетных пар скорее повышалась, чем снижалась (см. табл. 3.6).

Сравнение с другими странами показывает, что Россия может «похвастаться» достаточно высокой прочностью бездетных союзов. Так, в Швеции, Франции, США бездетные пары распадаются с существенно более высокой вероятностью. В то же время эти страны характеризуются и относительно более высокой рождаемостью. Вообще говоря, различные традиционные, религиозные или законодательные ограничения в отношении разводов сегодня влияют на рождаемость скорее негативно, поскольку снижают шансы стать родителями в новых союзах. Подтверждением этому может служить ситуация в Италии, Испании, Польше.

С другой стороны, влияние совместных детей на прочность семьи в российских условиях не нужно преувеличивать. Во-первых, в России число семейных пар, остающихся бездетными на протяжении всего периода совместной жизни, — ничтожное меньшинство. Поэтому результаты, представленные в табл. 3.6, касаются очень немногих. С другой стороны, брачно-партнерские союзы с детьми (родительские союзы) распадаются в России весьма интенсивно, в чем убеждают данные не только государственной статистики, но и выборочных обследований, и личные наблюдения большинства читателей.

В табл. 3.7 приводится соотношение числа разводов и числа детей до 18 лет в распавшихся союзах по данным официальной статистики. Большинство состоявшихся разводов — это семьи с детьми (56,7%), среднее число детей на один распавшийся союз — примерно 0,7. При этом довольно высок риск развода и в семьях, в которых более одного совместного ребенка, поскольку среднее число детей, приходящееся на один развод, в котором имелись дети, существенно превышает единицу (1,2—1,3 в 1990-х — первой половине 2000-х гг.).

Таблица 3.6. Доля брачно-партнерских союзов всех типов без детей, распавшихся к указанному году от начала совместной жизни, Россия и отдельные страны (оценка на основе специальных таблиц для условных брачных когорт), %

К году от начала союза	Россия, GGS-2004		Результаты сравнительного обследования «Семья и рождаемость» (Family and Fertility Survey/FFS), 1991—1999				
	1992—1998	1998—2004	Швеция (1985—1993)	Франция (1988—1994)	США (1989—1995)	Италия (1990—1995)	Польша (1986—1991)
	0	0	0	0	0	0	0
1	4	5	9	7	18	4	1
2	9	11	19	15	28	6	3
3	17	16	29	20	36	9	3
4	25	23	36	28	39	10	6
5	29	28	42	34	44	13	8
7	37	38	52	42	49	16	8
10	44	46	60	53	55	19	8
15	51	51	72	62	62	27	19

Источник: Для России расчеты выполнены в 2005 г. Г. Андерссоном (Институт демографических исследований им. М. Планка (MPDR), г. Ростоки, Германия), данные подготовлены С. Захаровым. Для других стран расчеты по аналогичной методике выполнены Г. Андерссоном и Д. Филлиповым, см.: *Andersson G., Philipov D. Life-table representation of family dynamics in Sweden, Hungary, and 14 other FFS countries // Demographic Research. 2002. Vol. 7. MPDR, August.*

Таблица 3.7. Число разводов и число общих детей в возрасте до 18 лет в расторгаемых браках, Россия, 1988—2006 гг.

Год	Всего разводов, тыс.	Разводов с общими детьми, тыс.	Доля разводов с общими детьми, %	Всего общих детей, тыс.	Среднее число детей на один развод	
					Всего	В семьях с детьми
1988	573,9	350,4	61,1	465,1	0,81	1,33
1989	582,5	358,9	61,6	479,1	0,82	1,33
1990	559,9	345,7	61,7	466,1	0,83	1,35
1991	597,9	382,8	64,0	522,2	0,87	1,36
1992	639,2	415,7	65,0	569,1	0,89	1,37
1993	663,3	433,6	65,4	593,8	0,90	1,37
1994	680,5	449,6	66,1	613,4	0,90	1,36
1995	665,9	434,9	65,3	588,1	0,88	1,35
1996	562,4	347,4	61,8	463,5	0,82	1,33
1997	555,2	353,0	63,6	454,5	0,82	1,29
1998	501,7	308,6	61,5	389,7	0,78	1,26
1999	532,5	...	54,1*	...	0,67*	1,24*
2000	627,7	...	54,9*	...	0,67*	1,21*
2001	763,5	...	60,1*	...	0,73*	1,21*
2002	853,6	...	58,6*	...	0,70*	1,20*
2003	798,8	...	57,1*	...	0,68*	1,19*
2004	635,8	...	56,5*	...	0,68*	1,21*
2005	604,9	...	56,4*	...	0,67*	1,19*
2006	640,8	...	56,7*	...	0,67*	1,18*

*Расчет по совокупности территорий, представивших в Госкомстат/Росстат соответствующие данные (в 1999 г. 61 субъект Федерации, не считая национальных и автономных округов, в которых было зарегистрировано 79% общего числа разводов в стране; в 2001, 2002 и 2003 гг. — 46 субъектов Федерации, 63% общего числа разводов в стране; в 2004 и 2005 гг. — 47 субъектов Федерации, 62 и 60,5% разводов; в 2006 г. — 49 субъектов Федерации, 61,2% разводов).

Таблица 3.8. Доля брачно-партнерских союзов всех типов, распавшихся к указанному году от начала совместной жизни, Россия и некоторые другие страны (оценка на основе специальных таблиц для условных брачных когорт), %

К году от начала союза	Россия, GGS-2004		Результаты сравнительного обследования «Семья и рождаемость» (FFS), 1991—1999									
	1992—1998	1998—2004	Швеция (1985—1993)	Франция (1988—1994)	США (1989—1995)	Западная Германия (1986—1992)	Италия (1990—1995)	Испания (1989—1995)	Венгрия (1988—1993)	Чехия (1992—1997)	Латвия (1989—1995)	Литва (1989—1995)
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	4	4	8	7	19	4	4	6	5	5	9	3
2	8	9	17	13	30	12	5	9	10	9	16	5
3	11	12	26	18	36	19	7	10	14	13	21	8
4	15	16	32	22	41	24	8	12	16	16	28	11
5	19	19	36	26	44	27	9	14	19	19	33	14
7	23	25	42	31	49	32	10	16	22	23	37	18
10	27	31	48	36	55	37	12	18	26	26	42	21
15	33	36	54	41	61	43	14	20	30	33	47	26
20	37	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Источник: см. примечание к табл. 3.6.

Таблица 3.9. Доля союзов, начавшихся с официально зарегистрированного брака и распавшихся к указанному году от начала совместной жизни, Россия и некоторые другие страны (оценка на основе специальных таблиц для условных брачных когорт), %

К году от начала союза	Россия, GGS-2004		Результаты сравнительного обследования «Семья и рождаемость» (FFS), 1991—1999									
	1992—1998	1998—2004	Швеция (1985—1993)	Франция (1988—1994)	США (1989—1995)	Западная Германия (1986—1992)	Италия (1990—1995)	Испания (1989—1995)	Венгрия (1988—1993)	Чехия (1992—1997)	Латвия (1989—1995)	Литва (1989—1995)
	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	2	2	3	1	5	0	0	0	2	1	2	1
2	5	6	5	2	10	4	1	1	4	3	6	2
3	7	7	5	3	14	7	2	1	6	6	10	3
4	9	9	5	5	17	10	2	2	7	7	15	6
5	12	12	5	7	20	13	3	3	9	10	20	9
7	15	16	8	8	25	16	4	4	12	14	24	11
10	19	21	14	11	31	19	5	5	16	18	29	15
15	24	26	20	16	38	24	8	7	20	26	35	19
20	28	28	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Источник: см. примечание к табл. 3.6.

Таблица 3.10. Доля союзов, начавшихся с сожительства (незарегистрированного союза) и распавшихся к указанному году от начала совместной жизни, Россия и некоторые другие страны (оценка на основе специальных таблиц для условных брачных когорт), %

К году от начала союза	Результаты сравнительного обследования «Семья и рождаемость» (FFS), 1991—1999											
	Россия, GGS-2004		Швеция (1985—1993)	Франция (1988—1994)	США (1989—1995)	Западная Германия (1986—1992)	Италия (1990—1995)	Испания (1989—1995)	Венгрия (1988—1993)	Чехия (1992—1997)	Латвия (1989—1995)	Литва (1989—1995)
	1992—1998	1998—2004										
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	4	5	8	8	25	5	18	21	10	7	13	8
2	10	9	18	15	38	15	23	29	20	13	24	15
3	14	14	26	20	46	23	29	33	26	19	29	20
4	19	18	32	25	51	28	31	39	32	23	37	25
5	23	21	37	29	55	32	33	42	35	26	42	32
7	29	28	43	36	60	38	36	47	40	29	47	41
10	34	34	49	42	66	44	38	53	46	32	53	44
15	41	42	55	48	72	51	43	55	53	39	57	55
20	45	46	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Источник: см. примечание к табл. 3.6.

Таблица 3.11. Доля брачно-партнерских союзов всех типов с совместными детьми, распавшихся к указанному году от начала совместной жизни, Россия и некоторые другие страны (оценка на основе специальных таблиц для условных брачных когорт), %

К году от начала союза	Результаты сравнительного обследования «Семья и рождаемость» (FFS), 1991—1999											
	Россия, GGS-2004		Швеция (1985—1993)	Франция (1988—1994)	США (1989—1995)	Западная Германия (1986—1992)	Италия (1990—1995)	Испания (1989—1995)	Венгрия (1988—1993)	Чехия (1992—1997)	Латвия (1989—1995)	Литва (1989—1995)
	1992—1998	1998—2004										
0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
1	3	2	4	2	14	2	0	2	3	3	5	2
2	6	6	8	4	21	6	1	3	5	8	11	4
3	9	9	12	7	27	8	2	4	7	12	16	7
4	12	12	16	10	31	11	2	5	9	13	21	9
5	15	15	20	12	34	14	3	6	11	16	24	11
7	18	20	24	16	41	17	4	7	14	19	28	14
10	22	24	29	20	46	22	6	8	18	22	32	18
15	27	30	36	26	53	30	8	10	21	29	38	22
20	31	33	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Источник: см. примечание к табл. 3.6.

К сожалению, официальная статистика по данному вопросу после 1998 г. страдает большой неполнотой в смысле охвата российских территорий. Соответствующие отчетные формы в 2006 г. были собраны только по 49 субъектам Федерации, на которых было зарегистрировано чуть более 61% всех разводов в стране. Тем не менее прослеживается тенденция постепенного уменьшения числа детей до 18 лет, затронутых расторжением браков их родителей. Медленно уменьшается доля разводов с совместными детьми, снижается среднее число детей, приходящееся на один развод (см. табл. 3.7). В 2006 г., по нашей оценке для территорий, собирающих соответствующие данные, среднее число детей на один развод составило 0,67, что на 26% меньше, чем в 1994 г. Среди распавшихся семей с совместными детьми среднее число детей также снизилось — 1,18 в 2006 г. против 1,36—1,37 в первой половине 1990-х гг. Итак, количество детей, страдающих от развода родителей, в России в последнее десятилетие снижалось.

В предыдущих докладах мы отмечали, что данная тенденция может объясняться как снижением рождаемости, так и возросшей стабильностью браков с детьми относительно бездетных супружеских пар. Указывалось также, что вероятнее всего роль повышения стабильности семейных пар с детьми была ведущей. Нужно только не забывать, что в данном случае речь идет о юридических браках, т.е. тех, в которых партнеры соответствующим образом оформили как брачный союз, так и последующее его расторжение. О стабильности и детности фактических, незарегистрированных партнерских союзов текущая статистика никакой информации не дает: где не было зарегистрированного брака, там не может быть и развода. Разработка данных обследования РиДМиЖ/RusGGS-2004 позволила более детально осветить и данный вопрос.

В табл. 3.11 приведены доли распавшихся союзов всех типов (зарегистрированных и незарегистрированных) с совместными детьми к тому или иному году от начала совместной жизни. Сравнение данных за 1998—2004 гг. с данными за 1992—1998 гг. не показывает снижение риска распада родительских союзов. Скорее можно засвидетельствовать обратное — к 10-му году совместной жизни в 1992—1998 гг. ожидаемая вероятность распада семейной пары — 22%, а в более близкие годы — 24%. К 20-му году супружества распадается каждый третий союз с детьми.

Итак, приходится признать, что наша прежняя гипотеза о снижении риска развода для семейных пар с детьми относительно бездетных в российских условиях экономической нестабильности не прошла проверки данными выборочного обследования и за снижением детности разведенных пар в России скрывается все же снижение рождаемости.

Сравнение с другими странами показывает, что супружество в России не обладает какой-либо «сверхнеустойчивостью»: все брачно-партнерские союзы (и союзы, основанные на зарегистрированном браке, и союзы с детьми или без детей) в России имеют прочность на среднем для развитых стран уровне (см. табл. 3.6, 3.8—3.11).

Так, в России риск прекращения союза, начавшегося с регистрации брака (см. табл. 3.9), имеет близкую величину к наблюдаемой в Западной Германии и много ниже, чем в США. В Швеции и Франции браки чуть более прочные, но заключаются они намного реже, чем в России и США. В Италии и Испании расторжению брака до сих пор препятствуют традиции — венчальные браки, заключенные в соответствии с религиозным канонам, продолжают доминировать, а расторжение их представляет непростую проблему.

Прочность незарегистрированных союзов в России по мировым меркам достаточно высока (см. табл. 3.10). Многие пары действительно рассматривают такой тип супружества как реальную альтернативу гражданскому браку (т.е. союзу, закрепленному регистрацией в органах ЗАГС⁴) и браку, заключенному в соответствии с религиозным канонам. Развитие такой тенденции приближает Россию к Швеции, в которой официальные браки и продолжительные неофициальные союзы уже не одно десятилетие сосуществуют на равных. Правда, не исключена реализация и французского варианта трансформации семейных отношений, при которой добрачные сожительства без регистрации («пробные браки») становятся едва ли не обязательной прелюдией к официально зарегистрированному браку.

⁴ В последнее время с легкой руки журналистов неформальные союзы в России стали почему-то называть «гражданскими браками». Между тем первоначальное значение этого понятия — как раз супружеский союз, прошедший гражданскую регистрацию, но не освященный церковным обрядом.

4. Рождаемость и воспроизводство населения

4.1. Рождаемость сохраняется на прежнем уровне

В 2000—2004 гг. число рождений в России увеличивалось. По сравнению с минимальным показателем, достигнутым в 1999 г., — 1214,7 тыс. число живорождений в 2004 г. (без учета Чеченской Республики) увеличилось на 259 тыс., или на 21% (табл. 4.1). При неизменной численности населения это означало бы рост общего коэффициента рождаемости с 8,3 на 1000 в 1999 г. до 10,1 в 2004 г., но так как численность населения сократилась, то общий коэффициент вырос чуть больше — до 10,3‰. Опубликованный коэффициент за 2004 г. еще больше — 10,4‰, но он исчислен с учетом числа родившихся в Чеченской Республике.

В 1993—2002 гг. регистрация рождений (как и других демографических событий) в Чечне либо отсутствовала вообще, либо была отрывочной и неполной. Начиная с 2003 г. Росстат вновь включает в свои публикации по России рождения, зарегистрированные на территории Чечни¹. Это влияет на общероссийские показатели в размере 0,1 на 1000 населения (см. табл. 4.1).

Таблица 4.1. Число родившихся и общий коэффициент рождаемости в России в 2003—2006 гг. с учетом и без учета родившихся в Чеченской Республике

Год	Число родившихся, тыс.			Общий коэффициент рождаемости	
	Без Чеченской Республики	Чеченская Республика	С Чеченской Республикой	Без Чеченской Республики	С Чеченской Республикой
2003	1 449 527	27 774	1 477 301	10,1	10,2
2004	1 473 981	28 496	1 502 477	10,3	10,4
2005	1 428 724	28 652	1 457 376	10,1	10,2
2006	1 451 648	27 989	1 479 637	10,3	10,4

¹ В 2003 г. общее число рождений в Чеченской Республике не было распределено по возрасту матери и при расчете более детальных показателей — коэффициентов рождаемости по возрасту матери, коэффициента суммарной рождаемости — данные по Чечне не принимались во внимание (не включались ни в числитель — число рождений, ни в знаменатель — среднегодовая численность населения). Данные о рождаемости в Чечне полноправно присутствуют в официальных демографических расчетах лишь с 2004 г.

Как отмечалось выше, увеличению числа рождений и браков способствует благоприятная возрастная структура населения — число женщин основного детородного возраста (до 30 лет) продолжает находиться в фазе роста. Однако расчеты, приведенные в табл. 4.2, свидетельствуют, что положительное влияние фактора структуры начало ослабевать. В ближайшие несколько лет оно сойдет на нет, а затем станет отрицательным. Положительное влияние собственно рождаемости (возрастной интенсивности деторождения) было максимальным в 2002 г., но затем стремительно падало и уже в 2004 г. оказалось статистически едва различимым.

В 2005 г. интенсивность деторождения заметно упала практически во всех возрастных группах, что и предопределило уменьшение общего числа рождений. Если бы на число рождений действовал только один фактор — число женщин в репродуктивных возрастах, то в 2005 г. по сравнению с 2004 в России было бы зафиксировано на 17 тыс. рождений больше. Однако снижение возрастных коэффициентов рождаемости привело к тому, что страна условно недосчиталась 62 тыс. рождений. В результате годовой прирост рождений оказался отрицательным: в 2005 г. в стране родилось на 45,1 тыс. детей меньше ($+17,0 - 62,1 = -45,1$).

В 2006 г. число рожденийросло на 22 тыс., но максимум 2004 г. перекрыт не был. Главную роль в приросте вновь сыграл структурный фактор — численность и возрастной состав населения в детородном возрасте продолжали влиять в положительную сторону, а влияние возрастной интенсивности деторождения хотя и стало, в отличие от предыдущего года, положительным, но было очень слабым — вдвое менее значимым, чем роль структурного фактора (см. табл. 4.2).

Показатель, не зависящий от половозрастной структуры населения, — коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения) — также свидетельствует о том, что в России в 1999—2004 гг. происходило увеличение интенсивности деторождения как в городской, так и в сельской местности, хотя у горожан рост был заметно большим (табл. 4.3). Если в целом показатель увеличился на 0,18 ребенка на одну женщину, то у городского населения прирост составил 0,21, у сельского — всего 0,13. В результате разрыв в уровне рождаемости городских и сельских жителей уменьшился. В 2005 г. рождаемость снизилась почти одинаково и у горожан, и у сельских жителей, но в сельской местности — чуть сильнее, и тенденция сближения уровня рождаемости в городах и селах сохранилась. В результате, если в начале 1990-х гг. итоговая рождаемость у сельских жителей была выше, чем у городских, примерно на 0,9 ребенка в расчете на одну женщину, то к 2005 г. разрыв между сельской и городской местностью сократился до 0,39, т.е. более чем в два раза. В 2006 г.

Таблица 4.2. Число рождений в России и компоненты его изменения, 1993—2006 гг., тыс.

Год	Число рождений*	Изменение за год	В том числе за счет изменения****	
			половозрастной структуры населения	возрастной интенсивности деторождения
1993	1379,0	—	—	—
1994	1408,2	+29,2	+4,7	+24,5
1995	1363,8	-44,4	+12,3	-56,7
1996	1304,6	-59,2	+8,4	-67,6
1997	1259,9	-44,7	+8,5	-53,2
1998	1283,3	+23,4	+9,8	+13,6
1999	1214,7	-68,6	+10,4	-79,0
2000	1266,8	+52,1	+13,9	+38,2
2001	1311,6	+44,8	+17,2	+27,6
2002	1397,0	+85,4	+19,7	+65,7
2003	1449,5	+52,6	+20,3	+32,2
2004**	1474,0	+24,5	+18,4	+6,1
2004***	1502,5	—	—	—
2005***	1457,4	-45,1	+17,0	-62,1
2006***	1479,6	+22,2	+14,8	+7,4

* 1993—2003 гг. без рождений в Чеченской Республике.

** Без Чеченской Республики.

*** С Чеченской Республикой.

**** Индексное разложение годового прироста.

коэффициент суммарной рождаемости повысился только в сельской местности, а в городской остался на том же уровне.

Динамика рождаемости в России давно уже близка к ее динамике в большинстве индустриально развитых стран. Россия перестала выделяться на их фоне уже после Второй мировой войны (рис. 4.1).

В 1960-е гг. Россия не только догнала индустриальные страны по уровню рождаемости, но и оказалась в авангарде движения к ее снижению. К концу этого десятилетия Россия выделялась на общем фоне крайне низкой по тем временам рождаемостью: в 1968 г. среди 40 промышленных стран толь-

Таблица 4.3. Коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число детей на одну женщину), Россия, 1980, 1990—2006 гг.

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1980	1,89	1,70	2,51
1990	1,89	1,70	2,60
1991	1,73	1,53	2,45
1992	1,55	1,36	2,26
1993	1,37	1,20	1,95
1994	1,39	1,24	1,91
1995	1,34	1,19	1,81
1996	1,27	1,14	1,70
1997	1,22	1,10	1,62
1998	1,23	1,11	1,64
1999	1,16	1,04	1,53
2000	1,19	1,09	1,55
2001	1,22	1,12	1,56
2002	1,28	1,19	1,61
2003	1,32	1,22	1,67
2004	1,34	1,25	1,66
2005	1,29	1,20	1,59
2006	1,30	1,20	1,61

Примечание. Рассчитано на основе однолетних возрастных коэффициентов, в 1993—2003 гг. — без Чеченской Республики.

ко Чехия (тогда часть Чехословакии), Латвия и Украина (тогда республики СССР) и Хорватия (одна из республик Югославии) имели еще более низкую рождаемость. К этому списку надо еще добавить Венгрию, в которой в 1962—1965 гг. коэффициент суммарной рождаемости был самым низким в мире (1,8).

Впоследствии положение несколько изменилось. Снижение рождаемости в России замедлилось, а во многих индустриальных странах продолжалось довольно высокими темпами, показатели рождаемости в них упали очень низко и при этом сблизались. В 1950—1960-е гг. еще были индустриальные или быстро индустриализовавшиеся страны, в которых уровень рождае-

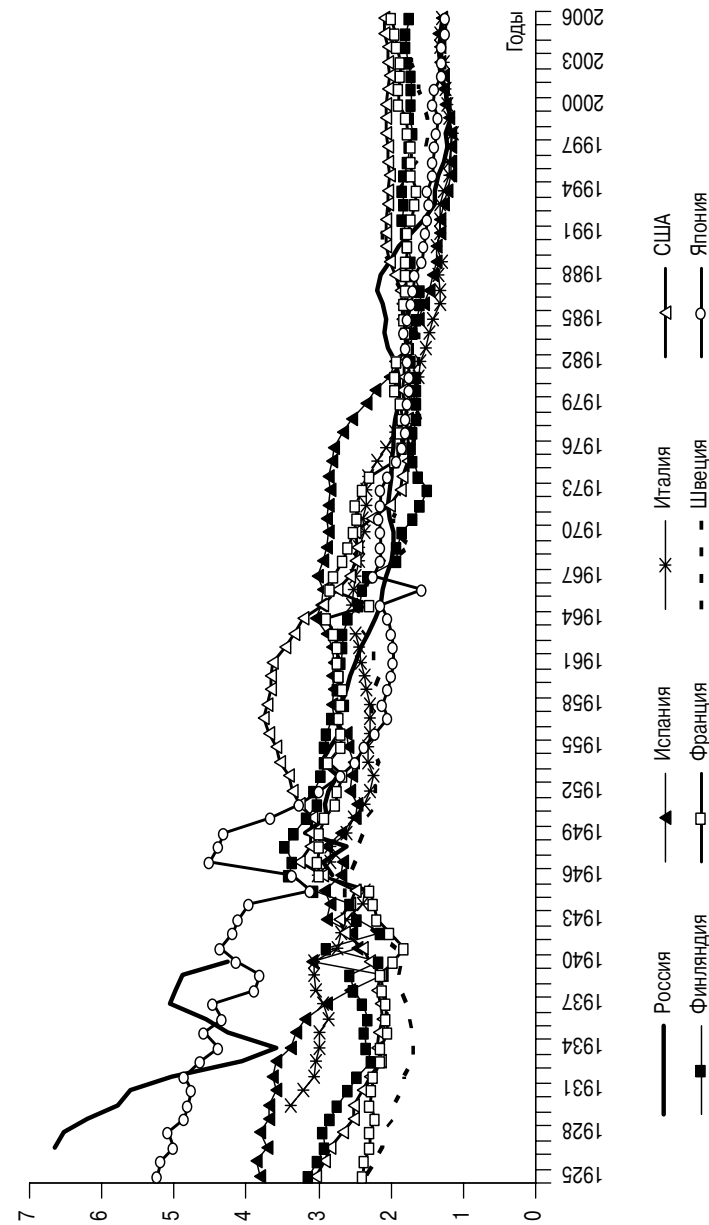

Рис. 4.1. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых развитых странах после 1925 г.

ности намного превышал российский, но в 1980-е гг. таких стран практически не осталось.

В результате, хотя к 1980 г. коэффициент суммарной рождаемости в России упал до 1,86 (самый низкий уровень за весь период до 1991 г.), в это время было 13 стран (из списка нынешних независимых государств), в которых рождаемость была ниже, чем в России: Дания (1,55), Швейцария (1,55), Германия (1,56: ГДР — 1,94 и ФРГ — 1,45), Нидерланды (1,60), Финляндия (1,63), Италия (1,64), Австрия (1,65), Канада (1,67), Швеция (1,68), Бельгия (1,68), Норвегия (1,72), Япония (1,75), США (1,84).

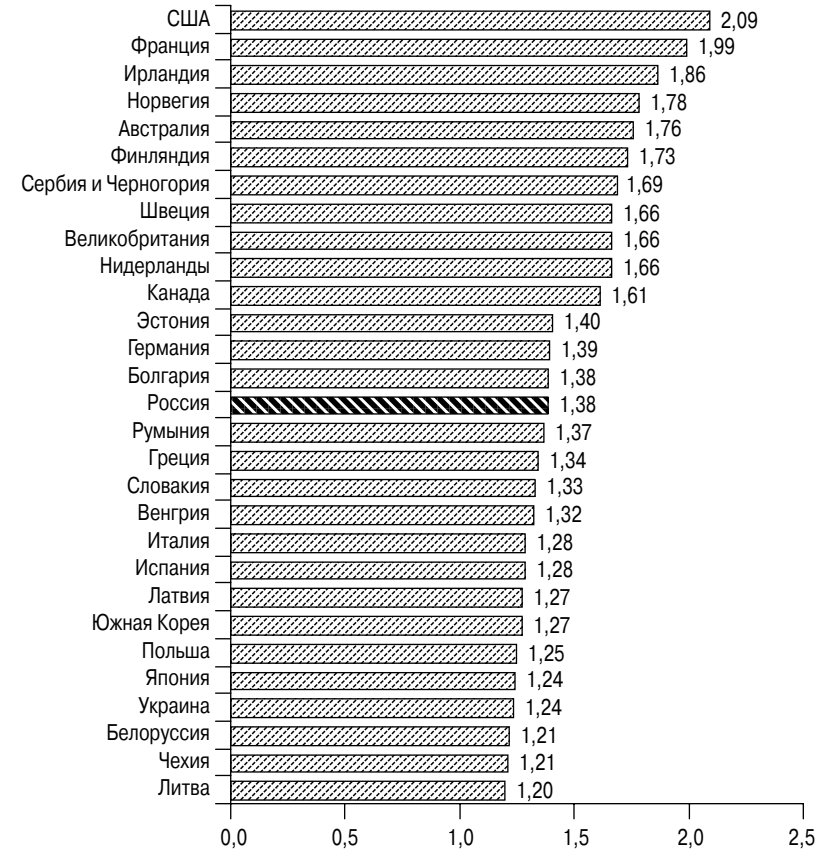

Рис. 4.2. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых развитых странах в 2006 г.

Затем последовал период кратковременного роста рождаемости в России, обусловленного мерами демографической политики 1980-х гг., а возможно, и антиалкогольной кампанией, а также социальными ожиданиями первых лет перестройки. Этот рост достиг пика в 1987 г., когда коэффициент суммарной рождаемости повысился до 2,23 и Россия оказалась в ряду развитых стран с самой высокой рождаемостью: среди 40 таких стран более высокий показатель в 1987 г. был зафиксирован только в Эстонии, Македонии, Ирландии, Румынии и Молдавии.

В целом весь период с конца 1960-х до конца 1980-х гг. с точки зрения динамики коэффициента рождаемости условного поколения был в России более благоприятным, чем в большинстве стран Европы, в США или Японии. Но высокие уровни рождаемости середины 1980-х гг. продержались в России очень недолго, и уже с конца 1980-х произошло их резкое падение, которое снова привело Россию в группу стран с самой низкой рождаемостью, число которых к этому времени резко выросло (рис. 4.2).

4.2. Многодетных матерей становится все меньше

Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) относится к условным поколениям и не всегда позволяет судить о том, происходит повышение или снижение рождаемости, в особенности когда речь идет о краткосрочных колебаниях.

Для более глубокого понимания наблюдаемых изменений необходимо знать, за счет каких детей по порядку рождения их у матери происходят текущие изменения рождаемости. Низкий уровень рождаемости в России связан с массовым распространением однодетной семьи и, соответственно, с очень высокой долей первенцев в общем числе родившихся. По этому показателю Россия уже в 1970-е гг. превосходила все европейские страны, а сейчас соревнуется за «первенство» с Украиной, Белоруссией и Болгарией. В США первенцы составляют 40% ежегодного числа родившихся, в Швеции — 45, в России их доля приближается к 60%.

Если доля первых рождений в России — одна из самых высоких в мире, то доли вторых и третьих рождений, напротив, давно уже одни из самых низких. В 2006 г. в России вторые рождения составляли 30,3% всех рождений (оценка по данным для территорий, охваченных регистрацией порядка рождения у матери). Более низкая, чем в России, их доля наблюдается только на Украине, в Белоруссии, Польше, Румынии и во Франции. На противоположном полюсе находились такие страны, как Германия, Греция, Чешская Республика и Швейцария — свыше 37%.

Положение с третьими рождениями в России такое же, как и со вторыми: самый низкий в мире показатель в 1970-е гг. и один из самых низких в начале XXI в. В 2006 г. доля третьих рождений в России — менее 7,2% (оценка по территориям, охваченным регистрацией порядка рождения у матери). Более низкие показатели были только на Украине, в Белоруссии и Болгарии.

Распределение рождений по очередности у матери — важная исходная информация для углубленного изучения рождаемости и оценки такой важнейшей ее характеристики, как вероятность увеличения семьи. К сожалению, после 1998 г. российские исследователи лишены возможности полноценно использовать этот индикатор. Сейчас центральные статистические органы не ведут всеохватывающей разработки данных по очередности рождения ввиду того, что ныне действующий закон об актах гражданского состояния (фактически вступил в действие в 1999 г.), в отличие от международной и предыдущей отечественной практики, не предусматривает записи о порядковом номере рождения у матери в исходном для статистики документе — акте о рождении. Тем не менее многие местные статистические органы продолжают (фактически в нарушение действующего законодательства) на добровольной основе собирать соответствующую информацию². Охват российских территорий такой инициативой сохраняется достаточно большим, они расположены во всех географических зонах (правда, состав этих территорий год от года несколько меняется) и дают более 60% всех рождений в стране (67% в 2006 г.), что позволяет распространить неполные данные на всю Россию.

В табл. 4.4, 4.5 представлены конечные результаты таких расчетов. Обращает на себя внимание повышение в 2001—2005 гг., правда, очень небольшое, вклада в общую динамику рождаемости вторых и третьих рождений при медленном снижении вклада первенцев. Однако одновременно снижался и вклад четвертых и следующих рождений.

Вклад многорожавших женщин в величину итоговой рождаемости давно уже незначителен: на долю четвертых и последующих детей в России приходилось в 2006 г. менее 4%, ниже эта доля только в Белоруссии, Испании и Словении. Да и в целом рождения столь высоких очередностей не играют большой роли в формировании общего уровня рождаемости в развитых

² В 2006 г. распределения родившихся одновременно по возрасту матери и очередности рождения имеются для всех территорий РФ, кроме г. Москвы, Брянской, Владимирской, Курской, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Ростовской, Пермской, Оренбургской, Саратовской, Тюменской, Читинской, Камчатской, Калининградской областей, Краснодарского, Алтайского, Хабаровского краев, республик Ингушетии, Кабардино-Балкарской, Северной Осетии, Тувы, Якутии, Чукотского АО (всего 24 региона).

Таблица 4.4. Итоговая (суммарная) рождаемость для каждой очередности рождения*, на одну женщину, Россия, 1980–2006 гг.

Год	Дети по очередности рождения					Итоговая рождаемость (дети всех очередностей)
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие	
1980	0,967	0,643	0,147	0,048	0,061	1,866
1985	0,964	0,758	0,214	0,060	0,055	2,051
1990	0,995	0,624	0,178	0,052	0,045	1,893
1995	0,802	0,387	0,098	0,029	0,021	1,337
2000**	0,702	0,358	0,092	0,026	0,018	1,195
2001**	0,720	0,368	0,090	0,027	0,018	1,223
2002**	0,742	0,394	0,099	0,028	0,019	1,281
2003**	0,758	0,411	0,103	0,028	0,018	1,319
2004**	0,769	0,420	0,105	0,029	0,018	1,340
2005**	0,737	0,405	0,100	0,028	0,017	1,287
2006**	0,746	0,407	0,100	0,027	0,016	1,296

* Среднее число детей каждой очередности, которое предстоит родить одной женщине к возрасту 50 лет при условии неизменности текущей возрастной интенсивности деторождения и структуры рождений по очередности. Сумма показателей для всех очередностей дает традиционный показатель итоговой (суммарной) рождаемости условного поколения (тот же, что в табл. 4.3).

**Оценки, базирующиеся на использовании неполных данных, — только для тех территорий, которые сохраняют разработку данных о рождениях одновременно по возрасту и очередности рождения. Год от года состав территорий, представляющих соответствующие данные, меняется. В 2006 г. распределенные рождения по возрасту и очередности составили 66,6% всех рождений в России. На основе неполных данных были получены оценочные распределения всех зарегистрированных родившихся в России по возрасту матери и очередности рождения, которые и использовались в этой в таблице.

Источник: расчеты С. Захарова с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп. При расчете показателей были исключены: в 1993–1994 гг. — Чечня и Ингушетия, в 1995–2003 гг. — Чечня.

странах. Но все же в некоторых из них четвертые и последующие рождения составляют 10–11% всех рождений (США, Ирландия, Финляндия, Словакия). Если же объединить в одну группу третьи и последующие рождения, то оказывается, что их вклад может быть и не столь уж малым, превышая одну пятую и даже четверть всех рождений. Но в России вклад этой объединенной группы невелик, он составляет 11%, т.е. примерно столько, сколько в США дают только четвертые и последующие рождения.

Таблица 4.5. Вклад каждой очередности рождения в итоговую (суммарную) рождаемость, % и средняя очередность рождения, Россия, 1980–2006 гг.

Год	Дети по очередности рождения					Итого	Средняя очередность рождения**
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие		
1980	51,8	34,5	7,9	2,5	3,3	100,0	1,74
1981	50,2	35,9	8,2	2,6	3,1	100,0	1,76
1982	48,2	37,1	9,0	2,7	3,0	100,0	1,78
1983	45,7	38,9	9,8	2,8	2,8	100,0	1,81
1984	47,1	37,4	10,0	2,8	2,7	100,0	1,79
1985	47,0	36,9	10,5	2,9	2,7	100,0	1,80
1986	44,9	37,9	11,4	3,1	2,7	100,0	1,83
1987	45,0	37,8	11,5	3,1	2,6	100,0	1,83
1988	47,2	36,3	10,9	3,0	2,6	100,0	1,80
1989	49,8	34,8	10,1	2,8	2,5	100,0	1,76
1990	52,5	33,0	9,4	2,7	2,4	100,0	1,72
1991	55,0	31,2	8,9	2,7	2,3	100,1	1,68
1992	57,5	29,6	8,2	2,6	2,1	100,0	1,64
1993	59,8	28,8	7,3	2,3	1,8	100,0	1,59
1994	60,3	28,7	7,2	2,1	1,7	100,0	1,58
1995	60,0	28,9	7,3	2,2	1,6	100,0	1,58
1996	59,4	29,3	7,5	2,2	1,6	100,0	1,59
1997	58,3	30,0	7,7	2,3	1,7	100,0	1,61
1998	58,2	30,1	7,7	2,3	1,7	100,0	1,61
1999*	58,5	29,8	7,7	2,3	1,7	100,0	1,60
2000*	58,7	29,9	7,7	2,2	1,5	100,0	1,59
2001*	58,9	30,1	7,4	2,2	1,4	100,0	1,59
2002*	57,9	30,8	7,7	2,2	1,4	100,0	1,60
2003*	57,5	31,2	7,8	2,1	1,4	100,0	1,60
2004*	57,4	31,3	7,8	2,1	1,4	100,0	1,60
2005*	57,3	31,5	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60
2006*	57,5	31,4	7,8	2,1	1,2	100,0	1,59

* См. примечание к табл. 4.4.

** Показатель рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взята суммарная рождаемость для каждой очередности.

Источник: см. примечание к табл. 4.4.

Снижение доли первых и одновременно четвертых и последующих рождений взаимно компенсировало друг друга, так что средняя очередность рождения (СОР) не изменилась, с конца 1990-х гг. она остается на неизменном уровне — 1,6 (см. табл. 4.5).

В 1970-х и 1980-х гг. средняя очередность рождений колебалась в пределах 1,7—1,8, в связи с чем можно предположить, что действительное снижение итоговой рождаемости для реальных поколений за 1990-е гг. составило около 0,2 ребенка в расчете на одну женщину (1,8 минус 1,6), а не 0,7 ребенка, как это показывает оценка, сделанная на основе коэффициента суммарной рождаемости для условных поколений (1,2 в 1997—2001 гг. против 1,9 в 1990 г., см. табл. 4.5).

Для реальных поколений женщин по году рождения между средней очередностью рождений и итоговым показателем рождаемости расхождений не может быть, это, по сути, один и тот же показатель — среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину к концу детородного периода. Для условных поколений в случае плавных изменений возрастной модели рождаемости и при стабильной доле ни разу не рожавших женщин расхождения между показателями также минимальны, как это, например, имело место в 1970-х гг.

Однако в случае резких изменений календаря рождений, которому следует среднестатистическая женщина, или, иначе, резких изменений средних темпов формирования окончательного размера потомства в реальных поколениях, расхождения между этими характеристиками уровня рождаемости для условных поколений становятся неизбежными, причем они тем больше, чем значительнее меняются средние темпы формирования семьи. В случае ускорения темпов — дети рождаются у родителей в более молодом возрасте, чем прежде, — коэффициент суммарной рождаемости дает завышенную оценку действительного уровня рождаемости и соответственно превышает СОР. Пример тому ситуация середины 1980-х гг., когда введенные в действие в 1981 г. меры семейной политики вызвали дезорганизацию прежнего календаря рождений среднестатистической женщины — значительное число женщин 1960-х гг. рождения поспешило обзавестись потомством, в первую очередь вторым ребенком, на несколько лет раньше. КСР подскочил с 1,89 в 1987 г. до 2,23 в 1988 г., или более чем на 0,3 ребенка в расчете на одну женщину. В действительности демографический эффект от этих мер политики был куда менее значимый, поскольку семьи не столько поменяли свои намерения в отношении окончательного размера своего потомства, сколько пересмотрели «расписание» их появления на свет, на что и указывает слабая реакция показателя СОР (1,74 в 1980 г. и 1,83 в 1987 г., разница всего в 0,09 ребенка, очень близкая

по величине к оценке положительного влияния политики на величину итоговой рождаемости реальных поколений³).

В 1990-х гг. мы наблюдали обратную картину: показатель средней очередности рождения заметно превышал коэффициент суммарной рождаемости. Следовательно, имело место существенное замедление темпов формирования семьи: поколения женщин, родившиеся в 1970-х и 1980-х гг., обзаводятся детьми в более позднем возрасте, чем предшествующие поколения. Соответственно КСР, рассчитанный для календарных лет (для условных поколений), дает заниженную оценку итоговой рождаемости, которую следует ожидать от поколений, находящихся в активных прокреативных возрастах и переживающих сегодня процесс трансформации возрастной модели рождаемости в сторону постарения.

В 2006 г. небольшой рост показателя итоговой рождаемости условных поколений произошел за счет повышения интенсивности рождения первых двух очередностей. Коэффициент суммарной рождаемости третьих и четвертых детей практически не изменился, а интенсивность рождения пятых и последующих детей продолжала долговременную историческую тенденцию к снижению (см. табл. 4.4). Несмотря на то что в 2006 г. отмечалось повышение коэффициента суммарной рождаемости, показатель СОР изменился за тот же год в противоположном направлении — снизился с 1,60 до 1,59 (см. табл. 4.5). Такое разнонаправленное поведение двух показателей — КСР и СОР свидетельствует о том, что в 2006 г. никакого повышения рождаемости в реальных поколениях скорее всего не было, а происходили едва заметные, конъюнктурные изменения в календаре рождений. Возможно, произошла частичная реализация рождений, отложенных по каким-то причинам годом ранее, или сказалось увеличение числа браков в 2005—2006 гг., о чем говорилось выше. Прирост первых браков всегда оборачивается дополнительным приростом первых рождений годом позже. В подтверждение высказанных предположений приведем для 2005 и 2006 гг. выдержку из распределений годового числа брачных рождений по длительности брака и показатель, связывающий число брачных рождений в текущем году с числом браков, заключенных в текущем и предшествующем годах (табл. 4.6).

Рост числа браков, как правило, приводит к дополнительному приросту рождений в том же и последующем годах. Так, в 2006 г. вклад браков с длительностью до одного года в общем числе брачных рождений текущего года составил 43% и увеличился почти на 4% по сравнению с 2005 г. В то же время отношение числа брачных рождений к числу браков соответ-

³ См.: *Захаров С.В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 33—69 (http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf).

Таблица 4.6. Доля детей, рожденных на первом и втором году брака, в общем годовом числе брачных рождений, и число рождений на 100 браков, заключенных в текущем и предшествующем годах, Россия, 2005 и 2006 гг.

Год	Доля детей, рожденных в браках с указанной длительностью, в общем числе брачных рождений данного года, %		Число детей, рожденных в браках, заключенных в предыдущем и данном годах, в расчете на 100 заключенных браков соответствующего года	
	До одного года	1 год	В предыдущем году	В том же году
2005	39,2	13,6	24,2	23,7
2006	43,0	13,5	24,6	23,5

Источник: расчет С. Захарова, основанный на неопубликованных данных Росстата.

ствующего года почти не изменилось: в 2005 г. на 100 браков, заключенных в том же 2005 г., приходилось 23,7 рождения, на 100 браков, заключенных в предыдущем 2004 г., — 24,2. В 2006 г. соответствующие отношения были равны 23,5 и 24,6.

Итак, прирост брачных рождений в 2006 г. может частично объясняться реализацией рождений, отложенных в 2005 г. (напомним, что в этом году рождаемость снизилась), но главным фактором был существенный прирост числа браков в 2005—2006 гг., за счет чего в 2006 г. увеличилась доля первых рождений в общем числе родившихся и повысился КСР. Такие подвижки проявили себя в первую очередь в сельской местности, поскольку, как мы уже показывали, КСР в 2006 г. увеличился только на селе. С другой стороны, те же конъюнктурные изменения вызвали некоторое уменьшение показателя СОР, и поэтому итоги 2006 г. с точки зрения увеличения числа детей в семьях можно оценить как нулевые.

4.3. Материнство продолжает стареть

Изменения в уровне рождаемости, происходящие в России в последнее десятилетие, идут рука об руку со значительной трансформацией возрастной модели массового репродуктивного поведения. Как уже говорилось выше, молодые люди сегодня вступают в брак позже, чем два десятилетия назад, позже они начинают и процесс деторождения.

Эти сдвиги идут в русле общих тенденций, характерных для большинства развитых стран. Перестройка возрастной кривой рождаемости происходила повсеместно на протяжении всего послевоенного периода, причем бросается в глаза сходство изменений, наблюдавшихся в самых разных странах. До

1970-х гг. рождаемость повсеместно сдвигалась к молодым возрастам, затем началось движение в противоположную сторону (рис. 4.3).

Это универсальное движение стран свидетельствует о том, что на изменения условий жизни, получения образования, труда, быта, здоровья и т.п. люди в разных странах откликаются поисками того участка их жизненного пути, который в новых условиях наиболее удобен для рождения и воспитания детей. Вначале отказ от рождения детей более высоких очередностей естественным образом вел к омоложению рождаемости, но затем, когда малолетность получила всеобщее распространение, родители, по-видимому, стали осознавать, что для того, чтобы родить и вырастить одного, двоих или троих детей, уже нет необходимости начинать рожать детей в молодом возрасте, как это было принято прежде.

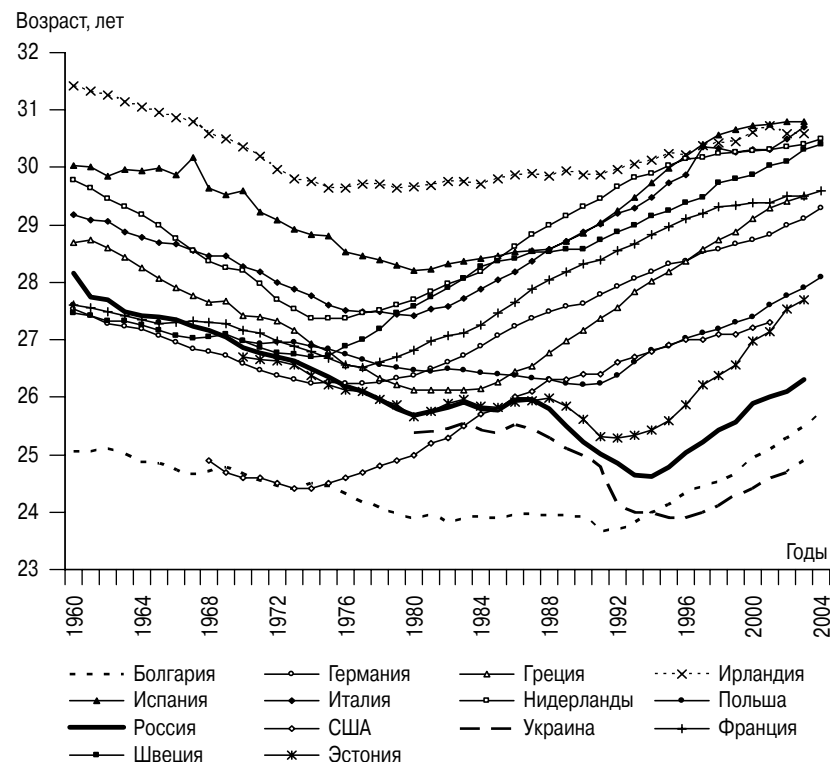

Рис. 4.3. Средний возраст матери при рождении ребенка в некоторых странах, 1960—2004 гг.

На первом этапе, когда рождаемость омолаживалась, Россия шла вместе со всеми странами. В начале 1980-х гг. наметился такой же, как и в других странах, поворот в противоположную сторону. Но, по-видимому, он был прерван мерами проводившейся тогда демографической политики, которая способствовала более раннему рождению детей, и возобновился только после 1994 г. К этому времени более низкий средний возраст матери был лишь на Украине и в Болгарии.

Сейчас средний возраст матери при рождении ребенка в России уже выше, чем был в 1986—1987 гг., накануне последовавшего затем его снижения. Но она все еще принадлежит к числу стран с наиболее «молодой» рождаемостью, уступая только Украине, Белоруссии, Молдавии, Болгарии и Румынии, в которых средний возраст материнства еще несколько ниже.

До 2000 г. изменение возрастного профиля рождаемости в России происходило на фоне снижения общего уровня рождаемости: снижение коэффициентов рождаемости у молодых женщин до 25 лет существенно опережало сокращение интенсивности деторождения у женщин старше 25 лет (табл. 4.7). Затем рождаемость в возрастных группах молодых матерей стабилизировалась, а рождаемость в возрастных группах старше 25 лет начала увеличиваться. Сегодня рождаемость 30-летних женщин вплотную приблизилась к уровню, который наблюдался 25 лет назад, а в отдельных одногодичных возрастах уже даже превышает этот уровень (рис. 4.4). Общее увеличение рождаемости в стране начиная с 2000 г. произошло именно благодаря увеличению рождаемости в средних и старших материнских возрастах. В резуль-

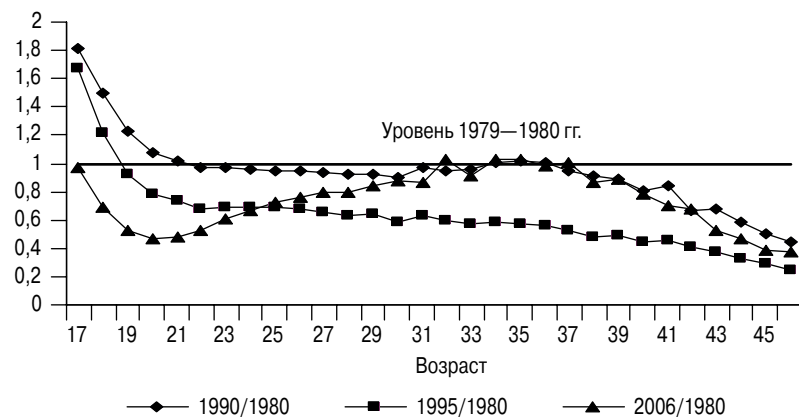

Рис. 4.4. Отношение возрастных коэффициентов рождаемости в 1990, 1995 и 2006 гг. к коэффициентам рождаемости в 1979—1980 гг.

Таблица 4.7. Возрастные коэффициенты рождаемости, Россия, 1980 г., 1990—2006 гг., на 1000 женщин соответствующего возраста

Год	Возрастные группы, лет						
	15—19*	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49**
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2
1991	54,2	145,9	82,7	41,5	16,5	3,7	0,2
1992	50,7	132,9	72,3	34,9	13,9	3,2	0,2
1993	47,3	119,1	63,7	28,8	11,0	2,5	0,2
1994	49,1	119,4	66,8	29,4	10,6	2,3	0,1
1995	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1
1996	38,9	105,5	65,5	30,1	10,8	2,3	0,1
1997	35,8	98,0	64,8	31,2	10,8	2,2	0,1
1998	33,5	98,1	66,6	33,1	11,5	2,3	0,1
1999	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1
2001	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1
2002	27,4	95,8	75,1	41,8	14,7	2,6	0,1
2003	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1
2004	28,2	93,4	80,2	45,9	17,6	2,9	0,1
2005	27,5	86,8	77,9	45,5	17,8	3,0	0,2
2006	28,6	85,8	78,2	46,8	18,7	3,1	0,2
2006/1999	0,990	0,935	1,228	1,454	1,681	1,402	1,287
2006/2005	1,041	0,988	1,005	1,030	1,050	1,040	0,952

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

тате разнонаправленного изменения вклада различных возрастных групп матерей в суммарную рождаемость возрастная модель российской рождаемости за 10 лет сильно изменилась.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. относительный вклад матерей в возрасте до 25 лет в итоговую (суммарную) рождаемость колебался на уровне 52—54%. К середине 1990-х гг., когда «омоложение» рождаемости достигло своего апо-

гея, вклад матерей в возрасте до 20 лет в итоговую (суммарную) рождаемость приблизился к 18%, а всего матери в возрасте до 25 лет обеспечивали 61% общей величины рождаемости в стране. В последующие 10 лет картина стала быстро меняться: в 2006 г. вклад самых молодых матерей в возрасте до 20 лет составил 10,9%, а всех матерей не старше 25 лет — до 43,7% (табл. 4.8).

В итоге теперь уже не самые молодые женщины, как это было и 10, и 25 лет назад, а более зрелые в социальном отношении — старше 25 лет — обеспечивают более половины имеющегося уровня рождаемости.

В обобщенном виде тенденция изменения возрастной модели рождаемости в России хорошо прослеживается в динамике среднего возраста ма-

Таблица 4.8. Вклад возрастных групп матерей в итоговую (суммарную) рождаемость, Россия, 1980 г., 1990—2006 гг., %

Год	Возраст матери, лет					Итого
	До 20	20—24	25—29	30—34	35 и старше	
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1990	14,6	41,6	24,7	12,8	6,3	100,0
1991	15,7	42,3	24,1	12,0	5,9	100,0
1992	16,4	43,1	23,6	11,3	5,6	100,0
1993	17,4	43,7	23,4	10,6	4,9	100,0
1994	17,7	43,0	24,0	10,6	4,7	100,0
1995	16,8	42,3	24,9	11,1	4,9	100,0
1996	15,4	41,7	25,8	11,9	5,2	100,0
1997	14,7	40,4	26,7	12,8	5,4	100,0
1998	13,7	40,0	27,2	13,5	5,6	100,0
1999	12,5	39,9	27,7	14,0	5,9	100,0
2000	11,5	39,3	28,3	14,8	6,1	100,0
2001	11,2	38,2	28,7	15,6	6,3	100,0
2002	10,7	37,2	29,2	16,2	6,7	100,0
2003	10,5	36,0	29,7	16,7	7,1	100,0
2004	10,5	34,8	29,9	17,1	7,7	100,0
2005	10,6	33,6	30,1	17,6	8,1	100,0
2006	10,9	32,8	30,0	17,9	8,4	100,0

тери, в том числе при рождении детей каждой очередности (табл. 4.9). Средний возраст материнства в 2006 г., по нашей оценке, составил 26,6 года, в том числе при рождении первого ребенка — 24,2; второго — 29,1; третьего — 31,7 года. Эти показатели не только выше по сравнению с минимальными, зафиксированными в середине 1990-х гг. (в среднем на 2 года), но и превышают значения, наблюдавшиеся на рубеже 1970-х и 1980-х гг. Более всего увеличился возраст матерей при рождении второго и третьего ребенка — по сравнению с минимальными значениями соответственно на 2,5 и 2 года. Повышение возраста появления на свет первенца за тот же период

Таблица 4.9. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1980 г., 1990—2006 гг.

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1991	25,04	22,60	26,72	29,82	31,53	34,35
1992	24,86	22,60	26,64	29,75	31,52	34,48
1993	24,66	22,56	26,62	29,68	31,49	34,34
1994	24,63	22,53	26,74	29,70	31,52	34,22
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
1996	25,04	22,88	27,10	30,11	31,78	34,35
1997	25,23	22,97	27,29	30,27	31,91	34,32
1998	25,41	23,12	27,53	30,47	32,13	34,44
1999*	25,57	23,29	27,70	30,68	32,30	34,53
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,48	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,41	23,97	28,79	31,52	32,99	34,85
2005*	26,56	24,12	28,94	31,62	33,01	34,96
2006*	26,64	24,21	29,08	31,71	33,13	34,99

*Оценки базируются на использовании неполных данных (см. примечание к табл. 4.5).
Источники: расчеты С. Захарова с использованием коэффициентов рождаемости для од-
нолетних возрастных групп.

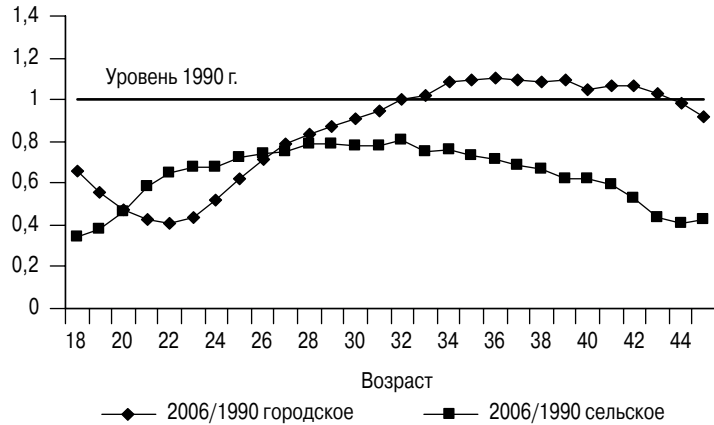

Рис. 4.5. Отношение возрастных коэффициентов рождаемости в городской и сельской местности в 2006 г. к коэффициентам рождаемости в 1990 г.

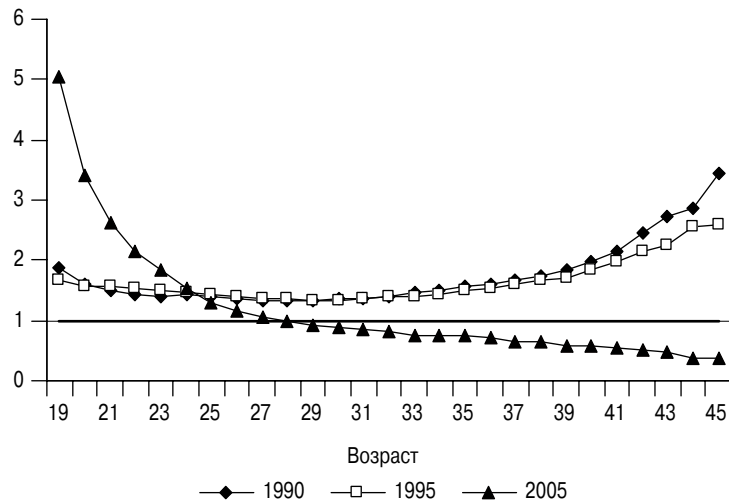

Рис. 4.6. Отношение возрастных коэффициентов рождаемости в сельской местности к коэффициентам рождаемости в городской местности в 1990, 1995 и 2005 гг.

составило 1,7 года. Повышение возраста матери наблюдается и при рождении четвертого и следующих по порядку детей.

Трансформация возрастного профиля рождаемости происходит и у городского, и у сельского населения, но в городах значительно интенсивнее, чем на селе. Рождаемость у городских женщин старше 30 лет повысилась настолько существенно, что сегодня уже превышает уровень не только начала 1990-х гг., но начала 1980-х. В сельской местности изменения также идут, но не столь заметно (рис. 4.5). Различные темпы изменения возрастных коэффициентов рождаемости в городских и сельских типах поселений привели к тому, что к 2006 г. рождаемость городских женщин во всех возрастах старше 27 лет стала превышать рождаемость сельских женщин. Показатель итоговой рождаемости сельского населения продолжает оставаться выше городского лишь за счет более высоких коэффициентов рождаемости в возрастах до 25 лет (рис. 4.6).

4.4. Рост внебрачной рождаемости остановился?

В 2006 г. число внебрачных рождений впервые за 20 лет немного снизилось и в абсолютном, и в относительном выражении — 431,5 тыс. против 437,1 тыс. в 2005 г. и в процентном отношении ко всем рождениям — 29,2 против 30% (табл. 4.10).

В последние десятилетия с точки зрения тенденции интенсивного роста внебрачной рождаемости Россия не представляла собой исключения на общем фоне стран Европы и стран англосаксонской культуры, а скорее находилась в русле тенденций, общих для всех развитых стран.

Россия выделялась среди этих стран относительно высоким уровнем внебрачной рождаемости в послевоенный период, и тогда это объяснялось вынужденной послевоенной «безотцовщиной». В 1960 г. этот уровень был выше только в Эстонии.

Однако к концу 1960-х гг. в Европе дало о себе знать новое явление: массовое добровольное рождение детей вне зарегистрированного брака. Примерно до середины 1980-х гг. это явление не затрагивало Россию, однако затем доля детей, рожденных вне брака, стала быстро нарастать и здесь. Сейчас, имея 29—30% внебрачных детей, Россия занимает по этому показателю среднее положение среди развитых стран (в 2004 г. среди 20 стран, представленных на рис. 4.7, по которым у нас были данные, она занимала 13-е место). Есть такие страны, как Швеция и Эстония, где доля внебрачных детей превышает 55%, тогда как в Японии и Греции не достигает и 5%.

Наиболее интенсивно росла внебрачная рождаемость в возрастах с максимальной вероятностью вступления в брак. Напротив, у женщин старше 30 лет уровень внебрачной рождаемости стабилизировался. Двадцать лет

Таблица 4.10. Число родившихся в браке и вне брака, Россия, 1988—2006 гг., тыс.

Год	Всего	В том числе родившиеся		Доля рождений вне зарегистрированного брака, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании		Доля зарегистрированных по совместному заявлению, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери	
1988	2348,5	2044,1	304,4	13,0	127,1	177,3	41,8
1989	2160,6	1868,8	291,7	13,5	123,6	168,1	42,4
1990	1988,9	1698,3	290,6	14,6	124,2	166,4	42,8
1991	1794,6	1506,7	287,9	16,0	118,5	169,4	41,2
1992	1587,6	1315,4	272,3	17,1	112,7	159,6	41,4
1993	1379,0	1128,3	250,7	18,2	108,5	142,2	43,3
1994	1408,2	1132,4	275,8	19,6	119,3	156,4	43,3
1995	1363,8	1075,5	288,3	21,1	124,2	164,1	43,1
1996	1304,6	1004,8	299,9	23,0	130,1	169,8	43,4
1997	1259,9	940,8	319,2	25,3	136,8	182,3	42,9
1998	1283,3	937,4	345,9	27,0	149,7	196,2	43,3
1999	1214,7	875,4	339,3	27,9	152,0	187,3	44,8
2000	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	47,2
2001	1311,6	934,3	377,5	28,8	179,5	197,8	47,6
2002	1397,0	985,5	411,5	29,5	195,4	216,1	47,5
2003	1449,5	1018,9	430,7	29,7	208,4	222,3	48,4
2004	1502,5	1055,4	447,1	29,8	214,7	232,4	48,0
2005	1457,4	1020,3	437,1	30,0	200,4	236,6	45,9
2006	1479,6	1048,1	431,5	29,2	189,9	241,6	44,0
2006/1999	1,218	1,197	1,272	—	1,250	1,290	—
2006/2005	1,015	1,027	0,987	—	0,947	1,021	—

Таблица 4.11. Доля внебрачных рождений по возрасту матери, Россия, 1980—2006 гг.

Год	Из 100 родившихся в каждой возрастной группе родилось вне зарегистрированного брака у матерей в возрасте, лет							Возраст не указан***
	15—19*	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49**	
1980	18,7	7,9	9,4	13,5	21,5	23,8	23,1	75,2
1990	20,2	11,0	11,8	17,3	25,5	34,8	36,5	85,5
1995	27,0	17,6	18,9	22,9	30,2	36,5	35,8	93,8
1996	29,6	19,5	20,7	24,4	31,5	38,9	36,7	95,6
1997	36,1	21,9	22,0	25,0	31,5	36,4	34,8	97,1
1998	39,6	24,0	22,9	25,7	31,6	35,9	35,7	98,1
1999	41,0	25,1	24,2	26,7	31,9	37,1	33,9	95,4
2000	41,0	25,6	24,7	26,4	31,2	34,9	36,8	93,7
2001	43,1	26,7	25,1	26,7	30,5	34,9	34,0	95,8
2002	44,7	27,9	25,7	26,7	30,2	34,1	32,2	93,9
2003	46,4	28,3	25,8	26,5	30,2	34,2	33,1	94,5
2004	47,3	28,4	25,6	26,6	30,3	33,7	33,0	95,2
2005	48,4	28,9	25,5	26,9	30,5	34,0	33,2	96,5
2006	47,2	28,2	24,6	26,4	29,9	34,2	34,1	97,3

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

*** В 2006 г. общее число детей, рожденных у матерей неизвестного возраста, составило 1857, из них на основании заявления заявители матери — 1806. Это, как правило, «дети-отказники», оставленные в роддомах, их отнесение к категории внебрачных — большая условность, поскольку регистрируются они по представлению государственных учреждений, а не физических лиц.

назад рождение внебрачного ребенка в России было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 35 лет. Именно эти крайние возрастные группы обеспечивали увеличение внебрачной рождаемости в 1980-х гг. В возрастах максимальной брачности (20—29 лет) рождение ребенка вне брака было достаточно редким событием. В случае наступления незапланированной добрачной и внебрачной беременности «позор» прикрывался скоропалительным браком. Сегодня же можно утверждать, что внебрачная рождаемость характерна для всех возрастов в

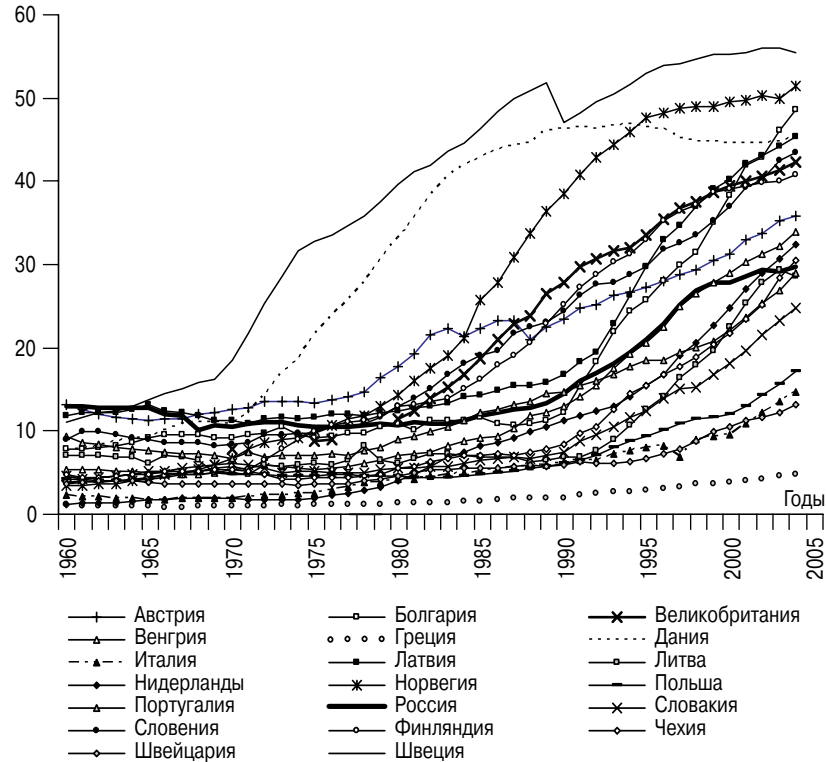

Рис. 4.7. Число детей, родившихся вне зарегистрированного брака, на 100 родившихся в 20 странах, 1960—2004 гг.

равной степени — доля рождений вне зарегистрированного брака интенсивнее всего росла в первую очередь в возрастах максимальной брачности, достигая в возрастах от 20 до 35 лет 25—29%, что существенно выше, чем у женщин старше 35 лет 20 лет назад (табл. 4.11). Внебрачная рождаемость стала массовым феноменом и охватывает все возраста и, видимо, самые широкие социальные слои, достаточно равномерно представлена во всех порядках рождения (внебрачный ребенок — далеко не всегда единственный ребенок)⁴.

Удвоение доли внебрачных рождений у самых молодых — до 20 лет — матерей с 20,2% в 1990 г. до 48,4% в 2005 г. не сопровождается ростом числа

⁴ См.: Население России 1999. М., 2000. С. 68—69.

абортов (см. п. 4.5). Напротив, интенсивность искусственных абортов в этой возрастной группе упала более чем в два раза. Косвенно это свидетельствует о том, что число незапланированных, добрых беременностей от случайных связей существенным образом не увеличилось, хотя имеются социологические данные, показывающие, что сексуальная активность у подростков за последнее десятилетие выросла. Более чем двукратный рост доли внебрачных рождений в возрастной группе до 20 лет говорит прежде всего о снижении распространенности браков «вдогонку», стимулированных незапланированной беременностью. Тем не менее незапланированные беременности продолжают оставаться определяющим фактором рождения ребенка у юных женщин, в результате чего в стране пополняются ряды одиноких матерей (рис. 4.8). Среди 35 тыс. рождений у матерей в возрасте 15—17 лет 43% детей (15 тыс.) были зарегистрированы на основании заявления одной матери. Как показывают выборочные исследования, меньшая доля этих женщин впоследствии оформляет брак с отцом ребенка. В социально зрелом возрасте последующая регистрация отношений с отцом ребенка существенно более

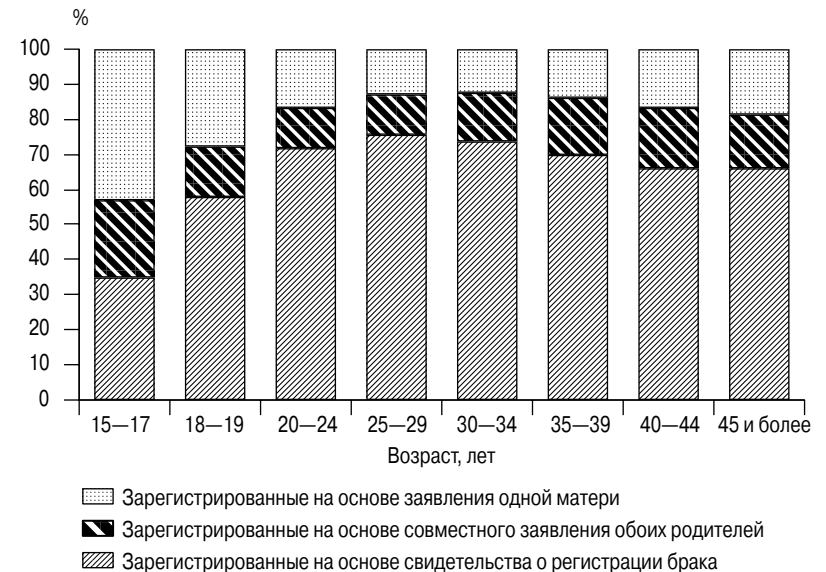

Рис. 4.8. Распределение рождений в каждой возрастной группе матерей по типу документа, на основании которого была произведена актовая запись при его регистрации, Россия, 2006 г., % к численности рождений в каждой возрастной группе

распространена. Напомним также, что среди детей, от которых матери отказываются сразу после рождения, несовершеннолетние матери преобладают. Поэтому социальная проблема внебрачной рождаемости в молодом возрасте — это в основном проблема низкой эффективности контроля наступления беременностей в самом начале «взрослой» жизни, ассоциируемой с первыми опытами в сексуальной сфере жизнедеятельности.

В 2000—2004 гг. в России происходило увеличение всех категорий родившихся: и тех, кого регистрировали на основании свидетельства о браке между родителями, и тех, кого регистрировали на основании совместного заявления родителей, не имеющих свидетельства о браке, и тех, кого регистрировали на основании заявления одной матери (см. табл. 4.10). Ежегодное число рождений в браке за 2000—2004 гг. повысилось по сравнению с минимумом, достигнутым в 1999 г., на 20,6%, число рождений вне зарегистрированного брака — на 31,8%, сохранялся тренд изменений, существующий с 1994 г. В результате доля внебрачных рождений с середины 1990-х гг. выросла на 10 процентных пунктов.

Однозначно интерпретировать абсолютный и относительный рост внебрачных рождений как рост рождаемости исключительно у одиноких матерей мешает одно важное обстоятельство: число рождений, зарегистрированных на основании заявления от обоих родителей, увеличилось за пятилетие 1999—2004 гг. на 41% (!) (см. табл. 4.10). Более того, темпы увеличения рождений, зарегистрированных на основании заявления одной матери, вплоть до 2003 г., как правило, отставали от темпов роста рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей. Доля внебрачных новорожденных, признанных своими отцами (что на практике чаще всего происходит с полного согласия матери ребенка), достигла в 2003 г. почти половины общего числа родившихся вне официального брака — 48,4%, правда, потом несколько снизилась. В городском населении доля рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей, в общем числе внебрачных рождений увеличивалась непрерывно, по крайней мере с конца 1980-х гг. и вплоть до 2004 г. В 1980 г. эта доля составляла 36,6%, а в 2003 г. впервые в истории превысила половину всех внебрачных рождений — 50,5%. Не есть ли это свидетельство достаточно прочных отношений, связывающих между собой родителей, по каким-либо причинам не регистрирующих эти отношения как брак? Рост внебрачной рождаемости в России резко ускорился в 1990-е гг., в период болезненных социально-экономических преобразований. Если признавать вслед за многими комментаторами, что «внебрачная рождаемость» и «одинокое материнство» — синонимы, то трудно понять мотивацию одинокой женщины, заведомо обрекающей себя на психологические и материальные трудности в связи с рождением ребенка

и, по-видимому, сталкивающейся сегодня с гораздо большими трудностями, чем ее сверстницы 20 лет назад.

В 2005 и 2006 гг. структура изменений по отдельным категориям родившихся была более сложной, чем пятилетием ранее: число рождений в зарегистрированном браке снизилось в 2005 г. и опять повысилось в 2006 г., а число рождений вне брака уменьшалось оба года. В структуре внебрачных рождений в 2005—2006 гг. также происходили противоречивые изменения: число рождений, зарегистрированных на основе совместного заявления родителей, уменьшилось, а число рождений, зарегистрировавшихся на основе заявления одной матери, продолжало увеличиваться, свидетельствуя о сохранении долговременного тренда.

Наблюдая столь хаотичные изменения отдельных категорий родившихся в последние годы, можно высказать предположения, что они скорее отражают конъюнктурную ситуацию, сложившуюся в последние годы на брачном рынке, чем изменения в склонности людей давать жизнь потомству в браке или вне брака. Благоприятная половозрастная структура, как мы уже отмечали, способствует заключению браков, что в свою очередь повышает вероятность для ребенка родиться в зарегистрированном браке, и в результате доля внебрачных рождений снижается. В то же время мы не можем сказать, в какую категорию — «зарегистрированный брак» или «заявление одинокой матери» — перераспределялась в 2005—2006 гг. часть рождений, регистрировавшихся прежде по совместному заявлению обоих родителей, — доля таких рождений заметно снизилась: с 48,4% в 2003 г. до 44% в 2006 г. (см. табл. 4.10).

В результате мы не готовы пока ответить на принципиальный вопрос, повысилась ли в последние два-три года склонность партнеров связывать вопрос о рождении ребенка с вопросом о пребывании в зарегистрированном браке. Не исключено, что официальный брак в 2006 г. приобрел в глазах людей какие-то дополнительные преимущества, о чем свидетельствует сокращение числа внебрачных рождений примерно в равной пропорции у матерей всех возрастных групп, за исключением 40-летних женщин (см. табл. 4.11).

К сожалению, сейчас слишком мало известно о взаимоотношениях между партнерами как в период, предшествующий беременности и родам, так и в момент появления на свет ребенка, определяемого системой регистрации как «внебрачный». В 2004 г. было проведено первое репрезентативное для России и сопоставимое на международном уровне обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ/RusGGS-2004), которое предоставило полезную информацию по данному вопросу.

В частности, подтвердились высказываемые ранее предположения, что среди детей, рожденных вне зарегистрированного брака, подавляю-

щее большинство появляется на свет в не оформленных юридически, но существующих фактически партнерских союзах. Дети, рожденные матерями-одиночками, живущими без супругов и соответственно без отцов данных детей, — малораспространенное явление. По данным обследования, в 2000—2004 гг. только 7% детей от общего числа новорожденных были рождены матерями, которые не декларировали, что они в момент рождения ребенка проживали совместно с партнером. В то же время процент всех внебрачных детей (рожденных как одинокими женщинами, так и женщинами, состоящими в незарегистрированных союзах), по данным обследования, очень близок к тому, что дает текущая статистика регистрации рождений: РидМиЖ — 32%, Росстат — 29%. Более того, кривая изменения этого показателя во времени, по данным выборочного обследования, в целом соответствует кривой, полученной на основе официальных данных. Правда, практически за все годы обследование дает на 1—3 процентных пунктов большую долю внебрачных рождений, чем официальная статистика⁵.

Сравнение данных обследования с данными Росстата, приведенное на рис. 4.9, позволяет сформулировать еще ряд важных выводов.

Во-первых, не все матери и отцы, проживающие сегодня в неоформленных союзах, склонны регистрировать рожденных детей на основании совместного заявления. Об этом свидетельствует вдвое больший процент рождений, регистрируемых на основании заявления одной матери (по данным Росстата — 16,3% в 2006 г.), по сравнению с процентом детей, рожденных женщинами, не заявившими о совместном проживании с каким-либо партнером в момент рождения ребенка (по данным РидМиЖ — 7% в 2003—2004 гг.).

Во-вторых, это рассогласование дало о себе знать не так уж давно. Для 1970-х гг. нет существенных расхождений между официальными данными и данными обследования. В те годы, как правило, матери-одиночки регистрировали детей на основании только своего заявления, а супружеские пары, состоящие в незарегистрированных брачных союзах, — на основании совместного заявления.

В-третьих, минимальный уровень внебрачной рождаемости был достигнут в начале 1980-х гг. после долгого ее снижения с высокого уровня, наблюдавшегося в первое послевоенное десятилетие. В 1950-х гг. каждый пятый ребенок был рожден вне зарегистрированного брака и 7—8% общего числа новорожденных (как и сегодня) — матерями-одиночками.

⁵ Подробные данные приводятся в предыдущем докладе: Население России 2005. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 99—101.

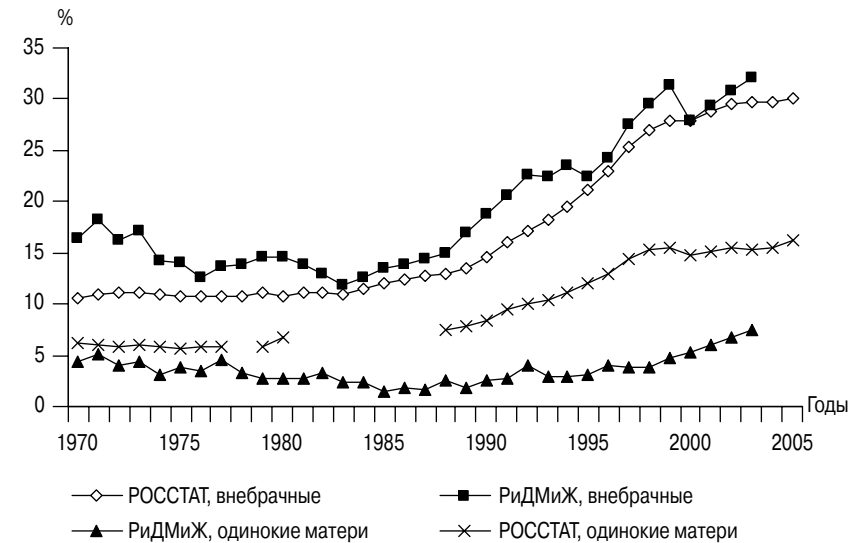

Рис. 4.9. Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака (по данным РидМиЖ и Росстата), родившихся у матерей, не проживавших совместно с партнером в момент рождения ребенка (по данным РидМиЖ), и зарегистрированных на основании заявления одной матери (по данным Росстата) в общем числе ежегодных рождений, %

4.5. За 15 лет число абортвов снизилось почти в три раза, но все еще остается высоким

Низкая рождаемость в России, как и везде, означает, что внутрисемейный контроль рождаемости стал массовой практикой. Большинство пар регулирует как число детей, так и сроки их появления на свет. Вопрос заключается в том, какие методы они для этого используют: методы планирования семьи, позволяющие предотвратить нежелательное в данный момент зачатие, или прерывание незапланированной беременности (искусственный аборт). В отличие от многих других стран в России долгие годы был широко распространен второй вариант. Говорят даже об особой «абортной культуре», сложившейся в Советском Союзе. В 1965 г., когда нетто-коэффициент воспроизводства населения впервые в мирное время опустился ниже единицы, т.е. ниже границы простого замещения поколений, в России на 100 родов приходилось 278 абортов. Тогда, в середине 1960-х гг., было зафиксировано максимальное за всю историю число прерванных беременностей — 5,6 млн

в год. В 1970—1980-х гг. среднегодовое число аборт в стране превышало 4,5 млн. Очень большое количество аборт сочеталось в то время с практически полным отсутствием службы планирования семьи, которая занималась бы информированием населения, обеспечением противозачаточными средствами и соответствующей медицинской помощью. Эффективные средства контрацепции были в дефиците. Отсутствовало половое воспитание и образование.

В 1990-е гг. вместе со всей страной существенно изменилась и ситуация в сфере внутрисемейного регулирования рождаемости. Вот уже более 15 лет число аборт неуклонно снижается (рис. 4.10). Сегодня можно утверждать, что в России идет активное замещение аборт планированием семьи, а само планирование семьи становится все более эффективным.

За период с 1990 по 2006 г. абсолютное число аборт сократилось в 2,6 раза, а коэффициент аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста — в 2,8 раза (табл. 4.12). Среднегодовой темп снижения составил 6% в год.

Таблица 4.12. Основные показатели зарегистрированных аборт, Россия, 1990, 1995, 2000—2006 гг.

Год	По данным Росстата				Число аборт по данным Минздравсоцразвития, тыс.
	Число аборт			Доля аборт среди беременных*	
	Тыс.	На 1000 женщин в возрасте 15—49 лет	На 100 живорождений		
1990	4103,4	113,9	206,3	67,4	3920,3
1995	2766,4	72,8	202,8	67,0	2574,8
2000	2138,8	54,2	168,8	62,8	1961,5
2001	2014,7	50,9	153,6	60,6	1857,0
2002	1944,5	49,0	139,2	58,2	1782,3
2003	1864,6	47,0	128,6	56,3	1677,0
2004	1797,6	45,5	122,0	54,9	1604,5
2005	1732,3	44,1	121,2	54,8	1490,0
2006	1582,4	40,3	106,9	51,7	1421,2

*Для простоты принято, что число беременностей приблизительно равно сумме числа аборт и числа живорождений.

Примечание. С 2006 г. включены данные по Чеченской Республике.

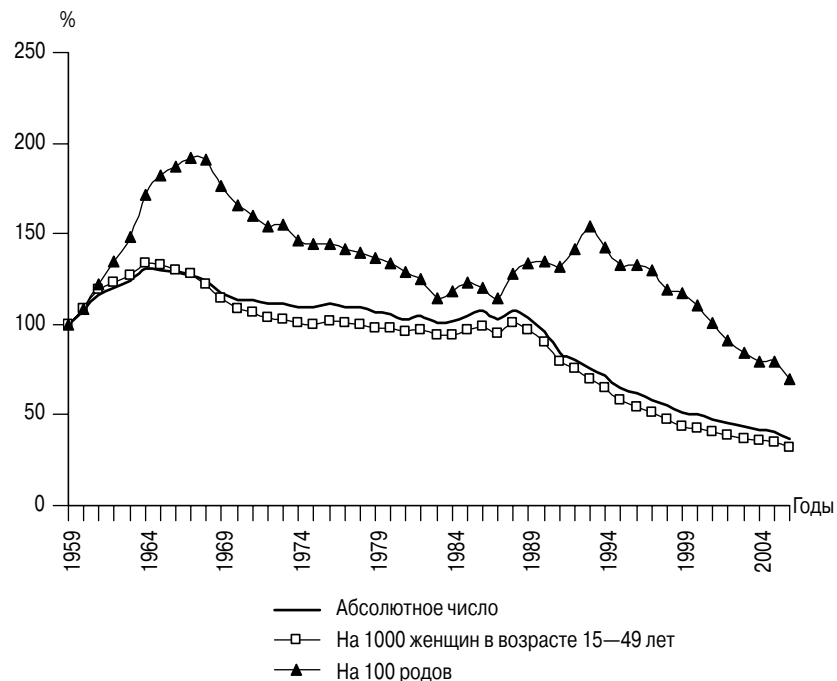

Рис. 4.10. Изменение числа аборт в России с 1959 г. (1959 = 100%), по данным Росстата

Всего в 2006 г., по данным Росстата, было зарегистрировано 1582,4 тыс. аборт, или 40,3 на 1000 женщин репродуктивного возраста, а без учета самопроизвольных аборт — 36,0 на тысячу⁶.

Число аборт, которое публикует Росстат, складывается из аборт, учтенных: 1) в медицинских учреждениях, подведомственных Министерству здравоохранения и социального развития РФ (МЗСР), 2) в медицинских учреждениях других министерств и ведомств и 3) в негосударственном секторе. Соотношение этих трех источников в 2006 г. составило 90% — 1% — 9%.

Иногда снижение уровня аборт подвергается сомнению и представляется лишь как отражение неполноты их учета именно из-за развития негосу-

⁶ Статистика аборт в России включает часть самопроизвольных аборт, которые начались спонтанно вне стен медицинского учреждения. Это завышает российские показатели относительно других стран. На наш взгляд, следовало бы исключить самопроизвольные аборт из статистики искусственных аборт.

дарственной системы оказания медицинской помощи. Вероятно, какая-то часть «коммерческих» аборт действительно не попадает в официальную статистику (хотя по закону должна попадать), но этот недоучет не настолько велик, чтобы отрицать факт существенного снижения уровня аборт в России. На наш взгляд, официальная статистика приблизительно отражает ситуацию с абортами в стране. К сожалению, она ограничена небольшим набором показателей.

Суммарный коэффициент аборт — интегральный показатель, не зависящий от возрастного состава женщин, — снизился с 3,39 аборт в среднем на одну женщину репродуктивного возраста в 1991 г. до 1,40 — в 2006 г. (расчет на основе данных Росстата). Ситуация улучшается во всех возрастных группах женщин (табл. 4.13).

Несмотря на положительную динамику, среди исходов беременностей в России аборт по-прежнему более многочисленны, чем рождения. На 100 родов в 2006 г. приходилось 107 аборт, иными словами, более

Таблица 4.13. Число зарегистрированных аборт по возрастным группам, Россия, 1991, 1995, 2000—2006 гг., по данным Росстата

Год	Число аборт на 1000 женщин в возрасте, лет			Суммарный коэффициент аборт**
	15—19*	20—34	35 и старше	
1991	69,7	152,5	50,5	3,39
1995	57,1	122,4	33,1	2,62
2000	36,0	97,6	23,8	2,00
2001	34,2	91,0	22,1	1,87
2002	32,7	87,1	21,1	1,79
2003	30,8	82,3	20,4	1,69
2004	29,5	78,5	19,6	1,62
2005	29,3	74,8	19,0	1,55
2006	28,9	66,2	17,8	1,40
2006 к 1991, %	41	43	35	41

* Включая аборт в возрасте до 15 лет.

** Среднее число искусственных аборт, приходящееся на одну женщину за весь репродуктивный период, при сохранении возрастной интенсивности производства аборт в расчетном году.

Примечание. Разработка и публикация данных об абортах в указанной возрастной группировке налажены с 1991 г.

половины всех беременностей были прерваны аборт. Проблема искусственного аборт все еще остается в ряду острых проблем общественного здоровья в России. Это особенно хорошо видно при сравнении России с другими странами.

По данным табл. 4.14 и рис. 4.11 Россия все еще находится в числе мировых лидеров по уровню аборт. Если брать официальные показатели, то впереди России только Куба. Однако, по мнению экспертов, в ряде стран существует значительный недоучет аборт и истинный уровень их распространенности там неизвестен. Например, репрезентативные обследования населения в Азербайджане, Армении и Грузии выявили большую разницу между зарегистрированными показателями и показателями, рассчитанными на основе опросов женщин. Коэффициенты аборт на 1000 женщин в возрасте от 15 до 44 лет, полученные из этих двух

Таблица 4.14. Оценка уровня искусственных аборт по регионам мира, 2003 г.

	Число аборт		
	Млн	На 1000 женщин 15—44 лет	На 100 живорождений
Весь мир	41,6	29	31
Развитые страны	6,6	26	50
Развивающиеся страны	35,0	29	29
Регионы:			
Африка	5,6	29	17
Азия	25,9	29	34
Европа	4,3	28	59
Восточная Европа	3,0	44	105
Россия*	1,5	45	104
Латинская Америка	4,1	31	35
Северная Америка	1,5	21	33
Океания	0,1	17	22

* В целях международной сопоставимости составители этой таблицы, использовавшие статистику Минздравсоцразвития России, исключили из общего числа зарегистрированных аборт самопроизвольные и криминальные аборт.

Источник: Sedgh G., Henshaw S., Singh S., Ahman E., Shah I.H. Induced abortion: estimated rates and trends worldwide // Lancet. 2007. Vol. 370. October 13. P. 1338—1345.

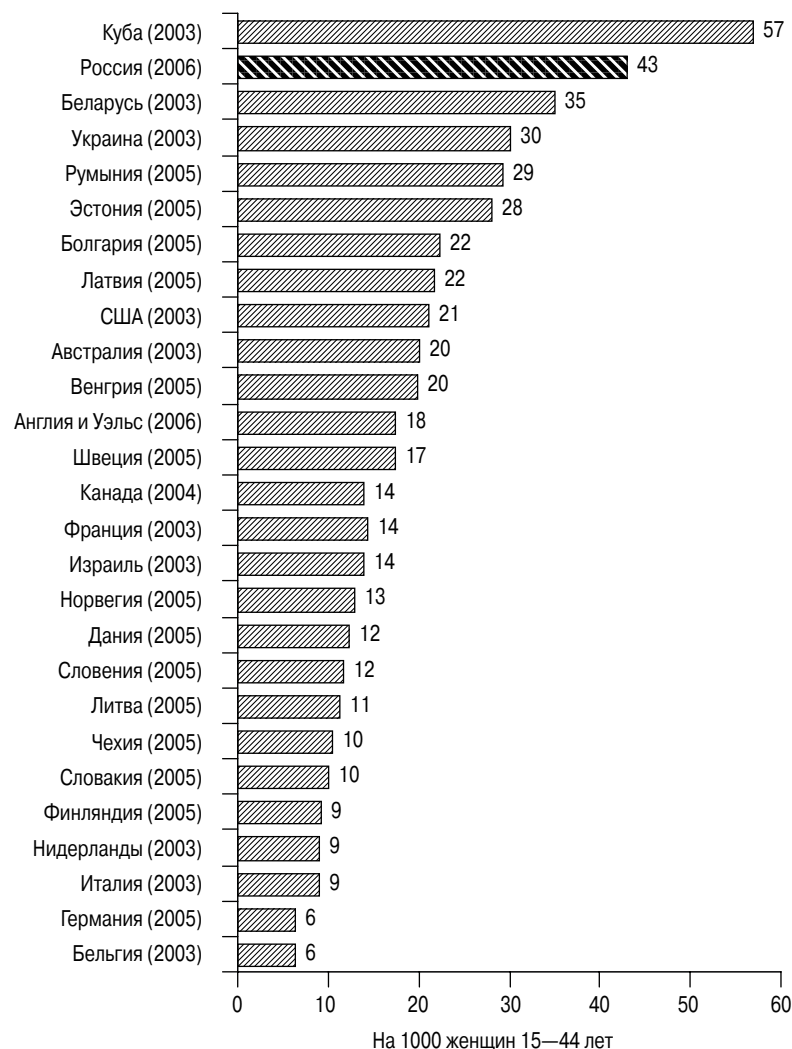

Рис. 4.11. Число искусственных абортов на 1000 женщин в возрасте 15–44 лет в некоторых странах (показатель по России приведен без учета самопроизвольных абортов)

Источники: Eurostat (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>); Abortion Statistics, England and Wales: 2006, Department of Health, Bulletin 2007/01; Sedgh G., Henshaw S.K., Singh S., Bankole A., Drescher J. Op. cit. P. 106–116.

источников, составили: для Армении 10 и 81, для Азербайджана 6 и 116 и для Грузии 14 и 103⁷. Значительные расхождения между официальными показателями и полученными в ходе опросов отмечены также в Молдавии, Киргизии, Узбекистане⁸.

Общее число искусственных абортов в мире оценивается в 42 млн, почти половина из них относится к так называемым небезопасным абортam, т.е. выполненным либо неспециалистом, либо в ненадлежащих условиях, либо и то и другое. Основная часть небезопасных абортов (97%) сконцентрирована в развивающихся странах, где преобладает запретительное законодательство в отношении искусственного прерывания беременности. Россия к их числу не относится. Из географических регионов⁹ самый низкий уровень абортов наблюдается в Западной Европе (12 на 1000 женщин в возрасте 15–44 лет), а самый высокий — в Восточной Европе (44). За Восточной Европой следуют Юго-Восточная Азия (39) и Восточная Африка (39).

Россия существенно отличается от многих западных стран не только по уровню, но и по возрастному распределению абортов (рис. 4.12). Там проблема незапланированной беременности и аборта в первую очередь касается молодых незамужних женщин, стремящихся отложить материнство, тогда как в России аборт — обычный метод внутрисемейного регулирования рождаемости, инструмент, используемый, чтобы либо отложить на время рождение следующего ребенка, либо избежать дальнейших рождений у женщин, уже имеющих детей. Например, на возраст моложе 25 лет в Англии и Уэльсе, Канаде, США и Финляндии приходится половина всех искусственных абортов, в Швеции, Норвегии, Дании, Нидерландах, Бельгии — свыше 40%, тогда как в России — 34%. Свыше 40% зарегистрированных абортов в России делают женщины в возрасте старше 30 лет (табл. 4.16).

Средний возраст женщины, производившей аборт в учреждениях системы Минздравсоцразвития России в 2006 г., составил 28,7 года (это выше, чем средний возраст материнства, — 26,64). В течение последних 10 лет, за которые статистика позволяет рассчитать данный показатель, наблюдалась тенденция повышения среднего возраста производства аборта (табл. 4.15). Это связано с тем, что коэффициенты абортов в молодых возрастах (до 30 лет) уменьшались более быстрыми темпами, чем в старших возрастах. Молодые пары, вероятно, активнее применяют современные, эффективные методы контрацепции.

⁷ Sedgh G., Henshaw S.K., Singh S., Bankole A., Drescher J. Legal Abortion Worldwide: Incidence and Recent Trends // International Family Planning Perspectives. 2007. Vol. 33. No 3. Sept. P. 110.

⁸ Ibid.

⁹ Согласно классификации ООН.

Таблица 4.15. Возрастные коэффициенты искусственных абортов* и средний возраст женщин, делавших аборт в данном году, Россия, 1996, 2000—2006 гг., по данным Минздрава России

Год	Число абортов на 1000 женщин в возрасте, лет							Суммарный коэффициент абортов	Средний возраст женщины, лет
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49		
1996	43,2	115,9	118,2	81,1	52,4	18,7	2,5	2,2	28,1
2000	29,6	86,2	87,6	69,9	42,5	16,5	1,7	1,7	28,5
2001	28,3	80,8	81,6	65,7	40,7	15,6	1,5	1,6	28,5
2002	26,9	75,5	77,1	62,6	39,5	14,8	1,4	1,5	28,5
2003	25,1	69,2	71,0	58,2	38,4	14,0	1,3	1,4	28,6
2004	23,8	63,9	67,3	55,4	37,4	13,4	1,3	1,3	28,7
2005	22,6	57,9	61,6	51,2	34,8	12,2	1,1	1,2	28,7
2006	22,6	52,6	56,5	46,9	32,6	11,5	1,1	1,1	28,7
2006 к 1996, %	52,3	45,4	47,8	57,9	62,1	61,6	44,7	51,8	—

*Самостоятельные аборты исключены.

Примечание. Разработка данных Минздрава России об абортах по пятилетним возрастным группам началась в 1996 г.

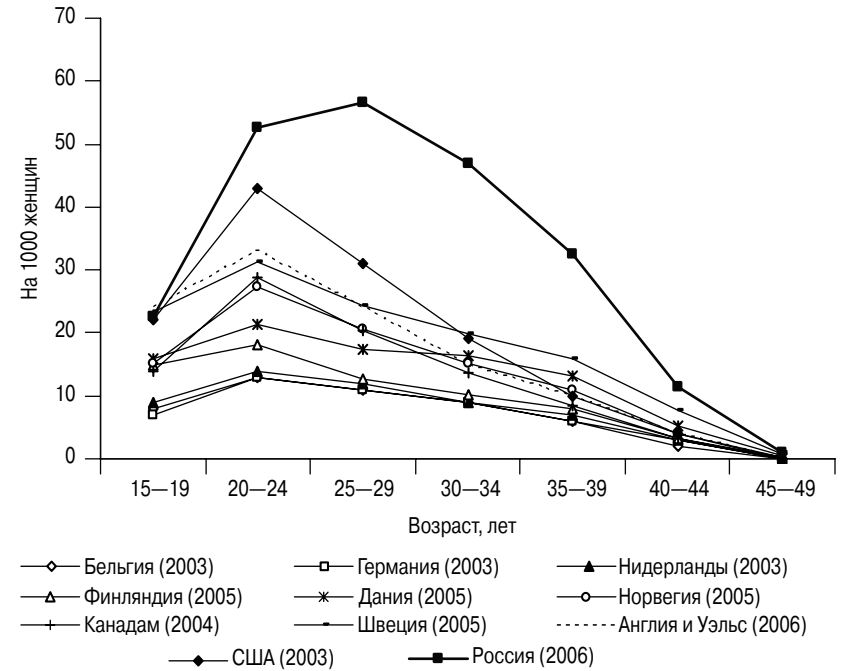

Рис. 4.12. Возрастные коэффициенты абортов в России и некоторых странах, на 1000 женщин соответствующего возраста

Источники: Россия — МЗСР РФ (без самопроизвольных абортов); Abortion Statistics, England and Wales: 2006, Department of Health, Bulletin 2007/01; Sedgh G., Henshaw S.K., Singh S., Bankole A., Drescher J. Op. cit. P. 106—116; Nordic Statistical Yearbook 2007. Nordic Council of Ministers, Copenhagen 2007; Induced Abortion Statistics — 2004 // Statistics Canada.

Основами законодательства РФ об охране здоровья граждан (ст. 36) определено, что искусственное прерывание беременности может проводиться по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, при наличии социальных показаний — при сроке до 22 недель и на любом сроке беременности, если имеются медицинские показания. Более 90% (93% в 2006 г.) всех абортов в России производится в сроки до 12 недель беременности и менее 1,5% — в сроки после 22 недель. В возрастной группе моложе 20 лет доля поздних абортов (после 22 недель) немного выше — 2,7% (2006 г.). На протяжении последних 15 лет число поздних абортов, в том числе среди подростков, быстро снижалось (рис. 4.13), даже более высокими темпами, чем до 12 недель беременности.

Таблица 4.16. Вклад возрастных групп в общее число искусственных аборт, %, Россия, 1996 г., 2000—2006 гг., по данным Минздравсоцразвития России

Год	Возраст женщин, лет							Итого
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
1996	10,0	26,8	27,4	18,8	12,1	4,3	0,6	100
2000	8,9	25,8	26,2	20,9	12,7	4,9	0,5	100
2001	9,0	25,7	26,0	20,9	13,0	5,0	0,5	100
2002	9,0	25,4	25,9	21,0	13,3	5,0	0,5	100
2003	9,1	25,0	25,6	21,0	13,8	5,1	0,5	100
2004	9,1	24,4	25,7	21,1	14,3	5,1	0,5	100
2005	9,4	24,0	25,5	21,2	14,4	5,1	0,5	100
2006	10,1	23,5	25,3	21,0	14,5	5,1	0,5	100

Примечание. Сумма по строкам может не равняться 100 из-за округления.

Распределение аборт по видам согласно форме статистического учета Минздравсоцразвития России представлено в табл. 4.17. Основную часть (80%) аборт составляют медицинские (легальные), т.е. больничные, аборт по просьбе женщины до 12 недель беременности, включая мини-аборт. В расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста число легальных медицинских аборт за период 1992—2006 гг. снизилось в 2,8 раза: с 79 до 28. За эти же годы значительно снизилось и число учтенных криминальных аборт¹⁰: с 10 157 случаев в 1992 г. до 1221 в 2006 г., а в расчете на 1000 женщин — в 9 раз, среди подростков 15—19 лет — в 14 раз.

Уровень самопроизвольных аборт (но не удельный вес) остается довольно стабильным на протяжении последних 10 лет (см. рис. 4.13). Самопроизвольный аборт (по сути, выкидыш) происходит помимо воли женщины и является одной из разновидностей акушерской патологии, по его распространенности можно судить об уровне репродуктивного здоровья женщин. Отсюда понятно постоянство этого показателя, ведь здоровье всего населения не меняется резко. То же можно было бы сказать и о прерываниях беременности по медицинским показаниям, т.е. в случаях, когда продолжение беременности угрожает здоровью матери и ребенка. Однако в 2006 г. число аборт по медицинским показаниям, и абсолютное, и относитель-

¹⁰ К криминальным аборт относят случаи, когда выявлено вмешательство с целью прервать беременность вне лечебного учреждения.

Таблица 4.17. Распределение аборт по классификации Минздравсоцразвития России, % от общего числа зарегистрированных аборт, 1992, 1996, 2000—2006 гг.

Вид аборт	1992 г.	1996 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Самопроизвольные	6,3	7,3	8,9	9,0	9,8	10,2	10,7	11,3	11,9
По медицинским показаниям	1,4	1,9	2,2	2,2	2,3	2,6	3,0	2,9	4,2
Криминальные	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Неуточненные	3,5	3,9	4,3	4,4	4,5	4,8	4,8	4,9	4,8
По социальным показаниям	0,8	1,5	2,2	2,2	2,2	1,8	0,4	0,2	0,1
Медицинские (легальные)	87,7	85,2	82,3	81,1	81,1	80,5	81,1	80,7	78,9
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

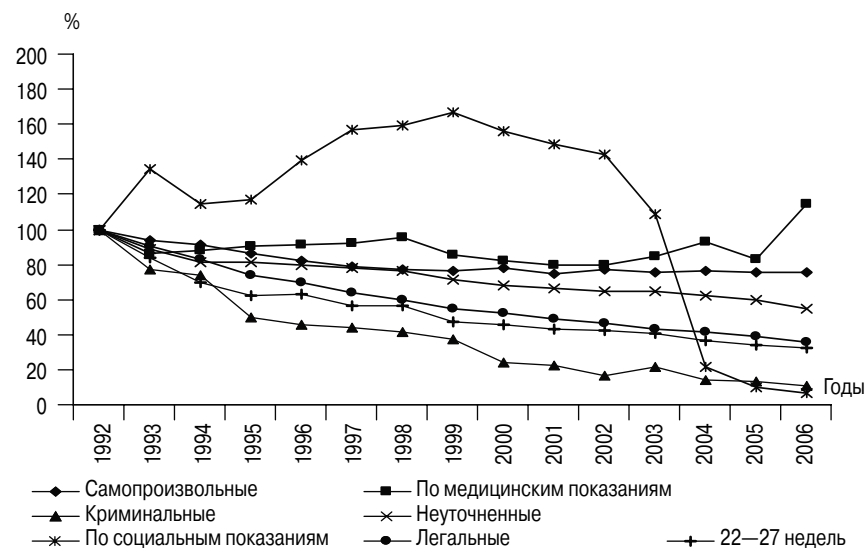

Рис. 4.13. Изменение относительного числа аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста, Россия (1992 = 100%), по данным Минздравсоцразвития России

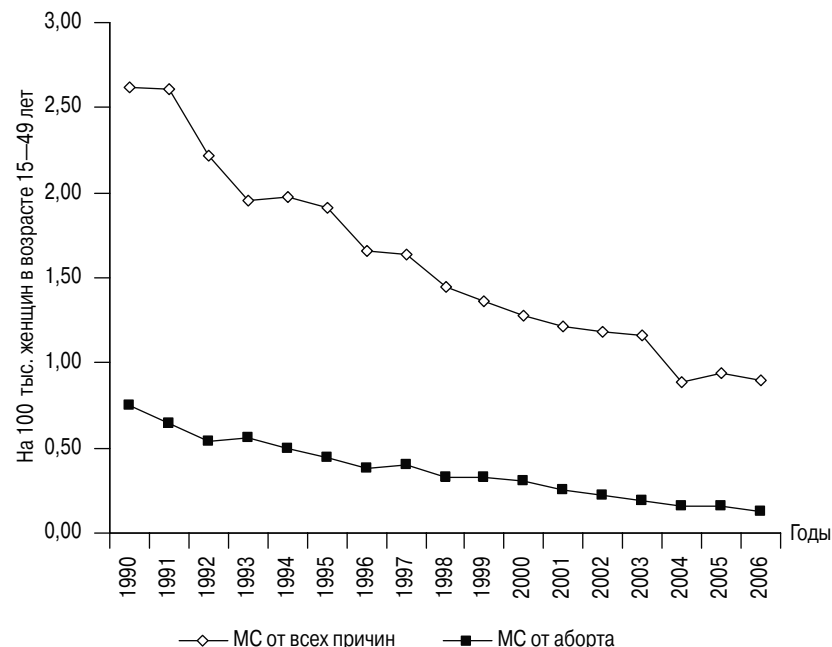

Рис. 4.14. Материнская смертность, в том числе от аборта, на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, Россия, по данным Росстата

ное, после долгого периода очень слабых колебаний вдруг резко возросло, причем во всех возрастных группах. Есть основание предполагать, что за этим может стоять завуалированный рост абортов по социальным показаниям. В 2003 г. правительство РФ приняло решение резко сократить перечень социальных показаний для производства искусственного аборта — с 13 до 4 пунктов¹¹. Возможно, часть абортов у женщин, не имеющих возможности прервать беременность после 12 недель по ряду социальных показаний (жизненных ситуаций), стали квалифицироваться как аборты по медицинским показаниям.

Наряду с положительной тенденцией уменьшения уровня абортов в стране происходит и снижение материнской смертности (МС) по причине аборта (рис. 4.14). Россия выделяется на фоне развитых стран высокими показате-

¹¹ См.: Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 113—115.

лями МС, существенный вклад в которую стабильно вносят аборты. Так, в 1985 г. в структуре причин МС удельный вес вредных последствий абортов составлял 40%, в 2006 г. этот показатель снизился до 14% (табл. 4.18). Риск смертельного исхода после аборта (т.е. отношение числа материнских смертей от аборта к общему числу абортов) в Российской Федерации был и остается в несколько раз выше, чем в западных странах, где, как и в России, аборты по просьбе женщины разрешены законом, хотя и этот показатель у нас в последние годы снижается.

По официальным данным большинство умерших от аборта женщин (83% в 2006 г.) — это женщины, перенесшие внебольничные аборты. Вопрос, какие женщины в России и почему делают внебольничные аборты, остается пока не выясненным.

В России существует территориальная дифференциация показателей зарегистрированных абортов, причем межрегиональные различия увеличились по сравнению с 1990-ми гг. (коэффициент вариации составил 18% в 1995 г. и 31% в 2006 г.). Это означает, что в одних регионах темп снижения уровня абортов был намного выше, чем в других.

В целом прослеживается увеличение показателей абортов с запада на восток (рис. 4.15): от самых низких в Южном и Центральном федеральных округах до самых высоких в Дальневосточном федеральном округе.

Таблица 4.18. Материнская смертность, в том числе по причине аборта, Россия, 1990, 1995, 2000—2006 гг., по данным Росстата

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Всего умерло женщин	943	727	503	479	469	463	352	370	352
В том числе по причинам:									
искусственный медицинский аборт	17	21	38	17	19	10	17	16	8
аборт вне лечебного учреждения	254	148	84	84	68	67	46	46	40
аборт — всего	271	169	122	101	87	77	63	62	48
Доля умерших от аборта в МС, %	28,7	23,2	24,3	21,1	18,6	16,6	17,9	16,8	13,6
Число умерших от аборта на 100 тыс. зарегистрированных абортов	6,6	6,1	5,7	5,0	4,5	4,1	3,5	3,6	3,0

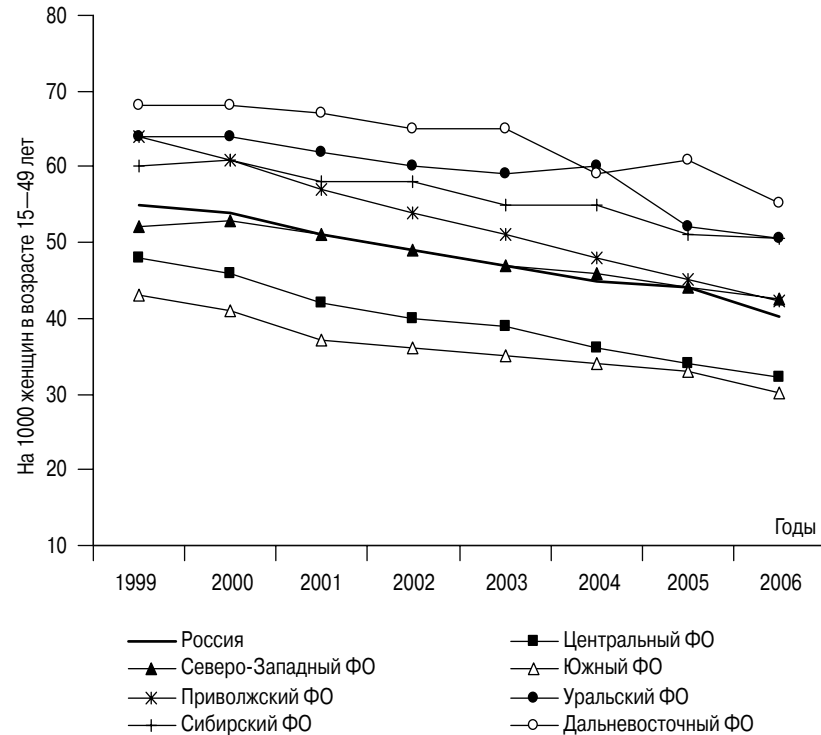

Рис. 4.15. Число зарегистрированных аборт в России и федеральных округах, на 1000 женщин репродуктивного возраста, 1999—2006 гг., по данным Росстата

В Южном федеральном округе все территории, за исключением Волгоградской области, характеризуются более низким, чем в среднем по стране, коэффициентом абортов, особенно низкими показателями выделяются республики Северного Кавказа. Относительно благополучную ситуацию в Центральном федеральном округе определяют Москва, Московская и Белгородская области. В то же время коэффициент абортов на всех территориях Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (за исключением Алтайского края) превышает среднероссийский уровень.

Среди российских регионов наибольшими показателями абортов в 2006 г. выделялись: Вологодская, Амурская, Сахалинская и Новосибирская области, коэффициент абортов в которых составил 65 и выше в расчете на 1000 жен-

щин репродуктивного возраста, тогда как в Москве этот показатель был равен 15 на 1000 женщин¹². Различие между Москвой и максимальным показателем (Вологодская область) было почти пятикратным. Для сравнения: в 1995 г. разница между Москвой и максимальным показателем (Иркутская область) составляла менее двух раз.

4.6. Эффективность планирования семьи повышается, но распространенность современных средств контрацепции еще недостаточна

Несмотря на то что рождаемость в России — контролируемая и низкая, регулярные, репрезентативные на национальном уровне обследования о способах контроля рождаемости в стране не проводились. Национальных данных о применяемых методах контрацепции в России очень мало. Понятно, что отмеченное выше значительное снижение уровня абортов может означать только одно — изменения в массовом контрацептивном поведении россиян, которые все чаще и успешнее прибегают к методам планирования семьи.

Минздравсоцразвития России ведет сбор сведений о числе женщин, 1) имеющих внутриматочные спирали (ВМС) и 2) использующих гормональную контрацепцию (ГК) и состоящих при этом под наблюдением у врача (табл. 4.19). Эти данные неполные и не могут служить надежной характеристикой распространенности контрацепции среди населения страны. Во-первых, это только два из многих возможных методов контрацепции; во-вторых, учитываются только те женщины, которые обратились в данном году в медицинское учреждение системы Минздравсоцразвития России.

Согласно данным Минздравсоцразвития России, на конец 2006 г. 5,3 млн женщин пользовались ВМС и 3,9 млн — гормональными противозачаточными средствами, или соответственно 13,5 и 9,9% всех женщин репродуктивного возраста¹³. Число женщин, использующих ВМС, на протяжении последнего десятилетия снижалось, а число тех, кто прибегал к гормональной контрацепции, неуклонно росло (рис. 4.16).

Один из самых распространенных в мире методов контрацепции — стерилизация. Во многих странах стерилизация — мужская и женская — служит основным методом планирования семьи, например, в Канаде (46% женщин репродуктивного возраста), Бразилии (43%), Китае (41%), Австралии (38%),

¹² Существует мнение, что число зарегистрированных абортов в Москве сильно занижено из-за широко распространенной практики обращения женщин в негосударственные клиники. Но специальных исследований на эту тему, насколько нам известно, не проводилось.

¹³ Включая данные по Чеченской Республике.

Таблица 4.19. Использование средств контрацепции женщинами, состоящими на учете, Россия, на конец года, 1990, 1995, 2000—2006 г., по данным Минздравсоцразвития России

	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Численность женщин, применявших внутриматочные спирали:									
всего, тыс. человек	6202	7235	6323	6121	5647	5672	5570	5399	5269
на 100 женщин в возрасте 15—49 лет	17,2	18,9	16,0	15,4	14,2	14,3	14,1	13,8	13,5
Численность женщин, применявших гормональную контрацепцию:									
всего, тыс. человек	600	1747	2829	3050	2951	3336	3496	3711	3878
на 100 женщин в возрасте 15—49 лет	1,7	4,6	7,2	7,7	7,4	8,4	8,9	9,5	9,9
Проведено операций по поводу стерилизации женщин:									
всего, тыс. человек	18,5	17,9	18,1	18,9	18,0	16,6	17,1
на 100 тыс. женщин в возрасте 15—49 лет	46,9	45,3	45,5	47,6	45,7	42,5	43,8

США (37%), Индии (36%)¹⁴. В России стерилизация как метод контрацепции разрешена с 1990 г. и может быть проведена по письменному заявлению гражданина не моложе 35 лет или имеющего не менее двух детей. Однако этот метод не получил у нас широкого распространения. Если просуммировать число операций стерилизации по официальным данным с 1991 по 2006 г. и соотносить его с нынешней численностью женщин репродуктивного возраста, то получится менее 1%. Как и в других странах, в России преобладает женская стерилизация.

¹⁴ World Contraceptive Use. 2003. Wall Chart. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. United Nations publication.

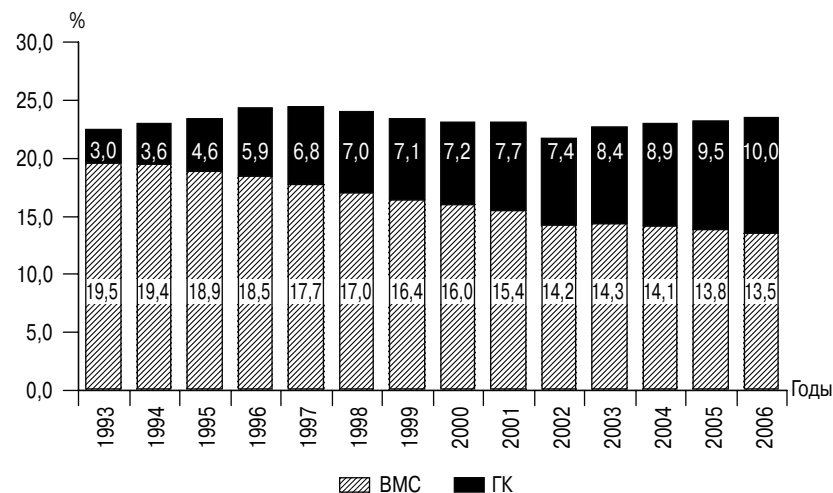

Рис. 4.16. Количество женщин, использующих ВМС и гормональную контрацепцию, % от женщин в возрасте 15—49 лет, Россия, по данным Минздравсоцразвития России (без учета данных по Чеченской Республике)

Выборочные обследования населения в отдельных регионах, затрагивающие вопросы планирования семьи, показывают очень высокую распространенность методов контроля рождаемости, особенно среди молодых поколений. Те женщины, которые не применяют методов контрацепции, объясняют это такими причинами, как отсутствие сексуальной жизни, нарушение фертильности, наличие беременности либо желание родить ребенка, кормление грудью и т.п. Все это плохо соотносится с высоким уровнем незапланированных беременностей и их последствий — аборт. Основная причина несоответствия заявляемой распространенности контрацепции и высокого уровня абортов, на наш взгляд, кроется в структуре используемых методов предохранения от беременности, а именно большей долей малоэффективных методов. Некоторую роль, возможно, играет и преувеличение применения контрацепции при опросах или неправильное применение.

Что касается структуры методов планирования семьи, то согласно обследованию «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ/RusGGS-2004)¹⁵ самыми популярными методами среди состо-

¹⁵ РидМиЖ/RusGGS-2004 — единственное на сегодняшний день репрезентативное на национальном уровне обследование, предоставившее возможность оценить распро-

ящих в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) являются презерватив (29% среди опрошенных женщин и 35% среди опрошенных мужчин) и внутриматочная спираль (24 и 22% соответственно). Далее по частоте использования идут: календарный метод (учет опасных дней) (18 и 16%), гормональные противозачаточные таблетки (15 и 13%) и прерванный половой акт (15 и 13%). Другие методы контрацепции, в том числе гормональные контрацептивы последних поколений, используются очень редко. Таким образом, удельный вес методов, имеющих низкую эффективность, все еще велик в России.

4.7. Рождаемость в России намного ниже уровня замещения поколений

При анализе уровня рождаемости самостоятельное значение имеет его оценка с точки зрения способности обеспечивать замещение поколений при данном уровне смертности. В качестве интегрального показателя, учитывающего и уровень рождаемости, и уровень смертности, обычно используется нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства женского населения — число девочек, рожденных в среднем одной женщиной и доживающих до среднего возраста, в котором их родила мать. Следует, однако, иметь в виду, что при расчете нетто-коэффициента уровень смертности учитывается лишь частично — только для женского пола и только в возрасте примерно до 30 лет. Об этом следует напомнить, так как в последнее время в околонуучной печати все чаще высказывается тезис о второстепенности проблем смертности в России, поскольку ее уровень не влияет на воспроизводство населения и «сосредоточение усилий на смертности абсолютно не решает проблему депопуляции».

Действительно, в современных условиях ведущим фактором замещения поколений выступает рождаемость, смертность в детских и молодых возрастах, особенно у женщин, в России уже давно не носит катастрофического характера, и ее дальнейшее снижение не способно существенным образом сказаться на интегральных показателях воспроизводства. Об этом свидетельствуют данные табл. 4.20, где представлены основные компоненты расчета нетто-коэффициента воспроизводства населения в России. Однако это вовсе не должно вести к недооценке проблем смертности, особенно мужской и в средних возрастах, которые в России обострены до предела.

страненность различных методов контрацепции в масштабе всей страны. См.: Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 119—125.

Таблица 4.20. Компоненты нетто-коэффициента воспроизводства женского поколения, Россия, 1958—2006 гг.

Годы	Среднее число детей на одну женщину	В том числе девочек*	Средний возраст матери, лет	Вероятность для девочки дожить до среднего возраста матери	Нетто-коэффициент воспроизводства	Истинный коэффициент естественного прироста населения, на 1000 человек
1958—1959	2,62	1,28	27,8	0,93	1,19	+6,0
1964—1965	2,14	1,05	27,6	0,93	0,97	-1,1
1968—1969	1,97	1,00	27,2	0,96	0,96	-1,5
1974—1975	1,99	0,97	26,4	0,96	0,93	-2,7
1978—1979	1,90	0,92	25,9	0,96	0,88	-4,9
1984—1985	2,06	1,00	25,8	0,97	0,96	-1,4
1988—1989	2,07	1,01	25,7	0,97	0,98	-0,8
1994—1995	1,37	0,66	24,7	0,97	0,64	-17,8
1998—1999	1,20	0,58	25,5	0,97	0,56	-22,4
2004—2005	1,31	0,64	26,6	0,97	0,62	-18,6
2000	1,19	0,58	25,8	0,97	0,56	-22,2
2001	1,22	0,59	25,9	0,97	0,58	-21,1
2002	1,29	0,62	26,1	0,97	0,61	-19,1
2003	1,32	0,64	26,3	0,97	0,62	-18,0
2004	1,34	0,64	26,4	0,97	0,63	-17,6
2005	1,29	0,63	26,6	0,97	0,61	-19,0
2006	1,30	0,63	26,6	0,97	0,61	-19,0

* Эта характеристика в демографии называется брутто-коэффициентом воспроизводства, которая в отличие от нетто-коэффициента не учитывает уровень смертности.

Примечание. Более подробную динамику показателей см.: Население России 2003—2004: Одиннадцатый—двенадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Наука, 2006. С. 271—272.

Россия стала одной из первых крупных стран, в которых рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений. Это произошло в 1964 г., и тогда нетто-коэффициент воспроизводства ниже единицы наблюдался только в Венгрии, Латвии, Эстонии, Румынии и Японии. В 1968 г. нетто-коэффициент воспроизводства был ниже, чем в России, только в двух республиках СССР — Украине и Латвии, а также в нынешней Чешской Республике (тогда — части Чехословакии).

Однако вскоре положение изменилось. Процесс снижения рождаемости охватил все промышленно развитые страны, и в 1990-е гг. ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений. О том, как складывалась динамика нетто-коэффициента воспроизводства населения развитых стран на протяжении последних 45 лет, позволяет судить рис. 4.17, на котором представлено несколько крупных промышленно развитых стран, находящихся сейчас на разных краях спектра значений этого показателя. Из всех развитых стран только в США (в том числе и среди

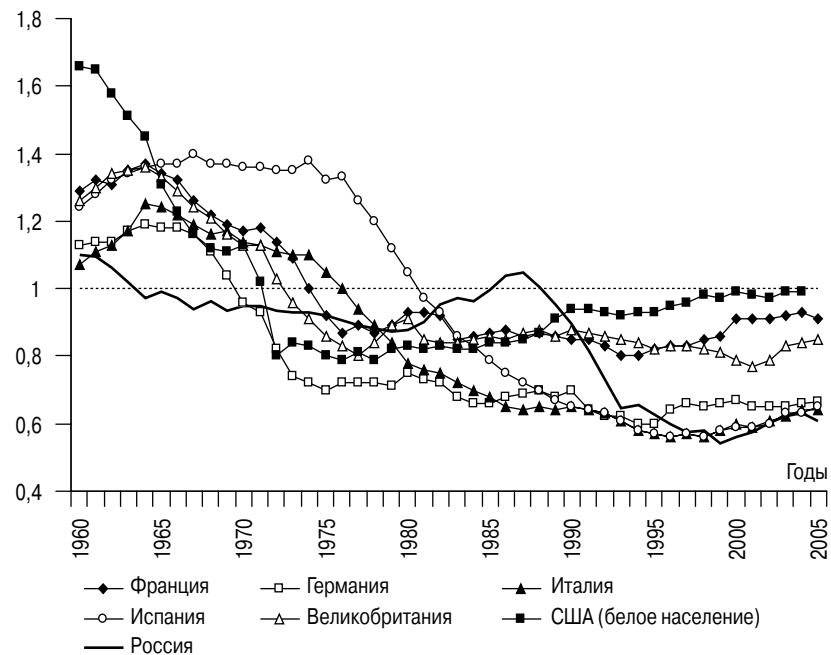

Рис. 4.17. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах, 1960—2005 гг.

белого населения) значение этого показателя максимально приближается к границе простого воспроизводства.

Теперь Россия — уже отнюдь не исключение из общего правила. В начале XXI в. уровень рождаемости был недостаточен для простого воспроизводства населения во всех промышленно развитых странах, за исключением США, а в 15 европейских странах нетто-коэффициент воспроизводства населения был ниже, чем в России (рис. 4.18).

Наблюдаемый в 2005—2006 гг. нетто-коэффициент воспроизводства — 0,61 — указывает на то, что с учетом смертности текущий уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений нынешних матерей лишь на 61%. Фактически это означает, что если на протяжении двух-трех десятилетий текущие (т.е. наблюдаемые в годы исчисления показателя) режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего на 39%. В таком стабильном (т.е. имеющем неизменный режим воспроизводства) населении ежегодный коэффициент естественного прироста (так называемый истинный коэффициент естественного прироста) будет отрицательным на уровне 19 на 1000 населения и численность населения страны, закрытой для миграции, станет сокращаться почти на 2% в год.

В 2006 г. фактический коэффициент естественного прироста в России составил $-4,8\%$: по абсолютной величине он почти в четыре раза меньше истинного коэффициента. Причина расхождения объясняется тем, что возрастная структура населения России по степени постарения еще не соответствует сегодняшним уровням рождаемости и смертности. Но если нынешние тенденции сохранятся, коэффициент естественного прироста будет приближаться к истинному.

Хотя российские показатели смертности, в том числе и в детском, и в материнском возрасте, далеки от идеала, которым для России служат другие развитые страны, с точки зрения показателей воспроизводства населения имеющиеся резервы невелики. Если в России 97% девочек доживает до среднего возраста матери, то лучшие показатели в мире — 98—99%. Даже если предположить, что ни одна девочка, родившаяся в 2005—2006 гг., не умрет и сможет стать матерью, то это смогло бы всего лишь увеличить нетто-коэффициент воспроизводства с наблюдаемого 0,61 до 0,64. Весьма значительные колебания смертности в России, отмеченные в 1980—1990-х гг., практически никак не сказались на обсуждаемых характеристиках воспроизводства (различия в значениях вероятности дожития до среднего возраста матери касались третьего знака после запятой). Происходившее снижение младенческой смертности даже несколько их улучшало. Роль младенческой смертности действительно серьезна, поскольку около 50% всех женских

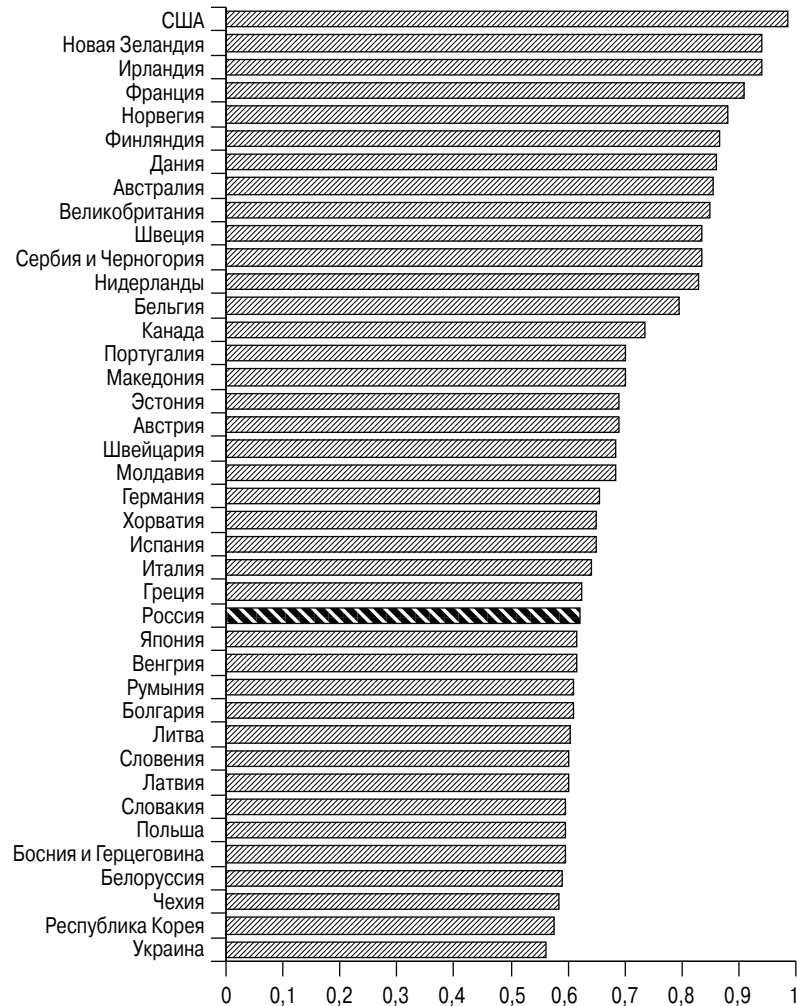

Рис. 4.18. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в 40 промышленно развитых странах в 2005 г.

смертей от рождения до среднего возраста матери приходится на возраст до одного года, что является исторически постоянной величиной, практически не зависящей от страны, эпохи и общего уровня смертности. Однако принципиальным образом изменить в лучшую сторону показатели воспроизвод-

тва населения могут только повышение рождаемости у ныне живущих поколений и семейная иммиграция, если в среде мигрантов рождаемость будет выше, чем у проживающих сегодня на территории России.

Опыт развитых стран показывает, что интенсивность деторождения у мигрантов, особенно в первые годы проживания в принимающей стране, как правило, выше, чем у женщин того же возраста в стране выезда, но затем различия у недавних мигрантов и у родившихся в стране-реципиенте довольно быстро сглаживаются. Тем не менее итоговая рождаемость у женщин-мигранток, как правило, в среднем выше, чем у женщин — местных уроженок.

Так, во Франции в 1990-х гг. итоговый показатель рождаемости у женщин, родившихся за пределами Франции (более 10% всего населения страны), был на 0,46 ребенка в расчете на одну женщину выше, чем у уроженок Франции (2,16 против 1,70)¹⁶. В Великобритании в 2004 г. 19,5% всех рождений было обеспечено матерями, родившимися за пределами «туманного Альбиона» (около 9% всего населения), причем вклад мигрантов в общее число рождений в этой стране неуклонно увеличивается с конца 1980-х гг.¹⁷ В Швеции в 2005 г. коэффициент суммарной рождаемости у женщин, рожденных в Швеции, равнялся 1,75, а у рожденных за пределами страны — 2,01, причем вторая категория женщин обеспечила 19,5% годового числа рождений¹⁸. Таким образом, общий уровень рождаемости во Франции, Великобритании, Швеции, будучи выше среднего по Европе, видимо, в значительной мере поддерживается за счет мигрантов. Интересно, что в Австрии и Швейцарии текущая рождаемость среди женщин, родившихся в этих странах, такая же, как сегодня в России, — 1,31 и 1,34 в расчете на одну женщину, а среди австриек и швейцарок — уроженок других стран соответственно 2,00 и 1,86. Поскольку вклад мигранток в первом поколении в общее число рождений составлял в этих странах существенную долю (12% в Австрии и даже 26% в Швейцарии в 2005 г.), то становится понятным, почему показатель в целом для этих стран все-таки несколько выше российского — 1,42¹⁹. Большое влияние миграция оказывает на показатели рождаемости и естественного прироста в Канаде. Коэффициент суммарной рождаемости в расчете на одну женщину, приехавшую в Канаду в 1996—2001 гг., составил 1,82, в то время

¹⁶ *Toulemon L.* Fertility Among Immigrant Women in France: New Data, New Approach. Paper prepared for the 2006 PAA Annual Meeting. Los Angeles, CA. 2006. March 30 — April 1.

¹⁷ *Chamberlain J.* Current Trends and Issues in British Fertility Analysis. National Statistics. L., 2005.

¹⁸ Statistics Sweden, 2006.

¹⁹ *Sobotka T.* Second Demographic Transition and Low Fertility: Does persistent low fertility threaten the future of European populations? Paper presented at VID Colloquium, Vienna Institute of Demography. 2007. 4 July.

как для местных уроженок этот показатель был 1,47. Замечено также, что рождаемость у женщин, въехавших с родителями до 15 лет и завершавших свое образование в Канаде, слабо отличается в большую сторону от уроженок Канады. А во втором поколении мигранты имеют такую же или даже более низкую рождаемость²⁰.

Воздействие миграции на число рождений не ограничивается более высокой интенсивностью деторождения в семьях мигрантов. Мигрируют, в большинстве своем, молодые люди, что благотворно сказывается на возрастной структуре населения, а это в свою очередь увеличивает число браков и рождений и соответственно тормозит переход к устойчивому отрицательному естественному приросту в развитых странах Запада.

В то же время возможность перехода к отрицательному балансу рождений и смертей во всех развитых странах следует рассматривать как весьма вероятную угрозу, о чем предупреждают величина нетто-коэффициента воспроизводства меньше единицы и соответственно величина истинного коэффициента естественного прироста ниже нуля, поддерживающиеся в них с середины 1970-х гг.

4.8. Возможные изменения рождаемости в будущем

Как было показано выше, по характеристикам матримониального и прокреативного поведения населения Россия входит в число развитых стран, переживших основные этапы демографического перехода. Все относящиеся к этой группе страны имеют много общих демографических черт, в том числе и сходный относительно низкий уровень рождаемости. Однако такое сходство не означает полного тождества, уровень рождаемости в странах этой группы довольно значительно колеблется: в 2006 г. коэффициент суммарной рождаемости в них находился в диапазоне от 1,2 в Литве до 2,09 в США. Россия находится примерно в середине списка стран с низкой рождаемостью, но все же входит в число тех из них, рождаемость в которых определяют как «очень низкую» — ниже 1,5 ребенка на одну женщину.

Рассматривая различные сценарии изменения российской рождаемости в обозримом будущем, трудно представить себе, что она выпадет из общего ряда постпереходных стран с такими характерными для них особенностями образа жизни, как преобладание городской нуклеарной семьи, низкая детская смертность, высокий уровень образования, участие большинства мужчин и женщин в профессиональной деятельности по найму и т.п. Соответственно нельзя ожидать и кардинального изменения демографического поведения,

которое привело бы к подъему рождаемости до уровня, типичного для традиционных крестьянских стран, какой все еще можно наблюдать в Азии, Африке или Латинской Америке. Повышение же рождаемости до уровня, который наблюдается в наиболее успешных в этом смысле постиндустриальных странах — США, Франции, некоторых Скандинавских государствах, может рассматриваться как вполне реальная перспектива. Продуманная и последовательная пронаталистская политика может способствовать движению в этом направлении.

В то же время нельзя исключать и того, что по тем или иным причинам переломить долговременные неблагоприятные тенденции рождаемости в России не удастся и она надолго останется в числе стран с очень низкой рождаемостью.

Таким образом, прогнозируя изменения российской рождаемости на несколько десятилетий вперед, приходится рассматривать самые разные сценарии — от крайне оптимистических до крайне пессимистических, понимая при этом, что самые крайние варианты не являются наиболее вероятными. Пессимистический и оптимистический сценарии лишь очерчивают границы области, внутри которой с высокой степенью вероятности могут находиться траектории будущих изменений рождаемости.

4.8.1. Прогнозируемая динамика рождаемости реальных поколений

Общепринятые методы составления демографического прогноза предполагают использование в расчетах коэффициента суммарной рождаемости условных поколений. Между тем этот показатель сильно зависит от календаря рождений, истинные же изменения уровня рождаемости отражаются только в показателях итоговой рождаемости реальных поколений. Поэтому прежде всего важно понять, как могут изменяться именно эти показатели.

К настоящему моменту имеются полные сведения о числе фактически рожденных детей для поколений, родившихся в 1950-х гг. и ранее. Вполне надежны и оценки ожидаемой итоговой рождаемости для поколений, родившихся в 1960-х гг. и завершающих свою репродуктивную биографию. Но для поколений, находящихся в активных возрастах деторождения, т.е. для женщин, родившихся в 1970-х и 1980-х гг., речь может идти только о предварительных оценках.

Для когорт, не завершивших свою репродуктивную деятельность, наиболее распространенный метод получения таких оценок, принятый на международном уровне, заключается в суммировании числа детей, фактически рожденных к моменту наблюдения, для каждого поколения женщин и числа детей, которое можно ожидать, если в последующих возрастах средняя

²⁰ The Daily. Statistics Canada. 2003. Dec. 22.

женщина из данного поколения будет иметь такую же рождаемость, какую продемонстрировали женщины, достигшие этих возрастов в году наблюдения. Понятно, что при таком подходе для поколения женщин, которым в год наблюдения исполнилось 15 лет, оценка итоговой рождаемости — более чем условная величина, полностью базирующаяся на ожидаемой компоненте и численно совпадающая с обычным коэффициентом суммарной рождаемости для условных поколений. По мере перехода к старшим поколениям значение ожидаемой компоненты уменьшается и в оценке итоговой рождаемости все большую роль играет уже реализованная, фактическая рождаемость.

Ввиду того что год от года возрастные коэффициенты рождаемости меняются, ежегодно может меняться и оценка как фактической, так и ожидаемой компоненты итоговой рождаемости для одного и того же поколения, а следовательно, и их суммарного значения. В условиях современной России, когда идет увеличение рождаемости у женщин старше 25 и даже старше 35 лет, и до тех пор, пока наблюдается это увеличение, оценки итоговой рождаемости могут ежегодно пересматриваться в сторону повышения не только для самых молодых поколений, но и для представительниц старших когорт.

Посмотрим, какие можно было бы сделать оценки итоговой рождаемости для послевоенных поколений (табл. 4.21), опираясь на ретроспективные данные, ограниченные 1999 г. (год минимального уровня текущей рождаемости), и сравним их с оценками, полученными для тех же поколений семь лет спустя (последние имеющиеся данные за 2006 г.). Очевидно, что итоговая рождаемость для женских когорт 1950-х гг. рождения (1,88 ребенка на одну женщину) не изменилась: эти поколения уже шесть лет назад были близки к выходу из детородного возраста, а к сегодняшнему дню уже из него вышли. Показатели для поколений, родившихся в первой половине 1960-х гг., изменились в сторону увеличения едва заметно — 1,76 против 1,75, а вот для когорт второй половины 1960-х гг. рост рождаемости последних лет уже не прошел бесследно — оценка величины их итоговой рождаемости твердо перешагнула отметку 1,6 ребенка (1,63 против 1,58). Еще более существенно следует пересмотреть ожидаемые показатели рождаемости для поколений, родившихся в 1970-е гг.: по сравнению с оценками, опирающимися на данные, накопленные к 2000 г., более поздние оценки дают прирост 0,1—0,2 ребенка в расчете на одну женщину. Легко подсчитать, что если тенденция к увеличению рождаемости в возрастах старше 30 лет сохранится, то поколения женщин, родившиеся после 1970 г., будут иметь в итоге в среднем 1,5—1,6 ребенка. Снижение итоговой рождаемости затормозится и, возможно, стабилизируется. Заметим, что данная оценка полностью соответствует

Таблица 4.21. Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1950—1984 г. рождения

Годы рождения женщин	Итоговое число рождений — оценка на основе данных		Оценка на основе данных 2006 г.			Разница между оценками 1999 и 2006 гг.
	1999 г.	2005 г.	Фактически рождено к 2007 г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений	
1950—1954	1,88	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1955—1959	1,88	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1960—1964	1,75	1,76	1,76	0,00	1,76	0,01
1965—1969	1,58	1,63	1,60	0,03	1,63	0,05
1970—1974	1,40	1,52	1,39	0,13	1,52	0,12
1975—1979	1,23	1,42	1,05	0,38	1,43	0,20
1980—1984	1,16	1,32	0,55	0,78	1,33	0,16

Источник: Население России 2005. М., 2007; расчеты С. Захарова, основанные на данных переписей населения 1979, 1989 гг. и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп в 1979—2006 гг.

текущей оценке средней очередности рождения для условных поколений, приводившейся выше (см. табл. 4.5). С такими характеристиками Россия не будет сильно отличаться от прогнозных значений рождаемости для условных и реальных поколений в среднем для Европы.

Если же возрастная интенсивность деторождения в возрастах старше 25 лет останется на уровне 2004—2006 гг., а тем более если она пойдет вниз, то тенденция к снижению рождаемости от поколения к поколению сохранится и поколения первой половины 1980-х гг., перешагивающие сегодня порог своего 25-летия, к 2035 г. произведут на свет в среднем 1,3—1,4 ребенка.

Оценим, как отразились на показателях итоговой рождаемости для реальных поколений изменения возрастных коэффициентов рождаемости в 2005—2006 гг. Сорокалетние женщины 1965—1969 гг. рождения никакой статистически значимой добавки не получили, как, впрочем, и женщины на пять лет их моложе (поколения 1970—1974 гг. рождения): для первых к возрасту 50 лет ожидаемая величина итоговой рождаемости составит 1,63, а для вторых — 1,52. Выиграли от повышения рождаемости в 2006 г. только женские когорты, родившиеся в 1975 г. и позднее. Но выигрыш этот едва статистически различим — 0,01 рождения в расчете на одну женщину к возрасту 50 лет.

Итак, исходя из тенденций, наблюдаемых до 2007 г., предположение о дальнейшем сокращении рождаемости реальных поколений в России выглядит более обоснованным, чем ее рост. Стабилизация итоговой рождаемости когорт на уровне 1,5—1,6 — наиболее оптимистичный сценарий, на который можно рассчитывать в случае эволюционного развития текущих процессов.

В октябре 2007 г. Президент РФ подписал указ (№ 1351) «О концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», в котором, в частности, ставится задача увеличения в полтора раза коэффициента суммарной рождаемости для условного поколения, что означает его повышение к 2025 г. до уровня 1,9—2,0 ребенка на одну женщину. Могут ли вводимые в соответствии с этой Концепцией меры стимулирования рождаемости: «материнский (семейный) капитал», развитие системы пособий в связи с рождением и воспитанием детей, обеспечение потребности семей в услугах дошкольного образования, доступность жилья для семей с детьми и т.п. — привести к повышению рождаемости реальных поколений выше упомянутого уровня 1,5—1,6 ребенка на одну женщину, без чего сформулированная в Концепции задача окажется неразрешимой?

Мировая теория и практика социально-демографической политики, к сожалению, не дают оснований для слишком большого оптимизма. Если

оценивать успехи стран, экспериментировавших в области семейной политики с целью увеличения рождаемости, в терминах реальных поколений, то все они добились более чем скромных успехов, если вообще имели таковой. Об этом свидетельствует, в частности, опыт проведения таких экспериментов в некоторых странах в 1980-е гг., который нередко приводится в качестве примера успешности пронаталистской политики.

К сегодняшнему дню поколения второй половины 1950-х — первой половины 1960-х гг. рождения, на репродуктивной биографии которых в первую очередь должны были сказаться меры политики, принятые в середине 1980-х гг., уже завершили деторождение, и можно с исчерпывающей полнотой судить об их итоговой рождаемости (рис. 4.19).

В России на итоговую рождаемость поколений меры 1980-х гг. практически никакого влияния не оказали²¹. Некоторое увеличение рождаемости у поколений 1950-х гг. началось задолго до принятия мер семейной поли-

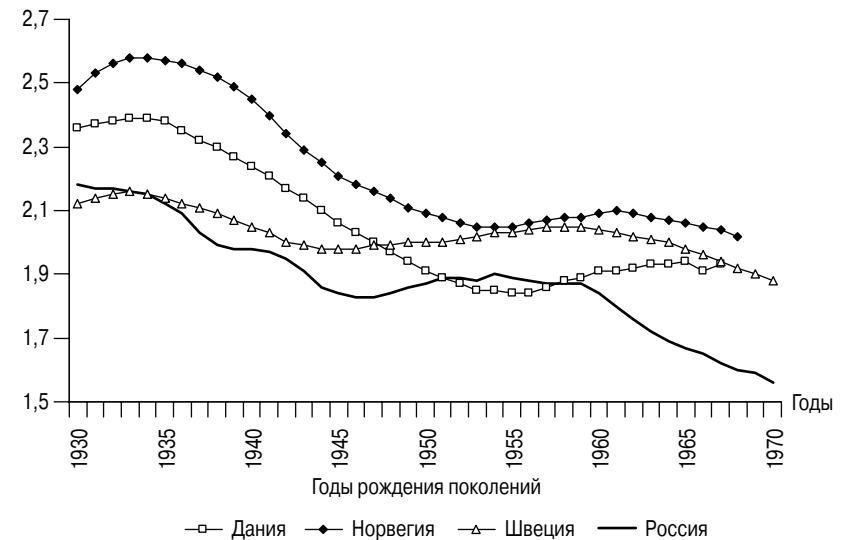

Рис. 4.19. Итоговая рождаемость поколений по году рождения женщины к возрасту 50 лет в Дании, Норвегии, Швеции и России, когорты 1930—1970 гг.

²¹ См.: Захаров С.В. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг. // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2006. № 5. С. 33—69 (http://spero.socpol.ru/docs/N5_2006-33_69.pdf).

тики в 1981 г., и, соответственно, связывать его с политикой тех лет нужно с большой осторожностью. Поколения, родившиеся в первой половине 1950-х гг., к моменту введения в действие мер в 1981—1982 гг. перешагнули порог своего 30-летия, а рост рождаемости, наблюдавшийся в 1980-х гг. в России, касался, как известно, 20-летних.

В скандинавских странах, где уже в середине 1980-х гг. возрастная модель рождаемости была более поздней, чем в современной России, еще можно было бы ожидать какой-то положительной реакции со стороны поколений первой половины 1950-х гг., однако увеличения рождаемости в этих когортах не произошло. Лишь показатели итоговой рождаемости для поколений, родившихся во второй половине 1950-х и первой половине 1960-х гг., едва-едва откликнулись на инновационные меры семейной политики.

Максимальное увеличение рождаемости поколений в Швеции было зафиксировано для поколений 1957—1959 гг. рождения — всего лишь на 0,05 ребенка в расчете на одну женщину. Еще меньший прирост оказался в Норвегии — на 0,04—0,05 ребенка у поколений 1960—1962 гг. рождения. Более молодые поколения в этих двух странах сегодня переживают фазу активного спада рождаемости. Только в Дании результат оказался более последовательным, продолжительным и статистически чуть более значимым — 0,08—0,1 ребенка в расчете на одну женщину 1962—1967 гг. рождения. С таким приростом Дания, стартовав с самыми низкими показателями из всех рассматриваемых стран, усилиями 15 однолетних когорт смогла сблизиться по уровню рождаемости с другими своими скандинавскими соседями.

Таким образом, можно утверждать, что действительные демографические результаты активной семейной политики оказались намного более скромными, чем, возможно, ожидали ее инициаторы. Правда, открытым остается вопрос, как бы менялась рождаемость поколений в отсутствие принятых мер. Не исключено, что их введение приостановило или замедлило снижение рождаемости, а это уже можно было бы считать позитивным результатом. Однако на этот вопрос нет и не может быть определенного ответа.

Признаваемое всеми экспертами крайне слабое влияние пронаталистской политики на рождаемость реальных поколений не означает, однако, что политика не сказывалась на протяжении ряда лет на конъюнктурных показателях рождаемости условных поколений. Наблюдавшийся повсеместно заметный всплеск числа рождений, подскок показателей итоговой рождаемости для календарных лет (коэффициента суммарной рождаемости), стал результатом значительных изменений календаря рождений, в первую очередь связанных с уменьшением интервала времени между первым и вторым,

а также между вторым и третьим рождениями. Но более раннее появление на свет первого ребенка, сокращение интервалов между родами первых двух-трех очередностей не сопровождалось повышением итоговой рождаемости у затронутых нововведениями семейной политики поколений по сравнению с предшествующими поколениями, для которых новые меры политики уже были неактуальными ввиду их старшего возраста.

Нельзя не учитывать накопленный опыт и при прогнозировании изменений рождаемости реальных поколений в ответ на введение новых пронаталистских мер в России.

Поколения, которые уже сейчас находятся в активных детородных возрастах (женщины 1970—1985 гг. рождения), едва ли могут рассчитывать на то, что итоговый показатель их репродуктивной деятельности по сравнению с предшествующими поколениями принципиальным образом изменится, несмотря на заложенный в прогнозах стимулирующий эффект мер демографической политики (ср. с данными табл. 4.21). При различных сценариях в лучшем случае может быть достигнута стабилизация на уровне 1,5—1,6 рождения в расчете на одну женщину, а при пессимистических предположениях возможно продолжение медленной тенденции к снижению.

Для поколений, которые только начинают свою репродуктивную биографию или на подходе к ней (поколения женщин, родившиеся в середине 1980-х гг. и позднее), можно предположить, что среднее число детей в их семьях может существенно повыситься, но только в том случае, если будет происходить опережающий рост рождаемости в старших материнских возрастах при весьма оптимистическом сценарии роста общей рождаемости за пределами 2015 г. Так, женщины 1995 г. рождения вступят в период активного формирования семей после 2015 г., и при благоприятном развитии событий уровень их итоговой рождаемости превысит 1,8 или даже 1,9 ребенка в расчете на одну женщину. Но для этого демографическая политика, ставящая своей целью увеличение числа детей в семьях, должна поддерживать свою высокую эффективность на протяжении не менее двух десятилетий, и, более того, ситуация, которая создается специально ориентированными мерами политики, должна быть привлекательной в первую очередь для женщин старших возрастных групп, а именно 30-летних. В этом случае реализуется оптимистический сценарий: рождаемость реальных поколений прекратит снижение, и возобладает ее рост уже у когорт второй половины 1980-х гг. рождения.

Изложенные соображения позволяют предложить пессимистический и оптимистический сценарии изменения итоговой рождаемости реальных поколений женщин, представленные в табл. 4.22.

Таблица 4.22. Оптимистический и пессимистический сценарии изменений итоговой рождаемости реальных поколений российских женщин 1970—2005 гг. рождения

Год рождения женщин	Сценарий	
	Пессимистический	Оптимистический
1970—1975	1,53	1,55
1975—1980	1,56	1,58
1980—1985	1,56	1,63
1985—1990	1,59	1,80
1990—1995	1,54	1,93
1995—2000	1,47	1,94
2000—2005	1,46	1,95

4.8.2. Прогнозируемая динамика рождаемости условных поколений

Как предполагаемые изменения в рождаемости реальных женских когорт могут сказаться на динамике показателей рождаемости условных поколений, которые используются при составлении общего демографического прогноза?

Пронаталистски ориентированные меры демографической политики, вступившие в действие в 2007 г., вероятнее всего, скажутся на изменениях этих показателей неоднозначно. Разные возрастные, социальные и этнические группы скорее всего по-разному отреагируют на вводимые меры, но в целом в годы, непосредственно следующие за их введением, возрастные коэффициенты и коэффициент суммарной рождаемости вполне могут повыситься, даже если это не обязательно будет означать действительного роста рождаемости реальных поколений. Поведение этих показателей в дальнейшем не столь очевидно.

Можно ожидать, что будет нарушена монотонность процесса трансформации возрастной модели рождаемости в сторону постарения. Он, конечно, не прекратится, но, опираясь на опыт других стран, в частности скандинавских, а также и на собственный опыт России, можно ожидать, что в первые пять-семь лет после нынешней активизации демографической политики, т.е. в фазе подъема конъюнктурных показателей рождаемости, увеличение возраста материнства замедлится. За этим может последовать фаза спада, когда при падении общей интенсивности деторождения «старение» ускорится.

Рассмотрим, как может складываться динамика показателя итоговой рождаемости условных поколений в России начиная с 2007 г., если его изменения будут следовать сценариям, реализованным в рассмотренных выше странах. На рис. 4.20 представлены возможные траектории коэффициента суммарной рождаемости при условии, что коэффициенты рождаемости возрастных групп будут меняться теми же темпами, которые наблюдались в каждой из стран.

Результаты при реализации российского 1981—1990 гг. и шведского сценариев оказываются достаточно близкими и в фазе подъема, и в фазе спада (особенно если сгладить российский провал показателей в 1984—1985 гг.). Максимум рождаемость достигнет в 2013—2014 гг. — 1,57 в соответствии с российским сценарием и 1,70 — в соответствии со шведским. За подъемом последует лавинообразный компенсаторный спад, и к исходному уровню КСР вернется уже в 2016—2018 гг. К сожалению, при полном повторении указанных сценариев рождаемость не задержится и на этом вновь обретен-

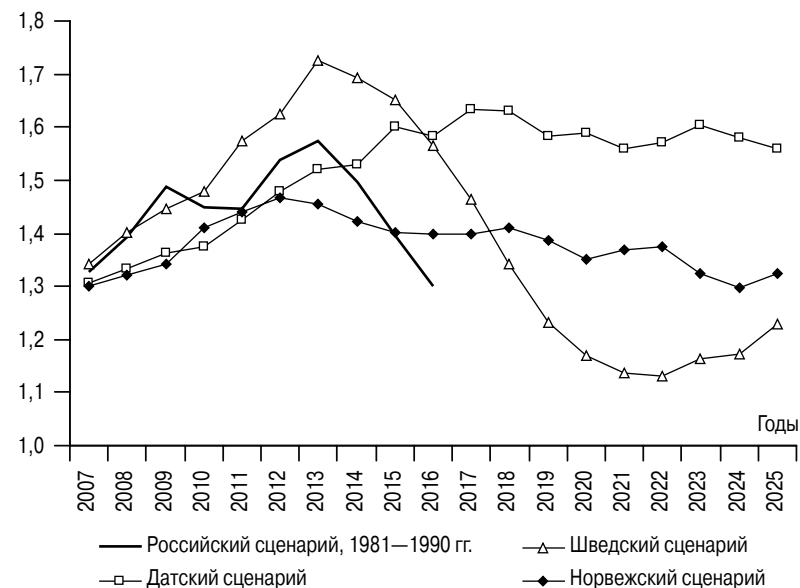

Рис. 4.20. Предположительная динамика коэффициента суммарной рождаемости в России в 2007—2025 гг. при условии реализации сценариев изменения возрастных коэффициентов рождаемости в РСФСР в 1981—1990 гг., Швеции, Дании в 1984—2003 гг. и Норвегии в 1985—2003 гг.

ном прежнем уровне и будет продолжать падать вплоть до 2021—2022 гг., стремясь к очень низким значениям — менее 1,2 в соответствии со шведским сценарием.

Более плавное повышение рождаемости в течение пяти лет сближает норвежский и датский сценарии. За этот период КСР подойдет вплотную к отметке 1,5. Далее его судьба будет складываться по-разному: в соответствии с норвежским сценарием предстоит долгий 10-летний путь возврата к исходному состоянию (до уровня 1,3), а в соответствии с датским сценарием рост КСР продолжится до отметки 1,6, который будет достигнут к 2015 г., и около этого уровня 1,55—1,6 произойдет долговременная стабилизация.

Итак, намеченный в Концепции демографической политики целевой ориентир — КСР, равный 1,7, — к 2015 г. может быть достигнут только в случае повторения бурного российско-шведского сценария, реализовавшегося под воздействием политики в 1980-х гг. Проблема, однако, состоит в том, как на достигнутом уровне удержаться? Российский и шведский опыт этому не учит. Датский сценарий, хотя и не выводит на «плановый» уровень, все же более выигрышен в долговременной перспективе как в терминах условных поколений, так и, что более важно, в терминах реальных поколений, о чем говорилось выше.

При построении прогнозных сценариев рождаемости России в фазе подъема в ответ на меры, которые введены с 2007 г., мы принимаем в качестве максимального варианта следование темпам изменения по шведскому типу без последующего отката (т.е. с продолжающимся замедленными темпами ростом после достижения КСР, равного 1,7), а в качестве минимального варианта — рост и снижение с темпами, соответствующими норвежскому сценарию.

Эти соображения выводят нас на количественные оценки пессимистического и оптимистического сценариев прогноза рождаемости до 2025 г., которые представлены в табл. 4.23 и на рис. 4.21, в сравнении с нормативным сценарием, задаваемым Концепцией. Ниже эти сценарии, продленные до 2050 г., описываются несколько более подробно.

Пессимистический сценарий предполагает, что к 2025 г. Россия пройдет значительную часть пути «второго демографического перехода», которую уже прошли к сегодняшнему дню европейские страны с самой низкой рождаемостью (Италия, Испания, Греция, Германия). Возрастная модель рождаемости в России существенно изменится (будет приближаться к средней из фактически наблюдаемых в перечисленных странах во второй половине 1990-х гг.), а суммарная рождаемость после некоторого подъема войдет в полосу медленного снижения и вернется к 2025 г. примерно на тот же уровень, какой наблюдается в 2004—2006 гг. (коэффициент суммарной рождаемос-

Таблица 4.23. Итоговая (суммарная) рождаемость условных поколений в соответствии с прогнозным сценарием официальной Концепции демографической политики (2007) и трех сценариев прогноза ИДЕМ ГУ ВШЭ (2007)

Год	Нормативный сценарий*	Пессимистический сценарий	Оптимистический сценарий
2006 (факт)	1,30	1,30	1,30
2010	1,50	1,42	1,51
2015	1,70	1,43	1,74
2020	1,85	1,39	1,81
2025	1,95	1,36	1,83

* Нормативный сценарий задан Концепцией демографической политики на период до 2025 г. (Указ Президента РФ от 09.10.2007 г. № 1351). Выделенные полужирным показатели определены из указанных в Концепции целевых темпов роста, а промежуточные значения получены линейной интерполяцией.

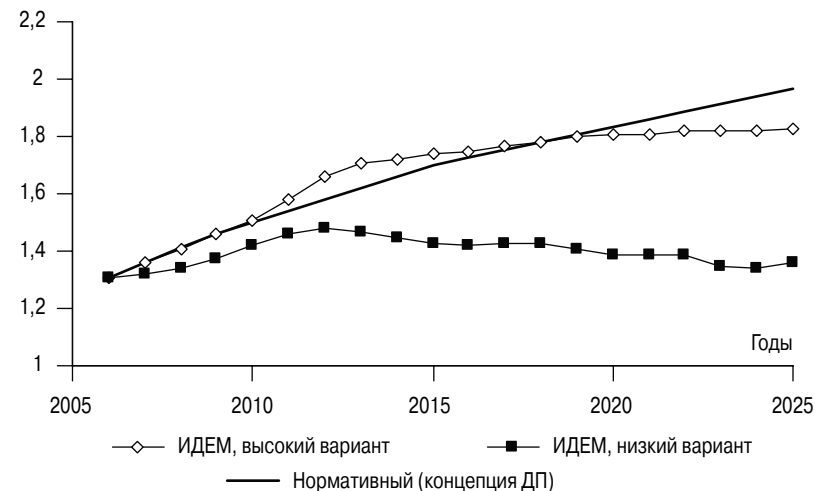

Рис. 4.21. Итоговая (суммарная) рождаемость условных поколений в соответствии с нормативным, пессимистическим и оптимистическим сценариями

ти 1,30—1,34 ребенка на одну женщину). Если вклад матерей в возрасте до 25 лет в итоговую рождаемость в 2006 г. составлял 43,8%, а вклад матерей в возрасте 30 лет и старше — 26,3%, то в соответствии с данным прогнозным сценарием в 2025 г. можно ожидать, что вклад матерей в возрасте до 25 лет составит 25%, а матерей в возрасте 30 лет и старше — 46%. Модальный возраст материнства при таком развитии процесса постепенно переместится из возрастной группы 20—24 года в возрастную группу 25—29 лет, а средний возраст матери при рождении среднестатистического ребенка возрастет с 26,6 года в 2006 г. до 29,3 года в 2025 г.

Конкретный сценарий изменения коэффициентов возрастной и суммарной рождаемости был смоделирован на основе норвежской траектории поведения показателей в 1985—2003 гг. Этот сценарий не предполагает преодоления тенденции к снижению итоговой рождаемости поколений, но снижаться она будет очень медленно.

Сценарий изменения рождаемости на период после 2025 г. (т.е. после преодоления возможных отрицательных последствий возмущений в ритме формирования семей, вызванных введением мер политики в 2007 г.) базируется на возможности перелома в этот период тенденции к долговременному снижению рождаемости в условных и реальных поколениях. В соответствии с этим сценарием медленный подъем рождаемости приведет к тому, что к концу прогнозного периода коэффициент суммарной рождаемости для условных поколений будет стремиться к отметке 1,55, что соответствует ожидаемой и вполне реальной величине итоговой рождаемости для поколений второй половины 1970-х гг.

Оптимистический сценарий допускает, что одновременно будут происходить и модификация возрастного профиля рождаемости, и рост ее уровня, причем в первые 10 лет очень быстро. В основу моделирования первого, ускоренного этапа роста рождаемости положен шведско-российский вариант реакции на меры семейной политики. В дальнейшем рост рождаемости замедлится, но будет монотонно продолжаться на всем протяжении прогнозного периода. Этот прогнозный сценарий предполагает, что обществу удастся найти рецепты для того, чтобы не только избежать компенсаторного спада конъюнктурных показателей рождаемости, но и предоставить семьям дополнительные стимулы к деторождению.

Темпы трансформации возрастной кривой рождаемости вплоть до 2015 г. будут замедленными, а после этой даты ускорятся, тем не менее к 2025 г. западно-европейский тип возрастной модели рождаемости достигнут не будет. Вклад в итоговую рождаемость матерей в возрасте до 25 лет составит в 2025 г. 30% (т.е. будет лишь немного выше, чем по нижнему сценарию), а вклад матерей в возрасте 30 лет и старше увеличится к 2025 г. до 39%, что существен-

но ниже, чем по нижнему сценарию. Фактически данный прогнозный сценарий предполагает, что основным «генератором» изменения рождаемости будут выступать средние возрастные материнские группы 25—35 лет. Средний возраст матери при рождении ребенка к концу прогнозного периода составит 28,4 года, т.е. почти на один год меньше, чем по нижнему сценарию.

Прогноз рождаемости на отрезке с 2025 по 2050 г. следует рассматривать исключительно в аналитических целях для оценки приблизительных границ долговременного изменения численности и половозрастной структуры населения. Речь идет о предсказании изменения рождаемости для еще не рожденных на сегодняшний день поколений, что, конечно, может быть основано только на интуиции, базирующейся на сложившихся к сегодняшнему дню представлениях о закономерностях, присущих такому сложному феномену. Оценки параметров рождаемости по оптимистическому и пессимистическому сценариям прогноза до 2050 г. приведены в табл. 4.24.

Сравнение нашего прогноза рождаемости с соответствующими прогнозами, выполненными Евростатом для ряда европейских стран, показывает, что по предполагаемым значениям коэффициента рождаемости в 2025 и 2050 гг. Россия, как и сейчас, будет находиться в общем ряду европейских стран (рис. 4.22).

В заключение сопоставим наш прогноз уровня рождаемости в России в 2025 г. с другими известными нам прогнозами Центра демографии и экологии человека ИМП РАН (ЦДЭЧ), Деловой России, Росстата, ООН, Бюро цензов США (рис. 4.23).

Сопоставление показывает, что некоторые расхождения в прогнозах, по многим причинам неизбежные, не имеют принципиального характера, величины показателей в разных прогнозах достаточно близки. Нет больших расхождений и в имеющихся прогнозных оценках до 2050 г. Все это дает основания использовать принимаемые нами пессимистический и оптимистический сценарии эволюции рождаемости до 2050 г. для того, чтобы очертить границы области, внутри которой с высокой степенью вероятности будут проходить все возможные траектории изменений КСР на протяжении всего этого периода (рис. 4.24).

Таблица 4.24. Основные характеристики рождаемости в 2005 г. и в соответствии с пессимистическим и оптимистическим прогнозными сценариями до 2050 г.

	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2050 г.
<i>Пессимистический сценарий</i>						
Возраст, лет:	Возрастные коэффициенты рождаемости, на 1000					
15—19	27,5	25,0	20,2	17,2	12,8	10,0
20—24	86,8	86,7	75,1	63,3	55,1	48,6
25—29	77,9	86,1	85,2	80,9	78,7	100,9
30—34	45,5	56,6	66,2	71,0	75,8	97,2
35—39	17,8	22,4	30,1	35,3	38,2	43,2
40—44	3,0	3,3	4,4	5,5	6,3	7,2
45—49	0,2	0,2	0,3	0,4	0,6	0,6
КСР	1,29	1,40	1,41	1,37	1,34	1,54
Средний возраст матери, лет	26,5	27,1	27,9	28,6	29,2	29,8
Вклад в КСР матерей в возрасте:						
до 25 лет, %	44,2	39,9	33,9	29,4	25,4	19,0
30 лет и старше, %	25,7	29,4	35,9	41,0	45,2	48,2
<i>Оптимистический сценарий</i>						
Возраст, лет:	Возрастные коэффициенты рождаемости, на 1000					
15—19	27,5	30,3	35,1	27,0	23,8	8,6
20—24	86,8	93,7	99,0	85,8	84,4	83,9
25—29	77,9	89,9	99,9	110,9	114,8	145,0
30—34	45,5	57,1	71,5	86,8	89,1	108,5
35—39	17,8	23,3	31,4	38,9	40,5	52,6
40—44	3,0	3,8	5,6	6,9	6,9	7,4
45—49	0,2	0,3	0,3	0,4	0,5	0,9
КСР	1,29	1,49	1,71	1,78	1,80	2,03
Средний возраст матери, лет	26,5	26,9	27,3	28,2	28,3	29,2
Вклад в КСР матерей в возрасте:						
до 25 лет, %	44,2	41,6	39,1	31,6	30,1	22,7
30 лет и старше, %	25,7	28,3	31,7	37,3	38,1	41,7

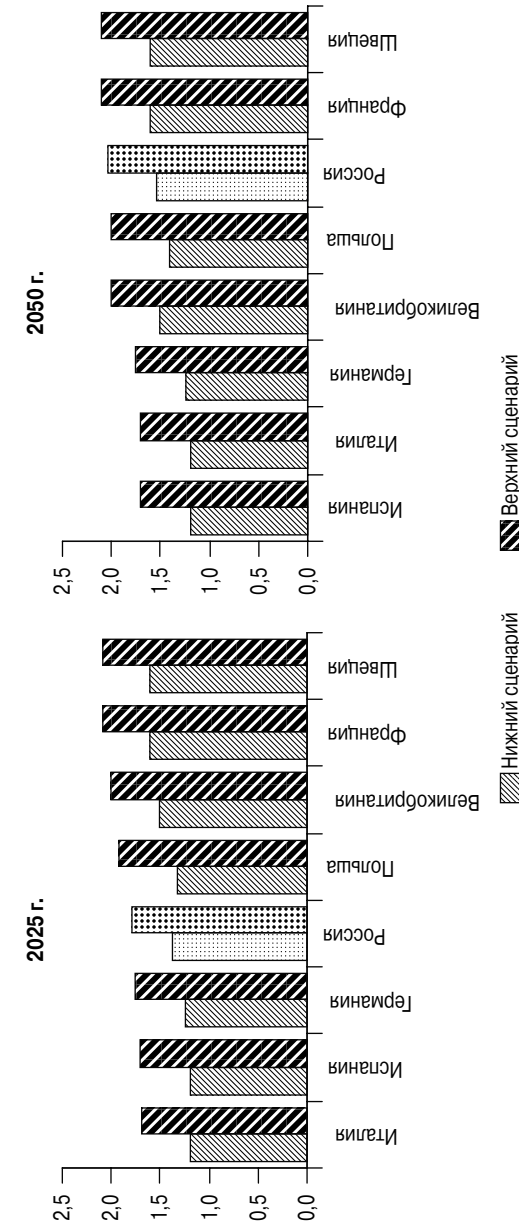

Рис. 4.22. Коэффициент суммарной рождаемости в России (прогноз ИДЕМ ГУ ВШЭ) и некоторых европейских странах (прогноз Евростата) в 2025 и 2050 гг.

Источник: Assumptions of Eurostat projections 2004. Population statistics, 2006 Ed. European Commission, Luxembourg, 2006. Detailed tables, Tables H-1a, H-1b.

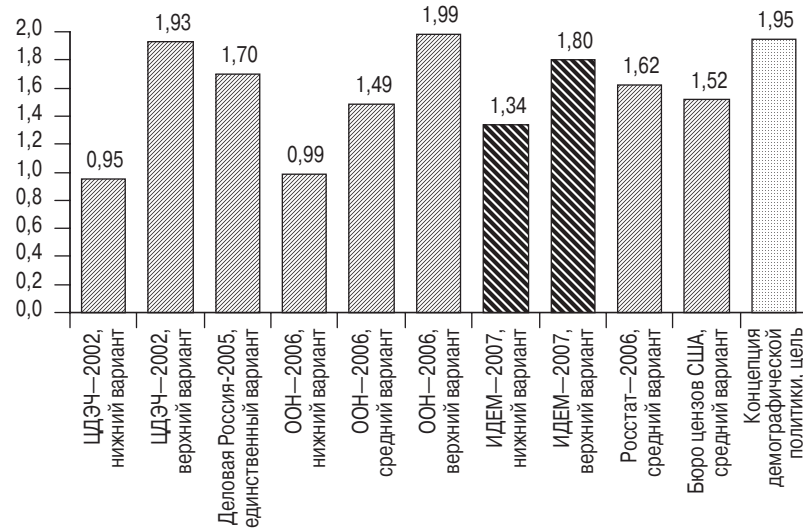

Рис. 4.23. Коэффициент суммарной рождаемости в России в 2025 г. по разным прогнозам

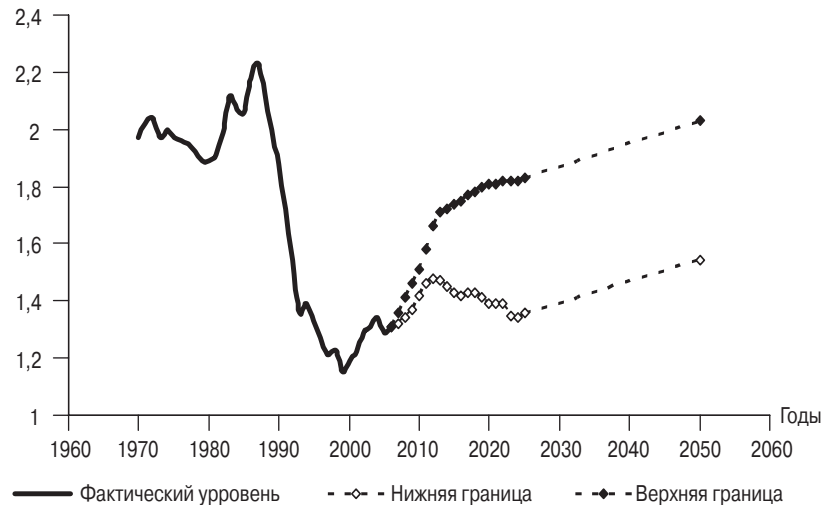

Рис. 4.24. Изменение КСР (итоговой рождаемости условных поколений) до 2050 г. в соответствии с верхним и нижним прогнозными сценариями

5. Смертность и продолжительность жизни

5.1. Число смертей в России после 2003 г. сокращается

Период после 1998 г. ознаменовался в России заметным ростом числа умерших, который достиг своего пика в 2003 г., после чего число умерших снова стало снижаться, причем обе эти тенденции в равной степени были характерны и для мужчин, и для женщин (рис. 5.1, табл. 5.1). В 2006 г. число умерших в России составило 2166,7 тыс. человек, что на 137,2 тыс., или 6,0%, меньше, чем в 2005 г. Число умерших в трудоспособных возрастах снизилось более значительно — на 9,7%, или 71,4 тыс. человек. Число умерших детей в возрасте до одного года уменьшилось на 6,2%, а коэффициент младенческой смертности — на 7,3%.

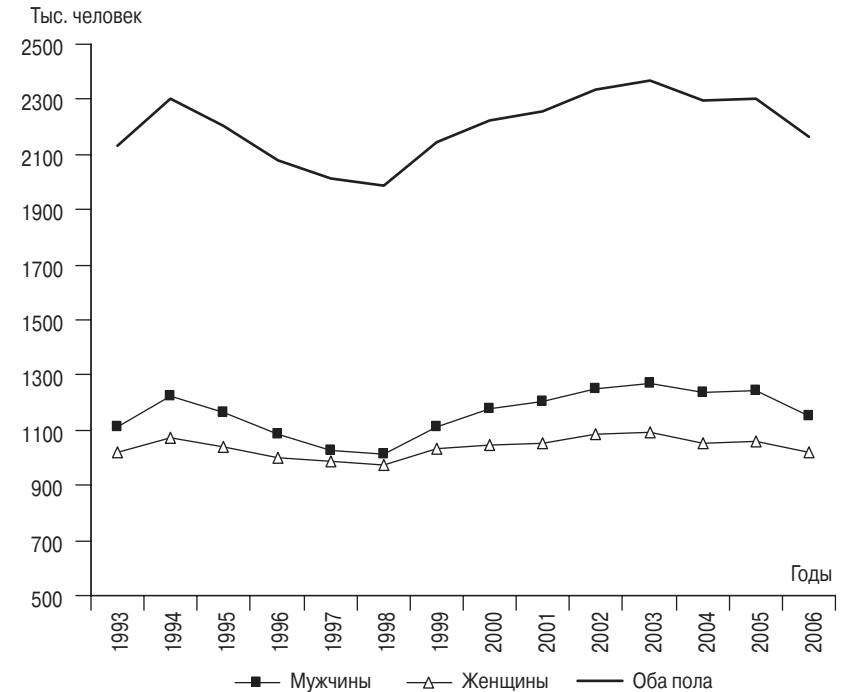

Рис. 5.1. Число умерших в России, 1993—2006 гг.

Таблица 5.1. Число умерших в России и компоненты его изменения, 1993—2006 гг., тыс. человек

Год	Число умерших	Изменение за год	В том числе за счет	
			интенсивности смертности	возрастной структуры
<i>Мужчины</i>				
1993	1112,7	—	—	—
1994	1226,5	113,8	105,9	7,9
1995	1167,6	—58,8	—66,2	7,3
1996	1083,6	—84,0	—95,7	11,7
1997	1028,6	—55,1	—69,0	13,9
1998	1013,7	—14,8	—27,9	13,1
1999	1112,5	98,8	85,8	12,9
2000	1179,8	67,3	55,6	11,6
2001	1204,2	24,4	8,9	15,5
2002	1249,8	45,6	34,4	11,2
2003	1272,5	22,8	13,3	9,5
2004	1240,1	—32,4	—47,4	15,0
2005	1245,0	4,9	—0,4	5,2
2006	1148,6	—96,5	—112,6	16,2
<i>Женщины</i>				
1993	1016,7	—	—	—
1994	1074,9	58,2	53,6	4,7
1995	1036,2	—38,7	—42,1	3,4
1996	998,6	—37,6	—41,5	4,0
1997	987,2	—11,4	—16,6	5,2
1998	975,0	—12,2	—20,3	8,1
1999	1031,8	56,8	48,1	8,7
2000	1045,6	13,8	10,9	2,8
2001	1050,7	5,1	7,5	—2,4
2002	1082,5	31,8	29,3	2,5
2003	1093,3	10,8	3,7	7,1
2004	1055,3	—38,0	—51,2	13,2
2005	1058,9	3,6	—7,0	10,7
2006	1018,1	—40,8	—56,9	16,2

Абсолютное число умерших есть производное от численности населения тех или иных возрастов и соответствующих уровней смертности в этих возрастах. Как видно из табл. 5.1 и рис. 5.2, за последние 14 лет динамика этого числа в решающей степени определялась колебаниями возрастных интенсивностей смертности, тогда как изменения возрастного состава населения играли меньшую роль и всегда способствовали росту общего числа умерших. Лишь один раз и только у женщин в 2001 г. изменение возрастной структуры немного снизило число умерших.

Впрочем, влияние возрастной структуры на динамику чисел умерших все же не следует недооценивать. Ее изменения в начале нынешнего столетия были благоприятны в том смысле, что на какое-то время смягчили негативное влияние постарения. Этому способствовали два провала в численности пожилых людей с высоким уровнем смертности: наличие в их составе двух изначально малочисленных когорт, родившихся в первой половине 30-х и первой половине 40-х гг. минувшего века (рис. 5.3). Если бы этих провалов не было, абсолютное число смертей в соответствующих возрастах (60—64 и 70—74 года), а значит, и общее число смертей было бы существенно большим.

Изменения смертности в отдельных возрастах и изменения возрастного состава населения, естественно, влияют и на распределение умерших по возрасту. Высокий уровень смертности мужчин в молодых и средних возрастах по сравнению с женщинами приводит к тому, что доля умерших в возрастах 75 лет и старше среди общего числа умерших у мужчин в несколько раз меньше, чем у женщин (рис. 5.4). Однако в последние годы это соотношение стало немного уменьшаться. Так, в 2006 г. доля умерших в возрасте 75 лет и старше среди всех умерших мужчин составляла 17,4% против 10,9% в 2000 г., у женщин соответственно — 54,6 и 50,9%, т.е. соотношение уменьшилось с 4,6 до 3,1 раза.

Сохраняющийся высокий уровень смертности в России по сравнению с развитыми странами, а также и со странами, сумевшими перебороть негативную тенденцию в смертности (рис. 5.5), достаточно наглядно иллюстрируется и распределением умерших по возрасту. Как видно из рис. 5.6, доля умерших в возрасте 65 лет и старше в России значительно ниже и, напротив, доля умерших в возрастах 45—64 года значительно выше, чем в Нидерландах и даже Польше, особенно у мужчин.

Определяющую роль в уменьшении числа смертей после 2003 г. играет сокращение возрастных интенсивностей смертности, которые снижаются в большинстве возрастных групп. В 2006 г. как у мужчин, так и у женщин более всего смертность снизилась в трудоспособных возрастах, особенно для лиц старше 40 лет. Так, у мужчин в возрасте 50—54 года снижение состави-

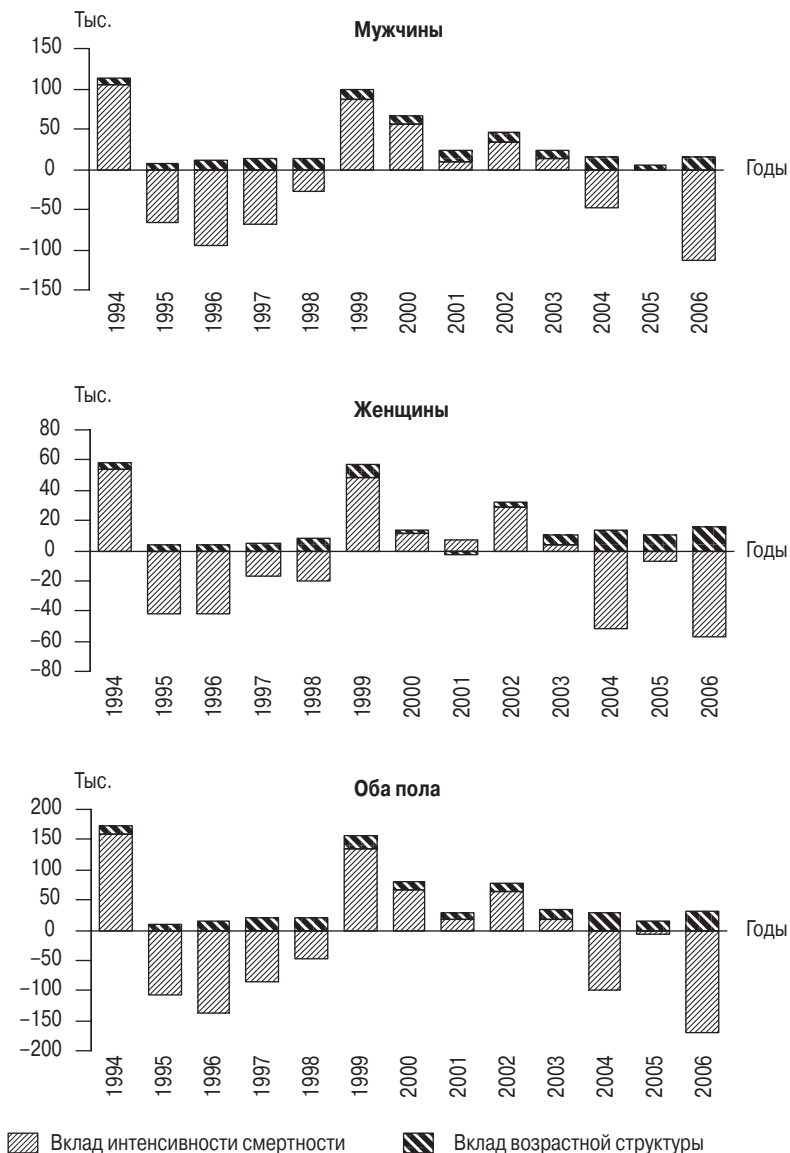

Рис. 5.2. Вклад изменений возрастной интенсивности смертности и изменений возрастной структуры в прирост или сокращение числа умерших

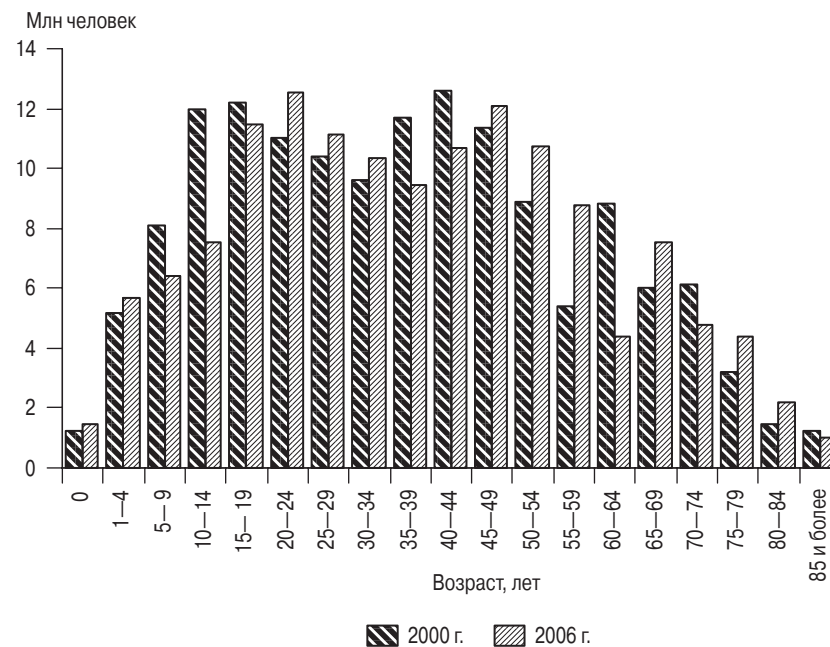

Рис. 5.3. Численность населения России по возрастным группам, 2000 и 2006 гг.

ло 13,9%; в возрасте 45—49 лет — 13,3; 55—59 лет — 12,3; 40—44 года — на 11,7%. У женщин наиболее значительно смертность снизилась также в возрастах 50—54 года — на 11,1%; 45—49 лет — на 10,7%, а также в возрастах 40—44 и 20—24 года на 10,0% (рис. 5.7—5.9).

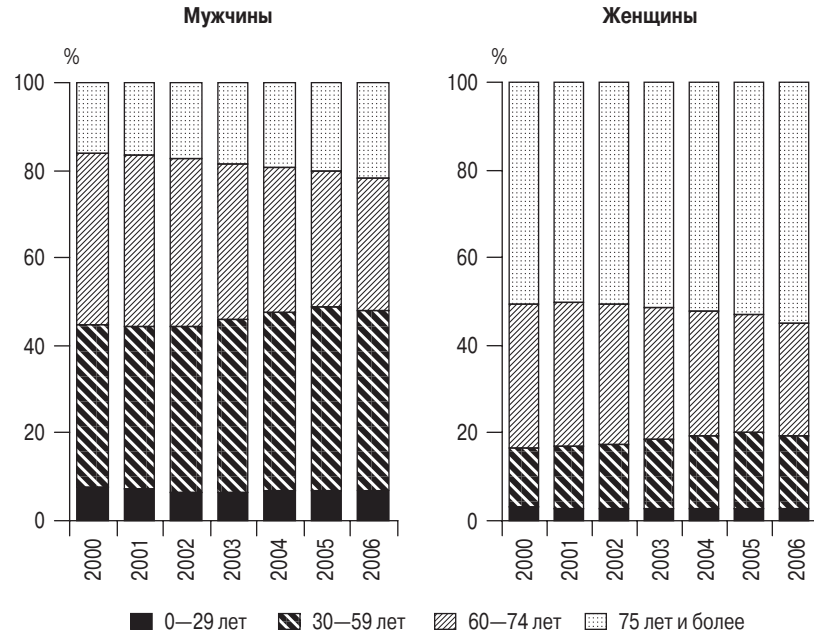

Рис. 5.4. Распределение умерших мужчин и женщин по возрастным группам, Россия, 2000–2006 гг., %

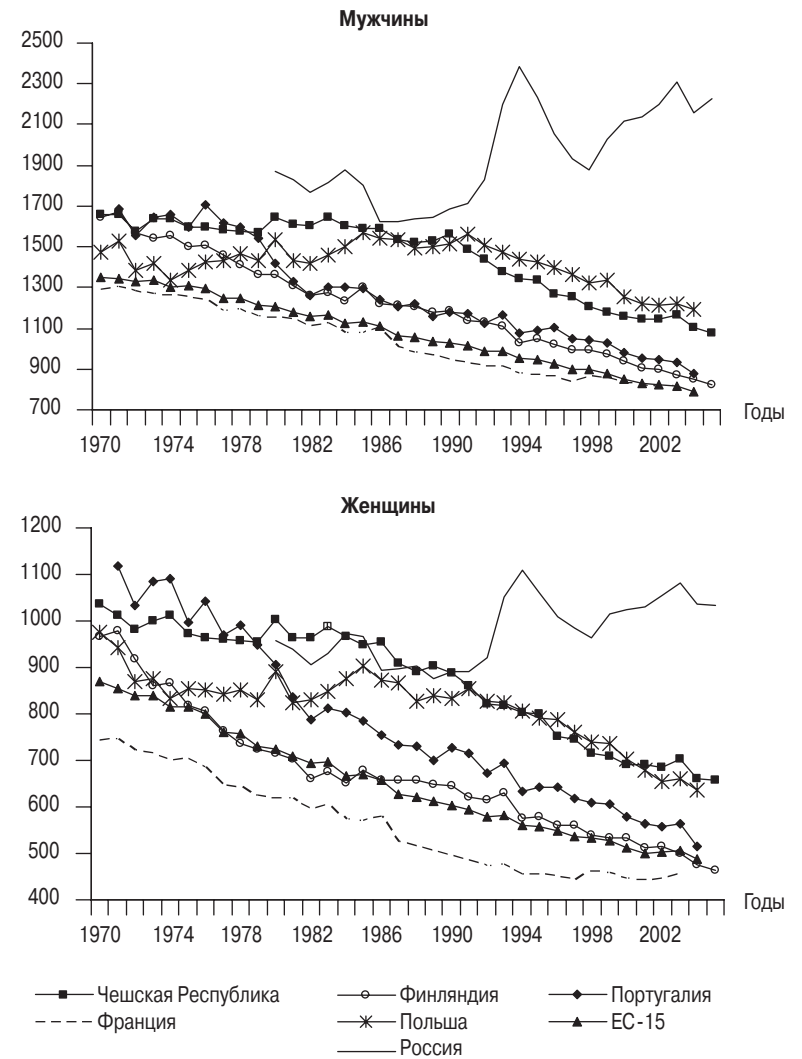

Рис. 5.5. Динамика стандартизованных коэффициентов смертности в России и некоторых развитых странах, на 100 тыс. населения

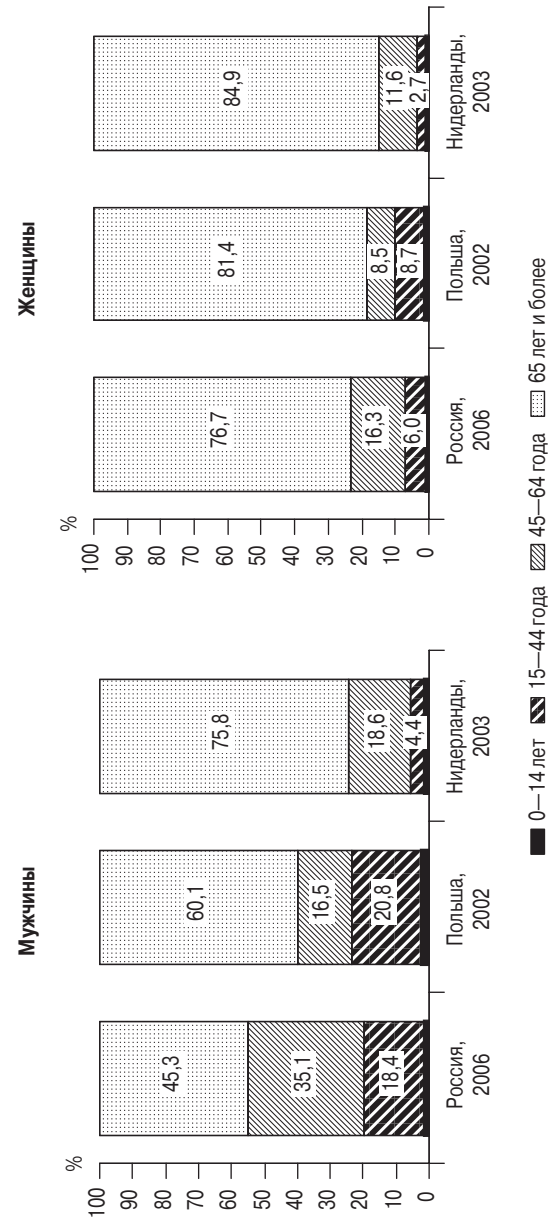

Рис. 5.6. Распределение умерших по возрастным группам в России, Польше и Нидерландах

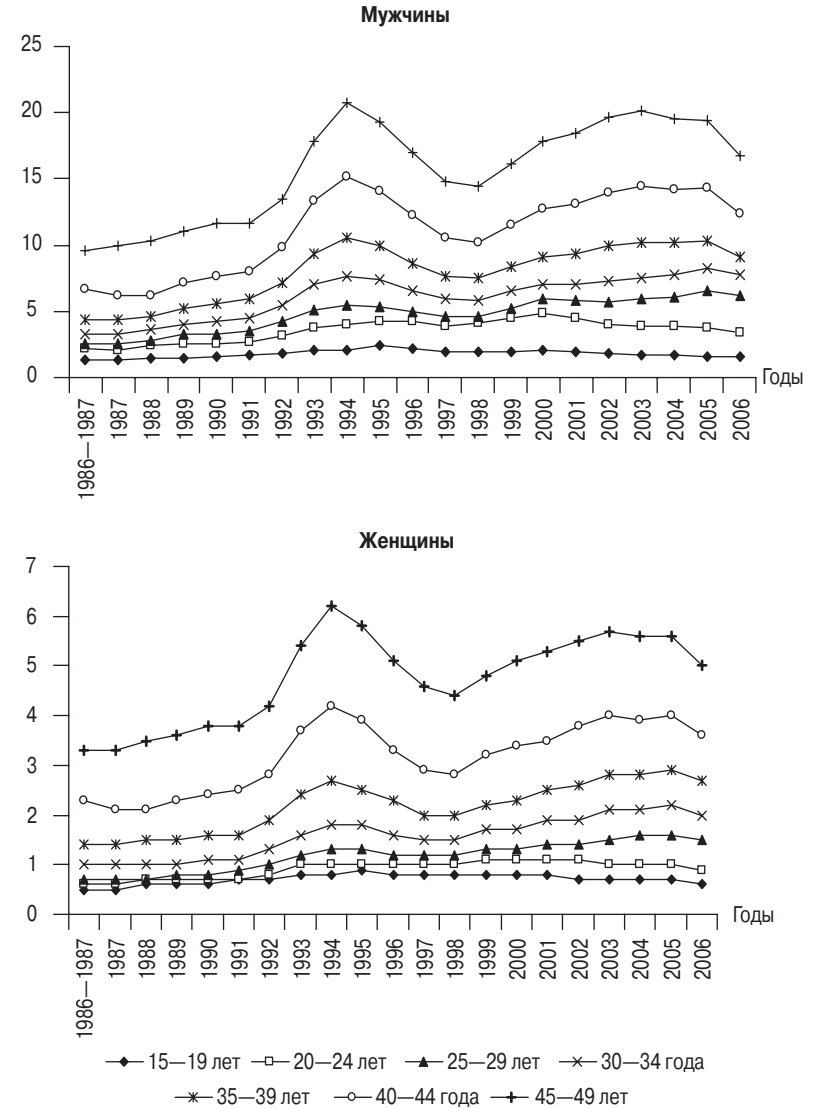

Рис. 5.7. Возрастные коэффициенты смертности населения России в возрасте 15–49 лет, 1986–2006 гг.

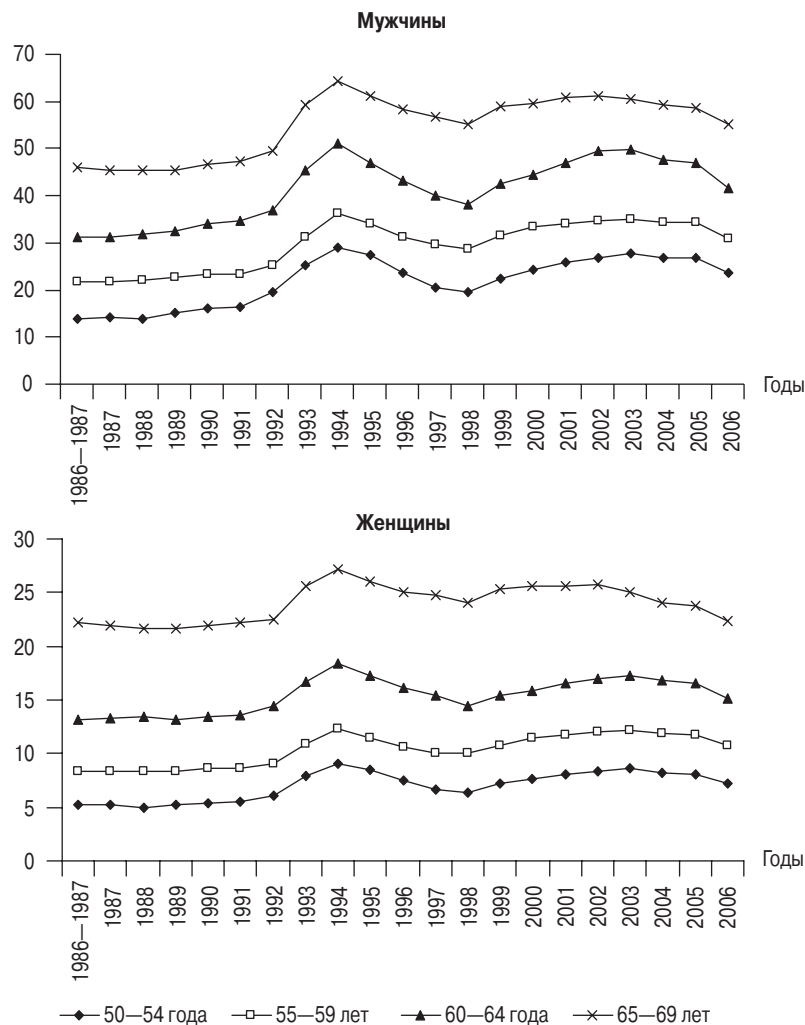

Рис. 5.8. Возрастные коэффициенты смертности населения России в возрасте 50—69 лет, 1986—2006 гг.

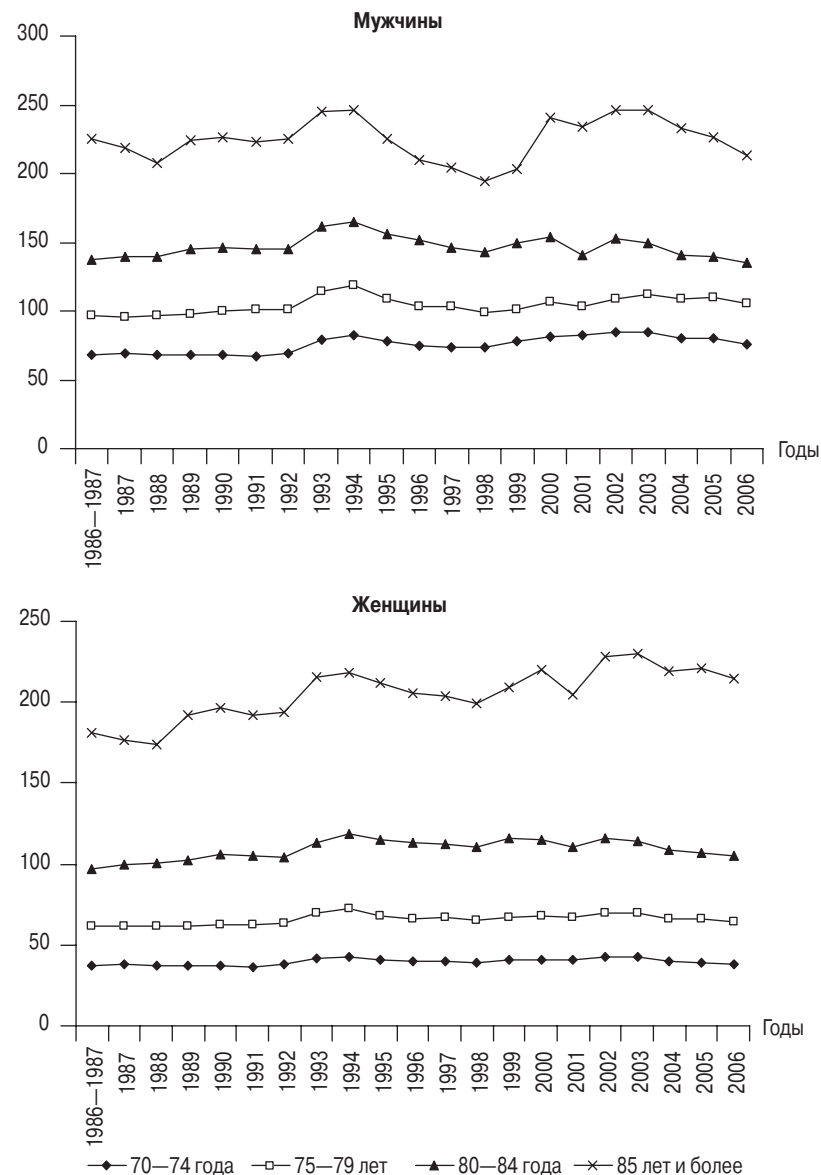

Рис. 5.9. Возрастные коэффициенты смертности населения России в возрасте 70 лет и более, 1986—2006 гг.

5.2. Темпы снижения детской смертности замедлились

Если снижение смертности взрослого населения отмечается лишь в самые последние годы, то сокращение младенческой смертности и смертности в детских возрастах вообще — долговременная тенденция. Динамика младенческой смертности выглядит вполне благополучной (табл. 5.2 и рис. 5.10).

Таблица 5.2. Младенческая смертность в России, 1999—2006 гг., на 1000 живорожденных

	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Все население	16,91	15,30	14,65	13,31	12,46	11,57	10,97	10,22
Городское	16,08	14,70	13,98	12,67	11,78	10,83	10,28	9,43
Сельское	18,77	16,80	16,23	14,90	14,17	13,42	12,69	12,12

Тем не менее успехи в снижении младенческой смертности не стоит переоценивать, здесь тоже есть свои проблемы. В частности, обращает на себя

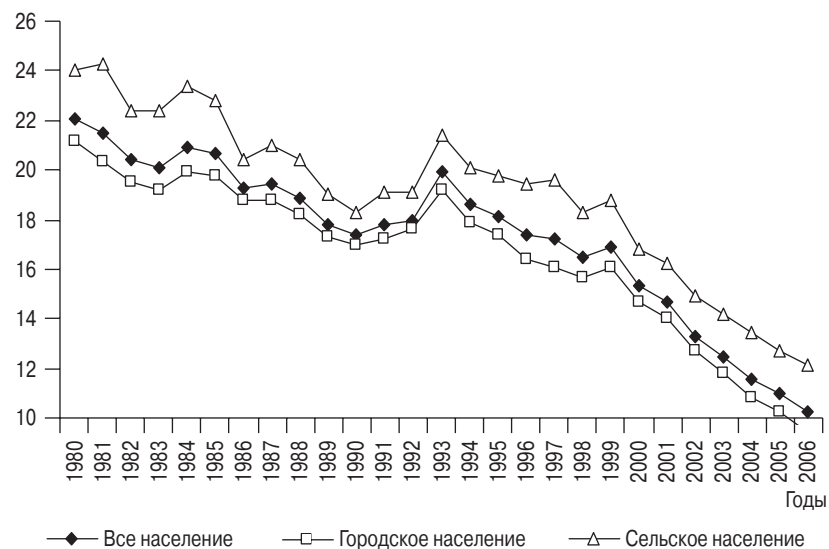

Рис. 5.10. Младенческая смертность, 1980—2006 гг., на 1000 живорожденных

внимание замедление снижения младенческой смертности в самое последнее время. В 2005 г. снижение составило 0,60 промилльных пункта за один год, в 2006 г. несколько больше — 0,75 против 0,90 в 2004 г. и 1,07 в среднем за один год в 2000—2004 гг.

Снижение младенческой смертности обычно означает возрастающую концентрацию смертности на первой неделе жизни, где каждый следующий шаг снижения стоит больших усилий, и, следовательно, замедление снижения естественно.

Но в России доля умерших на первой неделе сократилась с 51% в 1990 г. до 42% в 2006 г. (рис. 5.11). Расчет проведен согласно определению живорождения, принятому в России с 1993 г. Отличия данного определения от принятого ВОЗ и использовавшегося до 1993 г. и в СССР представлено в табл. 5.3.

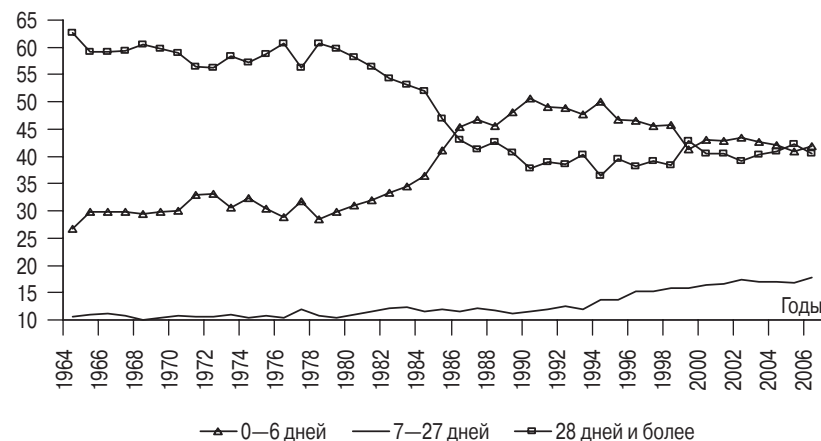

Рис. 5.11. Динамика вклада компонент младенческой смертности в России, 1964—2006 гг., %

Таким образом, если сделать поправку на смерти всех живорожденных по критериям ВОЗ¹, то снижение будет меньшим, хотя и не исчезнет. Это означает, что российская система здравоохранения довольно успешно борется с ранней неонатальной смертностью (смертность в родильном доме),

¹ Андреев Е.М., Кваша Е.А. Особенности показателей младенческой смертности в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 4. С. 15—20.

Таблица 5.3. Структура разных определений живорождения

	Признаки жизни отсутствуют	Дети с массой тела от 500 г до 1000 г, родившиеся при многоплодных родах и умершие в ранний неонатальный период	Отсутствует дыхание, но имеются другие признаки жизни	Умирает в первые семь дней жизни	Не умирает в первые семь дней жизни
<i>Дети, родившиеся после 28 недели беременности</i>					
ВОЗ	Мертворождение	Живорождение			
СССР	Мертворождение			Живорождение	
Россия	Мертворождение	Живорождение			
<i>Дети, родившиеся до 28 недели беременности или с весом менее 1000 г, или ростом меньше 35 см</i>					
ВОЗ	Мертворождение	Живорождение			
СССР	Выкидыш			Живорождение	
Россия	Выкидыш			Живорождение	

которая сократилась по сравнению с 1990 г. почти в 2 раза, а вот показатели поздней неонатальной и постнеонатальной, т.е. смертности младенцев в возрасте от 7 дней до 1 года, где имеются большие резервы снижения, сократились всего на 23%.

Как видно из табл. 5.4, современный уровень младенческой смертности в России отмечался в развитых европейских странах значительно раньше, начиная с 1970-х гг. Вместе с тем при примерно одинаковом уровне структура младенческой смертности различалась между странами — старыми членами ЕС и странами Восточной Европы: в первой группе стран доля ранней неонатальной смертности выше, чем во второй. На фоне этих стран доля ранней неонатальной смертности в России относительно мала.

Как показывает опыт демографического развития многих стран, в сокращении уровня и доли постнеонатального компонента младенческой смертности кроются немалые резервы на пути снижения смертности детей до од-

Таблица 5.4. Структура показателя младенческой смертности в России в 2006 г. и в ряде европейских стран в годы, когда в них отмечался примерно такой же уровень младенческой смертности, %

Страна	Год	Младенческая смертность,	Неонатальная	В том числе		Постнеонатальная
				ранняя	поздняя	
Россия	2006	10,2	59,5	41,8	17,7	40,5
Австрия	1986	10,3	60,2	46,1	14,1	39,8
Бельгия	1983	10,4	61,1	48,2	12,9	38,9
Великобритания	1983	10,2	57,9	46,5	11,4	42,1
Венгрия	1995	10,7	68,5	52,0	16,5	31,5
Дания	1975	10,3	77,4	65,0	12,4	22,6
Израиль	1988	10,1	65,5	51,3	14,2	34,5
Италия	1985	10,3	77,7	64,8	12,9	22,3
Латвия	2000	10,4	62,9	42,7	19,1	37,1
Литва	1996	10,1	58,1	42,4	15,8	42,2
Нидерланды	1975	10,7	71,5	59,3	12,2	28,5
Норвегия	1974	10,4	70,8	64,6	6,2	29,2
Польша	1997	10,2	72,8	56,0	16,8	27,2
Португалия	1991	10,8	63,9	50,7	13,2	36,1
Финляндия	1975	10,0	78,4	67,7	10,7	21,6
Франция	1979	10,0	60,3	47,1	13,2	39,7
Чешская Республика	1989	10,0	69,7	53,0	16,7	30,3
Швейцария	1975	10,7	68,7	57,3	10,4	31,3
Швеция	1972	10,8	80,3	69,9	10,4	19,7
Эстония	1997	10,1	55,9	40,2	15,0	44,1

ного года. Однако при этом российская действительность такова, что нельзя забывать и отодвигать на второй план усилия, направленные на снижение ранней неонатальной смертности, так как ее уровень относительно развитых стран остается достаточно высоким.

Особые достижения и особые проблемы связаны и со смертностью детей старше одного года. Показатели смертности в этих возрастах демонстрируют снижение. Смертность в детских возрастах в России, так же как и в других странах, имеет наименьшие значения. Так, в 2006 г. из каждых 100 тыс. мальчиков умирало 42 в возрасте от 5 до 9 лет и 47 в возрасте от 10 до 14 лет, девочек умирало несколько меньше — соответственно 28 и 27 (рис. 5.12).

Вместе с тем значения российских коэффициентов смертности в возрастах 5—14 лет превосходят аналогичные показатели, отмечающиеся в развитых странах. В частности, несмотря на довольно заметное снижение смертности в возрасте 1—4 года, вероятность для новорожденного умереть до достижения пятилетнего возраста в России намного выше, чем в большинстве европейских стран (рис. 5.13).

На фоне общего снижения детской смертности в России в 2006 г. по сравнению с предыдущим годом в некоторых регионах отмечается парадоксальный факт: табличная вероятность смерти детей в возрасте до одного года снижается, но при этом отмечается рост вероятности смерти в возрастах от одного года до трех лет. Например, в Москве вероятность смерти мальчиков в возрасте одного года (на втором году жизни) в 2005 г. составляла 0,00077, а в 2006 г. достигла 0,00096. Не стоит ли за этим откладывание на более поздний срок регистрации умерших в возрасте до одного года с целью улучшить показатели младенческой смертности?

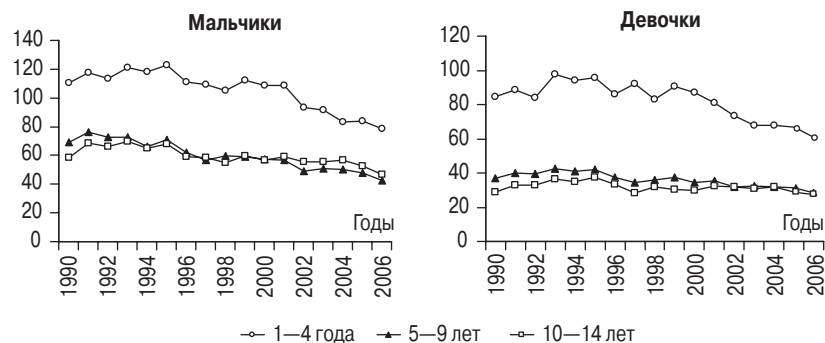

Рис. 5.12. Смертность детей в возрасте 1—14 лет, на 100 тыс. детей соответствующего пола и возраста

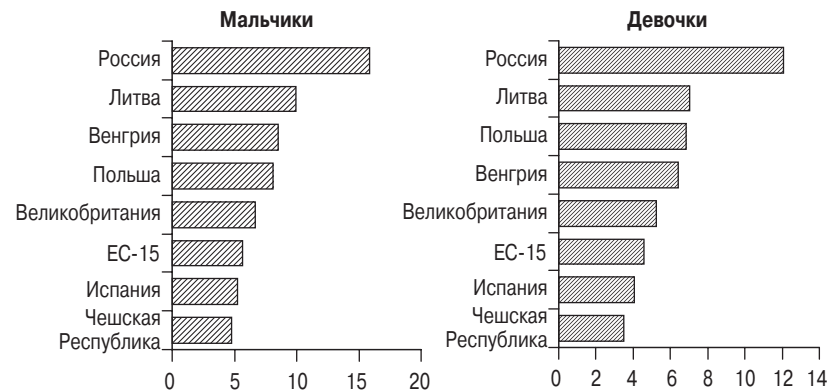

Рис. 5.13. Вероятность умереть до достижения пяти лет, на 1000 живорожденных

5.3. Динамика продолжительности жизни: конец снижения или начало роста?

Неопределенность динамики продолжительности жизни вплоть до 2005 г. не позволяла выявить какие-либо четкие тенденции. С 1995 по 1999 г. продолжительность жизни в России росла, с 1999 по 2003 г. снижалась, но в 2004—2005 гг. ситуация снова несколько улучшилась, а в 2006 г. продолжительность жизни значительно выросла (табл. 5.5).

В целом за последний период снижения (1999—2003 гг.) ожидаемая продолжительность жизни при рождении сократилась у мужчин на 2,75 года, у женщин — на 1,27 года, а рост за 2004—2006 гг. составил 1,86 года у мужчин и 1,25 у женщин. При этом основная доля роста продолжительности жизни приходится на 2006 г. (85% у мужчин и 72% у женщин).

Обращает на себя внимание и тот факт, что если вплоть до 2005 г. тенденции смертности городского и сельского населения несколько различались, то в 2006 г. продолжительность жизни и в городах, и в селах выросла на 2,7% у мужчин и на 1,3—1,2% у женщин (рис. 5.14).

Несмотря на эти позитивные тенденции, последствия снижения продолжительности жизни, происходившего с конца 1980-х гг., еще не преодолены. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для населения России в целом в 2006 г. была ниже, чем в 1990 г., у мужчин — на 3,44 года, у женщин — на 1,18 года. Этот разрыв существует во всех федеральных округах, хотя его величина различна. Минимальна она в Южном федеральном округе (а продолжительность жизни женщин здесь вообще выше, чем в 1990 г.),

Таблица 5.5. Ожидаемая продолжительность жизни в России, по расчетам Института демографии ГУ ВШЭ

Год	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1989	64,50	74,83	64,78	74,61	62,63	74,37
1990	63,80	74,44	64,38	74,46	62,10	74,16
1991	63,47	74,34	64,06	74,37	61,78	74,01
1992	62,04	73,83	62,49	73,87	60,76	73,56
1993	58,85	71,99	59,18	72,07	57,93	71,65
1994	57,41	71,20	57,65	71,26	56,75	70,94
1995	58,14	71,75	58,31	71,77	57,70	71,63
1996	59,64	72,54	60,08	72,74	58,47	71,96
1997	60,91	72,96	61,54	73,26	59,24	72,08
1998	61,25	73,23	61,77	73,47	59,86	72,55
1999	59,74	72,21	60,33	72,74	58,73	71,93
2000	59,00	72,38	59,32	72,56	58,17	71,84
2001	58,91	72,30	59,21	72,47	58,10	71,78
2002	58,67	72,02	59,05	72,27	57,61	71,31
2003	58,50	71,97	58,96	72,29	57,23	71,02
2004	58,74	72,20	59,25	72,56	57,35	71,14
2005	58,78	72,32	59,42	72,79	57,12	71,02
2006	60,36	73,22	61,02	73,70	58,66	71,88

Примечание. Как уже отмечалось в предыдущих докладах за 2000, 2001 и 2002–2003 гг., наши оценки продолжительности жизни несколько отличаются от официальных, но отличие их невелико. Главное преимущество представленных показателей в том, что продолжительность жизни населения России за длительный период рассчитана по единой методике, причем в расчетах учтены итоги переписи населения 2002 г.

максимальна — у мужчин в Северо-Западном и Сибирском округах, а у женщин — в Дальневосточном и Сибирском (табл. 5.6).

Изменения ожидаемой продолжительности жизни при рождении в каждом из федеральных округов в целом повторяют общероссийскую динамику (рис. 5.15). Из особенностей, которые обращают на себя внимание, отметим неожиданный рост показателей в 2001 г. в Уральском федеральном округе,

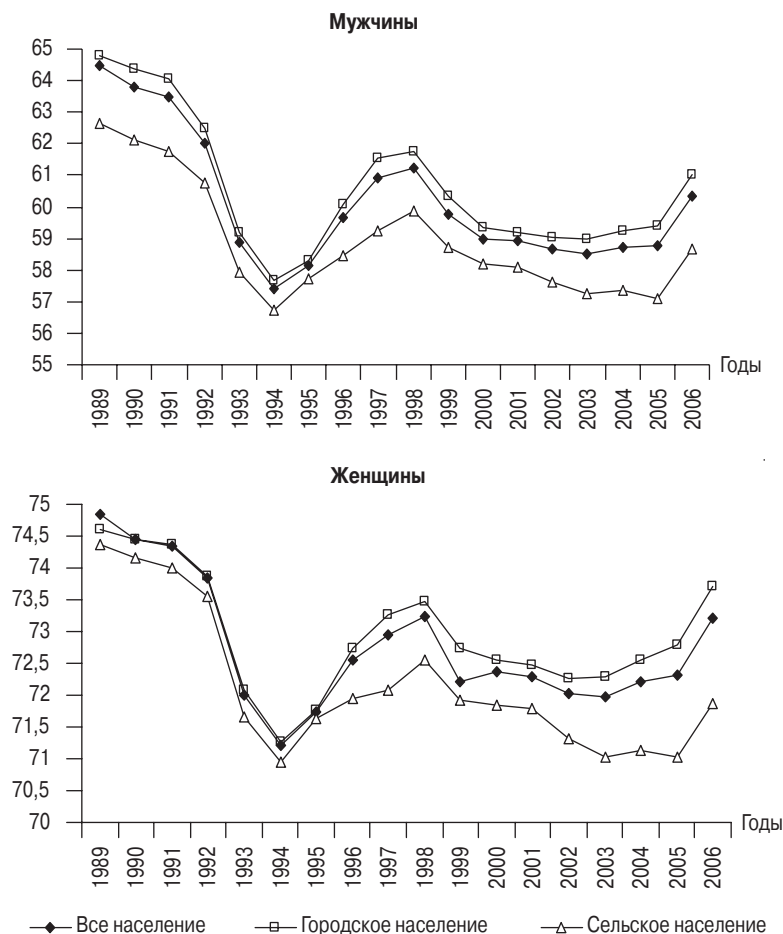

Рис. 5.14. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении всего, городского и сельского населения, лет

который связан с изменениями уровня смертности в Свердловской области, и, конечно, относительно синхронный рост во всех округах в 2006 г.

На протяжении всего рассматриваемого периода по продолжительности жизни лидирует Южный, а внизу распределения находятся Сибирский и Дальневосточный округа. Необходимо отметить, что до 2006 г. в период роста смертности и снижения продолжительности жизни отмечался рост

Таблица 5.6. Ожидаемая продолжительность жизни в федеральных округах в 1990 и 2006 г.

	Мужчины			Женщины		
	1990 г.	2006 г.	Изменение	1990 г.	2005 г.	Изменение
Россия	63,80	60,36	-3,44	74,40	73,22	-1,18
Федеральные округа						
Центральный	63,90	61,14	-2,76	74,80	73,89	-0,91
Северо-Западный	63,80	59,08	-4,72	74,10	72,52	-1,58
Южный*	64,40	63,21	-1,19	74,70	74,83	0,13
Приволжский	64,40	60,00	-4,4	75,10	73,4	-1,7
Уральский	64,10	60,52	-3,58	74,30	73,28	-1,02
Сибирский	62,60	58,31	-4,29	73,40	71,51	-1,89
Дальневосточный	62,30	57,90	-4,4	72,60	70,65	-1,95

* Здесь и далее в расчете по Южному федеральному округу не участвуют данные по Чеченской Республике.

неоднородности регионов. Так, с каждым годом разница между максимальными и минимальными показателями продолжительности жизни мужчин в федеральных округах увеличилась за 15 лет (1990—2005), с 2,1 до 6,1 года, а женщин — с 2,4 до 4,7 года. Напротив, в 2006 г. эта разница несколько уменьшилась и составила у мужчин 5,3 года, у женщин — 4,2 года.

Серьезные изменения претерпело за это время и распределение по продолжительности жизни регионов — субъектов Федерации (рис. 5.16).

В 1990 г. это распределение выглядело и для мужчин, и для женщин весьма остроконечным и асимметричным. К 1994 г., в период роста смертности, распределение не только сдвинулось вправо, но стало менее концентрированным, зато приобрело некоторую симметричность. Снижение смертности в 1994—1998 гг. сопровождалось как ростом концентрации территорий, так и ростом асимметрии. Но уровни 1990 г. ни в каком смысле достигнуты не были. Наконец, изменения смертности 1998—2005 гг. почти вернули распределение у мужчин к уровню 1994 г., тогда как у женщин распределения 1994 г. и 2005 г. различаются больше: распределение занимает как бы промежуточное положение между 1995 и 1990 гг. Ситуация в 2006 г. скорее напоминает картину конца 1990-х гг., когда отмечался рост концентрации и асимметрии (см. рис. 5.16).

Региональные тенденции изменений продолжительности жизни в возрасте 15 лет в 1998—2006 гг. в федеральных округах (табл. 5.7) в целом имеют

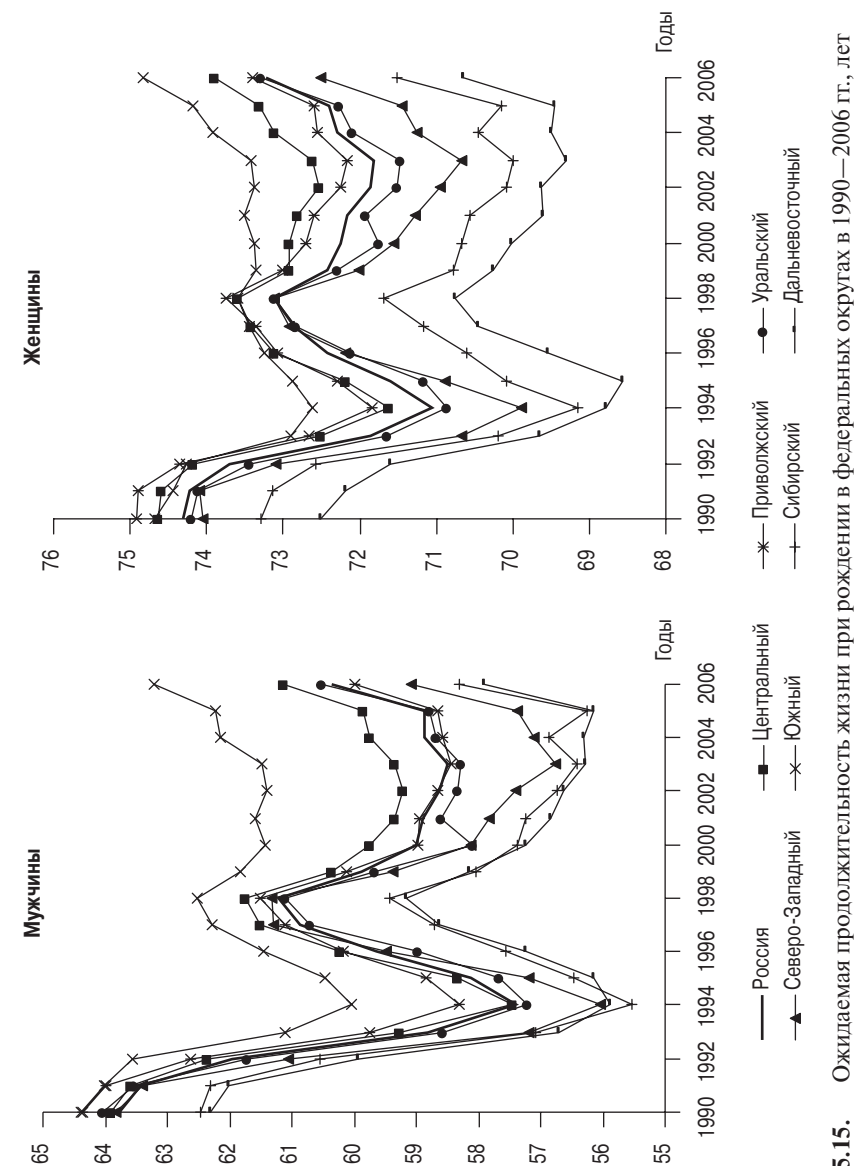

Рис. 5.15. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в федеральных округах в 1990—2006 гг., лет

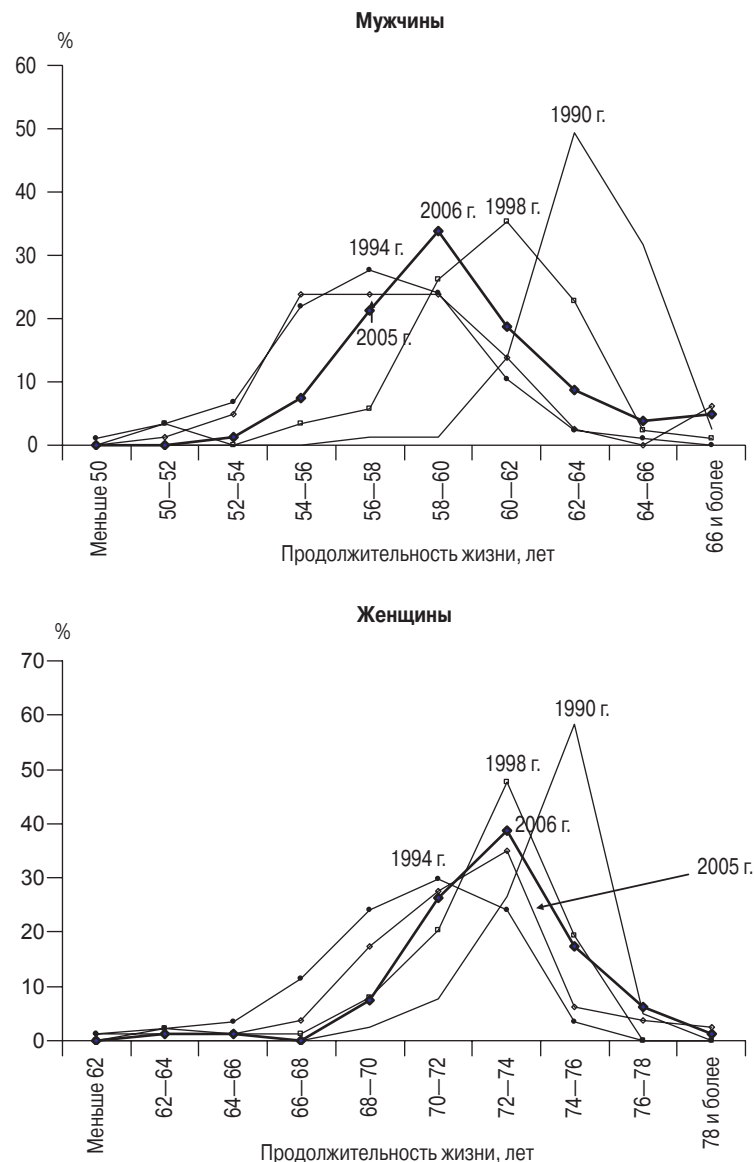

Рис. 5.16. Распределение регионов РФ по ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин при рождении в 1990, 1994, 1998, 2005 и 2006 гг.

те же особенности, что и тенденции изменений продолжительности жизни при рождении в 1990—2006 гг. Самые высокие показатели и незначительный рост — в Южном федеральном округе. Самое большое снижение — в Северо-Западном, самый низкий уровень продолжительности жизни мужчин в возрасте 15 лет в 2006 г., по нашим расчетам, также в Дальневосточном округе, но и в Сибирском округе он лишь на 0,3 года выше. У женщин минимум продолжительности жизни в возрасте 15 лет в Дальневосточном федеральном округе.

Таблица 5.7. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 15 лет в федеральных округах в 1998 и 2006 гг.

	Мужчины			Женщины		
	1998 г.	2006 г.	Изменение	1998 г.	2006 г.	Изменение
Россия	47,95	46,48	-1,47	59,64	59,24	-0,4
Федеральные округа:						
Центральный	48,26	47,11	-1,15	59,98	59,26	-0,72
Северо-Западный	47,82	44,95	-2,87	59,40	57,37	-2,03
Южный	49,54	49,58	0,04	60,36	60,33	-0,03
Приволжский	48,21	46,08	-2,13	60,16	58,61	-1,55
Уральский	47,77	46,57	-1,2	59,54	58,29	-1,25
Сибирский	46,33	44,53	-1,8	58,32	56,33	-1,99
Дальневосточный	46,19	44,26	-1,93	57,60	55,71	-1,89
Максимум минус минимум	3,35	5,32	1,97	2,76	3,93	1,17

5.4. В 2005—2006 гг. прогресс достигнут на самых «трудных» направлениях борьбы с высокой смертностью

По итогам 2006 г. ожидаемая продолжительность жизни в России существенно увеличилась, по нашим расчетам этот рост составил у мужчин 1,49 года, у женщин — 0,83 года. После 1960 г. сравнимый рост наблюдался дважды — в 1986 г., на 2,05 и 0,99 года у мужчин и женщин соответственно, и в 1996 г., когда продолжительность жизни мужчин выросла на 1,50, а женщин — на 0,81 года (рис. 5.17). В первом случае рост пришелся на разгар антиалкогольной кампании, второй раз рост произошел без каких-либо видимых причин, на фоне развивающегося экономического кризиса, систематических задержек с выплатой зарплат и массовых протестов населения.

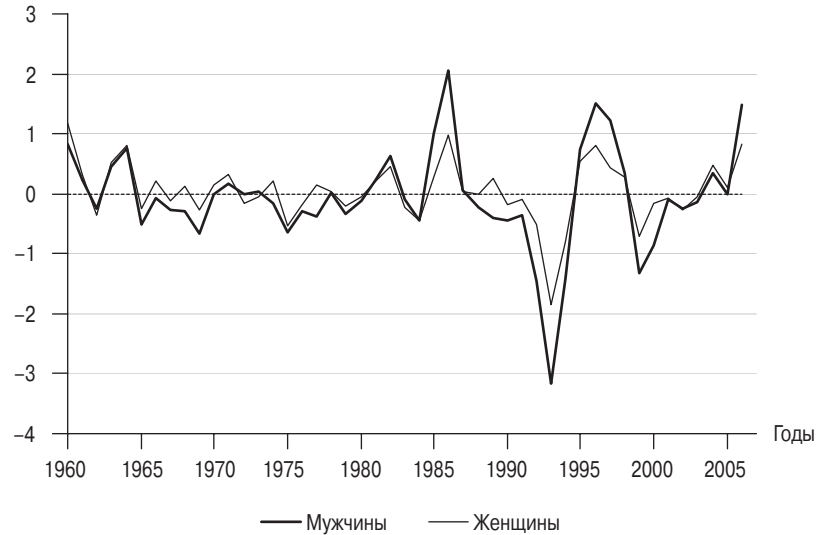

Рис. 5.17. Годовой прирост продолжительности жизни в России, 1960—2006 гг., лет

Причины роста продолжительности жизни в России в 1994—1998 гг. по-прежнему остаются предметом научной дискуссии, тема нашего анализа — увеличение продолжительности жизни в 2005—2006 гг.

Для этого периода характерны две важные особенности.

Во-первых, рост продолжительности жизни произошел в основном за счет снижения смертности в рабочих возрастах. До этого, в 2003—2005 гг., также наблюдался рост продолжительности жизни при рождении, но он был в основном связан со снижением смертности детей и пожилых, так что продолжительность жизни мужчин в возрасте 15 лет оставалась неизменной. В 2005—2006 гг. снижалась смертность в средних возрастах, 82% роста продолжительности жизни мужчин и 68% — женщин приходится на возраст 15—64 года. Эта особенность почти в равной мере характерна и для городского, и для сельского населения (табл. 5.8).

Во-вторых, и у мужчин, и у женщин, и в городе, и в селе основной рост продолжительности жизни связан с положительной динамикой смертности от болезней системы кровообращения и от внешних причин, хотя в этот период перестали негативно влиять на продолжительность жизни взрослых также инфекционные болезни и болезни органов пищеварения (табл. 5.9, 5.10).

Таким образом, прогресс достигнут на самых «трудных» направлениях борьбы с высокой российской смертностью.

Таблица 5.8. Вклад отдельных возрастных групп в изменение продолжительности жизни, лет

Период	Продолжительность жизни		Прирост	В том числе за счет смертности в возрастах, лет						
	в начале периода	в конце периода		0—14	15—29	30—44	45—59	60—74	75 и более	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Все население										
<i>Мужчины</i>										
1990—1994	63,8	57,4	-6,37	-0,17	-0,81	-1,94	-2,27	-1,02	-0,16	
1994—1998	57,4	61,2	3,82	0,23	0,21	1,15	1,47	0,60	0,14	
1998—2003	61,2	58,6	-2,56	0,23	-0,14	-0,84	-1,16	-0,58	-0,08	
2003—2005	58,6	58,9	0,22	0,24	-0,05	-0,22	0,03	0,17	0,04	
2005—2006	58,9	60,4	1,49	0,09	0,13	0,38	0,56	0,28	0,05	
<i>Женщины</i>										
1990—1994	74,3	71,1	-3,26	-0,18	-0,24	-0,63	-1,08	-0,76	-0,36	
1994—1998	71,1	73,1	2,06	0,18	0,03	0,40	0,74	0,50	0,21	
1998—2003	73,1	71,9	-1,25	0,20	-0,04	-0,36	-0,57	-0,32	-0,16	
2003—2005	71,9	72,4	0,51	0,24	-0,03	-0,15	0,04	0,26	0,16	
2005—2006	72,4	73,2	0,83	0,05	0,05	0,15	0,28	0,21	0,09	

Продолжение табл. 5.8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Городское население									
<i>Мужчины</i>									
1990—1994	64,4	57,6	-6,72	-0,16	-0,82	-2,08	-2,42	-1,07	-0,16
1994—1998	57,6	61,7	4,10	0,24	0,18	1,23	1,60	0,68	0,17
1998—2003	61,7	59,0	-2,69	0,20	-0,09	-0,88	-1,25	-0,58	-0,08
2003—2005	59,0	59,5	0,46	0,26	-0,08	-0,15	0,15	0,25	0,04
2005—2006	59,5	61,0	1,50	0,10	0,12	0,38	0,58	0,26	0,05
<i>Женщины</i>									
1990—1994	74,4	71,2	-3,21	-0,16	-0,26	-0,64	-1,09	-0,71	-0,34
1994—1998	71,2	73,4	2,20	0,19	0,04	0,40	0,78	0,55	0,25
1998—2003	73,4	72,1	-1,22	0,15	-0,03	-0,38	-0,57	-0,27	-0,13
2003—2005	72,1	72,9	0,71	0,24	-0,03	-0,12	0,10	0,34	0,18
2005—2006	72,9	73,7	0,84	0,06	0,05	0,16	0,28	0,21	0,09

Окончание табл. 5.8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Сельское население									
<i>Мужчины</i>									
1990—1994	62,0	56,7	-5,33	-0,14	-0,77	-1,47	-1,86	-0,90	-0,18
1994—1998	56,7	59,8	3,08	0,21	0,29	0,95	1,11	0,43	0,09
1998—2003	59,8	57,5	-2,28	0,29	-0,29	-0,75	-0,89	-0,56	-0,08
2003—2005	57,5	57,2	-0,32	0,21	0,06	-0,37	-0,27	-0,01	0,05
2005—2006	57,2	58,7	1,46	0,08	0,17	0,35	0,52	0,29	0,04
<i>Женщины</i>									
1990—1994	74,0	70,7	-3,23	-0,19	-0,17	-0,54	-1,06	-0,87	-0,40
1994—1998	70,7	72,4	1,67	0,13	-0,03	0,39	0,62	0,40	0,15
1998—2003	72,4	71,1	-1,33	0,30	-0,08	-0,30	-0,59	-0,44	-0,21
2003—2005	71,1	71,1	0,00	0,22	-0,03	-0,22	-0,13	0,06	0,10
2005—2006	71,1	71,9	0,81	0,03	0,07	0,12	0,29	0,20	0,09

Период	Прирост	В том числе за счет причин смерти						
		Болезни системы кровообращения	Новообразования	Несчастные случаи	Болезни органов дыхания	Инфекционные болезни	Болезни органов пищеварения	Другие причины
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Все население								
<i>Мужчины</i>								
1990—1994	-6,37	-2,09	-0,08	-2,69	-0,45	-0,20	-0,25	-0,66
1994—1998	3,82	1,24	0,20	1,46	0,36	0,03	0,12	0,43
1998—2003	-2,56	-1,28	0,28	-0,82	-0,16	-0,12	-0,23	-0,26
2003—2005	0,22	-0,23	0,23	0,54	-0,04	-0,03	-0,31	0,06
2005—2006	1,49	0,55	0,04	0,50	0,14	0,04	0,05	0,18
<i>Женщины</i>								
1990—1994	-3,26	-1,45	0,17	-1,04	0,11	-0,05	-0,19	-0,82
1994—1998	2,06	0,95	0,10	0,47	0,15	0,03	0,10	0,28
1998—2003	-1,25	-0,75	0,14	-0,30	-0,06	-0,04	-0,23	-0,02
2003—2005	0,51	0,29	0,06	0,24	0,02	-0,02	-0,22	0,14
2005—2006	0,83	0,42	0,03	0,17	0,04	0,02	0,05	0,11

Продолжение табл. 5.9

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Мужчины</i>								
1990—1994	-6,72	-2,06	0,14	-3,16	-0,45	-0,23	-0,30	-0,73
1994—1998	4,10	1,37	0,19	1,35	0,39	0,09	0,17	0,55
1998—2003	-2,69	-1,08	-0,18	-0,70	-0,23	-0,11	-0,14	-0,30
2003—2005	0,46	-0,03	0,08	0,41	0,06	-0,01	-0,17	0,14
2005—2006	1,50	0,54	0,04	0,50	0,15	0,04	0,05	0,19
<i>Женщины</i>								
1990—1994	-3,21	-1,43	-0,02	-0,99	-0,09	-0,05	-0,16	-0,49
1994—1998	2,20	1,03	0,10	0,49	0,13	0,03	0,09	0,34
1998—2003	-1,22	-0,70	0,14	-0,23	-0,15	-0,07	-0,22	-0,01
2003—2005	0,71	0,40	0,03	0,19	0,03	-0,02	-0,17	0,26
2005—2006	0,84	0,41	0,03	0,17	0,05	0,01	0,05	0,12

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Сельское население								
<i>Мужчины</i>								
1990—1994	-5,33	-1,78	-0,13	-2,25	-0,34	-0,12	-0,18	-0,55
1994—1998	3,08	0,85	0,19	1,39	0,32	-0,02	0,08	0,27
1998—2003	-2,28	-1,21	0,17	-0,94	-0,03	-0,05	-0,12	-0,10
2003—2005	-0,32	-0,50	-0,12	0,58	0,06	-0,04	-0,31	0,00
2005—2006	1,46	0,58	0,02	0,50	0,14	0,05	0,04	0,13
<i>Женщины</i>								
1990—1994	-3,23	-1,50	-0,05	-1,01	0,05	0,08	-0,12	-0,68
1994—1998	1,67	0,77	0,05	0,45	0,15	0,03	0,07	0,16
1998—2003	-1,33	-1,01	0,09	-0,41	0,08	-0,01	-0,16	0,08
2003—2005	0,00	0,15	-0,18	0,23	0,04	-0,05	-0,31	0,12
2005—2006	0,81	0,43	0,00	0,19	0,03	0,04	0,03	0,09

Таблица 5.10. Вклад отдельных классов причин смерти в изменение продолжительности жизни в возрасте 15 лет, лет

Период	Продолжительность жизни			В том числе за счет причин смерти						
	в начале периода	в конце периода	Прирост	Болезни системы кровообращения	Ново-образованная	Несчастные случаи	Болезни органов дыхания	Инфекционные болезни	Болезни органов пищеварения	Другие причины
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Все население										
<i>Мужчины</i>										
1990—1994	50,7	44,3	-6,41	-2,16	-0,08	-2,74	-0,44	-0,19	-0,25	-0,57
1994—1998	44,3	48,0	3,70	1,28	0,20	1,45	0,35	0,01	0,13	0,31
1998—2003	48,0	45,1	-2,87	-1,32	0,28	-0,87	-0,23	-0,15	-0,24	-0,37
2003—2005	45,1	45,1	-0,02	-0,23	0,23	0,53	-0,08	-0,05	-0,32	-0,10
2005—2006	45,1	46,5	1,42	0,56	0,04	0,48	0,14	0,03	0,05	0,13
<i>Женщины</i>										
1990—1994	60,9	57,7	-3,15	-1,48	0,16	-1,01	0,12	-0,06	-0,19	-0,72
1994—1998	57,7	59,6	1,92	0,97	0,09	0,45	0,13	0,00	0,10	0,19
1998—2003	59,6	58,2	-1,48	-0,76	0,14	-0,34	-0,13	-0,06	-0,24	-0,11
2003—2005	58,2	58,4	0,28	0,27	0,04	0,22	0,00	-0,06	-0,21	0,03

Продолжение табл. 5.10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Городское население										
<i>Мужчины</i>										
1990—1994	51,1	44,4	-6,76	-2,12	0,14	-3,27	-0,41	-0,21	-0,31	-0,62
1994—1998	44,4	48,4	3,98	1,41	0,19	1,35	0,38	0,07	0,17	0,41
1998—2003	48,4	45,4	-2,97	-1,11	-0,19	-0,73	-0,27	-0,13	-0,14	-0,42
2003—2005	45,4	45,6	0,21	-0,03	0,08	0,39	0,03	-0,03	-0,18	-0,06
2005—2006	45,6	47,0	1,43	0,54	0,04	0,49	0,14	0,03	0,05	0,14
<i>Женщины</i>										
1990—1994	60,8	57,7	-3,12	-1,46	-0,03	-0,95	-0,09	-0,05	-0,16	-0,39
1994—1998	57,7	59,8	2,05	1,06	0,10	0,47	0,11	0,01	0,08	0,23
1998—2003	59,8	58,4	-1,40	-0,71	0,14	-0,26	-0,19	-0,07	-0,22	-0,09
2003—2005	58,4	58,8	0,48	0,40	0,02	0,20	0,01	-0,05	-0,17	0,08
2005—2006	58,8	59,6	0,79	0,42	0,03	0,15	0,05	0,01	0,05	0,08

Окончание табл. 5.10

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Сельское население										
<i>Мужчины</i>										
1990—1994	49,2	43,8	-5,39	-1,84	-0,13	-2,30	-0,36	-0,13	-0,18	-0,44
1994—1998	43,8	46,8	2,98	0,88	0,20	1,37	0,30	-0,06	0,08	0,20
1998—2003	46,8	44,1	-2,66	-1,26	0,18	-0,98	-0,13	-0,10	-0,13	-0,23
2003—2005	44,1	43,6	-0,54	-0,49	-0,09	0,54	-0,02	-0,06	-0,31	-0,11
2005—2006	43,6	45,0	1,41	0,60	0,03	0,47	0,13	0,04	0,03	0,12
<i>Женщины</i>										
1990—1994	60,8	57,6	-3,13	-1,54	-0,06	-0,86	-0,07	-0,03	-0,12	-0,46
1994—1998	57,6	59,2	1,58	0,79	0,04	0,45	0,13	-0,01	0,06	0,12
1998—2003	59,2	57,5	-1,67	-1,04	0,09	-0,47	-0,02	-0,04	-0,16	-0,03
2003—2005	57,5	57,3	-0,23	0,13	-0,15	0,26	-0,01	-0,08	-0,32	-0,06
2005—2006	57,3	58,1	0,79	0,44	0,00	0,16	0,03	0,02	0,04	0,10

5.5. Снижение смертности в 2005—2006 гг.: объяснительные гипотезы

Что же произошло в 2005—2006 гг.? Обратимся непосредственно к показателям смертности в возрастах 15—64 года. На рис. 5.18 представлено процентное снижение стандартизованных коэффициентов смертности за год от некоторых причин смерти в этих возрастах.

Рис. 5.18. Снижение стандартизованных коэффициентов смертности от некоторых причин смерти в возрастах 15—64 года в 2006 г., % к 2005 г.

Одно из главных, хотя и не самое главное место на графике занимает снижение смертности от причин, непосредственно связанных с алкоголем². Эта

² К причинам, непосредственно связанным с алкоголем, отнесены: хронический алкоголизм; алкогольные психозы, энцефалопатия, слабоумие; дегенерация нервной сис-

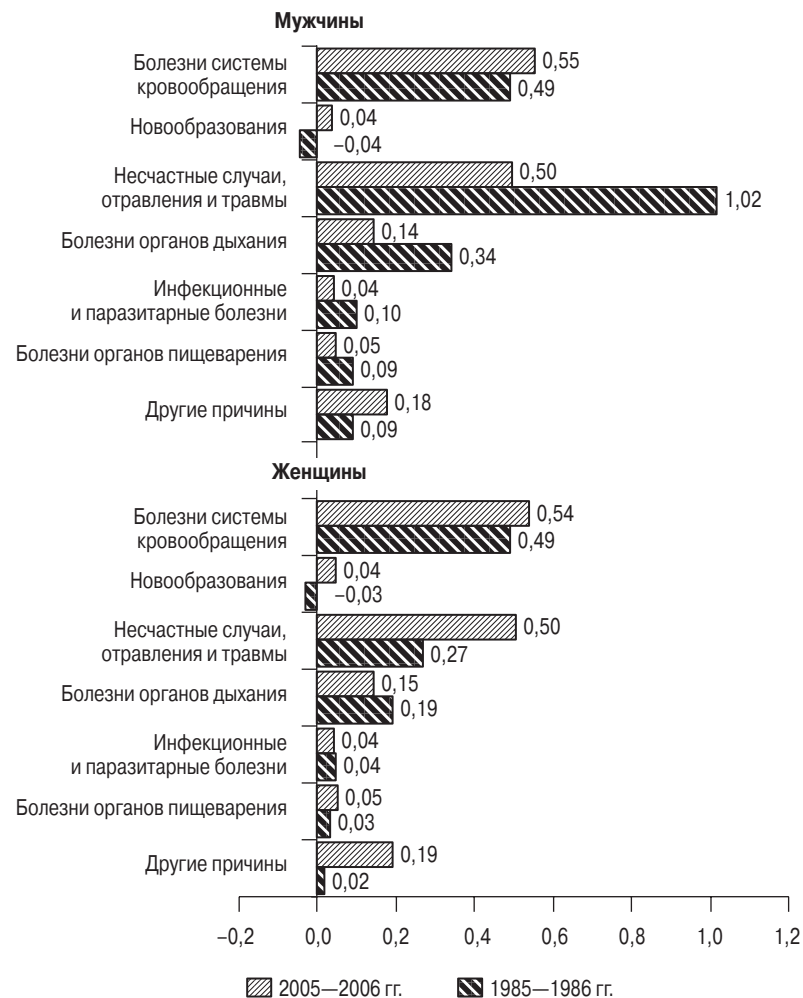

Рис. 5.19. Вклад отдельных классов причин смерти в рост продолжительности жизни в России в 1985—1986 и 2005—2006 гг., лет

темы, вызванная алкоголем; алкогольная кардиомиопатия; алкогольная болезнь печени (алкогольный цирроз, гепатит, фиброз); хронический панкреатит алкогольной этиологии; случайное отравление (воздействие) алкоголем.

смертность важна не только сама по себе, но и как индикатор потребления алкоголя в России. Несмотря на то что, как следует из рис. 5.16, и у мужчин, и у женщин снижение смертности от причин, непосредственно связанных с алкоголем, было не самым большим (смертность от болезней органов дыхания и неавтотранспортных несчастных случаев снизилась больше), можно предположить, что изменения в потреблении алкоголя сказались и на снижении смертности от некоторых других классов причин, в частности от остальных несчастных случаев и от болезней системы кровообращения.

Хорошо известно, что снижение смертности в России в период антиалкогольной кампании 1980-х гг. происходило не только за счет причин, непосредственно связанных с алкоголем, но и за счет несчастных случаев и сердечно-сосудистых заболеваний. Наблюдается несомненное сходство вклада различных классов причин смерти в рост продолжительности жизни в России в 1985—1986 и 2005—2006 гг. (рис. 5.19), что позволяет предположить определенное сходство действовавших в оба периода факторов снижения смертности.

К сожалению, более детальное сопоставление осложнено тем, что действовавшая в России в первый период номенклатура причин смерти не позволяла собрать вместе все алкогольные причины смерти.

Разночтения в номенклатурах затрудняют сопоставления и для самых последних лет, в частности когда речь идет о смертности от автотранспортных происшествий. В 2006 г. Росстат несколько изменил классификацию причин смерти, что ввело многих исследователей в заблуждение и вызвало иллюзию снижения транспортной смертности. Как видно из табл. 5.11, в 2006 г. в транспортные несчастные случаи следует включать не только коды 239—241 Краткой номенклатуры причин смерти, но и новые коды 272—274. Таким образом, видно, что реальное число транспортных случаев в 2006 г. если и уменьшилось, то незначительно.

Несмотря на явное сходство двух разложений роста продолжительности жизни, представленных на рис. 5.19, отметим, что нынешний вклад снижения смертности от несчастных случаев в ее общее снижение в 2 раза меньше (в терминах продолжительности жизни), чем в 1985—1986 гг.

Чем объяснить предполагаемые изменения самого последнего времени, возможно, ослабившие негативное влияние на смертность потребления алкоголя? В 2006 г. в России был принят ряд поправок в закон о государственном регулировании производства и продажи этилового спирта. Был увеличен оплаченный уставный капитал для производителей спирта и алкогольной продукции, введен список из четырех обязательных денатурирующих добавок для спиртосодержащих жидкостей технического назначения, произошла смена акцизных марок, и была введена новая электронная система для централизованной регистрации всего производимого в стране алкоголя. Эти

Таблица 5.11. Сопоставление кодов причин смерти в результате ДТП Краткой номенклатуры причин смерти в 2005 и 2006 гг.

2005 г.			2006 г.		
Причина смерти	Код	Число	Число	Код	Причина смерти
Пешеход, пострадавший в результате транспортного несчастного случая	239	17 219	9722	239	Пешеход, пострадавший в результате транспортного несчастного случая
Лицо, находившееся в легковом автомобиле, пострадавшее в результате транспортного несчастного случая	240	14 873	14329	240	Лицо, находившееся в легковом автомобиле, пострадавшее в результате транспортного несчастного случая
Другие и неуточненные транспортные несчастные случаи	241	8073	875	241	Лицо в другом транспортном средстве, пострадавшее от дорожного несчастного случая
			2173	272	Пешеход, пострадавший от внедорожного мототранспортного несчастного случая
			3548	273	Другое лицо, пострадавшее от внедорожного мототранспортного несчастного случая
			7594	274	Другие транспортные несчастные случаи
Всего		40 165	38 241		Всего

поправки вступили в силу в июле 2006 г., и мы попытались понять, в какой мере они могут объяснить снижение смертности.

Мы располагали данными, позволяющими рассчитать таблицы смертности по причинам смерти за первое и второе полугодия 2005 и 2006 гг. по одному из типичных регионов России — Удмуртии. При этом выяснилось, что смертность в Удмуртии в первом полугодии была существенно выше, чем во втором, причем проверка показала, что этот феномен наблюдается

в течение всего периода 2001—2006 гг. Возможно, он связан с климатическими условиями республики.

Из табл. 5.12 следует, что не только продолжительность жизни, рассчитанная исходя из показателей смертности второго полугодия, и в 2005, и в 2006 гг. была выше, чем по данным первого полугодия, но и показатель за каждое из этих полугодий в 2006 г. был выше, чем в 2005, — на 1,36 года при сравнении между собой первых полугодий и на 2,14 года — при сравнении вторых. Этот прирост был обеспечен в основном за счет снижения смертности взрослого населения — от 15 до 64 лет. В терминах же причин смерти главный вклад внесло снижение смертности от причин, непосредственно связанных с алкоголем (особенно во втором полугодии), а также от болезней системы кровообращения (кроме алкогольной кардиомиопатии, отнесенной к причинам, непосредственно связанным с алкоголем) и несчастных случаев (кроме транспортных). Но известно (в том числе и из опыта 1985—1986 гг.), что эти два класса причин также очень тесно связаны с потреблением алко-

Таблица 5.12. Продолжительность жизни мужчин в Удмуртии по полугодиям 2005 и 2006 гг. и компоненты ее изменения, лет

	Первое полугодие	Второе полугодие
Продолжительность жизни:		
2005 г.	55,05	60,38
2006 г.	56,41	62,52
Прирост — всего	1,36	2,14
В том числе за счет смертности в возрастах, лет:		
0—14	0,02	0,32
15—64	1,16	1,73
65 и более	0,18	0,08
В том числе за счет смертности от причин смерти:		
Непосредственно связанных с алкоголем	0,34	0,73
Транспортные несчастные случаи	0,01	0,07
Болезни органов дыхания	0,17	0,21
Инфекционные болезни	0,08	0,10
Болезни системы кровообращения*	0,42	0,15
Несчастные случаи**	0,33	0,57
Другие причины	0,02	0,31

* Кроме алкогольной кардиомиопатии.

** Кроме транспортных.

голя, пусть и не столь непосредственно, как те, которые выделены по этому критерию в специальную группу.

Все это дает основания предполагать, что снижение смертности в 2006 г. скорее всего связано с реальными подвижками в потреблении алкоголя. Эти подвижки едва ли могут быть полностью объяснены принятыми мерами, которые действовали во второй половине 2006 г. и могли снизить масштабы потребления технических и лекарственных спиртосодержащих жидкостей в качестве напитков.

Скорее всего снижение стало результатом взаимодействия двух факторов: первый — долговременный тренд смертности от алкогольных причин в России, для которого после антиалкогольной кампании стали характерны колебания с периодом примерно в 10 лет (рис. 5.20); второй — удачно пришедшиеся на точку, близкую к минимуму колебаний, меры по контролю за оборотом технического спирта. По нашей оценке, прямой эффект мер в случае Удмуртии — 0,8 года роста продолжительности жизни.

Снижение смертности в 2005—2006 гг. по регионам России происходило очень неравномерно (рис. 5.21).

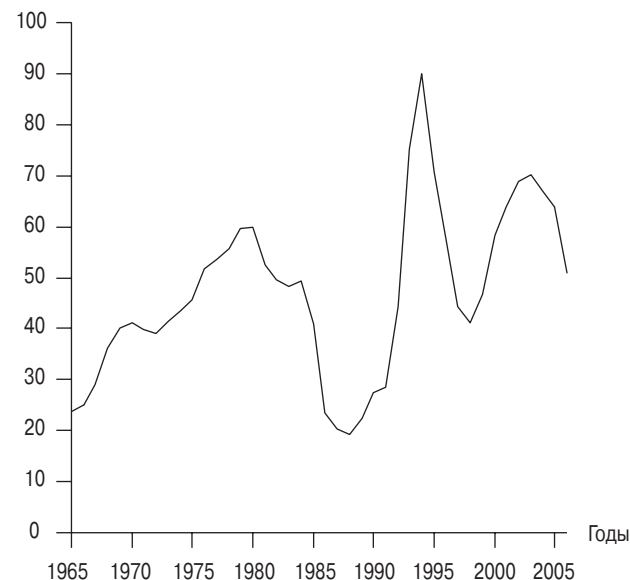

Рис. 5.20. Долговременная динамика стандартизованного по возрасту коэффициента смертности мужчин от отравлений алкоголем, на 100 тыс. человек

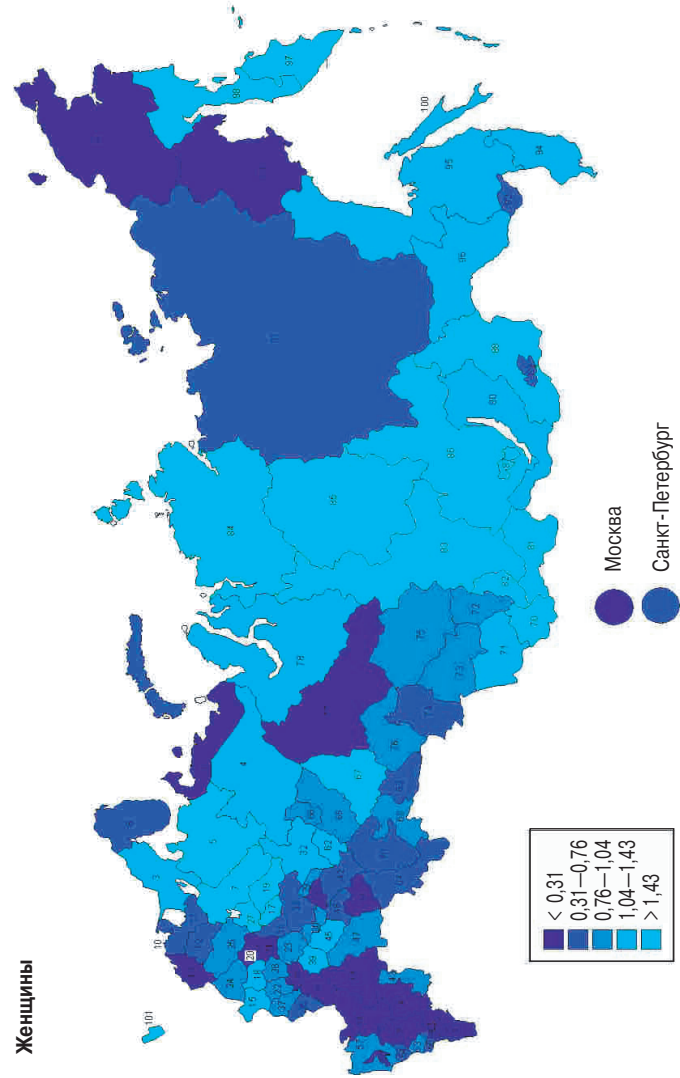
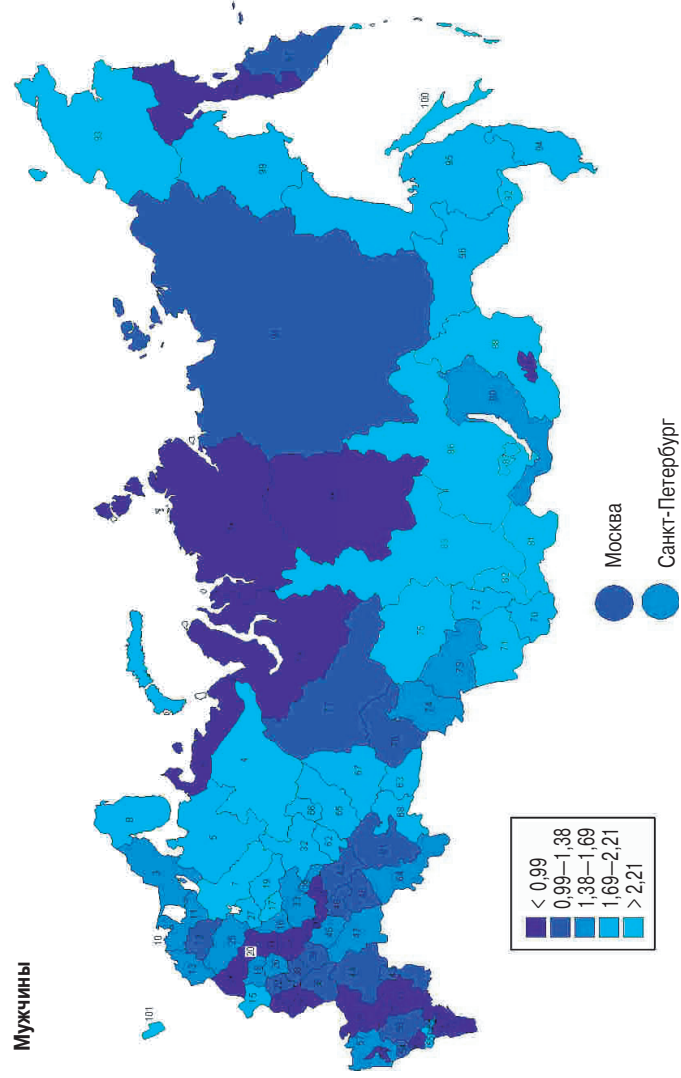

Рис. 5.21. Прирост продолжительности жизни в 2005—2006 гг. в регионах России, лет

Более всего продолжительность жизни мужчин выросла в Республике Тыва, Красноярском крае, Иркутской, Калининградской областях, Республике Хакасия, Усть-Ордынском Бурятском и Корякском автономных округах. Менее всего она увеличилась в ряде регионов Северного Кавказа, в Москве и Чукотском автономном округе. Что касается Северного Кавказа и Москвы, то можно допустить, что влияние алкоголя на смертность в этих регионах не столь велико. Проблема Чукотки требует специального изучения, отметим лишь, что на Чукотке смертность от алкоголезависимых причин выросла.

В то же время на Чукотке весьма существенно увеличилась продолжительность жизни женщин. Кроме нее в шестерку лидеров вошли Красноярский край, Республика Тыва, Сахалинская область, Еврейская автономная область и Республика Хакасия. Продолжительность жизни женщин снизилась в Ненецком, Ямало-Ненецком, Эвенкийском, Корякском, Таймырском, Агинском Бурятском автономных округах и республиках Адыгея и Кабардино-Балкария. Видимо, дело в том, что меры против транспортного травматизма и непитьевого алкоголя существенно не повлияли на смертность женщин в этих регионах, а общие негативные тенденции сохранились.

Возвращаясь к рис. 5.18, отметим, что гипотеза о том, что смертность от причин, непосредственно связанных с алкоголем, подчиняется тем же законам, что и смертность от эпидемических заболеваний, а ее динамика содержит периодическую составляющую, с каждым годом кажется нам все более правдоподобной.

5.6. Возможные изменения смертности населения России в будущем

Анализ прошлых тенденций смертности и продолжительности жизни, равно как и изменений самого последнего времени, позволяет сформулировать представления о вероятной динамике смертности и продолжительности жизни в обозримом будущем. Разумеется, невозможно предсказать одну-единственную траекторию, по которой будут двигаться соответствующие показатели, можно лишь приблизительно очертить ту область значений, внутри которой эта траектория пройдет с достаточно высокой степенью вероятности. Нижняя граница этой области соответствует наихудшему, наиболее пессимистическому сценарию динамики смертности и продолжительности жизни, тогда как верхняя ее граница определяется исходя из наиболее оптимистических, хотя и реалистических ожиданий.

Поскольку сейчас вся шкала возрастов распадается на два участка с противоположным трендом: до 15 лет, где смертность давно снижается, и по-

сле 15 лет, где в прошлом преобладала тенденция к повышению смертности, — прогнозные сценарии также необходимо рассматривать отдельно для каждого из этих участков, что и сделано ниже. Отдельно рассматриваются перспективы изменений: а) вероятности смерти в возрасте до 15 лет q_{0-14} и б) продолжительности жизни в возрасте 15 лет e_{15} .

5.6.1. Пессимистический сценарий (нижняя граница прогнозных оценок)

5.6.1.1. Выбор метода экстраполяции

В условиях долговременного роста смертности, несмотря на некоторое ее снижение в последние два года, в качестве пессимистического сценария можно рассматривать экстраполяцию сложившегося долговременного тренда смертности, полагая, что улучшения последних лет — не более чем колебание (такие колебания случались и прежде), не способное изменить основную тенденцию.

Экстраполяцию часто считают второсортным методом прогноза, не принимающим во внимание изменений социального фона и усилий государства по оптимизации демографической ситуации. Такая оценка едва ли справедлива. В странах, где уровень смертности стабильно снижается, экстраполяция — главный, если не единственный метод ее прогноза. Экстраполяция учитывает множество глубинных факторов, формировавших прошлые тенденции, независимо от того, поняты и осмыслены эти факторы или нет. Действовавшие долгое время факторы не могут мгновенно исчезнуть или в корне измениться, поэтому на деле экстраполяция часто учитывает гораздо больше фоновых детерминант смертности, чем разработчики политики, которые обычно склонны переоценивать эффективность предлагаемых ими мер.

В условиях России экстраполяционный прогноз смертности взрослых, несомненно, предскажет ее дальнейший рост. Именно поэтому для возрастов старше 15 лет экстраполяцию тренда можно рассматривать как пессимистический сценарий. Сохранение экстраполируемой тенденции в будущем означает, что государству и обществу не удастся переломить негативные тенденции смертности взрослых, доминирующие в России после 1965 г. Но применительно к детским возрастам тот же экстраполяционный прогноз предсказывает снижение смертности. В этом случае пессимистический и оптимистический сценарии прогноза означают более медленное или более быстрое снижение смертности в возрасте до 15 лет. При этом и для детских, и для взрослых возрастов особое значение имеет соответствующим образом подобранный опорный участок прогноза.

Роль выбора опорного участка можно проиллюстрировать следующим примером. В 2005 г. общественная организация «Деловая Россия» представила свой демографический прогноз для России, в котором, в частности, утверждалось, что при сохранении нынешних тенденций ожидаемая продолжительность жизни может снизиться к 2025 г. до 51,5 года у мужчин и до 65,24 года у женщин. Экстраполяция прошлых тенденций действительно может привести к такому прогнозу, но только если соответствующим образом подобрать опорный участок экстраполяции.

Известно, что современные неблагоприятные тенденции российской смертности сложились в 1960—1970-е гг., а с середины 1980-х начался период резких колебаний, запущенных антиалкогольной кампанией и продолжавшихся около 15 лет, после чего кривые смертности вернулись примерно на прежнюю траекторию. Однако, как это видно из рис. 5.22, экстраполяция долговременной тенденции 1964—1984 гг. даже в самом пессимистическом варианте никак не может привести в 2025 г. к тем результатам, которые предсказывает пессимистический вариант «Деловой России».

Получить такие результаты можно лишь в том случае, если в качестве опорного участка экстраполяции принять совершенно нетипичный отрезок кривой между верхним пиком колебания в 1987 г. (исторический максимум продолжительности жизни для России, ненадолго достигнутый во время антиалкогольной кампании) и ее минимумом на участке возврата на старую траекторию в 2003 г. (рис. 5.22, б). Такая экстраполяция представляется крайне искусственной, а пессимистический прогноз «Деловой России» — избыточно пессимистическим.

Разумеется, рассматривать пессимистический сценарий изменений смертности в рамках многовариантного прогноза необходимо, и при этом нельзя не отталкиваться от сложившихся неблагоприятных тенденций. Но как подойти к обоснованному построению такого сценария для обоих указанных выше участков возрастной шкалы?

Прежде всего необходимо выбрать процедуру обоснованной экстраполяции прошлых тенденций на будущее. Один из возможных подходов — построение ретроспективного прогноза с опорой на достаточно большой участок кривой в прошлом и его сравнение с более поздними фактическими изменениями показателя. В практике прогнозирования применяются процедуры, позволяющие избежать произвола в выборе опорного участка экстраполяции и сделать этот выбор более объективным. В настоящей работе используется экстраполяционная процедура ARIMA из программы SPSS, точнее, ее авторегрессионный вариант с четырехлетним запаздыванием. Предельно упрощая, авторегрессионную экстраполяцию можно описать так: каждая точка сглаживаемого и экстраполируемого ряда $Y(t)$ представлена как

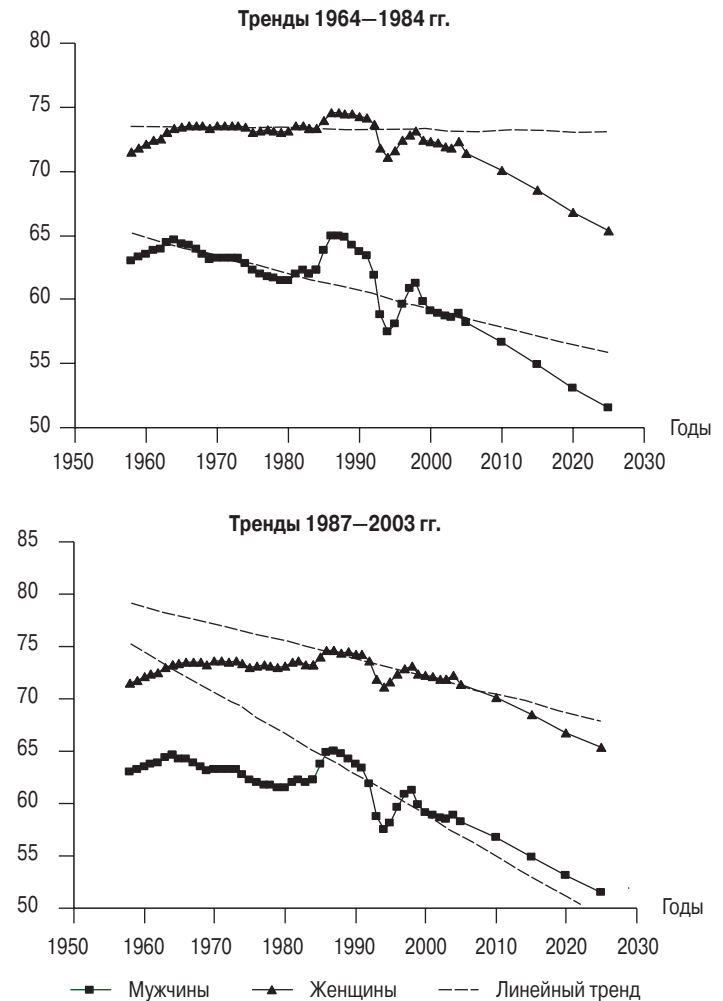

Рис. 5.22. Продолжительность жизни мужчин и женщин в 1958—2004 гг. и прогноз «Деловой России» до 2025 г. на фоне линейных трендов

$Y(t) = a_0 + a_1 Y(t-1) + a_2 Y(t-2) + a_3 Y(t-3) + \dots + a_n Y(t-n)$, где n есть глубина запаздывания. Как правило, все a_i не могут быть определены точно, но лишь приближенно, с некоторым доверительным интервалом. Отсюда возникает и доверительный интервал модели при сглаживании и интерполяции.

Этот вариант также выбран не произвольно, а на основе анализа серии простейших трендовых прогнозов при разных возможных опорных участках и ретропрогнозов с разной глубиной запаздывания. Было рассмотрено 45 линейных прогнозов с опорными участками с 1956 по 2005 г., с 1957 по 2005 г., и т.д. вплоть до участка с 2000 по 2005 г. В качестве результата для каждого расчета взята оценка вероятности смерти в возрасте 0—15 лет и продолжительности жизни в возрасте 15 лет в 2025 и 2050 гг. Таким образом было получено 45 прогнозов каждого показателя. На рис. 5.23 представлено распределение результатов 45 экстраполяции (для удобства читателя — в процентах) в зависимости от конечного результата.

Этот достаточно формальный эксперимент дал неожиданный результат. На первый взгляд разброс результатов экстраполяции оказался весьма существенным. Судя по графическому образу, представленному на рис. 5.21, заметный разброс значений дает прогноз вероятности смерти мужчин в возрасте 0—14 лет и совсем «размазанными» выглядят результаты экстраполяции продолжительности жизни взрослых женщин.

Но если всмотреться в обозначения на нижней шкале, то видно, что если, скажем, у мужчин в 2025 г. предсказанная продолжительность жизни лежит в девятилетнем интервале 36—44 года с явным максимумом в 43 года, то у женщин столь ясно выраженного максимума нет, но весь разброс заключен в гораздо более узком пятилетнем интервале между 54 и 58 годами, так что и в этом случае можно говорить о значительной концентрации результативных показателей. А такая концентрация результатов указывает на целесообразность использования для прогноза всего ряда с 1956 г.

Анализ серии выполненных ретропрогнозов подсказал и выбор «глубины запаздывания». Были сделаны расчеты как с различной длиной рядов (с 1956, с 1959 и с 1962 гг., но здесь различия оказались незначительными), так и с различным периодом запаздывания (трех-, четырех-, пятилетним). Вариант с четырехлетним запаздыванием дал наиболее удачный ретропрогноз (см. рис. 5.26), который и используется ниже.

5.6.1.2. Вероятность смерти в возрасте до 15 лет

На рис. 5.24 и 5.25 представлены результаты экстраполяции коэффициента младенческой смертности и вероятности смерти в возрасте 0—15 лет с помощью процедуры ARIMA. В качестве пессимистического сценария мы взяли верхнюю границу 95%-го доверительного интервала, определенного с помощью авторегрессионной модели прогноза, а нижнюю границу этого интервала мы рассматриваем как оптимистический прогноз в этих возрастах. Пессимистический сценарий исходит из гипотезы минимального снижения того и другого, но все же не предполагает их стагнации, а тем более роста,

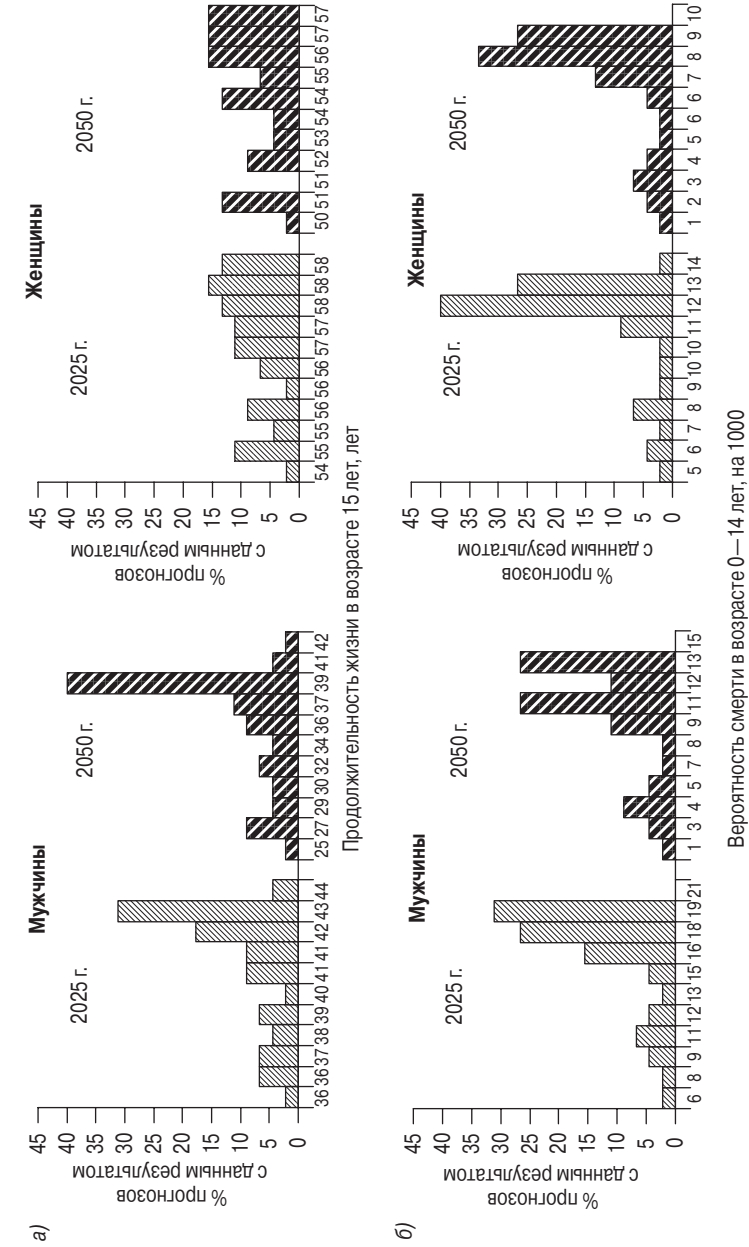

Рис. 5.23. Влияние опорного участка экстраполяции на результат прогноза продолжительности жизни в возрасте 15 лет (а) и вероятности смерти в возрасте 0—14 лет (б). Распределение результатов 45 прогнозов с опорными участками от 1956 до 2005 г.

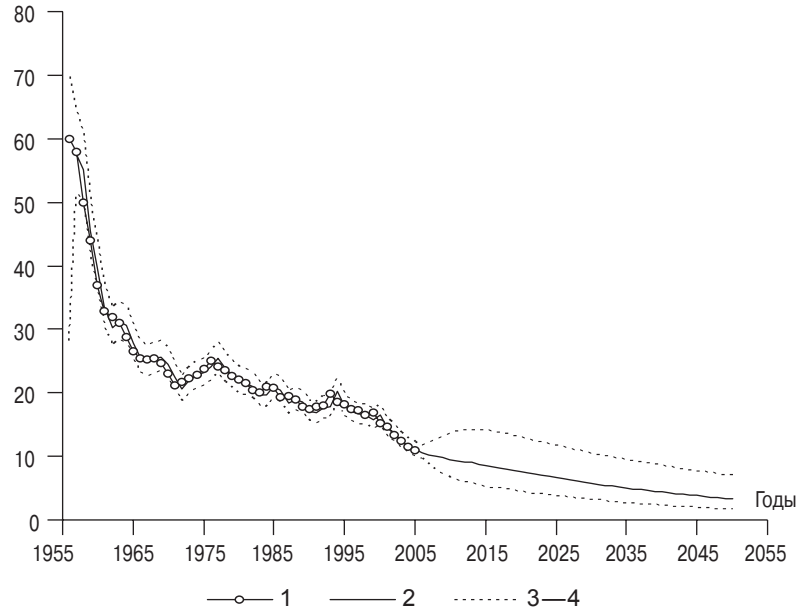

Рис. 5.24. Трендовый прогноз коэффициента младенческой смертности (на 1000) на основе его динамики в 1956—2005 гг.: 1 — фактическая динамика показателя; 2 — ее авторегрессионное сглаживание и экстраполяция; 3 и 4 — верхний и нижний 95%-й доверительный интервал

как это сделано, например, в прогнозе «Деловой России» (в этом прогнозе допускается, как нам представляется, без всякого основания, рост младенческой смертности к 2025 г. с нынешних 11‰ до 16,4—19,0‰).

Реальное снижение детской смертности может идти и быстрее, и медленнее, и в дальнейшем «пессимистическая граница» прогноза может корректироваться в ту или другую сторону. Но при отсутствии каких-либо катастрофических событий показатели детской смертности едва ли выйдут за пределы указанного на графиках 95%-го доверительного интервала, поэтому эти границы и могут рассматриваться как определяющие крайние оптимистический и пессимистический сценарии изменений детской смертности. Отметим, что в пессимистическом варианте процедура экстраполяции рассматривает быстрое снижение смертности последних лет как своего рода флуктуацию, каких и в прошлом было немало, и предсказывает кратковременное повышение смертности в 2006—2013 гг.

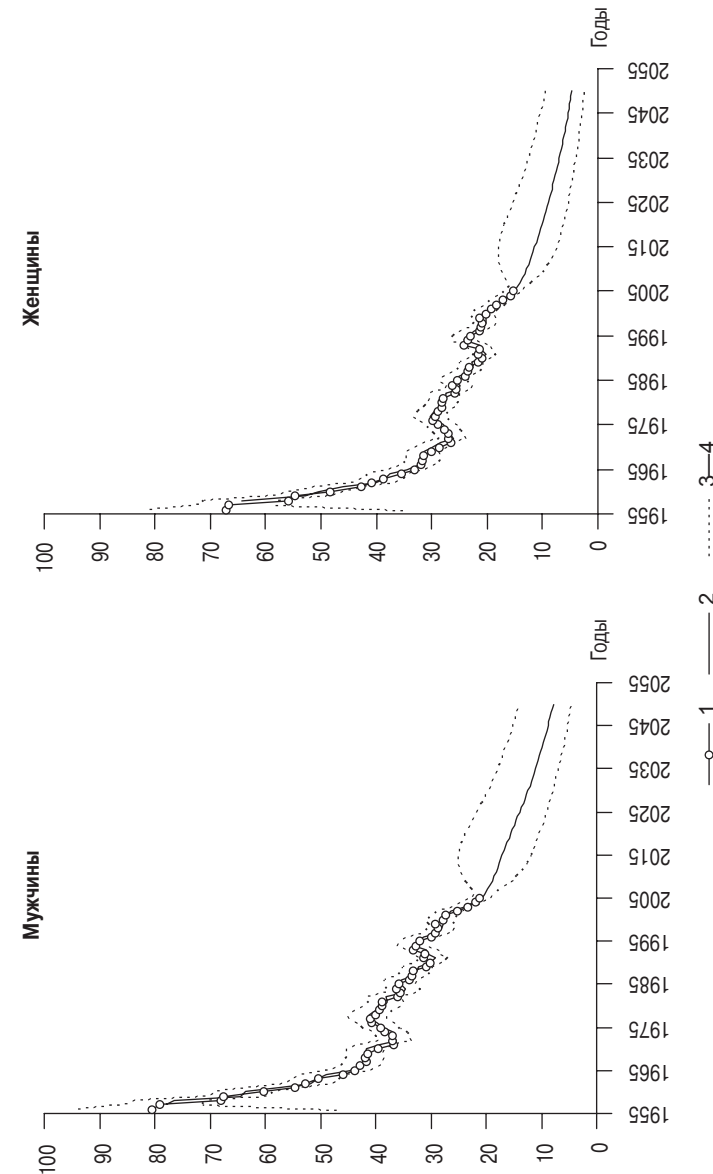

Рис. 5.25. Трендовый прогноз вероятности смерти в возрасте 0—15 лет (q_{0-15}) на основе ее динамики в 1956—2005 гг., на 1000: 1 — фактическая динамика показателя; 2 — ее авторегрессионное сглаживание и экстраполяция; 3 и 4 — верхний и нижний 95%-й доверительный интервал

5.6.1.3. Продолжительность жизни в возрасте 15 лет

На рис. 5.26 представлены результаты ретроспективного прогноза ожидаемой продолжительности жизни взрослого населения России (e_{15}) до 2005 г., полученные путем экстраполяции описанным выше методом, на основе ее динамики в 1956—1984 гг.

Фактические изменения показателя, также представленные на графике, заметно отличаются от тех, которые предсказывает ретроспективный прогноз. Это и неудивительно — нельзя было надеяться на то, что формальная процедура предскажет антиалкогольную кампанию, другие события последнего двадцатилетия и вызванные ими колебания ожидаемой продолжительности жизни. Но все же, как ни странно, с 1995 г. фактический тренд показателя для мужчин лежит в 95%-м доверительном интервале прогноза (на графике ограничен пунктирными линиями). Хуже обстоит дело с прогнозом для женщин: в доверительный интервал попали лишь точки 1997 и 1998 гг. По-видимому, это лишний раз подтверждает уже не раз дававшуюся трактовку новейшей динамики российской смертности: тенденции смертности мужчин не изменились после 1965 г., а вот в динамике смертности женщин в последние годы появились новые, весьма тревожные тенденции³.

Экстраполируя, также с помощью процедуры ARIMA, устойчивые тренды, выявленные при построении ретроспективного прогноза до 2005 г., можно получить и прогноз ожидаемой продолжительности жизни взрослого населения России. Такой прогноз, представленный в табл. 5.13 и на рис. 5.27, предсказывает продолжение роста смертности на протяжении всего рассматриваемого периода. За 45 лет ожидаемая продолжительность жизни 15-летних мужчин сократится на 6 лет, 15-летних женщин — на 1,2 года. Полученный результат можно рассматривать как пессимистический сценарий динамики смертности взрослого населения России и одновременно как указание на существование крайне неблагоприятных тенденций, которые необходимо переломить.

³ Андреев Е.М., Кваша Е.А., Харьковская Т.Л. Проблемы женской смертности в России в последние десятилетия // Вопросы статистики. 2005. № 2. С. 46—53; Население России 2003—2004: Одиннадцатый—двенадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2006. С. 284—291.

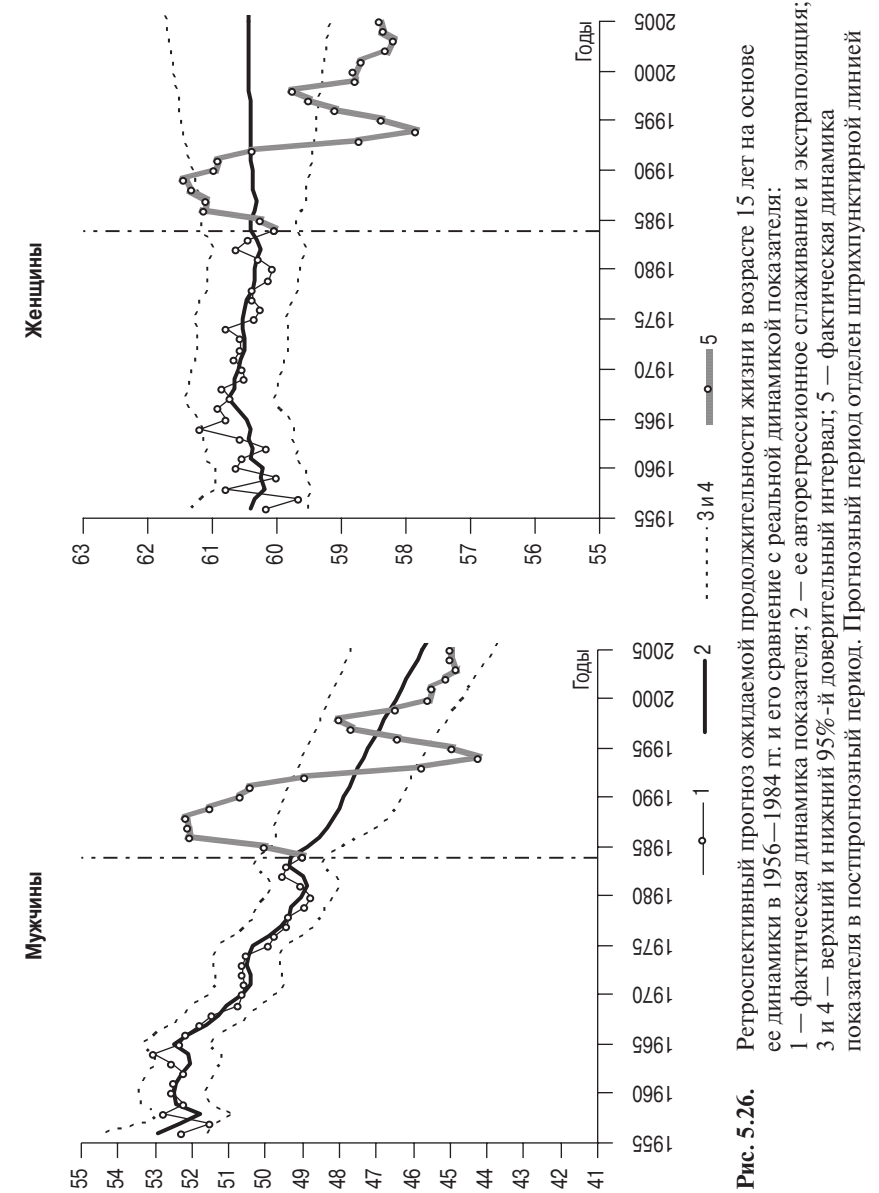

Рис. 5.26. Ретроспективный прогноз ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет на основе ее динамики в 1956—1984 гг. и его сравнение с реальной динамикой показателя:
1 — фактическая динамика показателя; 2 — ее авторрессионное сглаживание и экстраполяция;
3 и 4 — верхний и нижний 95%-й доверительный интервал; 5 — фактическая динамика показателя в постпрогнозный период. Прогнозный период отделен штрихпунктирной линией

Таблица 5.13. Прогноз ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет на основе ее динамики в 1956—2005 гг.

Год	Мужчины			Женщины		
	Ожидаемый тренд	95%-й доверительный интервал		Ожидаемый тренд	95%-й доверительный интервал	
		Нижняя граница	Верхняя граница		Нижняя граница	Верхняя граница
2005	45,28			58,53		
2010	45,18	41,69	48,68	58,88	57,04	60,72
2015	44,28	40,73	47,84	58,70	56,74	60,66
2025	42,75	38,92	46,58	58,30	56,17	60,43
2050	38,92	34,22	43,61	57,32	54,64	60,00

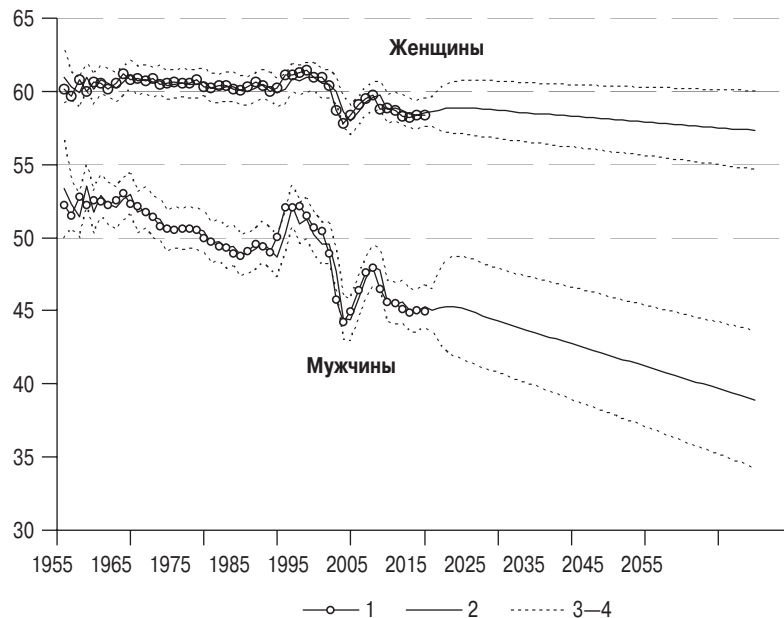

Рис. 5.27. Прогноз ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет на основе ее динамики в 1956—2005 гг.: 1 — фактическая динамика показателя; 2 — ее авторегрессионное сглаживание и экстраполяция; 3 и 4 — верхний и нижний 95%-й доверительный интервал

5.6.1.4. Продолжительность жизни при рождении

Знание q_{0-14} и e_{15} позволяет определить ожидаемую продолжительность жизни при рождении e_0 по следующей формуле:

$$e_0 = (1 - q_{0-14}) e_{15} + (1 - q_{0-14}) 15 + q_{0-14} A_{0-14},$$

где A_{0-14} — средний возраст смерти в интервале 0—14 лет.

Первое слагаемое в формуле — это человеко-годы, прожитые всеми родившимися в возрастах старше 15 лет, второе — годы, прожитые теми, кто дожил до 15-летия в возрастах 0—14 лет, наконец третье слагаемое — это годы, прожитые умершими, не дожившими до 15 лет, оно равно их доле среди родившихся, умноженной на средний возраст смерти. Мы не прогнозировали этот средний возраст, но существует достаточно четкая связь между q_{0-14} и A_{0-14} (чем ниже вероятность, тем возраст ближе к нулю), которая позволяет определить A_{0-14} достаточно точно.

Объединяя в соответствии с указанной формулой прогнозные гипотезы изменений снижения смертности в возрасте до 15 лет и ее повышения в возрасте 15 лет и старше и учитывая данные за 2006 г., который не участвовал в экстраполяционном прогнозе, получаем оценки ожидаемой продолжительности жизни при рождении и младенческой смертности (параметры, используемые при построении общего демографического прогноза), представленные в табл. 5.14.

С точки зрения разработчиков недавнего прогноза «Деловой России», наш пессимистический прогноз недостаточно пессимистичен. Их альтернативный прогноз гораздо более мрачен, но, как нам представляется, и гораздо менее обоснован. Мало того, что он предполагает существенный рост младенческой смертности до 2025 г., о чем говорилось выше, он исходит также из дальнейшего резкого увеличения смертности в рабочих возрастах, вследствие чего число доживающих до 60 лет мужчин сократится с нынешних 51,7 до 33,6%, женщин — с 80,8 до 67,5%. Соответственно ожидаемая продолжительность жизни снижается к 2025 г. до 51,5 года у мужчин и до 65,24 года у женщин.

Такие ожидания даже для пессимистического прогноза представляются нам неоправданно мрачными. Отнюдь не отрицая крайне неблагоприятной ситуации со смертностью в России, нельзя представлять себе российское общество как абсолютно беспомощное перед лицом смерти. И общий уровень благосостояния, и достигнутый культурный уровень, и развитие системы здравоохранения, какой бы критики они ни заслуживали, все же ставят определенные границы ухудшению ситуации. Можно представить себе стагнацию уровня детской смертности, подобно тому, как это было в

Таблица 5.14. Пессимистический сценарий прогноза

Год	Продолжительность жизни при рождении		Коэффициент младенческой смертности, на 1000
	Мужчины	Женщины	
2006	60,4	73,2	10,33
2007	60,5	73,2	10,82
2008	60,6	73,3	11,25
2009	60,6	73,4	11,77
2010	60,6	73,4	12,23
2015	59,8	73,2	12,41
2020	59,0	73,0	12,14
2025	58,3	72,9	11,10
2030	57,7	72,8	9,96
2035	57,0	72,7	8,96
2040	56,2	72,6	8,08
2045	55,5	72,4	7,31
2050	54,8	72,3	6,61

1970-е гг., и это достаточно пессимистический вариант будущего. Но если исключить катастрофические события (а это одна из исходных посылок настоящего прогноза), то ожидать увеличения этого уровня на треть нет совершенно никаких оснований. То же относится и к слишком резкому росту смертности взрослого населения.

5.6.2. Оптимистический сценарий (верхняя граница прогнозных оценок)

5.6.2.1. Россия на фоне стран, преодолевающих кризис смертности

Если в основе пессимистического сценария лежат собственные российские долговременные неблагоприятные тенденции смертности, то при составлении оптимистического сценария целесообразно опираться на опыт стран с более благополучной ситуацией. При этом особую ценность представляет опыт тех стран, которые находились в сходной с Россией ситуацией, но смогли добиться перелома неблагоприятных тенденций.

К их числу относятся многие страны Восточной Европы. На протяжении довольно долгого времени они, как и Россия, находились в стороне от снижения смертности, наблюдавшегося в западных странах. Однако после 1990-го гг. им удалось изменить траекторию движения и тоже включиться в движение к более высокой продолжительности жизни.

Одним из примеров может служить Чешская Республика. На фоне других «социалистических» стран ситуация со смертностью в ней всегда была относительно благополучной, однако не столько за счет позитивных тенденций, сколько за счет хорошего исходного уровня. К началу 1960-х гг. она относилась к числу передовых по продолжительности жизни стран, занимая по этому показателю у мужчин 12-е, а у женщин — 11-е место среди всех стран мира, публиковавших соответствующую статистику. К 1990 г. она откатилась соответственно на 28-е и 29-е места — результат, который никак нельзя было считать удовлетворительным. Продолжительность жизни была выше, чем в России, но характер динамики показателя был примерно таким же.

После начала реформ 1990-х гг., включавших и реформирование системы здравоохранения, характер динамики резко изменился, кривая ожидаемой продолжительности жизни в Чехии поползла вверх. С 1990 по 2006 г. у мужчин показатель повысился на 5,9 года (за 1960—1990 гг. снизился на 0,2), у женщин — на 4,5 года (за 1960—1990 гг. вырос на 2). Уровень младенческой смертности в стране снизился более чем в два раза. Сейчас уровень младенческой смертности в Чехии — один из самых низких в ЕС, существенно ниже чем, в ЕС-25 (до последнего расширения), тогда как еще в 1993 г. был на 30% выше⁴.

Примерно то же произошло и в Польше. Между 1960 и 1990 гг. Польша испытала серьезное увеличение показателей смертности от сердечных заболеваний мужчин и женщин молодого и среднего возраста. С началом политических и экономических изменений в 1991 г. изменилась и эта тенденция. У людей в возрасте между 20 и 44 годами снижение показателей смертности составляло в среднем 10% ежегодно, в то время как в возрастах между 45 и 64 годами — 6,7%. Это один из самых высоких темпов снижения, ранее замеченных в Европе, хотя с тех пор подобное снижение происходило и в других странах Восточной Европы. В результате всех произошедших изменений и предпринятых усилий ожидаемая продолжительность жизни мужчин в Польше с 1990 по 2006 г. выросла на 4,4 года, женщин — на 4,2 года.

Чуть позже из кризиса смертности стала выходить и Венгрия. Так, за 10 лет, с 1993 по 2003 г., ожидаемая продолжительность жизни мужчин увеличилась на 3,8 года, а женщин — на 2,8 года и продолжала расти. До 1992 г.

⁴ База данных ВОЗ «Health for all».

по продолжительности жизни женщин Венгрия находилась позади России, с 1993 г. она обогнала Россию, и разрыв стал быстро увеличиваться.

В России же ничего подобного не происходило, продолжительность жизни демонстрировала крайнюю неустойчивость. Сходство тенденций смертности и продолжительности жизни в России, с одной стороны, и Польше, Чехии и Венгрии, с другой, исчезло, соответствующие кривые на графиках поползли в противоположные стороны, и только в самое последнее время в России появились признаки улучшения (рис. 5.28).

Венгрия, Польша и Чешская Республика показывают характерный пример изменений, которые в большей или меньшей степени наблюдаются и во многих других странах Восточной Европы, постепенно выходящих из кризиса смертности, таких как Болгария, Латвия, Литва, Македония, Сербия и Черногория, Словакия, Словения, Хорватия, Эстония.

Как и следовало ожидать, основные различия в уровнях смертности в России и перечисленных странах в основном приходятся на взрослое население. Это хорошо видно при сравнении динамики продолжительности жизни для лиц, достигших 15 лет (рис. 5.29).

После 1990 г. именно тенденции смертности взрослых в России принципиально отличаются от тенденций смертности в восточно-европейских странах, переживших в недалеком прошлом серьезные политические перемены и экономические трудности: насколько можно судить по имеющимся данным, в них уже довольно давно отмечается рост продолжительности жизни взрослых.

Таким образом, имеется достаточно обширный зарубежный опыт, который говорит о возможности в довольно короткие сроки преодолеть кризис смертности, переломить неблагоприятные тенденции и добиться устойчивого снижения смертности и роста продолжительности жизни. Этот опыт может быть использован и для преодоления кризиса смертности в России, а достижения других стран, находившихся в сходных с Россией условиях, могут быть учтены при разработке оптимистического сценария изменений смертности и продолжительности жизни.

Конечно, на этом пути есть серьезные трудности, связанные со структурными особенностями российской смертности. В наших исследованиях на протяжении многих лет постоянно подчеркиваются две главные особенности, а именно:

- чрезвычайно высокая доля умирающих от внешних причин;
- чрезвычайно низкий средний возраст смерти мужчин от болезней системы кровообращения.

Эти особенности российской смертности хорошо видны и при сравнении России с упоминавшимися выше странами, быстро выходящими из кризиса смертности.

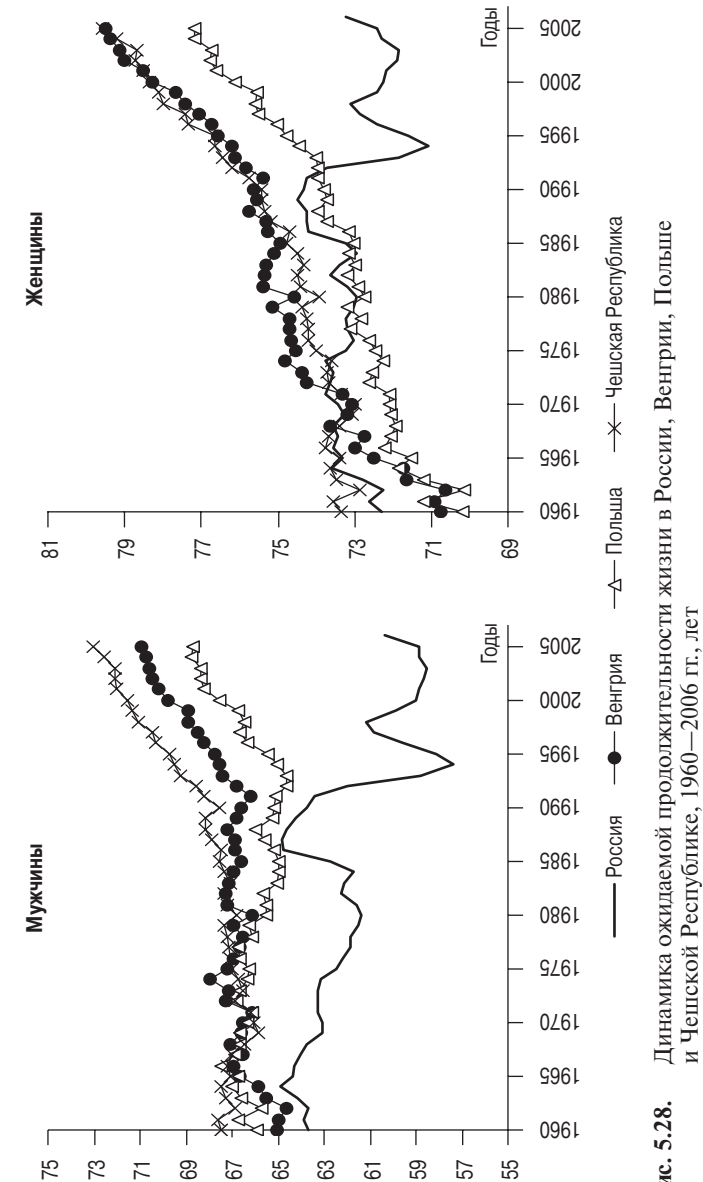

Рис. 5.28. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в России, Венгрии, Польше и Чешской Республике, 1960—2006 гг., лет

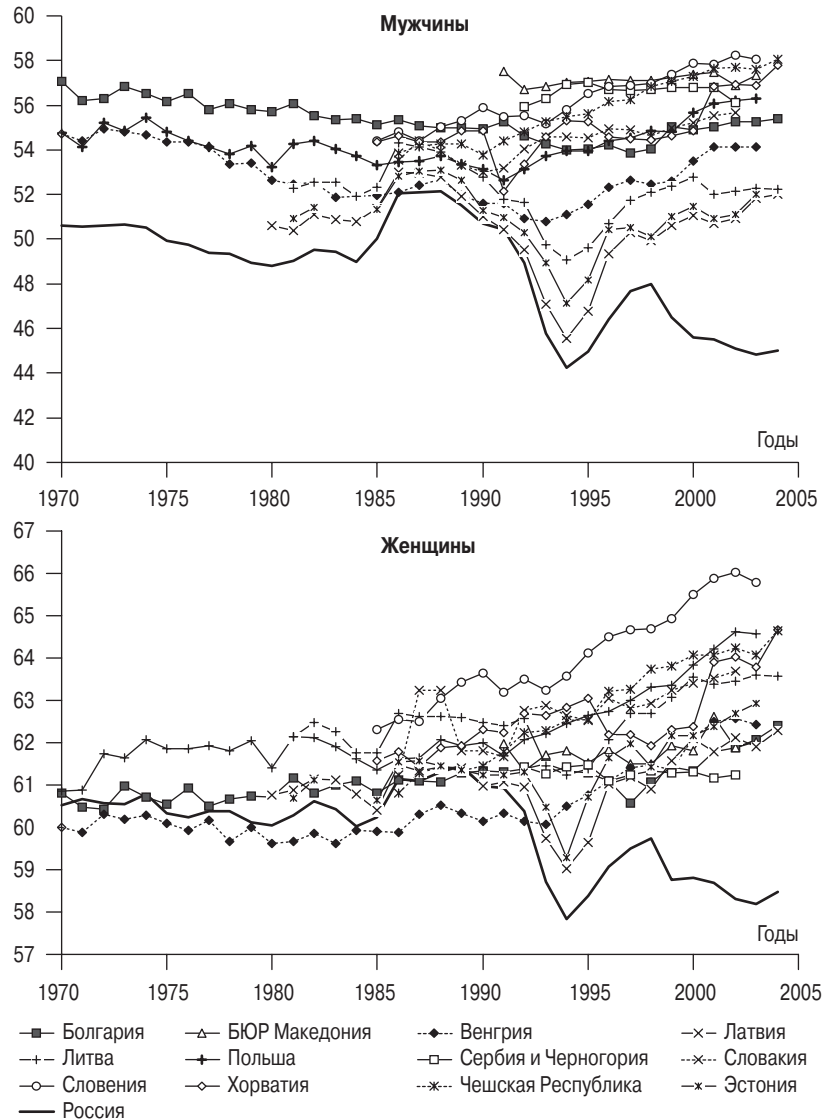

Рис. 5.29. Ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин в возрасте 15 лет в России и некоторых странах Восточной Европы, лет

Как видно на рис. 5.30, даже на фоне восточно-европейских стран Россия, особенно ее мужское население, резко выделяется повышенной вероятностью умереть от внешних причин и отсутствием каких-либо позитивных подвижек (в Чехии, Польше, Венгрии при намного более низкой вероятности умереть от этих причин в начале 1990-х гг. она имела тенденцию к снижению

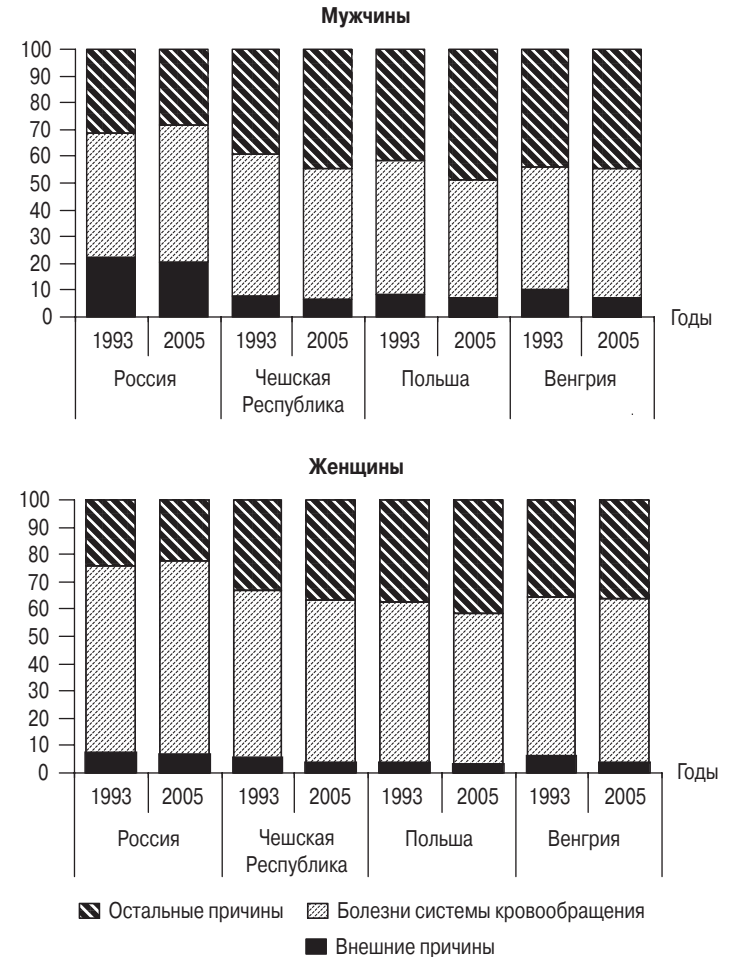

Рис. 5.30. Структура вероятности умереть на протяжении жизни от трех крупных групп причин смерти в некоторых странах в 1993 и 2005 гг.

в последующие годы). Российские женщины также явно выделяются высокой вероятностью смерти от болезней системы кровообращения.

Обе эти особенности структуры вероятности смерти по причинам сочетаются с очень низким по сравнению с другими странами средним возрастом смерти от преобладающих причин, равно как и с его неблагоприятной динамикой. В частности, средний возраст смерти от самой распространенной группы причин — болезней системы кровообращения — в трех взятых для сравнения странах был заметно выше, чем в России, и повышался, тогда как в России он снижался (табл. 5.15).

Таблица 5.15. Средний возраст смерти от внешних причин и болезней системы кровообращения в некоторых странах в 1993 и 2002 гг.

Страна	Мужчины		Женщины	
	1993 г.	2005 г.	1993 г.	2005 г.
<i>Внешние причины</i>				
Россия	42,6	43,4	49,6	49,7
Чешская Республика	53,1	56,0	71,7	70,8
Польша	48,4	51,4	65,2	68,9
Венгрия	52,6	55,5	69,0	72,4
<i>Болезни системы кровообращения</i>				
Россия	67,9	67,0	77,8	77,5
Чешская Республика	73,6	76,5	80,0	82,4
Польша	72,4	75,3	79,6	82,6
Венгрия	70,3	73,7	78,6	81,3

Обе отмеченные особенности российской структуры смертности по причинам указывают на важность ее культурно-поведенческих детерминант, что ограничивает возможности прямого воздействия на смертность через систему здравоохранения. Необходимо добиться изменения поведенческих стандартов значительной части российского населения (избавиться от злоупотребления алкоголем⁵, ограничить роль курения, рационализировать питание и т.д.), а это делает задачу снижения смертности более сложной,

⁵ Отметим, что по результатам многочисленных исследований особенности структуры российской смертности связаны главным образом с опасным потреблением алкоголя: *Shkolnikov V., McKee M., Leon D.A.* Changes in life expectancy in Russia in the mid-1990s // *Lancet*. 2001. No 357. P. 917–21; *Malyutina S., Bobak M., Kurilovitch S., Gafarov V. et al.* Relation between heavy and binge drinking and all-cause and cardiovascular mortality in Novosibirsk, Russia: a prospective cohort study // *Lancet*. 2002. No 360 (9344). P. 1448–1454; *Bobak M., Room R., Pikhart H., Kubinova R. et al.* Contribution of drinking patterns to differ-

чем та, которую приходилось решать нашим восточно-европейским соседям, начавшим усваивать стандарты современного городского образа жизни раньше, чем Россия, и в других исторических условиях.

Все сказанное обязывает к определенной сдержанности при формулировании оптимистического сценария изменений смертности, хотя он, конечно, предусматривает значительные позитивные сдвиги в образе жизни россиян в целом и в их жизнеохранительном поведении в частности

5.6.2.2. Вероятность смерти в возрасте до 15 лет

Учитывая существующие позитивные тенденции смертности в возрасте до 15 лет, оптимистический сценарий может исходить из закрепления этих тенденций и постепенного сокращения разрыва в младенческой смертности и смертности детей в возрасте 1–14 лет между Россией и европейскими странами. Оптимистический сценарий предполагает, что развитие пойдет по нижней границе экстраполяционного прогноза вероятностей смерти, о котором говорилось выше (см. рис. 5.25), а коэффициент младенческой смертности будет снижаться, как показано ниже в табл. 5.17.

5.6.2.3. Продолжительность жизни в возрасте 15 лет

Гораздо больше неопределенности связано с формированием оптимистического сценария изменений смертности взрослого населения России. Такой сценарий предполагает, что в какой-то момент в будущем рост смертности взрослых в России прекратится и динамика смертности приобретет тот же характер, что и в большинстве стран мира. Разумеется, такое изменение тенденций не произойдет само собой, оно требует активных и эффективных мер по преодолению сложившегося неблагоприятия, но их обсуждение не входит в задачу прогноза.

Сейчас нет достаточных оснований для точного определения времени изменения тенденции, но в рамках оптимистической оптики можно исходить из того, что снижение смертности в 2005–2006 гг. представляет собой не случайное колебание, а начало такого поворота. Соответственно в качестве оптимистического рассматривается сценарий, при котором изменения смертности начинаются уже в первые годы прогнозного периода.

В качестве основной гипотезы принято предположение, что в течение следующих 45 лет продолжительность жизни 15-летних в России будет расти в среднем с той же абсолютной скоростью, с какой она росла в последнее десятилетие в 12 названных выше восточно-европейских странах, выходящих из кризиса смертности (Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Македония,

ences in rates of alcohol related problems between three urban populations // *Journale Epidemiol Community Health*. 2004. No 58 (3). P. 238–342.

Польша, Сербия и Черногория, Словакия, Словения, Хорватия, Чешская Республика, Эстония). Соответствующий темп роста ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет составляет 0,263 года за один год у мужчин и 0,187 года за один год у женщин (табл. 5.16).

Таблица 5.16. Прогноз ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет по оптимистическому варианту

Год	Мужчины	Женщины
2006	46,48	59,24
2010	47,53	59,98
2015	48,85	60,92
2020	50,16	61,85
2025	51,48	62,79
2030	52,79	63,72
2035	54,11	64,66
2040	55,42	65,59
2045	56,74	66,53
2050	58,05	67,46

5.6.2.4. Продолжительность жизни при рождении

Сделанные выше оптимистические предположения объединены в табл. 5.17.

Таким образом, при принятых оптимистических предположениях в отношении изменений детской смертности и смертности взрослых ожидаемая продолжительность жизни при рождении будет непрерывно расти. Тем не менее даже и при реализации оптимистического сценария к 2025 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин не повысится до уровня, достигнутого в среднем странами Европейского союза в 1960 г., а продолжительность жизни женщин будет ниже, чем в ЕС в 1980 г. К 2050 г. по продолжительности жизни мужчин Россия выйдет на европейский уровень середины 1980-х гг., по продолжительности жизни женщин — примерно на нынешний европейский уровень.

Ниже представлен график, который позволяет сравнить наш оптимистический прогноз с рядом других имеющихся прогнозов (рис. 5.31).

Верхняя и нижняя границы изменений продолжительности жизни до 2050 г. в соответствии с принятыми гипотезами представлены на рис. 5.32.

Таблица 5.17. Оптимистический сценарий прогноза

Год	Продолжительность жизни при рождении		Коэффициент младенческой смертности, на 1000
	Мужчины	Женщины	
2006	60,4	73,2	10,33
2007	60,9	73,3	8,91
2008	61,2	73,6	8,03
2009	61,5	73,8	7,29
2010	61,8	74,0	6,71
2015	63,4	75,1	5,18
2020	64,8	76,1	4,30
2025	66,2	77,1	3,63
2030	67,6	78,1	3,07
2035	69,0	79,1	2,59
2040	70,3	80,1	2,18
2045	71,8	81,1	1,83
2050	73,1	82,1	1,54

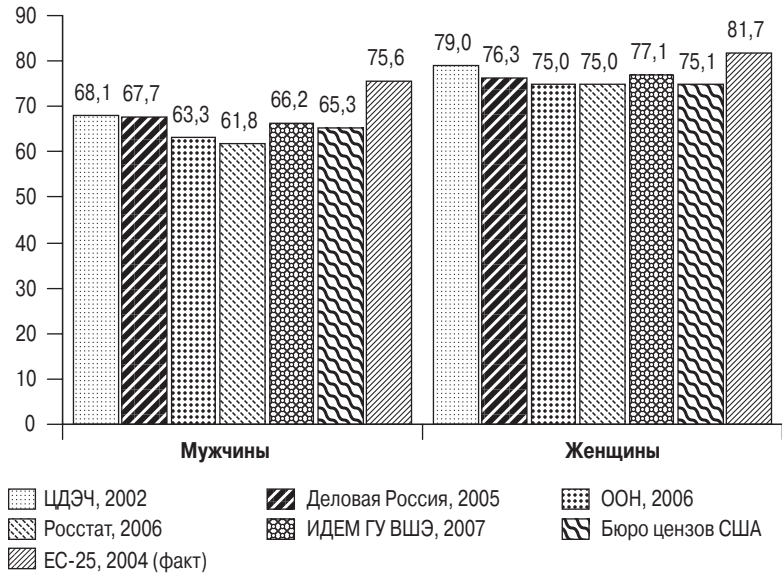

Рис. 5.31. Ожидаемая продолжительность жизни в России в 2025 г. по различным прогнозам (оптимистические сценарии за исключением прогнозов Росстата, ООН и Бюро цензов США, по которым опубликован только один сценарий), также фактическая для стран ЕС-25 в 2004 г.

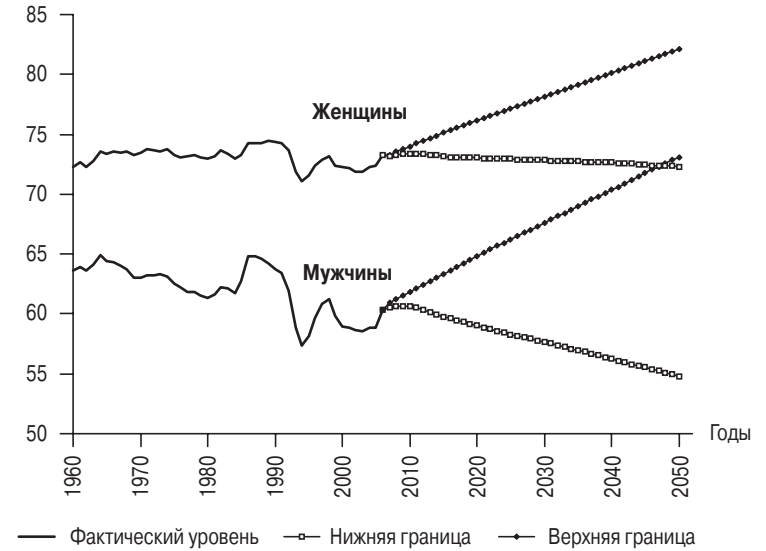

Рис. 5.32. Изменение ожидаемой продолжительности жизни при рождении до 2050 г. в соответствии с верхним и нижним прогнозными сценариями

6. Миграция

6.1. Иммиграция на подъеме

В 2006 г. отчетливо проявились признаки обострения ситуации на рынке труда России, вызванные снижением почти до нулевой отметки естественного прироста населения трудоспособного возраста, происходящим на фоне устойчивого экономического роста. В течение 2005—2006 гг. количество безработных, определяемых по методологии Международной организации труда¹, сократилось с 6,1 до 5,1 млн человек, а уровень безработицы упал с 8,3 до 6,9%. Это заметно ниже, чем в Евросоюзе в целом и в большинстве входящих в него стран. Лишь немногие среди развитых стран имеют уровень безработицы, ниже российского (например, Австрия, Великобритания) (рис. 6.1). В службе занятости России в конце 2006 г. было зарегистрировано 1,7 млн безработных, что составляет 2,3% экономически активного населения. На одну вакансию, заявленную в службу занятости, в декабре 2006 г. приходилось 2 зарегистрированных безработных против 2,5 в декабре 2005 г. Дефицит труда активизировал иммиграцию. Это можно проследить по ряду признаков.

Начиная с 2003 г. стал подниматься после продолжительного снижения зарегистрированный миграционный прирост населения страны (рис. 6.2). Этот подъем пока что очень медленный и все еще обусловлен не столько увеличением въезда в Россию, сколько (на две трети) сокращением выезда из нее (рис. 6.3), тем не менее перелом тренда обозначился ясно. Население страны в 2006 г. выросло за счет миграции на 154,5 тыс. человек, что в 1,7 раза больше, чем в 2003 г.

Свой «вклад» в новую тенденцию внесли как страны СНГ, обмен с которыми становился все более положительным (миграционный прирост в 2006 г. 165,3 тыс. человек против 132,6 в 2003 г.), так и другие страны, обмен с которыми становился все менее отрицательным (потери России упали до 10,8 тыс. человек в 2006 г. по сравнению с 39,5 тыс. в 2003 г.; см. табл. 6.1).

По коэффициенту регистрируемого миграционного прироста Россия находится в ряду европейских стран с самыми низкими показателями, в то время как большинство европейских стран, как видно на рис. 6.4, проводят гораздо более активную иммиграционную политику.

В 2006 г. заметно возросло число регистрируемых пересечений российской границы иностранными гражданами на въезд, после того, как в тече-

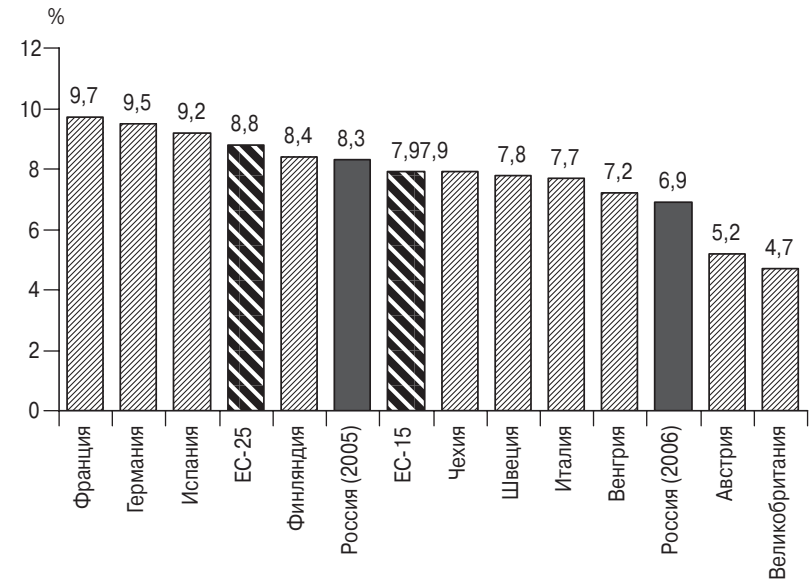

Рис. 6.1. Уровень безработицы в России в сравнении с некоторыми европейскими странами в 2005 г. (по методологии МОТ)

Источник: данные Евростата.

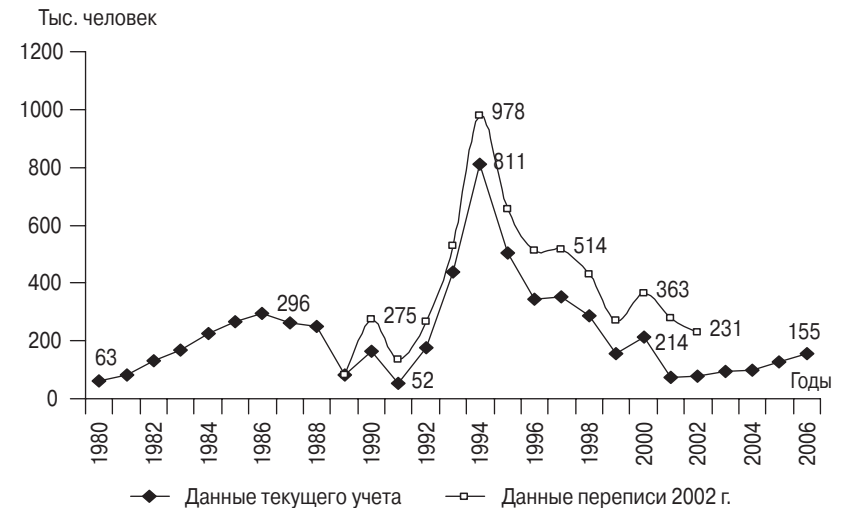

Рис. 6.2. Миграционный прирост населения России

¹ Согласно этой методологии безработными считаются лица, которые не имеют работы, но активно ее ищут.

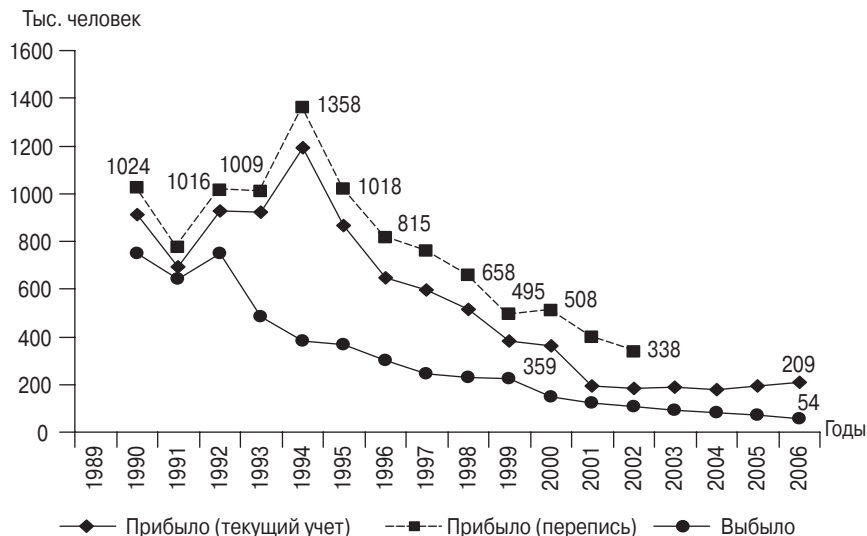

Рис. 6.3. Миграционные потоки в Россию и из России

Таблица 6.1. Миграционный баланс России 2003—2006 гг., тыс. человек*

Год	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
<i>Всего</i>			
2003	187,1	94,0	93,1
2004	178,7	79,8	98,9
2005	195,7	69,8	125,9
2006	208,5	54,1	154,5
<i>Страны СНГ и Балтии</i>			
2003	179,5	46,9	132,6
2004	171,5	37,8	133,7
2005	188,6	36,8	151,8
2006	201,3	36,0	165,3
<i>Другие страны</i>			
2003	7,6	47,1	-39,5
2004	7,2	42,0	-34,8
2005	7,1	33,0	-25,9
2006	7,2	18,1	-10,8

* По оценке Росстата, полученной на основе корректировки данных текущего учета количества прибывших и выбывших.

ние трех лет до этого оно держалось примерно на одном уровне. В 2006 г. пограничной службой зафиксировано 24,3 млн пересечений границы, что на 2,1 млн превысило показатели предыдущего года. Выезд же из России остался на прежнем уровне. В результате положительный баланс въезда/выезда возрос скачкообразно — до 3,8 млн поездок против 1,4 млн (табл. 6.2). Примечательно, что этот результат достигнут благодаря увеличению потока из стран, не входящих в постсоветское пространство. Поток из этих стран в 2006 г. увеличился более чем на четверть и достиг 8,8 млн пересечений по сравнению с 6,5—6,9 млн в предшествующие три года. При этом если раньше входящий и исходящий потоки были практически равны, то в 2006 г. въезд в Россию из-за границ бывшего СССР на 1,9 млн пересечений превзошел выезд. Особенно быстро возрастал положительный для России баланс по-

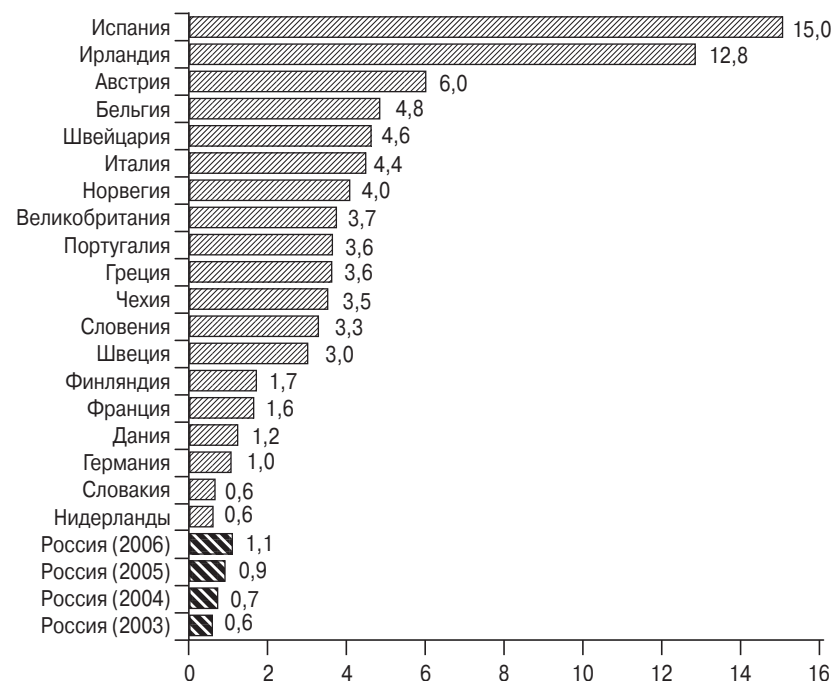

Рис. 6.4. Коэффициенты миграционного прироста России в сравнении с некоторыми европейскими странами, на 1000 населения, 2005 г.

Источник: Демографический ежегодник России, 2004, 2005, 2006, 2007; Eurostat. Statistics in focus. Population and socioal conditions. 16/2006.

ездок по служебным целям (100 тыс. в 2004 г., 173 тыс. в 2005 г. и 635 тыс. в 2006 г.), а баланс наиболее массовых частных поездок поменял знак: раньше с этой целью чаще выезжали из России, чем въезжали в нее (отрицательный перевес 120 тыс. поездок в 2004 г., 260 тыс. — в 2005 г.), а в 2006 г., наоборот, граница пересекалась иностранными гражданами чаще в сторону России (на 754 тыс. раз).

Таблица 6.2. Пересечение границы России иностранными гражданами, млн поездок

Год	Въезд	Выезд	Баланс
<i>Всего</i>			
2003	22,5	20,6	1,9
2004	22,1	20,9	1,2
2005	22,2	20,8	1,4
2006	24,3	20,5	3,8
<i>Страны СНГ и Балтии</i>			
2003	16,0	14,2	1,8
2004	15,2	14,2	1,0
2005	15,3	14,0	1,3
2006	15,5	13,6	1,9
<i>Другие страны</i>			
2003	6,5	6,4	0,1
2004	6,8	6,7	0,1
2005	6,9	6,8	0,1
2006	8,8	6,9	1,9

Источник: Пограничная служба России.

Об увеличении иммиграции в Россию свидетельствует также быстрый рост трудовой миграции иностранной рабочей силы, нанятой на законных основаниях. В 2006 г. ее количество превысило 1 млн человек (1023 тыс.) против 702,5 тыс. в 2005 г., 460,4 тыс. в 2004 г. и 380 тыс. человек в 2003 г. В частности, быстро увеличивается привлечение китайской рабочей силы: в 2004 г. — 94,1 тыс. человек, в 2005 г. — 160,6 тыс., в 2006 г. — 230 тыс. человек. Это тоже хороший индикатор напряженности рынка труда.

В последние годы регистрируемая иммиграция — это в основном миграция лиц, имеющих российское гражданство (91,7% прибывших из СНГ и

Балтии, 77,3% — из других стран в 2006 г.). Очевидно, российский паспорт служит своеобразным допуском к регистрации (прописке), на базе которой ведется учет мигрантов².

В действительности миграционный поток в Россию многократно превышает число зарегистрированных мигрантов. По нашей оценке, основной на исследованиях, общее количество единовременно присутствующих в России мигрантов, прибывших из других стран, по состоянию на конец 2006 г. составляло максимально 7 млн человек, из которых 4—5 млн — совсем не оформленные или частично оформленные трудовые мигранты (рис. 6.5). Примерно половина из них находилась полностью вне правового поля — не были зарегистрированы по месту пребывания и работали без договора, т.е. нарушали оба требования легализации. Вторая половина трудовых мигрантов была зарегистрирована, но большая часть из них (около 30%) работала незаконно. Примерно 20% мигрантов работали по договору с работодателем, который, однако, не получал разрешения миграционной службы на наем иностранных работников. Это тоже нарушение порядка и не вполне законный наем, хотя в данном случае мигрант об этом мог и не знать. Объем незаконной миграции, согласно приведенной схеме, оценивается в 3—4 млн человек, из которых 2—2,5 млн не имели ни регистрации, ни договора. Многие из них де-факто являлись постоянными жителями России, жили здесь с семьей, но не могли получить вид на жительство³.

Ненормальное положение, когда подавляющая часть мигрантов оставалась вне правового поля, заставило правительство в 2006 г. сделать решительный шаг в сторону либерализации миграционной политики, упрощения процедур регистрации и трудоустройства иностранных граждан.

² Относительно мигрантов, попавших в статистический учет, даже нельзя с уверенностью сказать, когда именно они приехали. Поскольку учет ведется на основе прописки/выписки, мигрант попадает в учет именно в момент совершения данных актов, что часто сильно запаздывает по сравнению со временем приезда.

³ Например, по данным обследования украинских трудовых мигрантов, проведенного Центром миграционных исследований, в конце 2002 г. в Москве почти половина опрошенных проживали в городе более трех лет, многократно продлевая временную регистрацию.

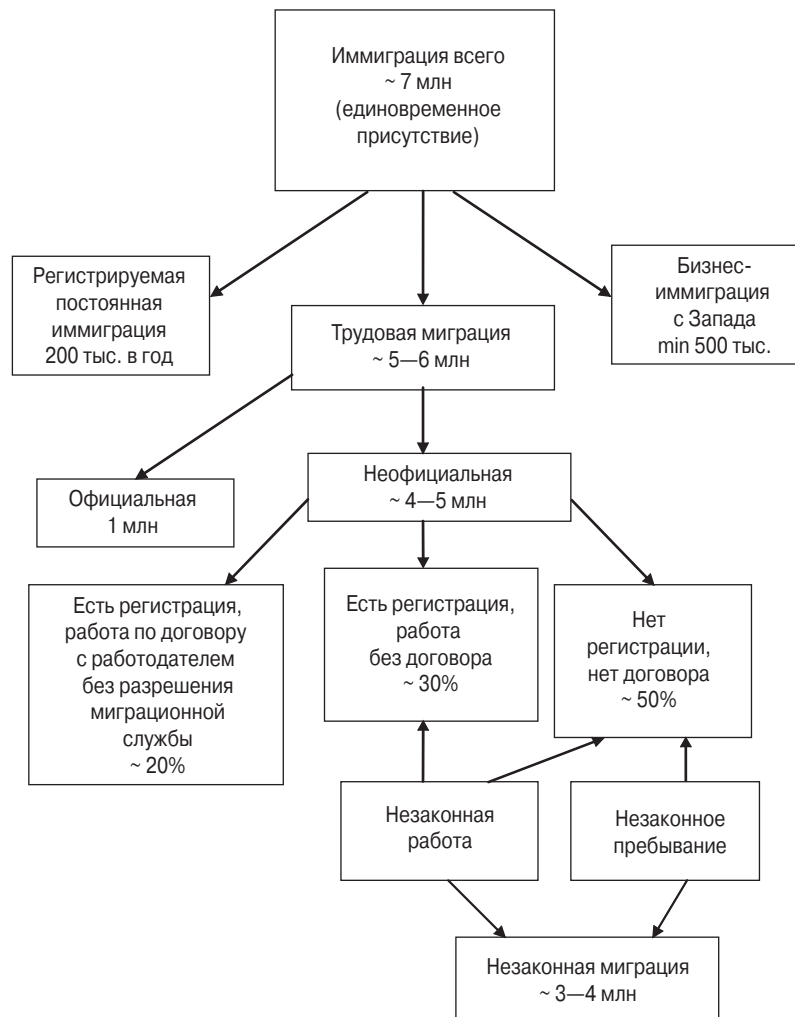

Рис. 6.5. Миграционные потоки в Россию (оценка на конец 2006 г.)

6.2. Страны СНГ — главные миграционные доноры России

Из 208,5 тыс. прибывших в Россию в 2006 г. зарегистрированных мигрантов 201,3 тыс. приехали из бывших республик СССР.

В течение всего периода после распада СССР постсоветское пространство было и остается, правда, в настоящее время уже за исключением стран Балтии, главным поставщиком мигрантов в Россию.

В 2001—2006 гг. по сравнению с 1990-ми гг. приток населения из стран СНГ очень сильно упал и уже в течение шести лет находится практически на одном уровне⁴. В последние годы наблюдается незначительный подъем количества прибывших (на 20,8 тыс. человек по сравнению с 2003 г.). Одновременно продолжал сокращаться выезд из России, которому, казалось бы, уже некуда было падать (с 46,9 тыс. человек в 2003 г. до 36 тыс. в 2006 г.). В результате миграционный прирост заметно возрос — 165,3 тыс. человек в 2006 г. против 132,6 тыс. в 2003 г., но он остается все же очень низким и ни в коей мере не отражает действительное присутствие мигрантов из стран СНГ в России. Статистический учет дает представление скорее о тенденциях миграционных процессов, чем о количестве мигрантов.

Все постсоветские страны демонстрируют похожие тренды. Даже приток из Казахстана, единственный, который долго удерживался на высоком уровне, опустился к общему основанию (рис. 6.6).

Тенденция последнего времени — выход Средней Азии на позицию главного российского донора и утрата этой позиции Казахстаном (табл. 6.3). В 2006 г. чистый приток из Средней Азии более чем в 2 раза превысил приток из Казахстана (69,5 тыс. человек против 31,4 тыс. соответственно), а доля Средней Азии в миграционном приросте России за счет постсоветских стран достигла 42%, тогда как доля Казахстана упала до 19%. Похожие пропорции наблюдались уже в 2003 г. Но в 2004—2005 гг. вновь произошел всплеск миграции из Казахстана, возможно, под воздействием острой кампании по выборам президента этой страны. Несмотря на то что в 2006 г. чистый приток из Средней Азии в 1,7 раза превзошел приток из Казахстана, по коэффициенту миграционного оттока в Россию Казахстан все еще заметно впереди. Он отдал России по 2,1 человека из 1000 своих жителей, в то время как Средняя Азия в целом и Узбекистан как главная страна исхода в регионе отдала по 1,6 человека. Интенсивнее отдает население Киргизия (коэффициент 3,3), откуда поток заметно вырос. Вероятно, сказыва-

⁴ Правда, корректировка на основе переписи подняла планку 2001 и 2002 гг. примерно в 2 раза, но данные статистического учета в последующие годы не подтверждают этот уровень.

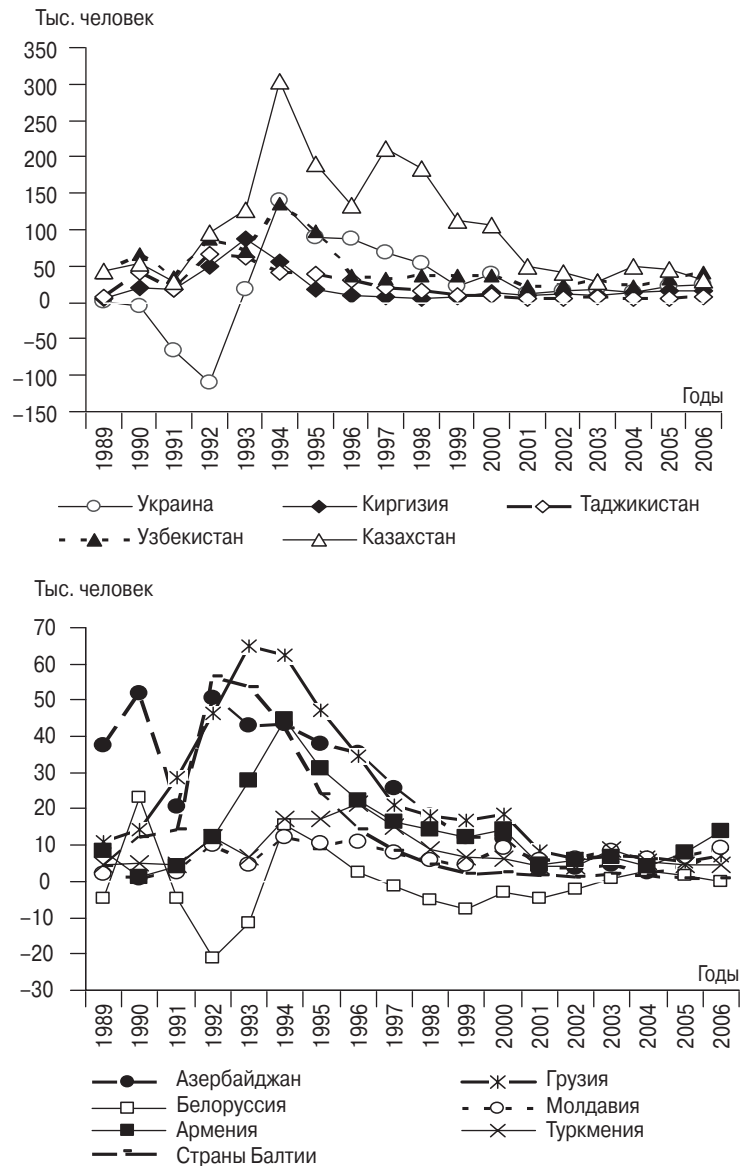

Рис. 6.6. Нетто-миграция между Россией и странами СНГ и Балтии

Источник: оценочные данные Росстата.

ются нестабильная политическая ситуация и периодически повторяющиеся конфликты в республике.

Таблица 6.3. Нетто-миграция между Россией и странами СНГ и Балтии в 2003—2006 гг., тыс. человек

Страны	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	
				Тыс. человек	Коэффициент на 1000 населения стран исхода
Западные страны	26,8	23,5	29,5	33,9	0,6
Белоруссия	0,8	3,0	1,5	—	—
Молдавия	8,2	6,5	6,5	9,1	2,2
Украина	17,8	14,0	21,5	24,8	0,5
Закавказье	18,3	13,4	17,0	29,6	1,9
Азербайджан	4,6	2,6	3,8	8,6	1,0
Армения	6,5	4,0	7,8	13,9	4,6
Грузия	7,2	6,8	5,4	7,1	1,6
Средняя Азия	55,9	46,2	59,2	69,5	1,6
Киргизия	9,3	13,9	16,8	17,0	3,3
Таджикистан	7,0	4,6	4,8	6,9	1,0
Туркмения	9,0	5,6	4,4	4,5	0,9
Узбекистан	30,6	22,1	33,2	41,1	1,6
Казахстан	29,6	49,0	45,1	31,4	2,1
Страны Балтии	1,9	1,7	1,0	0,9	0,13
Всего	132,5	133,8	151,8	165,3	1,3

Источник: оценочные данные Росстата.

Быстрое увеличение притока мигрантов из стран Средней Азии (кроме Туркмении) можно наблюдать и во временной трудовой миграции. Киргизия, Таджикистан и Узбекистан подняли официальные оценки присутствия своих граждан на рынке труда России до 1 млн человек, каждая из стран, тогда как 2—3 года назад суммарная оценка по всем странам доходила до 1,5 млн человек. Оценки скорее всего преувеличены, но их динамика симптоматична. Жители всех крупных городов России могут наблюдать ее воочию. Можно надеяться, что в конце 2007 г. вместе с первыми годовыми итогами мигра-

ционного учета по новым правилам появится и относительно надежная база для оценки реальных размеров потоков из разных стран СНГ.

В 2006 г. неожиданно по неясным пока причинам вырос поток из Азербайджана и Армении. При этом по коэффициенту исхода (4,6) Армения вышла на первое место в СНГ с большим отрывом от остальных стран.

Любопытна также динамика показателей Украины. В 2004 г. надежды, вызванные Оранжевой революцией, приостановили миграцию из этой страны, но не надолго. Вместе с тем, несмотря на последующий рост, коэффициент выезда из Украины (0,5) остается самым низким среди всех стран СНГ, не считая Белоруссии, обмен с которой в 2006 г. был эквивалентен, да и в другие годы миграционный прирост России за счет этой страны был ничтожен.

Возвратное движение русских по-прежнему является стержнем миграции из стран СНГ, но их доля в общем миграционном приросте продолжает падать: 81% в 1989—1992 гг., 64 — в 1993—2000 гг., 59 — в 2001—2004 гг., 54% — в 2005 г. В 2006 г., обеспечив 44,2% миграционного прироста, русские впервые оказались в меньшинстве в потоке из СНГ. Правда, многие мигранты не указывают национальность, и эта часть потока имеет тенденцию к росту, увеличиваясь с 15,3% в 2003 г. до 19,4% в 2006 г. Если определить этническую структуру нетто-миграции, учитывая только тех, кто определен по данному признаку, русских окажется и в 2006 г. больше половины (54,9%), но гораздо меньше, чем в предыдущем году (63,9%). Стало быть, и при таком методе счета налицо качественный сдвиг этнической структуры миграционного потока. Абсолютные данные русской репатриации за 2006 г. ниже, чем годом раньше, но выше, чем в 2003—2004 гг. (табл. 6.4). Возможно, некоторый спад в 2006 г. объясняется тем, что русские, желающие выехать, ожидают, когда начнет работать государственная программа по переселению соотечественников. Хотя программа была утверждена в середине 2006 г., потребовался целый год, чтобы разработать процедуры и создать инфраструктуру, необходимые для введения ее в действие.

Русские стремятся в Россию из всех постсоветских стран, кроме Белоруссии. При этом потери русских Россией в пользу этой страны в 2006 г. приняли значимые размеры (1,1 тыс. человек против 0,4 тыс. в 2005 г. и 0,1 тыс. в 2003 г.). Да и миграция белорусов в Россию крайне мала. В трудовой миграции белорусы также участвуют гораздо менее активно по сравнению с украинцами и молдаванами.

Наиболее «русские» потоки продолжали идти из Казахстана (среди мигрантов из которого 78% русских, 6,3% украинцев и 1% белорусов), Туркмении (67% русских), Киргизии (62%), Узбекистана (57%)⁵. Русский «крен»

⁵ Здесь и далее мигранты, не указавшие национальность, из расчетов исключены.

Таблица 6.4. Нетто-миграция в Россию из стран СНГ и Балтии по национальности в 2003—2006 гг., тыс. человек

Национальность	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Всего	74,6	74,2	133,4	143,2
Русские	40,5	44,9	72,5	63,3
Белорусы	−0,1	0,3	1,2	0,7
Молдаване	0,6	0,5	1,2	1,9
Украинцы	5,1	4,3	9,6	9,8
Народы Закавказья	6,1	3,7	8,9	16,2
Азербайджанцы	0,6	0,4	1,7	4,5
Армяне	4,8	2,9	6,6	10,8
Грузины	0,7	0,4	0,6	0,9
Народы Средней Азии	2,6	2,0	4,7	8,7
Киргизы	0,2	0,3	1,3	2,3
Таджики	0,7	0,5	1,2	2,4
Туркмены	0,3	0,2	0,2	0,2
Узбеки	1,4	1,0	2,0	3,8
Казахи	−1,7	−1,9	−1,5	−1,9
Народы стран Балтии	0,03	—	0,1	0,1
Другие народы	10,1	8,1	13,8	16,6
Из них:				
татары	4,8	3,3	5,6	7,5
корейцы	1,1	0,9	2,0	2,7
немцы	0,7	1,1	1,8	1,4
Не указавшие национальность	11,4	12,3	23,0	27,8

отчетливо выражен и среди мигрантов из Украины (58%) и Молдавии (48%), хотя абсолютные размеры выезда невелики. Помимо русских в Россию продолжают стягиваться все народы, имеющие здесь национальные административные образования. В 2006 г. их численность увеличилась благодаря миграции на 10,3 тыс. человек (7 тыс. в 2003 г., 5,1 тыс. в 2004 г. и 8,1 тыс. в 2005 г.), что составило 9% миграционного прироста страны. Три четверти

этого потока образуют татары, за счет которых и произошло его увеличение. Подавляющее большинство татар выехало из Узбекистана (73%), остальные — из других среднеазиатских республик и Казахстана.

Миграционные потоки из стран СНГ сильно различаются. Их состав определяется этническим составом населения, уровнем мобильности разных народов, политической ситуацией и другими факторами. Так, из Армении выезжают в основном армяне (86%), так как русских там мало. Потенциал русских в Азербайджане и Грузии практически исчерпан, поэтому среди мигрантов оттуда их также мало (16—17%, в 2 раза меньше, чем во второй половине 1990-х гг.). Азербайджан потерял почти всех армян, так что поток из этой страны становится все более однородным, в нем теперь преобладают азербайджанцы (72%). Поток из Грузии более пестрый по составу, так как продолжается процесс вытеснения из страны осетин и армян (на тех и других приходится по четверти потока), в то время как доли грузин и русских сократились до 16—17%.

Мобильность коренных народов Средней Азии только набирает силу. В регистрируемых потоках их еще очень мало (в среднем 8,7%). Узбеков среди мигрантов из «своей» страны всего 8%, туркмен соответственно еще меньше — 5%, но киргизов уже 17%. Для Таджикистана 2006 г. оказался знаковым. Впервые таджиков выехало из республики значительно больше, чем русских (43% против 35% в миграционном потоке), а если прибавить еще узбеков (9,4%), то коренные народы окажутся в большинстве. Этнический состав мигрантов из Таджикистана трансформировался не только вследствие сокращения потенциала русских, две трети из которых страна уже потеряла, но и под влиянием резко возросшей мобильности титульного народа.

Рассмотренные простые пропорции вскрывают начавшийся процесс перехода народов Средней Азии в новое — мобильное — качество, за которым обычно следует массовый исход избыточного населения за пределы своей страны. Это позволяет России рассчитывать на миграцию из Средней Азии как на реальный ресурс. Важно не упустить этот шанс, как это случилось в 90-е гг. с русскими.

Миграционное поведение казахов резко отличается от других. Это единственный из постсоветских народов, который не проявил стремления к выезду из своей страны куда бы то ни было — ни в Россию, ни в другие страны. Более того, с 2001 г. казахи возвращаются из России в Казахстан. За 2001—2006 гг. Россия потеряла 8,2 тыс. казахов. Несомненно, это наряду с сократившимся выездом русских свидетельствует о быстром улучшении общей обстановки в Казахстане и расширении возможностей на рынке труда. Поэтому надежды России на миграционный потенциал Казахстана скорее всего иллюзорны. Казахстан уже конкурирует с Россией за трудовых миг-

рантов, пока в основном узбеков и киргизов, но в будущем его рынок труда может оказаться привлекательным и для жителей России, особенно соседних регионов Урала и Сибири.

В 2006 г. за счет титульных народов стран СНГ в целом Россия получила 35,5 тыс. человек учтенного миграционного прироста (31%). Хотя это в 1,5 раза больше относительно предыдущего года, все равно очень мало по сравнению с фактическим присутствием данной категории мигрантов. Большое количество временной рабочей силы влечет за собой высокий ее оборот и, как следствие, тормозит рост производительности труда, ускоряет износ оборудования и снижает заинтересованность в его модернизации. Это отмечают работодатели при интервьюировании. Поэтому в государственной политике целесообразно сместить акценты с кратковременной трудовой миграции на привлечение мигрантов из стран СНГ на продолжительное и постоянное место жительства, на их квалификационную подготовку и интеграцию в России.

6.3. Эмиграция за пределы бывшего СССР возвращается к исходному уровню

В 2006 г. в Россию из стран, не входящих в постсоветское пространство, прибыло 7,2 тыс. человек, а выбыло туда из России 18,1 тыс. человек. Баланс, как видим, складывается все еще отрицательно для России, но потери в 2006 г. уже совсем небольшие — 10,8 тыс. человек, что в 2,5 раза меньше, чем в 2005 г., и почти в 4 раза меньше по сравнению с 2003 г. (см. табл. 6.1), не говоря уже о периоде 90-х.

При этом иммиграция оставалась стабильной, а эмиграция быстро сокращалась, особенно сильно в 2006 г. (почти в 2 раза). Поскольку в учет попали только те, кто по прибытии регистрировался, а по выбытии снимался с регистрации по постоянному месту жительства, можно априори констатировать, что учет потоков неполон. Поэтому трудно сказать, действительно ли эмиграция упала так сильно. Возможно, из-за стремительного вздорожания жилья эмигранты чаще стали оставлять за собой свои квартиры в России и не снимаются с учета. Учетные же данные вплотную приблизились к стартовому уровню 1987—1988 гг., к началу перестройки.

Состав основных стран-партнеров в иммиграции и эмиграции симметричен. В обоих случаях это Германия, Израиль, США (рис. 6.7).

Исходя из симметрии потоков, можно было бы предположить, что часть выехавших возвращается, как это обычно свойственно миграциям. В данном случае это, вероятно, не так, поскольку состав прибывших ни количественно, ни пропорционально от года к году не меняется и не зависит от колебаний

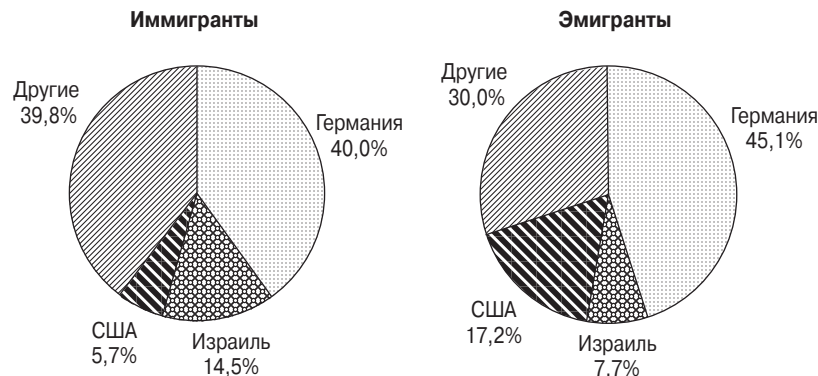

Рис. 6.7. Структура миграционного обмена России со странами за пределами бывшего СССР, 2006 г.

эмиграции. Очевидно, это только оборот постоянно работающего в России и за ее пределами персонала. Как бы то ни было, в 2006 г. прибывшие количественно возместили 40% эмиграции. При этом по Израилю замещение достигло 75%, по Германии — 35, но по США — только 13%.

Общий спад эмиграции преимущественно объясняется резким сокращением выезда в Германию, которая фактически свернула программу возвращения немцев из стран СНГ. В 2006 г. в Германию выехало всего 8,2 тыс. человек. Это в 2,6 раза меньше, чем в предшествующем году, и почти в 10 раз меньше по сравнению с 1995 г., когда эмиграция в Германию была максимальной (79,6 тыс. человек).

Выезд в Израиль, несмотря на свои малые размеры, которые установились в последние годы, продолжает снижаться и в 2006 г. составил всего 1,4 тыс. человек.

Эмиграция в США, напротив, удерживается почти на постоянном уровне — 3—4 тыс. человек в год. То же характерно и для выезда во все другие страны, взятые вместе (рис. 6.8).

Вследствие разнонаправленной динамики заметно трансформировалась структура эмиграции по странам следования. Хотя Германия, как и прежде, лидирует в приеме эмигрантов, ее роль упала до 45,3%, тогда как в 2001—2004 гг. туда направлялось три четверти, а в 2005 г. — две трети общего потока. В противовес Германии доля США благодаря стабильности потока сильно поднялась — до 17% против 12% в 2005 г. и 5,8% в 2002 г. По той же причине вес других стран в приеме эмигрантов из России возрос до 30% по сравнению с 10—13% в 2001—2004 гг. и 17,6% в 2005 г.

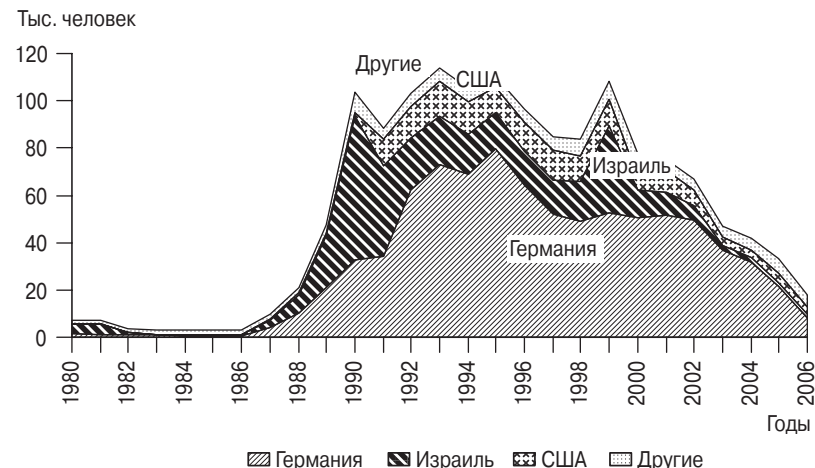

Рис. 6.8. Распределение эмигрантов из России по странам назначения в 1980—2006 гг.

Чем меньше эмиграционный поток, тем относительно больше в нем русских. В то время как у немцев и евреев, составлявших еще недавно базу эмиграции, стремление к выезду ослабевает, русские упорно продолжают искать такие возможности. Если общий объем эмиграции по сравнению с 2005 г. сократился почти наполовину, а выезд немцев — почти на две трети, то выезд русских — на 38% (табл. 6.5). С 2003 г. русские стали преобладающей группой в эмиграции, образуя несколько более половины потока, но в 2006 г. их вес дошел до двух третьих, тогда как немцы составили всего 17% выехавших, а евреи — лишь 2,5%. Можно сказать, что эмиграция евреев из России практически прекратилась, причем не только в Израиль, но и в Германию и США.

Три четверти эмигрантов в Израиль, 58% — в Германию, 48% — в США и 55% — в другие страны в 2006 г. — русские. Эмиграция русских приобрела самостоятельное значение, но сдерживается сузившимися возможностями выезда под знаком этнической эмиграции и ставшими более жесткими в последнее время правилами въезда во все развитые страны.

Особенно распространены заграничные устремления у потенциальных мигрантов крупнейших городов. Так, по данным обследования 2005 г., проведенного Центром миграционных исследований, из тех, кто хотел бы переехать или думает о переезде, на другие страны ориентирован каждый пятый житель Казани, каждый четвертый Нижнего Новгорода и Новосибирска,

Таблица 6.5. Эмигранты из России, выехавшие за пределы СНГ и Балтии, по национальности, 2001—2006 г., тыс. человек

Национальность	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Русские	24,0	21,7	19,8	19,2	14,7	9,15
Немцы	21,7	18,3	14,9	12,2	7,6	2,4
Евреи	2,8	1,5	1,0	0,7	0,6	0,35
Другие	4,5	6,4	3,0	2,5	4,0	2,2
Не указавшие национальность	5,6	5,8	8,4	7,4	6,1	4,0
Всего	58,6	53,7	47,1	42,0	33,0	18,1

каждый третий Санкт-Петербурга. Жители этих городов находятся на верхней ступени расселенческой иерархии, и они не видят резона в том, чтобы решать свои проблемы путем переезда в другой город своей страны.

Таким образом, эмиграция из России количественно возвращается к исходному уровню, с той, однако, разницей, что старт ей дали евреи, а сейчас она поддерживается русскими.

6.4. Миграционная мобильность россиян невысока

Население России в настоящее время характеризуется низкой территориальной мобильностью. После распада СССР она снизилась более чем в 2 раза и продолжает падать. В 2006 г. внутри России сменили место жительства 1,9 млн человек, или 1,3% населения страны. Такой уровень мобильности удерживается уже в течение пяти лет, после его продолжительного падения с 1989 г. (рис. 6.9). Перепись дает основания полагать, что число внутренних мигрантов занижено примерно на 30% из-за неполноты учета. Но и такая прибавка повышает уровень мобильности всего до 1,7% против 3,3% в 1989 г. Мобильность населения сейчас примерно такая же, как была в России до Первой мировой войны. Низкая подвижность населения входит в противоречие с демографической ситуацией, интересами рыночной экономики, препятствует более полному использованию рабочей силы и, кроме того, увеличивает потребность в иммигрантах.

Данные целевого исследования миграционной мобильности населения в 10 региональных центрах, предпринятого Центром миграционных исследований в 2005 г., выявили ее низкий уровень даже в крупнейших городах России. Этот вывод подтвержден как миграционным опытом, так и потенциальной мобильностью населения городов. Две трети жителей крупнейших

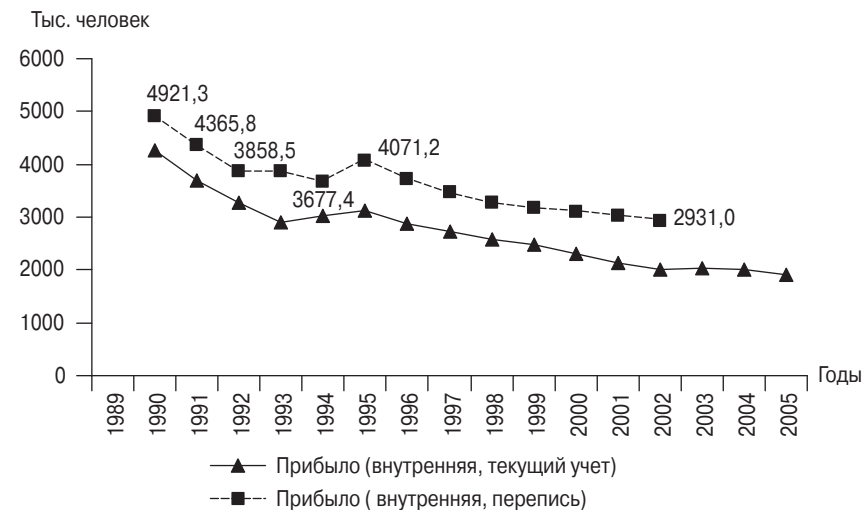

Рис. 6.9. Внутрисоссийская миграция

городов страны в активном трудоспособном возрасте от 18 до 50 лет — местные уроженцы, из которых почти 60% никогда не меняли место жительства, а более половины тех, кто родился в других местах, переезжали лишь однажды. Косвенно это говорит о том, что население региональных центров не склонно рассматривать смену места жительства в качестве надежной стратегии улучшения своей жизни.

Установку на миграцию разной степени выраженности в целом высказали 11,6% респондентов, из них лишь 4,4% имеют определенные намерения. Это более, чем в 2 раза превышает уровень реальной миграционной мобильности россиян, составляющей согласно статистическим данным около 2%. Иными словами, каждый второй горожанин, желающий сменить место жительства, не реализует свое намерение.

Формированию миграционных намерений способствует временная трудовая миграция. Среди респондентов, которые регулярно имели работу на выезде, собирались в будущем переехать в другой населенный пункт 41%, а 7,1% из них предпринимали для переезда конкретные шаги.

Миграционная мобильность способствует более полному использованию рабочей силы. Среди тех, кто ни разу не переезжал, доля работающих ниже, чем среди тех, кто переселялся хотя бы дважды, а в возрастных группах 24—29 и 30—39 лет занятость растет синхронно с усложнением миграционной биографии.

Вызывает тревогу то обстоятельство, что поиск подходящей работы для жителей региональных центров не является сильным стимулятором пространственной мобильности. Несмотря на то что неработающее население имеет более выраженные миграционные установки (16,8%), чем работающее (9,5%), различия не столь значительны (рис. 6.10). Большинство респондентов, не имеющих работы, рассчитывало найти работу в своем городе (88%). Искали работу в другом населенном пункте в пределах своей области, республики 4% незанятых, и только 8% предпринимали попытки устроиться на работу в другом регионе. Опора на родных в глазах респондентов является более надежным фактором жизненного успеха, чем самостоятельный поиск подходящей работы в других местах. Ясно, что такая стратегия находится в диссонансе с рыночной экономикой.

На миграционную активность неработающих, ищущих работу оказывает влияние прошлый миграционный опыт. Так, среди тех, кто не имеет такого опыта, искали работу за пределами своего города 6% опрошенных, а среди менявших место жительства хотя бы один раз — 15%. За пределами своей области вели поиски работы лишь 5% коренных жителей городов и 12% бывших мигрантов.

Потенциальная мобильность работающего населения, естественно, зависит от удовлетворенности работой, но тоже не столь сильно, как можно

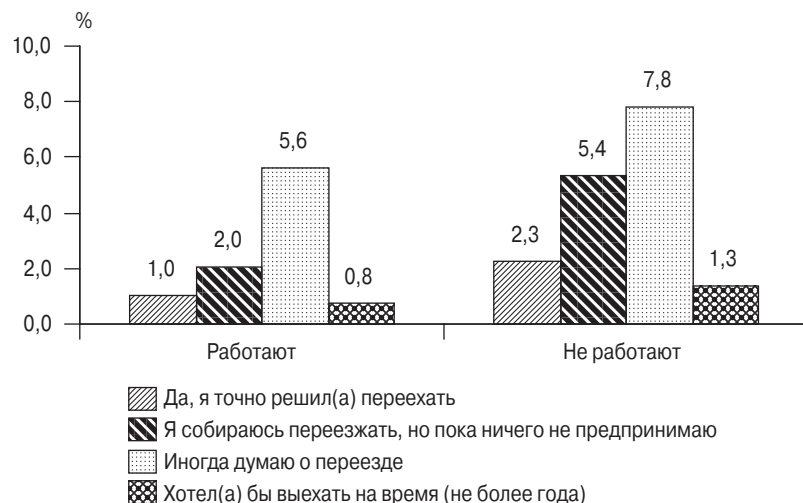

Рис. 6.10. Доля имеющих миграционные намерения среди работающего и неработающего населения

было бы ожидать. Думают о переезде только 12% недовольных работой, две трети не собираются переезжать, а более 20% даже не думали о том, что с помощью миграции они могут улучшить свое положение.

Эти данные показывают, что низкая миграционная мобильность является серьезным препятствием более полного использования рабочей силы.

6.5. Миграционная география России не меняется

2006 г. не внес никаких изменений в распределение мигрантов по регионам страны не только по сравнению с 2005 г., но и со всем периодом текущего 10-летия, который в рассматриваемом отношении разительно отличается от 1990-х гг. не только по масштабам движения, но и по региональным пропорциям.

Практически весь миграционный прирост собирает Центральный федеральный округ, другим округам достаются в буквальном смысле крохи. В 2001—2005 гг. миграционный прирост Центрального округа превосходил прирост всей России, в отдельные годы в полтора раза. Лишь в 2006 г. образовался небольшой разрыв в показателях в пользу страны (табл. 6.6).

Сибирь и Дальний Восток устойчиво теряют население, при этом потери Дальнего Востока в последние три года стабильны (20 с небольшим тысяч человек в год), а потери Сибири понемногу сокращаются (в 2 раза по сравнению с 2003 г.).

Контраст между Центром и другими округами сохраняется (рис. 6.11). В первую очередь это относится к внутренним миграциям, осевым вектором которых в 1990-е гг. был западный дрейф — с востока в Центр, Приволжье и на Юг. Западный дрейф, т.е. стремление жителей Сибири и Дальнего Востока переселиться в европейскую часть страны, существовал в течение последних 50 лет, временами то усиливаясь, то ослабевая. В этом можно убедиться на примере формирования населения Белгорода и Владивостока — региональных центров, расположенных на противоположных концах страны (рис. 6.12).

Белгород интересен тем, что в 1960—1980-е гг. пережил второе рождение — его население умножилось почти в 5 раз. Далекое от города Сибирь и Дальний Восток участвовали в пополнении его населения столь же весомо, как соседняя Украина. А вот Владивосток, расположенный в относительно слабонаселенной местности, на три четверти вырос за счет того, что стянул население прежде всего из своего же края и соседних восточных регионов. Европейские регионы России обеспечили

Таблица 6.6. Миграционный прирост населения по федеральным округам в 2003—2006 гг., тыс. человек

Федеральные округа	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.
Россия	93,1	98,8	126,1	154,5
В том числе округа:				
Центральный	136,2	129,7	130,5	146,2
Северо-Западный	8,4	12,8	12,2	18,8
Южный	2,9	-0,9	7,3	10,6
Приволжский	0,1	-4,5	3,6	2,3
Уральский	5,1	4,9	10,1	15,1
Сибирский	-36	-22,5	-16,5	-16,9
Дальневосточный	-23,6	-20,7	-21,1	-21,6
<i>Внутренняя миграция</i>				
Россия	8,7	1,9	—	—
В том числе округа:				
Центральный	90,4	83,0	77,8	84,5
Северо-Западный	2,4	5,2	3,2	8,9
Южный	-5,9	-11,1	-6,2	-9,1
Приволжский	-21,4	-23,6	-20,7	-26,6
Уральский	-4,7	-3,2	-6,2	-4,4
Сибирский	-27,7	-26,4	-25,7	-29,9
Дальневосточный	-24,4	-22,0	-22,3	-23,5
<i>Международная миграция</i>				
Россия	84,3	96,9	126,2	154,6
В том числе округа:				
Центральный	45,8	46,7	52,7	61,7
Северо-Западный	6,0	7,6	9,0	9,9
Южный	8,8	10,2	13,5	19,7
Приволжский	21,5	19,1	24,3	28,9
Уральский	9,8	8,1	16,3	19,5
Сибирский	-8,3	3,9	9,2	13,0
Дальневосточный	0,7	1,3	1,2	1,9

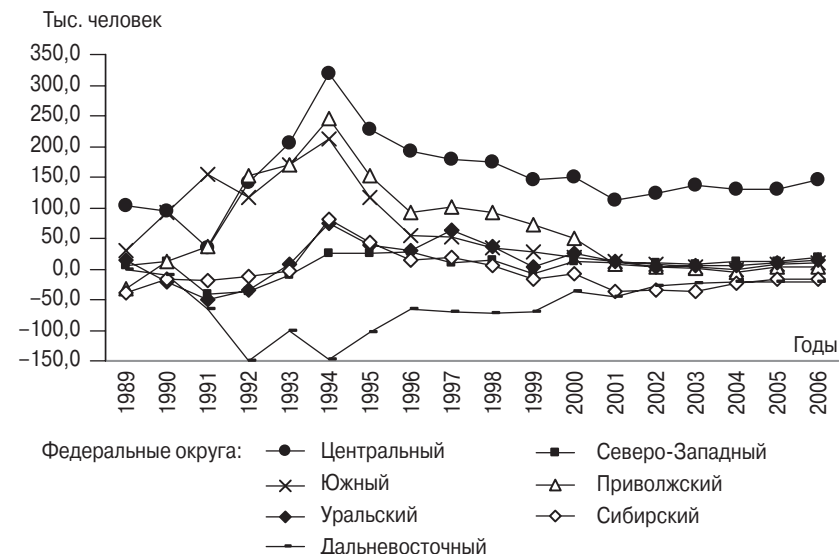

Рис. 6.11. Миграционный прирост населения по федеральным округам в 1989—2006 гг.

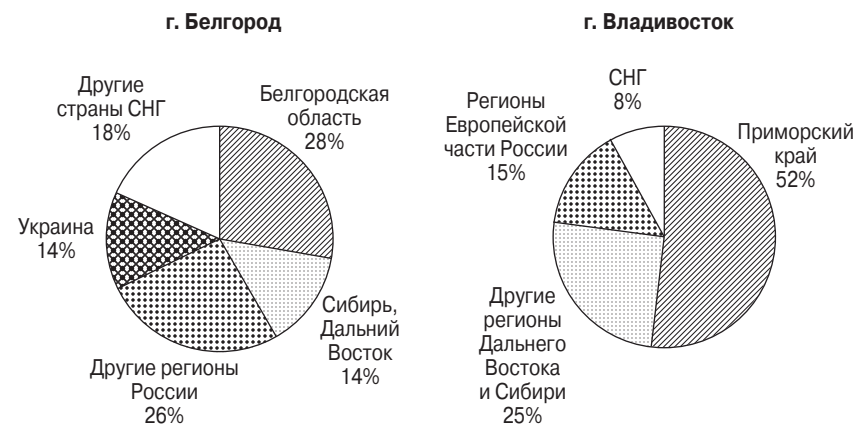

Рис. 6.12. Структура неместных уроженцев городов Белгорода и Владивостока в возрасте 18—50 лет по месту рождения, 2005 г.

Источник: социологическое обследование, проведенное Центром миграционных исследований весной 2005 г. в 10 региональных центрах России по репрезентативной выборке. Опрошено 3200 чел.

только 15% миграционного прироста Владивостока, а страны СНГ — всего 8%. Через Владивосток население Приморского края перекачивается на Запад.

6.6. Западный перенос внутренних миграций сохраняется

Устойчивость западного вектора практически не оставляет надежд на возможность организации попятного движения. Если этого не произошло в относительно благоприятной демографической ситуации, тем более это невероятно в условиях демографического кризиса.

В последние годы к западному дрейфу добавилось движение населения с Юга в Центр. Господствующим направлением во внутренних миграциях стала центростремительность (см. рис. 6.11). Центром является Московский регион, причем в пределах Центрального округа магнетизм столицы выражен не менее сильно, чем на всей территории страны. После кризиса в начале 90-х гг. притягивающая роль Москвы не только восстановилась, но и возросла (рис. 6.13). Благодаря миграции столичный регион стабильно прирастает на 100—130 тыс. человек в год, причем ведущую роль играют не международные, а межрегиональные мигранты.

Москва и Московская область в 2001—2005 гг. аккумулировали 85% чистой миграции в Центральный округ, в 2006 г. — 82,5%. И это только официальные цифры. В Москве численность граждан, зарегистрированных по месту пребывания (т.е. не учитывающихся в данных текущей статистики), по данным столичного ГУВД в 2004 г. составила 1458 тыс. человек, по данным Комитета межрегиональных связей Правительства Москвы общая численность граждан, зарегистрированных по месту пребывания в Москве, в 2005 г. составила 1137 тыс. человек.

После непродолжительного периода в первой половине 1990-х гг., когда волна репатриантов из постсоветских стран пополнила население даже тех областей, которые непрерывно теряли его еще с конца XIX в. (Новгородская, Псковская, Тверская и др.), стал постепенно восстанавливаться прежний миграционный ландшафт. Например, в 2001—2006 гг. в Центральном округе уже теряли население 5 регионов из 18, в Приволжском — 9 из 14.

Даже Санкт-Петербургу трудно конкурировать с Москвой за мигрантов. Благодаря выгодному географическому положению Москва «перехватывает» все потоки как из регионов России, так и стран СНГ. На долю северной столицы остается в основном Северо-западный регион, демографически сильно истощенный. Однако в 2006 г. Санкт-Петербург с областью прини-

Рис. 6.13. Нетто-миграция в столичного региона и других регионов Центрального федерального округа

мали мигрантов почти с такой же интенсивностью, как Москва с Московской областью.

Устойчивый миграционный прирост в 2001—2006 гг., помимо Москвы и Московской области, имели Белгородская, Воронежская, Ярославская, Нижегородская, Самарская, Саратовская области, Республика Татарстан. Среди регионов Северо-Запада — Калининградская и Ленинградская области, Санкт-Петербург, Южного округа — Краснодарский и Ставропольский края, на Урале — Свердловская область. В Сибири и на Дальнем Востоке регионов, способных удержать миграционный прирост, не осталось.

С сокращением размеров западного переноса многие восточные регионы, лежащие на пути дрейфа, потеряли возможность возмещать часть своих потерь в западные регионы за счет более восточных. Так, Амурская область, Бурятия стали чистыми донорами. Иркутская область компенсировала в 2001—2006 гг. примерно четверть потерь за счет миграции с востока, тогда как в 90-е гг. половину, немногим лучше положение Красноярска.

Ослабление западного дрейфа привело к тому, что даже Новосибирская область стала терять население во внутрисредской миграции. Не получила миграционного прироста и Свердловская область.

Продолжают терять население северные территории. После всплеска в 90-е гг. размеры потерь сократились примерно в 2 раза и стабилизировались на уровне 40—50 тыс. человек в год (рис. 6.14).

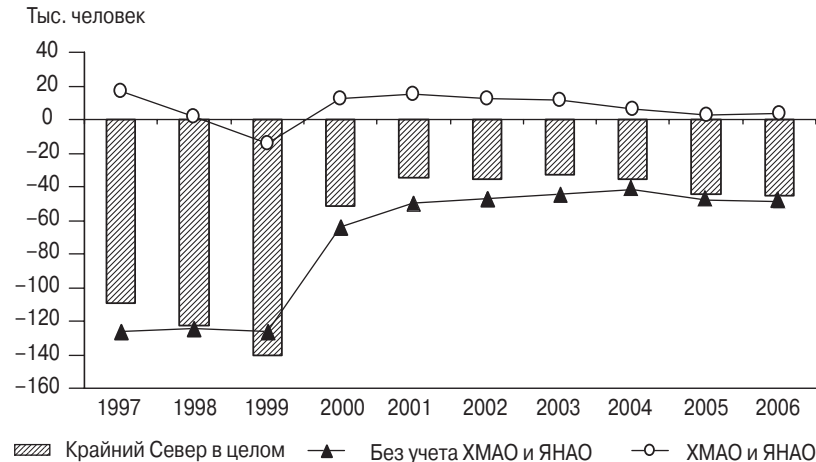

Рис. 6.14. Нетто-миграция по регионам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям

Наиболее существенно сократились миграционные потери регионов севера Дальнего Востока (Магаданской, Камчатской областей, Республики Саха, Чукотского АО), понесших в начале и середине 1990-х гг. наиболее серьезные потери в результате миграции.

При условии сохранения современных тенденций в перспективе ни один из округов, кроме Центрального, не будет иметь шансов получить миграционный прирост населения. Для Центрального округа характерен самый высокий уровень естественной убыли населения в рабочих возрастах. Только для компенсации естественных потерь этого населения округа необходимо более 6 млн мигрантов в период до 2025 г. При нынешних тенденциях для возмещения этих потерь потребуются мобилизация миграционного потенциала всей России. В таких условиях главными донорами Центрального округа рискуют остаться Сибирь и Дальний Восток.

6.7. Перспективные тенденции и сценарии миграции в будущем

Пытаясь оценить перспективы миграции в будущем, следует принимать во внимание не только прошлые миграционные тренды, но и тот факт, что миграции, в принципе, поддаются большему регулируемому воздействию со стороны государства, чем рождаемость и смертность. В то же время не

следует и переоценивать возможности миграционной политики, так как миграционное поведение людей зависит от многих факторов и не все они поддаются эффективному контролю со стороны государства.

Оценивая перспективные тенденции миграции и формулируя прогнозные гипотезы, мы исходим из предположений о поступательном росте экономики и стабильной социальной обстановке в стране в течение всего прогнозного периода. При этом необходимо учитывать сложный демографический фон, на котором будут протекать миграционные процессы в ближайшие два десятилетия, в частности неблагоприятную динамику естественного прироста трудоспособных континентов по России в целом и ее регионам. Особые трудности связаны с прогнозированием внешней миграции и взаимного влияния внутренней и внешней миграции при разных масштабах иммиграции в Россию.

6.7.1. Внутренние миграции

В течение 1990-х и в начале 2000-х гг. наблюдался непрерывный более чем двукратный спад внутренней мобильности населения России. Намечившаяся было в 2003 г. тенденция к восстановлению роста мобильности не получила развития в последующие годы. Возможно, это объясняется развитием новых форм мобильности, среди которых постепенное замещение миграции на постоянное место жительства временной трудовой миграцией, не получающей отражения в статистике (учет миграции не охватывает формы пространственной мобильности, которые не связаны со сменой регистрации по месту жительства).

Все же можно предположить, что по мере роста экономики и ее динамизма внутренняя миграционная мобильность населения России постепенно восстановится и к 2026 г. ее уровень приблизится к уровню 1989 г., с которого началось ее падение. Предполагается также, что незначительный (недостаточный) внешний приток в условиях сокращения трудовых ресурсов будет стимулировать миграционные потоки в направлении более дефицитных рынков труда.

Как уже отмечалось, к числу устойчивых тенденций территориального перераспределения населения России относятся:

- преобладание западного вектора движения;
- центростремительность миграций, магнитом которых является московская агломерация;
- продолжающееся переселение из сел в города.

Западный миграционный дрейф обозначился уже в 1960-е гг., причем колебания миграционного прироста населения восточных регионов обна-

руживали тесную связь с динамикой естественного прироста трудоспособных контингентов по стране в целом. Чем хуже была трудоресурсная ситуация в стране, тем интенсивнее миграционный отток из Сибири и с Дальнего Востока, и наоборот, высокий прирост трудоспособного населения создавал хорошие предпосылки для миграции на восток. После распада СССР западный перенос проявился особенно ярко, что подтвердила и последняя перепись населения.

Чрезвычайно высокие темпы естественной убыли трудоспособного населения в течение всего прогнозного периода заставляют предположить сохранение западного вектора и центростремительности миграционного движения. Это приведет к еще большему смещению населения в староосвоенные регионы России, особенно в Центральный федеральный округ, прежде всего в московскую агломерацию, которая обладает наиболее высоким в стране потенциалом роста и самой большой привлекательностью для населения.

Предстоящее 20-летие, вероятно, станет завершающим этапом экстенсивной урбанизации. Предполагается, что процесс перераспределения населения из села в город, заторможенный экономическим кризисом и напором вынужденной миграции в Россию в 90-е гг., вновь наберет силу и будет продолжаться в течение всего предстоящего 20-летия. Этому будет способствовать благоприятная конъюнктура трудоустройства в городах практически во всех регионах страны.

Различия в прогнозных сценариях внутренней миграции тесно связаны с различиями сценариев иммиграции, которые рассматриваются в следующем разделе.

Незначительные объемы иммиграции, близкие к нижней границе ее прогнозного коридора (*нижний сценарий*), приводят к усилению современных тенденций — западного дрейфа и центростремительных передвижений. При таком сценарии весь внутренний миграционный потенциал страны и большая часть внешней миграции ($2/3$) могут быть стянуты в Центральный федеральный округ, а миграционный прирост его населения может превысить миграционный прирост всей остальной России. Небольшой миграционный прирост прогнозируется только в Южном и Приволжском федеральных округах. При этом предполагается, что миграционный прирост населения Центрального федерального округа будет обеспечен примерно в равных пропорциях как внешней, так и внутренней миграцией. Прирост же населения в других округах возможен только за счет внешней миграции, так как при сохраняющемся огромном дефиците труда в Центре нереально рассчитывать на ослабление центростремительных тенденций. С московским «насосом» не сможет конкурировать даже Южный федеральный округ, ко-

торый тоже рискует превратиться в отдающий, к чему он уже приблизился в последние годы.

Поскольку вследствие естественной убыли население всех округов сокращается, данный сценарий может быть оценен как катастрофический для страны. Его пагубные последствия со всей очевидностью проявятся уже к 2015 г.

При таком сценарии, в частности, невозможен существенный рост городов на большей части территории страны. Города Северо-Запада, Юга, Приволжья и Урала, вероятно, получат некоторый миграционный прирост, но столь незначительный, что в условиях естественной убыли населения он не сможет предотвратить их стагнацию или даже упадок. Лишь Центральный федеральный округ, а, по сути, только московская агломерация, имеет шанс привлечь в города количество мигрантов, способное покрыть или даже перекрыть естественную убыль населения.

Нижний сценарий неминуемо ведет к оттоку населения из городов Сибири и Дальнего Востока, а также европейского Севера. Но нельзя исключить и миграционный отток из городов республик Южного федерального округа, где сохраняется естественный прирост молодежи.

Неизбежно и ускоренное вымывание сельского населения. Село России за 20 лет может потерять в миграции около 70% молодежи в возрасте 14—29 лет — что-то вроде повторения ситуации 1960-х гг., но в ускоренном варианте.

Значительный рост иммиграции (*верхний сценарий*), обеспечивающий не только стабилизацию численности населения России, но и существенное восполнение трудового потенциала страны, серьезным образом повлияет и на внутренние миграционные потоки. При таком сценарии на Центральный федеральный округ все равно придется более половины миграционного прироста России, но немалую подпитку могут получить и остальные федеральные округа, в том числе после 2015 г. Сибирь и Дальний Восток, хотя полностью предотвратить западный перенос населения во внутренней миграции не удастся и в этом случае.

Верхний сценарий внешней миграции позволяет предположить небольшой миграционный прирост сельского населения (начиная с середины следующего десятилетия) за счет превышения внешнего притока над потерями во внутренней миграции. Отток сельского населения в города неизбежен в любом случае, поскольку процесс урбанизации в стране не завершен. Но высокие объемы иммиграции позволяют предотвратить обвальное сокращение населения в сельской местности в большинстве регионов, в том числе и в староосвоенной части страны. Основной миграционный приток получают го-

рода, наибольший — крупные и крупнейшие. Будут прирастать мигрантами и пригородные зоны, особенно вблизи городских агломераций.

6.7.2. Внешние миграции

В последние полтора десятилетия внешняя миграция превратилась в очень важный фактор демографической динамики России. С момента появления естественной убыли населения в 1992 г. до начала 2007 г. зарегистрированный миграционный прирост, составивший 5,5 млн человек, возместил почти половину (47%) естественной убыли населения. Если бы миграционного прироста не было, население России сократилось бы за это время не на 6,3, а на 11,8 млн человек.

Особенность демографической ситуации прогнозного периода состоит в том, что миграция будет не только главным фактором, за счет которого могут быть снижены темпы сокращения общей численности населения, но и единственным источником восполнения естественной убыли трудоспособного населения. Огромные масштабы этой убыли, длительность периода, в течение которого она будет наблюдаться, создают объективные предпосылки для быстрого роста иммиграции.

Нельзя, однако, не считаться с тем, что существуют политические и другие факторы, которые противодействуют росту иммиграции, а ее реальные масштабы, насколько о них можно судить по данным текущего статистического учета, долгое время сокращались (рис. 6.3). Учет этой тенденции и связанных с нею политических соображений дает основания для определения *нижней границы* вилки прогнозного сценария внешней миграции.

В качестве ориентира для проведения такой границы можно принять экстраполированный на будущее сложившийся тренд внешней миграции, имеющий общую нисходящую направленность с середины 1990-х гг. Несмотря на некоторый рост числа прибывших в Россию из других стран в 2005—2006 гг., это число по-прежнему характеризует очень низкий уровень внешней миграции. Увеличение миграционного прироста (с 93 тыс. в 2003 г. до 154 тыс. в 2006 г.) определялось в значительной мере сокращением числа выбытий, но к настоящему времени этот резерв следует считать практически исчерпанным. В случае увеличения чисел прибывших неизбежен и некоторый рост выбытий, но более медленный по сравнению с прибытиями.

Достаточно жестким фактором, препятствующим сокращению миграционного прироста ниже инерционного тренда, будет быстро нарастающая напряженность на рынке труда, поэтому вероятность дальнейшего сокращения чисел прибывших не слишком велика, скорее вероятен их рост. Поэтому даже наш нижний сценарий предполагает некоторое увеличение числа при-

бывающих в страну извне, хотя и очень медленное и в общем незначительное — со 196 тыс. человек в 2005 г. до 280 тыс. в 2015 и 340 тыс. в 2025 г.

Разумеется, нельзя полностью исключить и вероятности некоторого роста эмиграции из России, прежде всего в страны Евросоюза при принятии правительствами этих стран ряда преференций для иммигрантов и временных трудовых мигрантов из стран Восточной Европы (в том числе и России). Но все же масштабы выезда из России, которые не были особенно большими даже в период миграционного всплеска начала 1990-х гг., также будут сдерживаться повышенным спросом на рынке труда и едва ли будут сопоставимы с масштабами въезда. Наши сценарии исключают существенный рост выбытий из России, превышающий на обозримую перспективу 275 тыс. человек в год, даже при многократно возрастающих масштабах прибытий.

В результате разноскоростной динамики въезда и выезда миграционный прирост при заданных параметрах движения может удвоиться — со 126 тыс. до 240 тыс. человек. Нижний вариант обеспечивает возмещение естественной убыли как всего населения, так и населения в трудоспособном возрасте не более чем на 15%. Поэтому он может рассматриваться как пессимистический прогноз-предостережение. Долговременный экономический рост при миграции, близкой к нижней границе прогнозного сценария, практически невозможен.

Ориентиром для проведения *верхней границы* вилки прогнозного сценария внешней миграции служит установка на возмещение естественной убыли населения с целью, как минимум, стабилизации численности населения России к 2025 г. Эта установка содержится в официальной Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г., в которой сформулирована цель: стабилизировать численность населения к 2015 г. и обеспечить постепенное увеличение численности населения (в том числе за счет замещающей миграции) до 145 млн человек к 2025 г.

При таком подходе масштабы миграционного прироста задаются размером естественной убыли населения: чем больше убыль, тем большим должен быть и компенсирующий миграционный прирост, и наоборот. Соответственно наибольший миграционный прирост потребует при реализации пессимистических сценариев рождаемости и смертности, сочетание которых дает наибольшую естественную убыль населения. Такой максимальный уровень и можно считать верхней границей вилки прогнозных сценариев миграционного прироста.

Следует, однако, иметь в виду, что задаваемая таким образом верхняя граница может оказаться недостижимо высокой. В предыдущих ежегодных докладах, выполнявшихся ранее в Центре демографии и экологии человека (ЦДЭЧ) ИМП РАН (но в основном тем же авторским коллективом, что и

настоящий доклад), неоднократно указывалось на то, что большие объемы иммиграции порождают множество трудноразрешимых экономических и даже социально-политических проблем. «Существуют пределы миграционной емкости любой страны, связанные с ограниченными возможностями социальной адаптации в странах приема иммигрантов, являющихся носителями других культурных традиций, стереотипов и т.д. До тех пор, пока количество таких иммигрантов невелико, они достаточно быстро ассимилируются местной культурной средой, растворяются в ней и серьезных проблем межкультурного взаимодействия не возникает. Когда же абсолютное и относительное число иммигрантов становится значительным, а главное, быстро увеличивается и они образуют в странах прибытия более или менее компактные социокультурные анклавы, ассимиляционные процессы замедляются и возникают межкультурные напряжения, усиливающиеся объективно существующим экономическим и социальным неравенством “местного” и “пришлого” населения... Сказанное в полной мере относится и к России: как и другие пережившие демографический переход страны, она тоже нуждается в мигрантах, тоже испытывает миграционный напор извне и тоже не может не ощущать объективных границ своей миграционной емкости. Как и везде, они связаны с положением на рынке труда и, в особенности, с “пропускной способностью” адаптационных и ассимиляционных механизмов и скоростью адаптации, социальной и культурной интеграции иммигрантов»⁶.

С учетом всех этих соображений прогнозные гипотезы внешней миграции были разработаны в двух вариантах — нормативном и аналитическом.

Логика аналитического прогноза предполагает независимое формулирование миграционных гипотез с учетом объективных пределов, вытекающих из неготовности страны принимать слишком большое количество постоянных иммигрантов, ограниченности миграционных ресурсов в зоне наиболее благоприятного миграционного взаимодействия (страны СНГ) и других сдерживающих факторов. Разумеется, хотя речь идет об объективных пределах, в их определении много субъективного, основанного на экспертных оценках, но методологии более строгого учета подобных ограничений сейчас не существует.

Именно исходя из экспертных оценок для верхнего сценария аналитического прогноза были приняты «щадающие» миграционные гипотезы, предусматривающие лишь частичную компенсацию естественной убыли населения миграционным приростом. В этом заключается его главное отличие от

⁶ Население России 2002: Десятый ежегодный демографический доклад / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: КДУ, 2004. С. 209—210.

нормативного варианта, в котором (как в свое время в «стабилизационном» варианте прогноза ЦДЭЧ ИМП РАН) миграционные гипотезы не формулируются заранее, а параметры миграционного прироста определяются в ходе расчетов как величина добавки, необходимой для достижения заранее поставленной цели (в данном случае определенной официальной концепцией демографической политики).

Даже и «щадающий» верхний сценарий предполагает быстрый рост числа прибывающих из-за рубежа — увеличение миграционного прироста до 350 тыс. человек уже к 2010 г. и почти до 1 млн к 2020 г., с уменьшением до 800 тыс. человек к 2025 г. В пиковом 2020 г. верхний вариант предполагает увеличение числа прибывших и миграционного прироста по сравнению с 2005 г. в 7,5 и 8 раз соответственно. Естественно, это вероятно только при активной иммиграционной политике. После 2025 г. возможно новое увеличение миграционного прироста.

Общие параметры внешней миграции по нижнему и верхнему сценариям аналитического прогноза приведены в табл. 6.7 и на рис. 6.15 и 6.16. Во всех случаях по этому варианту прогнозируется положительный миграционный прирост населения страны. Его размеры различаются в 2025 г. в 3,2 раза, составляя 250 тыс. человек по нижнему и 800 тыс. по верхнему сценарию прогноза.

Несмотря на то что верхний сценарий аналитического прогноза предусматривает весьма значительный миграционный прирост населения России, он не позволяет устранить дефицит труда в стране и не обеспечивает стабилизацию численности ее населения, стабилизация может быть достигнута только в рамках нормативного варианта прогноза. Но в этом случае потребуются значительно большие размеры стационарного миграционного притока, с нашей точки зрения, едва ли возможные.

Даже если считать, что сейчас официальные данные сильно занижают масштабы притока населения в страну и имеется еще значительное число нелегальных и нерегистрируемых иммигрантов, общие размеры нетто-миграции едва ли достигают даже половины ее желательного с точки зрения поддержания стабильной численности населения России объема. На фоне нынешних показателей задача уже в ближайшие годы поддерживать чистую миграцию в Россию на уровне 500—600 тыс., а в последующем — до миллиона человек в год и более кажется практически нереальной.

Но даже и такие объемы миграции, если бы их удалось достигнуть, не позволили бы полностью обеспечить замещение убыли населения в трудоспособном возрасте. Масштабы миграции, необходимые для полного замещения естественной убыли трудоспособного населения, слишком велики и вызывают еще большее сомнение в возможности их достижения.

Таблица 6.7. Ежегодные числа прибывших, выбывших и миграционный прирост по нижнему и верхнему вариантам прогноза до 2050 г., тыс. человек

Год	Нижний вариант			Верхний вариант		
	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост	Число прибывших	Число выбывших	Миграционный прирост
2005 (факт)	196	70	126	196	70	126
2010	235	75	160	525	175	350
2015	270	80	190	1050	350	700
2020	310	90	220	1500	500	1000
2025	350	100	250	1200	400	800
2030	350	100	250	1200	400	800
2035	425	125	300	1500	500	1000
2040	425	125	300	1500	500	1000
2045	550	150	400	2000	700	1300
2050	550	150	400	2000	700	1300

Поэтому, как уже отмечалось, более реальным представляется покрытие части потребностей рынка труда в дополнительной рабочей силе за счет временной трудовой миграцией, как это практикуется в развитых странах. Но и эта задача не относится к числу простых. Миграционный потенциал стран СНГ при таких масштабах движения в Россию будет быстро исчерпан. Потребуется привлекать рабочую силу из Китая и других стран, что чревато дополнительными трудностями адаптации мигрантов к условиям жизни и работы в России, ростом мигрантофобии и другими нежелательными последствиями.

Тем не менее увеличение притока иммигрантов, может быть, и не столь большое, но все же значительное представляется более вероятным, чем резкий рост рождаемости, что и побуждает рассматривать миграционный приток как важнейший компонент «подпитки» населения России в будущем. Но чтобы это произошло, надо сломать существующую инерцию сокраще-

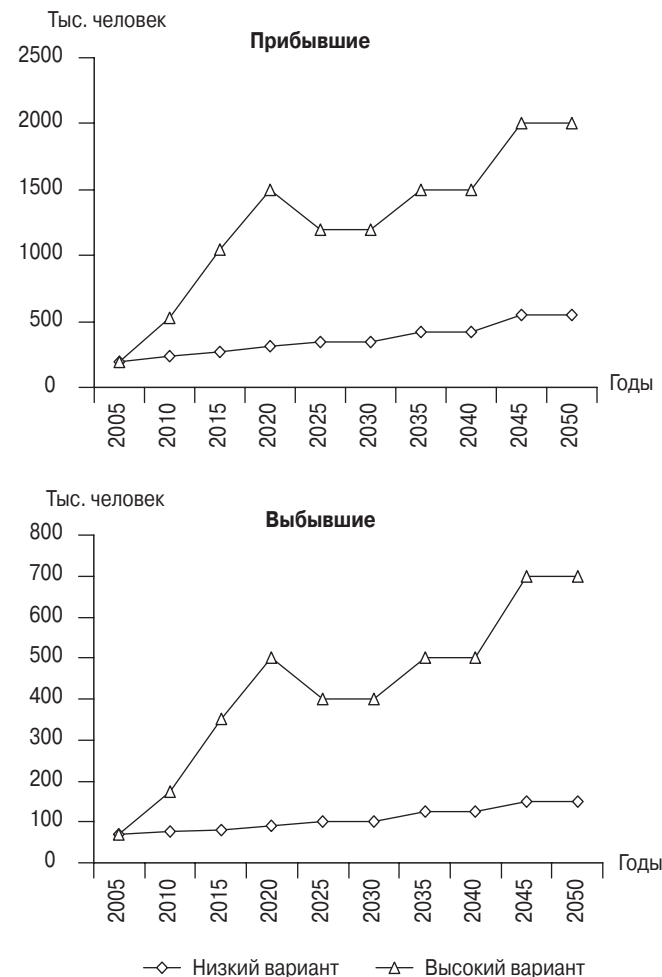

Рис. 6.15. Изменение ежегодных чисел прибывших и выбывших в международных миграциях в 2005—2050 гг. в соответствии с верхним и нижним прогнозными сценариями

ния иммиграции и придать миграционному притоку значение целевого параметра. Пока же в Концепции демографической политики упор делается на привлечение соотечественников, однако потенциал этой миграции при самых благоприятных сценариях невелик.

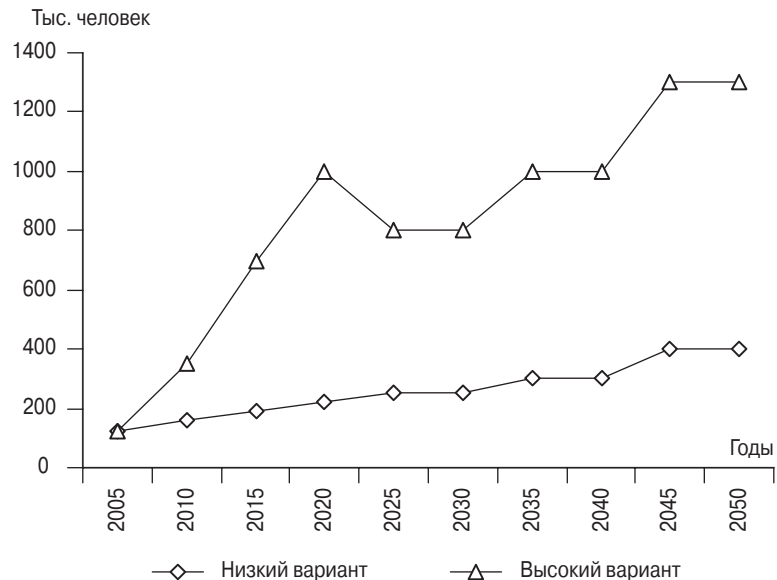

Рис. 6.16. Изменение ежегодного миграционного прироста населения России в 2005—2050 гг. в соответствии с верхним и нижним прогнозными сценариями

7. Демографические перспективы России до 2050 г.

7.1. Прогнозные гипотезы

В отличие от демографических прогнозов Росстата, направленных на то, чтобы как можно точнее предсказать действительное развитие событий, аналитический прогноз Института демографии ГУ ВШЭ, как и более ранние аналитические прогнозы Центра демографии и экологии человека ИИП РАН, имеет целью исследовать весь спектр возможных траекторий развития при различных более или менее реалистических предположениях относительно будущей динамики основных демографических процессов — рождаемости, смертности и миграции.

Предлагаемый ниже прогноз — вероятностный (стохастический). Если обычные прогнозы (Росстата, ООН и т.п.) задают некоторые дискретные значения сценарных переменных, то при разработке вероятностного прогноза определяются лишь верхняя и нижняя границы некоторой области непрерывных значений соответствующих переменных (характеризующих возможные уровни рождаемости, смертности и миграции). Получаемый прогноз — это объединенный результат серии стохастических имитаций возможных комбинаций сценарных переменных (рождаемости, смертности и миграции).

Таким образом преодолевается субъективизм при объединении различных, жестко зависящих друг от друга сценариев изменений каждой переменной, нередко толкающий прогнозиста к принятию волюнтаристских решений. Например, оптимистический вариант традиционного прогноза для России обычно предполагает одновременно и повышение рождаемости, и снижение смертности. Однако мировой опыт показывает, что на практике снижение смертности очень часто не сопровождается ростом рождаемости, скорее напротив, в странах с низкой смертностью рождаемость либо снижается, либо в лучшем случае остается неизменной, но очень низкой. Между тем такое сочетание тенденций в рамках стандартных прогнозов обычно не предполагается.

Вероятностный прогноз позволяет избежать такого произвола и рассмотреть все возможные сочетания сценарных переменных. Результаты прогноза указывают не на одну-единственную траекторию развития, а на «пучок» траекторий, каждая из которых может реализоваться с большей или меньшей вероятностью. Все вместе они покрывают область значений, за пределы которой с высокой вероятностью (в нашем прогнозе — с вероятностью 0,95) не выйдут будущие параметры воспроизводства населения России.

В основу предлагаемого прогноза изменений численности и половозрастной структуры населения России до 2050 г. положены гипотезы будущей эволюции основных формирующих население демографических процессов — рождаемости, смертности и миграции, представленные в соответствующих разделах доклада.

При формулировании этих гипотез были определены верхняя и нижняя границы области непрерывных значений существенных переменных, характеризующих каждый из этих процессов и «свернутых» в параметры коэффициента суммарной рождаемости, среднего возраста матери, ожидаемой продолжительности жизни, младенческой смертности, суммарных чисел прибывших и выбывших.

Гипотезы предыдущего долгосрочного прогноза разрабатывались более пяти лет назад¹. Уточнение исходных данных после переписи населения 2002 г., появление новых тенденций динамики главных демографических процессов, а также переосмысление некоторых подходов к их прогнозированию предопределили и пересмотр основных прогнозных гипотез.

В частности, позитивные тенденции последних лет позволили отказаться от наиболее пессимистических ожиданий предыдущего прогноза рождаемости и существенно повысить нижнюю границу возможных изменений коэффициента суммарной рождаемости (рис. 7.1). Одновременно несколько более сдержанными стали и оптимистические ожидания, они не предполагают повышение этого коэффициента выше двух детей на женщину.

Уточнения прогноза ожидаемой продолжительности жизни не имеют принципиального характера, в целом они стали несколько более пессимистичными в том смысле, что и у мужчин, и у женщин опустилась верхняя граница предполагаемых изменений, а у мужчин опустилась также и нижняя граница (рис. 7.2).

Особенно значительные изменения претерпели гипотезы миграции. По сравнению с предыдущим прогнозом они предполагают существенное повышение международной миграционной мобильности, что скажется на заметном росте числа выезжающих из страны, но главным образом приведет к росту числа въезжающих в Россию (рис. 7.3).

Рассмотренные выше прогнозные гипотезы позволили очертить границы областей, в которых с достаточно высокой вероятностью могут изменяться избранные характеристики рождаемости, смертности и миграции. Следующий шаг заключается в объединении этих определенных независимо друг от

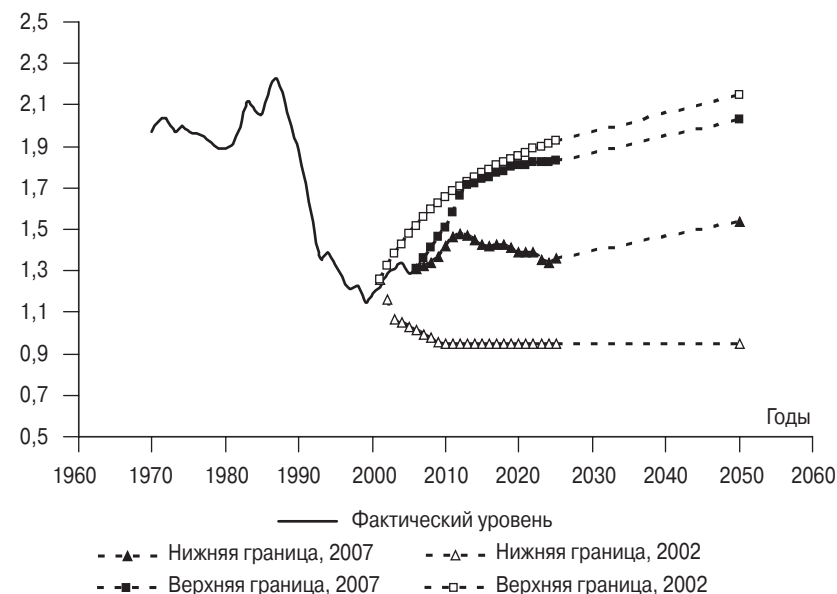

Рис. 7.1. Сравнение прогнозных гипотез изменений коэффициента суммарной рождаемости, прогнозы 2002 и 2007 гг.

друга множеств характеристик трех различных процессов. Эта задача решается с помощью процедуры стохастической имитации. Каждая такая имитация — это независимый прогноз для комбинации сценарных переменных, возникающей в случайном порядке при условии нормального распределения вероятностей появления любого из сценариев их изменений.

Большое число стохастических имитаций (10 000) позволило с достаточной надежностью оценить вероятность появления тех или иных комбинаций исходных параметров, находящихся в определенной прогнозными гипотезами области допустимых значений, а также соответствующих этим параметрам выходных характеристик численности и структуры населения на каждый год прогнозного периода.

¹ См.: Население России 2002: Десятый ежегодный демографический доклад. М., 2004. С. 175—180.

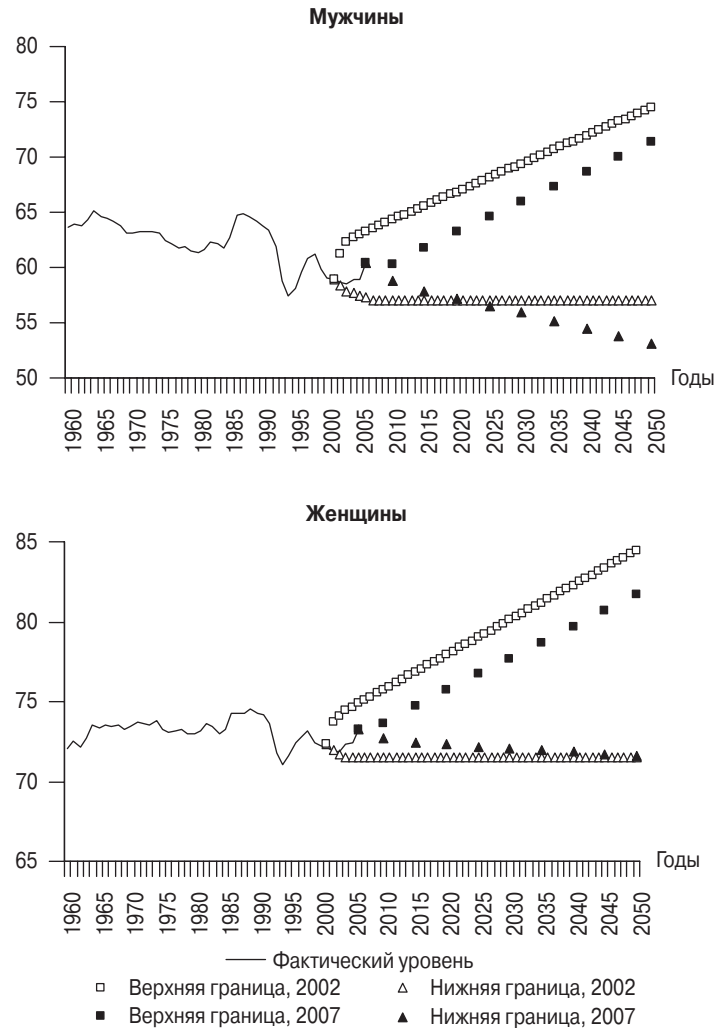

Рис. 7.2. Сравнение прогнозных гипотез изменений ожидаемой продолжительности жизни, прогнозы 2002 и 2007 гг.

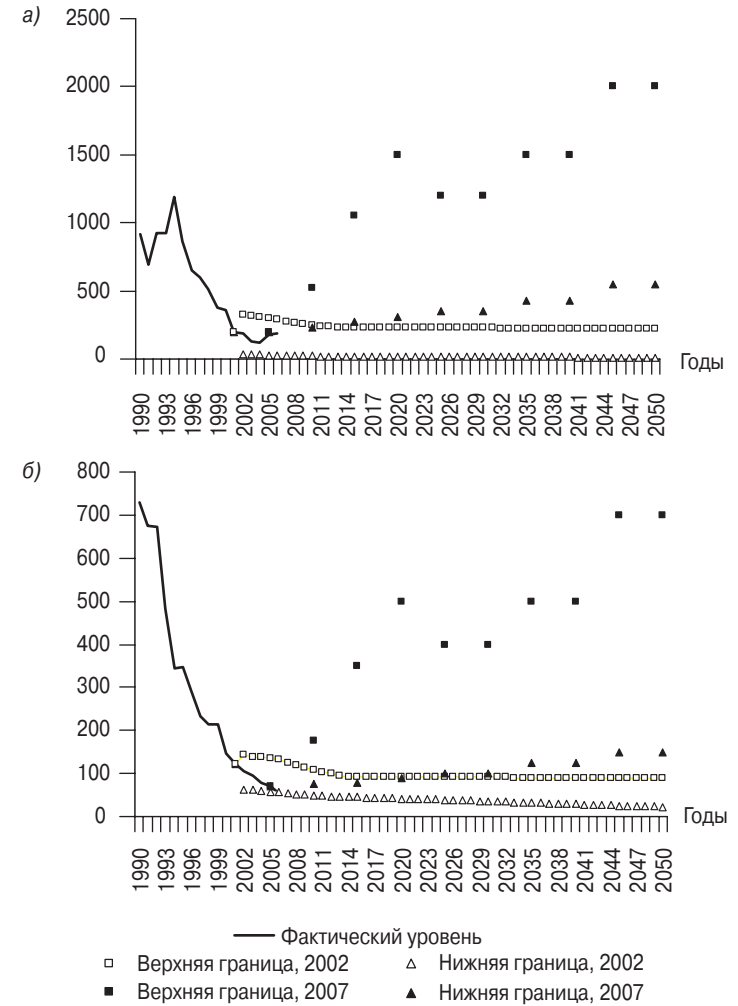

Рис. 7.3. Сравнение прогнозных гипотез изменений чисел прибывающих в Россию (а) и выбывающих из нее (б), прогнозы 2002 и 2007 гг.

7.2. Две серии прогнозных расчетов

С учетом принятых гипотез и высказанных при их обсуждении соображений было выполнено две серии прогнозных расчетов.

В первой серии предполагалось полное отсутствие миграции (нулевая миграция). Этот нереалистичный вариант прогноза понадобился для того, чтобы оценить возможный вклад в динамику численности и структуры населения только его естественного прироста.

Вторая серия расчетов учитывала также и миграцию. После проведения этой серии имитаций из общего числа полученных результатов были отобраны те, которые соответствовали наметкам официальной Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., т.е. позволяли достичь численности населения к 2015 г. порядка 142–143 млн человек и к 2025 г. — 145 млн. Этим условиям отвечали немногим более 10% полученных комбинаций — 1013 из 10 000. Все они были объединены в отдельную подвыборку, которая и рассматривается ниже как «нормативный» вариант прогноза.

С учетом этого подварианта мы имеем три варианта стохастического прогноза:

- 1) вариант с нулевой миграцией;
- 2) нормативный вариант, ограниченный параметрами официальной концепции демографической политики;
- 3) аналитический вариант, не имеющий таких ограничений, хотя и включающий в себя «нормативные» изменения рождаемости и смертности как частный случай.

Основным является аналитический вариант прогноза, результаты которого рассматриваются более подробно, но в необходимых случаях привлекаются и результаты двух других вариантов.

Для облегчения восприятия результатов прогноза приводимый ниже анализ будет сосредоточен в основном на рассмотрении медианных значений прогнозных переменных. Но следует иметь в виду, что медианные значения — лишь одна из характеристик распределения этих переменных, соответствующая 50%-й вероятности их появления. Одновременно с ними прогноз указывает «вилку» значений, в которой могут оказаться эти значения с 60%-й и 95%-й вероятностью. В необходимых случаях рассматривается и вся эта «вилка».

7.3. Основные результаты прогноза

7.3.1. Динамика численности населения

Аналитический вероятностный прогноз позволяет определить область изменений численности населения России до 2050 г., в которую при сделанных выше допущениях в отношении рождаемости, смертности и миграции с 95%-й вероятностью укладываются все возможные траектории динамики этого показателя (рис. 7.4). Прогноз указывает на то, что хотя нельзя исключать и роста населения примерно после 2010 г., такое развитие событий менее вероятно, чем дальнейшее сокращение.

Анализ двух других вариантов прогноза, играющих вспомогательную роль, позволяет лучше понять смысл аналитического варианта.

Как следует из рис. 7.5 и табл. 7.1, при варианте с нулевой миграцией преодолеть быстрое сокращение населения России, обусловленное естественной убылью населения, в обозримом периоде невозможно при самых оптимистических гипотезах изменений рождаемости и смертности. Даже если рассматривать не только медианные значения, представленные на рис. 7.5,

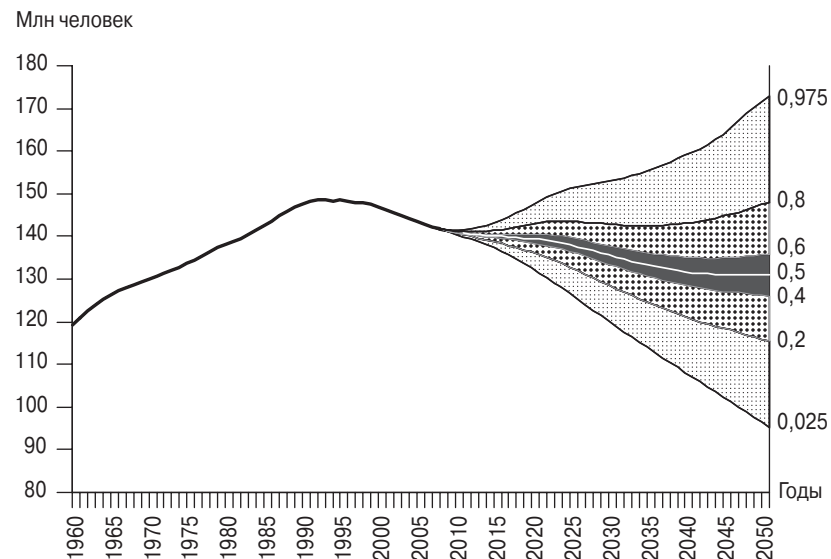

Рис. 7.4. Фактическое население России и возможные изменения его численности до 2050 г. согласно аналитическому вероятностному прогнозу

Рис. 7.5. Фактическое население России и возможные изменения его численности до 2050 г. по трем вариантам прогноза (медианные значения вероятностного прогноза)

а весь спектр полученных результатов, включая и самые маловероятные, численность населения России в 2025 г. не может превысить 136 млн человек, в 2050 г. — 128 млн (см. табл. 7.1).

Медианные значения аналитического прогноза также указывают на предстоящее сокращение населения страны, хотя и существенно более медленное. Но все же этот вариант прогноза не исключает появления, пусть и с не очень большой вероятностью, благоприятных сочетаний возможной динамики трех демографических процессов — рождаемости, смертности и миграции, при которых население России может расти.

Наконец, нормативный прогноз заведомо исходит из недопущения сокращения численности населения страны к 2025 г. и низкой вероятности такого сокращения к 2050 г.

На рис. 7.6 представлено сравнение медианных значений прогноза ИДЕМ со средними вариантами недавних прогнозов Росстата (до 2025 г.) и ООН (до 2050 г.).

Таблица 7.1. Численность населения России в 2025 и 2050 гг. по трем вариантам вероятностного прогноза, млн человек

	Варианты прогноза		
	С нулевой миграцией	Нормативный	Аналитический
2006 г. (исходный год)	142,8	142,8	142,8
2025 г.			
Медиана			
Доверительный интервал:			
60%-й	130,0—131,4	147,1—151,8	132,8—143,6
95%-й	125,2—136,0	145,6—157,2	126,5—151,2
2050 г.			
Медиана			
Доверительный интервал:			
60%-й	100,2—116,3	145,0—171,2	116,0—147,4
95%-й	89,6—127,7	126,8—191,9	96,5—171,6

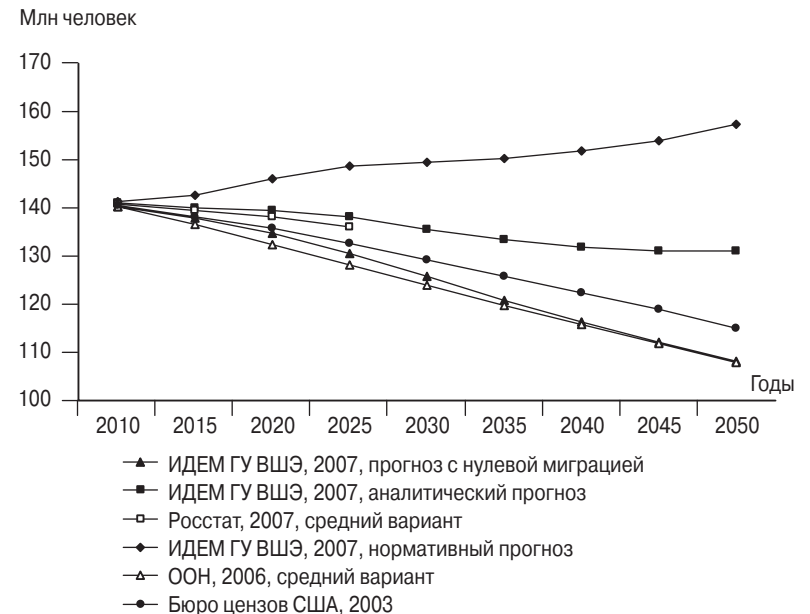

Рис. 7.6. Численность населения России по различным прогнозам: ИДЕМ ГУ ВШЭ (медианные значения вероятностного прогноза), Росстата и ООН

Нетрудно видеть, что прогноз ООН практически совпадает с нашим прогнозом при условии нулевой миграции, тогда как прогноз Росстата близок к нашему аналитическому прогнозу.

7.3.2. Роль миграционного прироста

Зависимость будущей численности населения России от миграции очевидна, и выполненные нами прогнозные расчеты позволяют оценить, насколько различные траектории динамики численности населения России зависят от масштабов миграционных потоков и вклада миграционного прироста (рис. 7.7).

Как отмечалось в разд. 6.7, аналитический прогноз ИДЕМ исходит из более «щадящих» миграционных гипотез, нежели нормативный прогноз, предполагающий полную компенсацию естественной убыли населения. Различие этих двух типов сценариев видно из сопоставления медианных значений соответствующих прогнозов (рис. 7.8).

Как видим, реализация нормативного варианта прогноза требует значительно больших объемов миграции, чем предполагает аналитический вариант, в терминах медианных значений в 1,6–1,8 раза больше за периоды, выделенные в табл. 7.2. Различия весьма велики, даже если ограничиться

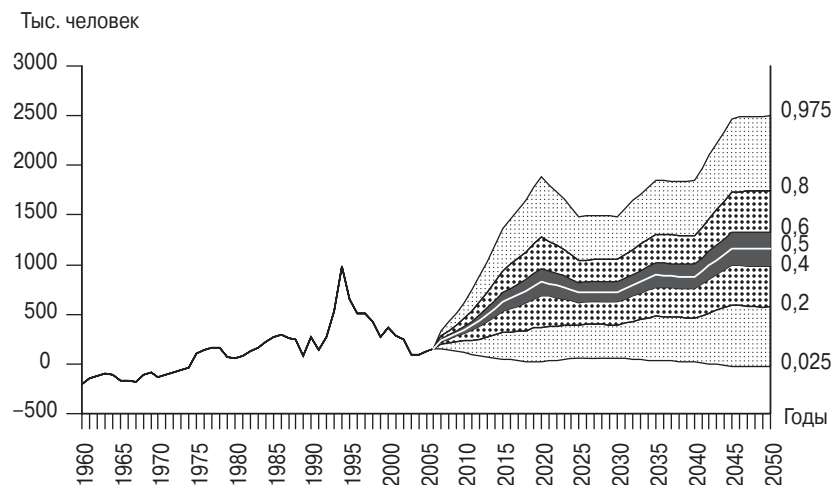

Рис. 7.7. Миграционный прирост населения России: фактический до 2006 г. и по аналитическому прогнозу ИДЕМ ГУ ВШЭ при разных доверительных вероятностях

Рис. 7.8. Среднегодовой миграционный прирост населения России до 2050 г. по аналитическому и нормативному прогнозам ИДЕМ, медианные значения

Таблица 7.2. Миграционный прирост населения России за 10, 20 и 45 лет по аналитическому и нормативному вариантам прогноза ИДЕМ, млн человек

	Медиана	Доверительный интервал	
		60%-й	95%-й
2006–2015 гг.			
Аналитический прогноз	3,8	2,4–5,3	1,1–7,2
Нормативный прогноз	6,4	5,6–7,3	4,6–8,7
2006–2025 гг.			
Аналитический прогноз	11,3	6,0–16,7	1,4–23,8
Нормативный прогноз	20,6	17,4–23,9	13,0–29,1
2006–2050 гг.			
Аналитический прогноз	34,5	18,4–50,9	1,9–72,6
Нормативный прогноз	56,4	39,7–69,5	16,8–86,4

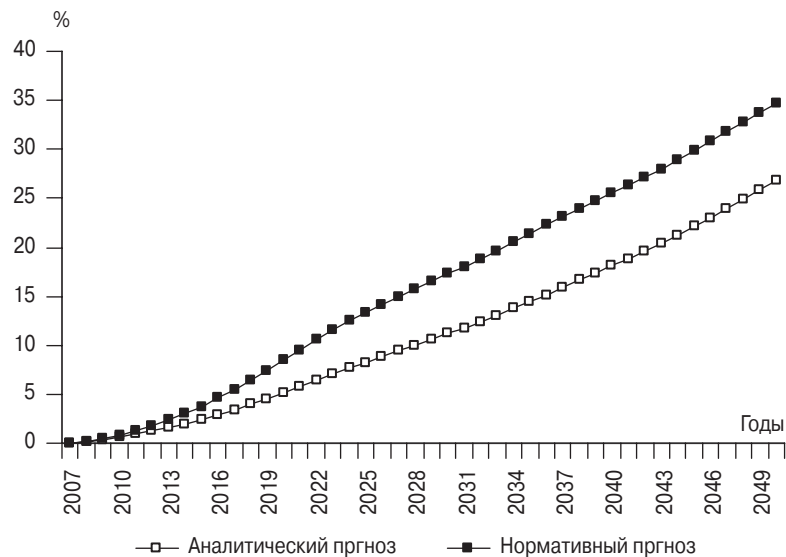

Рис. 7.9. Доля мигрантов и их потомков в населении России по аналитическому и нормативному вариантам вероятностного прогноза, медианное значение

только периодом до 2025 г. (период действия Концепции демографической политики).

Если аналитический прогноз предполагает величину миграционного прироста за 2006—2015 гг. 3,8 млн человек, то, чтобы достичь нормативных целей, требуется 6,4 млн, причем даже при условии самых благоприятных, хотя и менее вероятных тенденций эта величина не может опуститься ниже 4,6 млн. Для периода 2006—2025 гг. соответственно 11,3 млн человек по аналитическому прогнозу против 20,6 млн по нормативному (в обоих случаях — медианные значения), причем по нормативному прогнозу даже при самых благоприятных условиях она не может опуститься ниже 13 млн.

Использование миграционного механизма для преодоления или хотя бы замедления сокращения численности населения России неминуемо поведет к изменению состава ее населения, в котором будет нарастать доля мигрантов и их потомков. К середине века они могут превысить четверть, а то и треть всего населения страны (рис. 7.9). Если же продвинуться еще на 50 лет и посмотреть, что будет в 2100 г., то нынешнее население России и его потомки превращаются в меньшинство, т.е. по сути это будет другое, новое население страны.

7.3.3. Изменения возрастной структуры

Как и следовало ожидать, все варианты прогноза предсказывают дальнейшее постарение населения. Достаточно наглядное представление об этом процессе дает рис. 7.10, на котором представлены медианные значения аналитического прогноза.

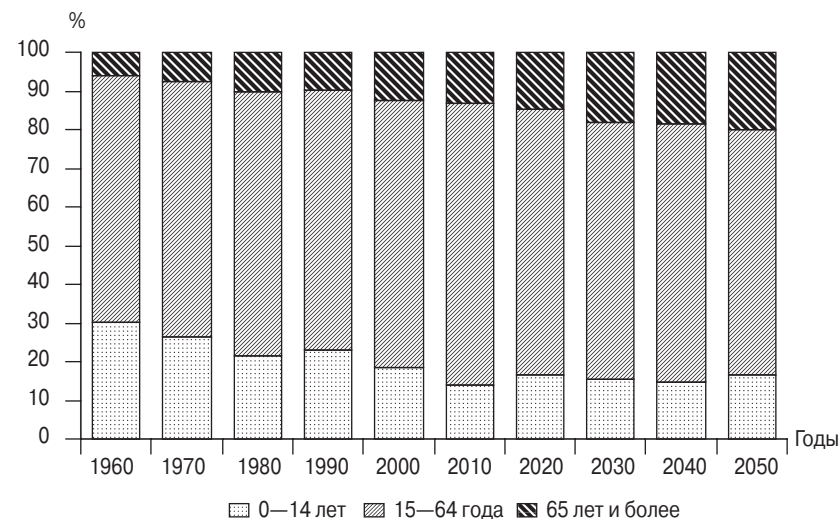

Рис. 7.10. Соотношение трех крупных возрастных групп населения: до 2010 г. — фактическое, с 2010 г. — медианные значения аналитического прогноза

Постарение служит основным фоном изменений возрастной структуры, которые из-за особенностей деформированной российской возрастной пирамиды имеют волнообразный характер и, следовательно, связаны не только с естественным на современном этапе демографического развития процессом старения.

Аналитический прогноз позволяет более подробно рассмотреть возможные изменения численности важнейших возрастных групп населения.

7.3.4. Население в рабочем возрасте

В соответствии с принятыми в России критериями к рабочим (трудоспособным) возрастам принято относить мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до

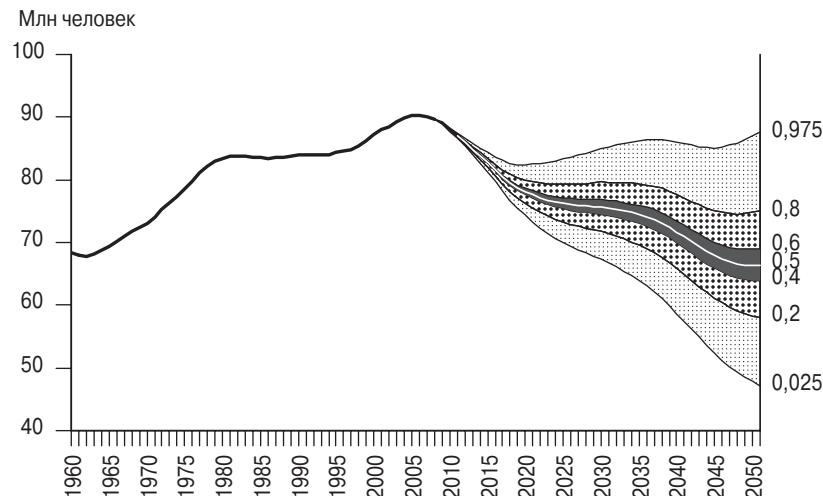

Рис. 7.11. Численность населения в трудоспособном возрасте: до 2007 г. — фактическая, с 2007 г. — согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях

55 лет. Как следует из рис. 7.11, на протяжении последних 5—6 десятилетий численность населения в этих возрастах, несмотря на некоторые колебания, в целом росла. Однако период этого роста в 2006 г. закончился, к концу года численность населения рабочих возрастов впервые за длительное время была ниже, чем в конце предыдущего (90 152 тыс. против 90 328 тыс.), и это ознаменовало начало резкого и долговременного снижения.

Если судить по медианным значениям прогноза, то в ближайшие 10 лет население в рабочем возрасте сократится почти на 10 млн человек, к 2025 г. — почти на 14 млн, а к 2050 г., несмотря на некоторое замедление сокращения примерно между 2015 и 2035 гг., — почти на 24 млн человек (табл. 7.3). В таблице приведена «вилка» возможных значений прогнозируемого показателя при разных доверительных вероятностях. Из нее следует, что указанное сокращение, пусть и не со столь высокой вероятностью, может оказаться и меньшим, и большим по сравнению с его медианным значением. Но даже и наименьшие значения убыли на период до 2025 г. в аналитическом прогнозе очень велики (порядка 7 млн человек), а в прогнозе с нулевой миграцией они еще больше. При этом приходится считаться и с тем, что отклонения от медианных значений убыли населения в рабочих возрастах с равной вероятностью могут быть не только в меньшую, но и в большую сторону.

Таблица 7.3. Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте до 2017 и 2025 гг. по аналитическому прогнозу и прогнозу с нулевой миграцией, млн человек

	Медиана	Доверительный интервал	
		60%-й	95%-й
2007—2017 гг.			
Аналитический прогноз	9,7	8,5—10,7	7,0—11,9
Прогноз с нулевой миграцией	11,5	11,3—11,7	11,1—12,0
2007—2025 гг.			
Аналитический прогноз	13,9	10,9—16,9	6,8—20,1
Прогноз с нулевой миграцией	18,4	17,7—19,0	16,9—20,1
2007—2050 гг.			
Аналитический прогноз	23,8	15,3—31,8	3,2—42,3
Прогноз с нулевой миграцией	37,1	34,0—40,5	29,8—45,3

В заключение сравним размеры убыли населения в трудоспособном возрасте за 2008—2025 гг. по нашему аналитическому прогнозу и прогнозу Росстата² (рис. 7.12).

Различия, как видим, не особенно значительные: Росстат прогнозирует несколько большую убыль — 14,9 млн человек (в терминах среднегодовой численности населения трудоспособного возраста) за весь период с 2008 по 2025 г. против 13,7 млн по прогнозу ИДЕМ. Если же представить себе развитие в условиях нулевой миграции, то убыль составила бы 18,3 млн человек.

² Демографический ежегодник России 2007. М., 2007. С. 531.

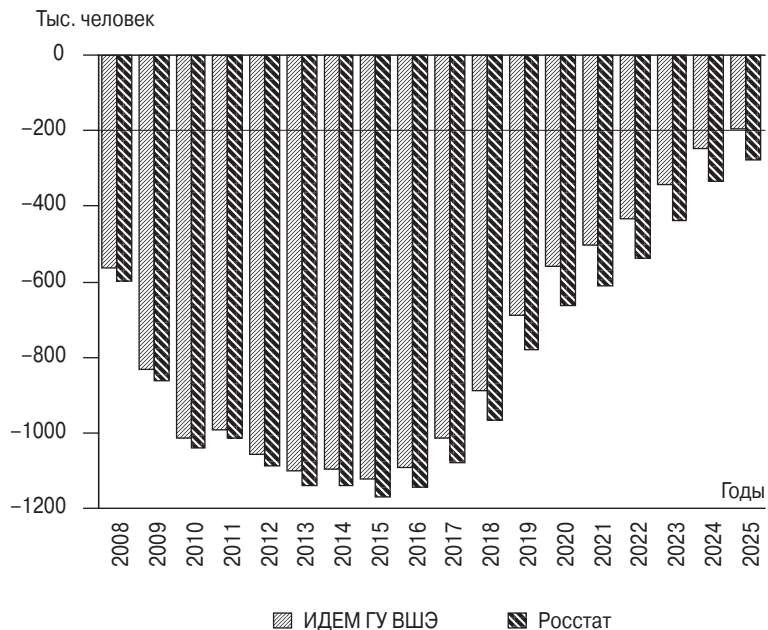

Рис. 7.12. Сокращение населения в трудоспособном возрасте за 2008—2025 гг. по аналитическому прогнозу ИДЕМ ГУ ВШЭ (медианные значения) и по среднему варианту прогноза Росстата

7.3.5. Население в дорабочем и послерабочем возрастах

Если исходить из принятых в России критериев начала трудоспособного возраста (16 лет), то к концу 2006 г. в стране насчитывалось 22,7 млн лиц моложе этого возраста — самое маленькое значение за всю историю XX в. Уже с 2008 г. начнется довольно быстрый рост числа детей и подростков за счет перехода в рабочие возраста самых малочисленных когорт 1990-х гг. рождения. Однако скорее всего рост будет продолжаться недолго и окажется не очень значительным (рис. 7.13). Медианное значение показателя согласно аналитическому прогнозу достигнет максимума в 26 млн человек в 2021—2023 гг. — тоже очень низкий для России показатель, после чего снова начнет сокращаться.

Даже если представить себе самое благоприятное развитие событий, т.е. одновременную реализацию всех наиболее благоприятных прогнозных

гипотез, то число детей и подростков может повыситься не более чем до 30 млн (уровень 2000 г.) в 2024—2026 гг., после чего начнется его новое сокращение. Только во второй половине 2030-х гг. можно рассчитывать на начало следующего цикла роста числа детей и подростков, причем этот рост тоже будет весьма умеренным. Медианное значение (около 25 млн человек) не достигает даже уровня максимума первого подъема 2024—2026 гг. «Вилка» значений показателя при разных доверительных вероятностях указывает на возможность и более значительного роста, но с гораздо меньшей вероятностью его достижения.

Как уже отмечалось в разд. 2.1, вопреки существующему мнению, несмотря на общую тенденцию демографического старения, число лиц пенсионного возраста в России в последнее время не увеличивалось, а сокращалось. За 10 лет — между 1996 и 2006 г. — их число уменьшилось более чем на 1 млн человек и составило 29,1 млн. Но в 2007 г. оно уже начало расти. В 2010 г. будет впервые превышен уровень 1996 г., и с этого момента число лиц пенсионного возраста станет больше, чем когда-либо в прошлом, и будет продолжать расти довольно высокими темпами примерно до 2023 г. Затем этот рост замедлится, но не прекратится (рис. 7.14).

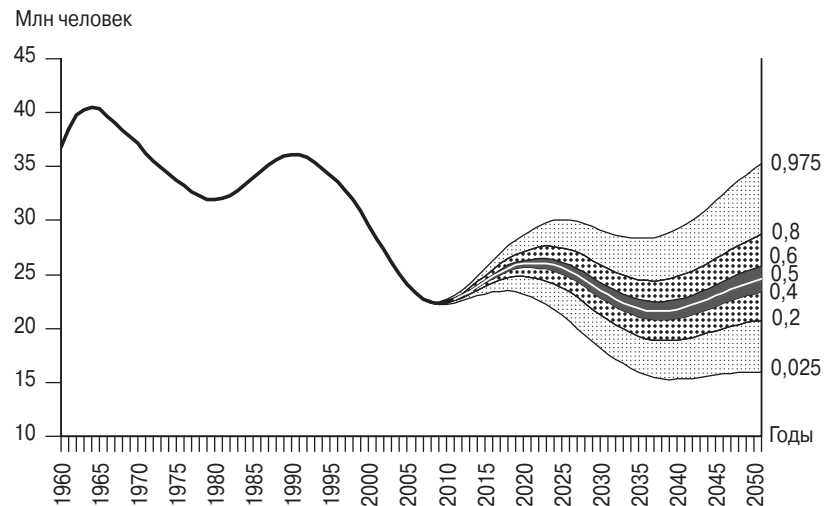

Рис. 7.13. Численность населения в дорабочем возрасте (дети и подростки до 16 лет): до 2007 г. — фактическое, с 2007 г. — согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях

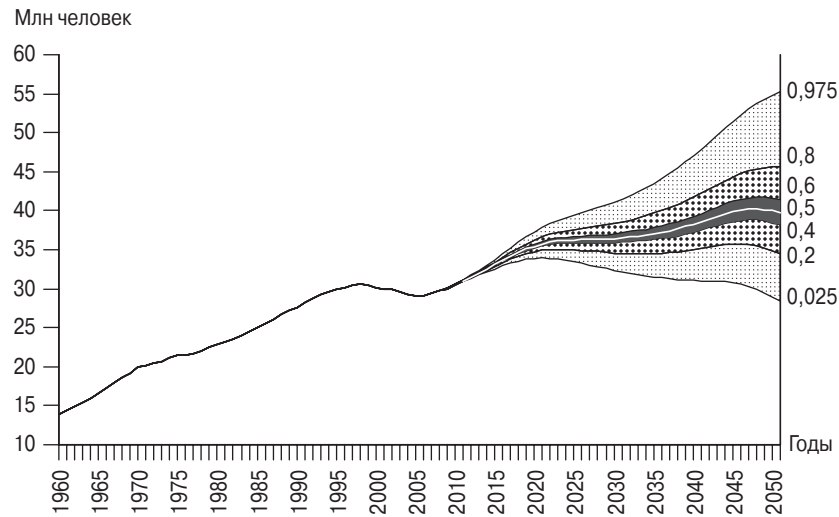

Рис. 7.14. Число лиц пенсионного возраста (женщины в возрасте 55 лет и старше, мужчины — 60 лет и старше): до 2007 г. — фактическое, с 2007 г. — согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях

Прогноз предсказывает, что с 50%-й вероятностью около 2020 г. число лиц пенсионного возраста достигнет 35 млн, а примерно к 2045 г. увеличится до 40 млн. С меньшей вероятностью этот рост может быть и более быстрым, и более медленным, и только в очень небольшой зоне возможных значений прогноза можно ожидать маловероятного перелома этой тенденции и перехода от роста к сокращению числа лиц пенсионного возраста. При совместной реализации самых оптимистических гипотез рождаемости, смертности и миграции число лиц пенсионного возраста в конце 2040-х гг. может вернуться к современному уровню.

7.3.6. Демографическая нагрузка на трудоспособное население

Изменение абсолютных чисел лиц, относящихся по своему возрасту к разным экономическим категориям (рабочий, дорабочий и послерабочий возраст), важно само по себе, но особенно важны изменения соотношений между этими категориями, потому что от них зависит демографическая нагрузка на одного трудоспособного, т.е. число иждивенцев на одного работника, в той мере, в какой оно вытекает из демографической структуры. Разумеется, нельзя отождествлять принадлежность человека к определенной

возрастной группе с его реальной экономической ролью. Работают не все лица трудоспособного возраста, в частности, большинство молодых людей не начинает трудовую деятельность сразу по достижении 16 лет, они могут оставаться иждивенцами работающих еще на протяжении довольно долгого периода. Люди не обязательно прекращают свою трудовую деятельность сразу по достижении законодательно установленного пенсионного возраста. Таким образом, демографическая нагрузка — довольно условный показатель.

Но это не уменьшает его важности. Он указывает на демографическую основу производства и распределения материальных благ, и хотя существует определенная эластичность в использовании этой основы, совсем оторваться от нее невозможно. Вопрос о том, высока или низка демографическая нагрузка в стране, относится к числу первостепенных.

Иногда под демографической нагрузкой понимают только нагрузку пожилыми — она постоянно привлекает внимание в связи с общей тенденцией к постарению населения. В целом она действительно растет, хотя Россия только что пережила период сокращения этой нагрузки — между 1997 и 2006 гг. В 2007 г. начался новый период роста нагрузки пожилыми, и теперь этот рост уже не прекратится до конца 2040-х гг., хотя к концу прогнозного периода можно ожидать его замедления. Вариантов прогноза, предусматривающих снижение этого вида нагрузки по крайней мере до второй половины 2040-х гг., не существует (рис. 7.15).

Демографическая нагрузка пожилыми — лишь часть общей нагрузки, потому что работающее население обеспечивает иждивение не только той части населения, которая находится в послерабочем возрасте, но и той, которая его еще не достигла, т.е. детей и подростков до 16 лет (так принимается в расчетах в соответствии с принятыми в России критериями). Как видно на рис. 7.16, сейчас она необыкновенно мала, причем ее сокращение длилось довольно долго — с 1993 по 2007 г., что, конечно, благоприятствовало сокращению социальных расходов («демографический дивиденд», о котором говорилось в разд. 2.2). Новый поворот — в сторону роста — начнется в 2008 г.

Рост общей нагрузки будет идти очень быстро примерно до 2025 г., после чего последует десятилетний период ее небольшого сокращения, который затем сменится новым ростом. Несмотря на быстрое увеличение в ближайшие 10—15 лет, общая демографическая нагрузка, если судить о ней по медианному значению прогноза, к середине 2020-х гг. не превысит уровня, который уже встречался в послевоенной истории России, а именно в середине 1960-х гг. (810—820 иждивенцев на 1000 трудоспособных), к этому же уровню показатель вернется к концу 2030-х гг. Но при последующем увеличении по-

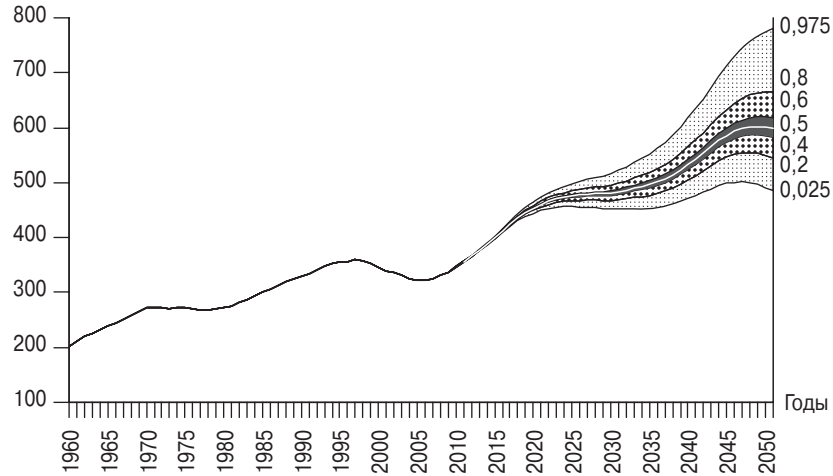

Рис. 7.15. Нагрузка пожилыми на 1000 трудоспособных: до 2007 г. — фактическая, с 2007 г. — согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях

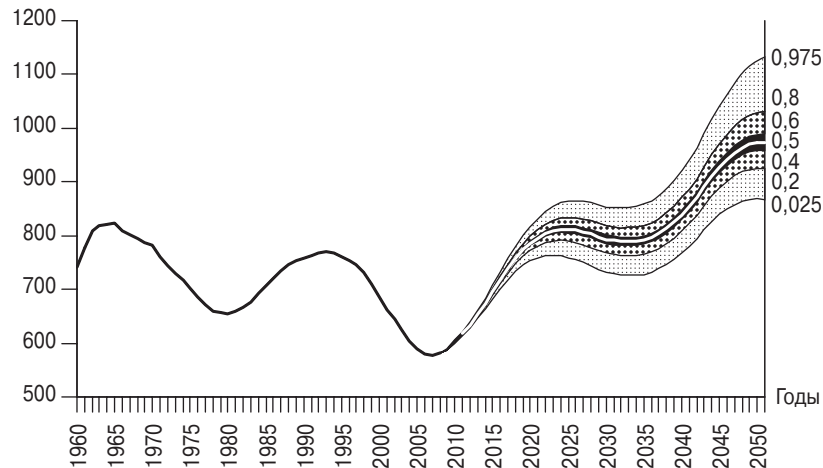

Рис. 7.16. Общая демографическая нагрузка (детьми и пожилыми) на 1000 трудоспособных: до 2007 г. — фактическая, с 2007 г. — согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях

казатель достигнет беспрецедентно высокого уровня — почти 1000 иждивенцев на 1000 трудоспособных. Менее вероятные варианты прогноза допускают «вилку» возможных значений показателя общей нагрузки (от 870 до 1125 на 1000 в 2050 г.), но тенденция его роста сохранится в любом случае.

7.3.7. Число потенциальных матерей

Демографическое будущее России во многом зависит от числа рождающихся в стране детей. Сейчас оно невелико, что вызывает оправданное беспокойство общественного мнения и руководства страны. Принимаются меры по повышению рождаемости и, соответственно, ее роли как компонента будущей динамики населения России. Нельзя, однако, не видеть, что сложности решения этой задачи очень сильно недооцениваются.

Как уже отмечалось в разд. 2.7, нынешние низкая рождаемость и малое число рождений (порядка 1,5 млн в год против 2,2–2,5 млн в 1980-е гг.) имеют место в близких к идеальным с точки зрения возрастной структуры условиях. Число женщин детородных возрастов велико как никогда (это можно видеть и на рис. 7.17), крайне благоприятна и ситуация на брачном рынке.

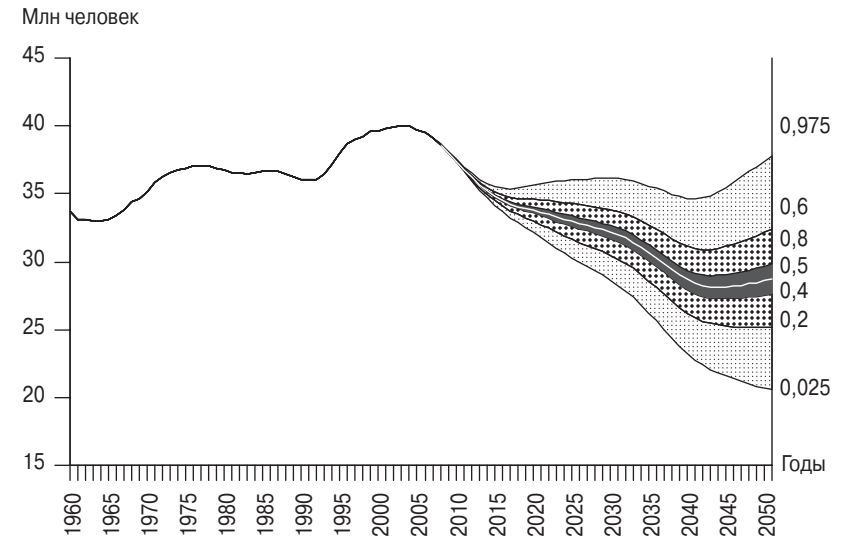

Рис. 7.17. Число женщин репродуктивных возрастов: до 2007 г. — фактическое, с 2007 г. — согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях

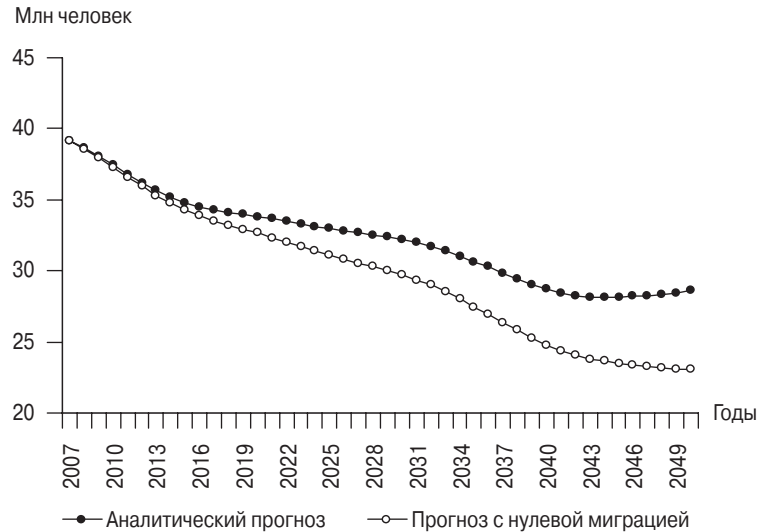

Рис. 7.18. Число женщин репродуктивных возрастов, медианное значение аналитического прогноза и прогноза с нулевой миграцией

Однако в ближайшие годы эти благоприятные условия останутся в прошлом, и изменить в этом смысле ничего нельзя. С 2005 г. идет быстрое сокращение числа женщин репродуктивного возраста, к 2015 г. оно сократится почти на 5 млн, к 2025 г. — почти на 7 млн, причем это практически не зависит от вариантов прогноза, потому что все потенциальные матери 2015 г., равно как и последующих — до середины 2020-х гг. — уже родились (рис. 7.17).

Медианные значения аналитического прогноза предсказывают падение числа женщин в возрасте 15—49 лет за 40 лет между 2003 г. (достигнутый максимум) и 2043 г. (минимум для первой половины XXI в.) с 40,0 до 28,1 млн, или на 30%. Даже при росте рождаемости компенсировать такой спад, чтобы избежать сокращения числа детей, очень трудно, если не невозможно.

Реализация более оптимистических вариантов прогноза способна несколько замедлить, а при определенных маловероятных условиях и остановить падение числа женщин репродуктивных возрастов, однако возврат к идеальной ситуации начала 2000-х гг. невозможен ни при каких условиях.

Аналитический прогноз предусматривает довольно значительное пополнение населения России за счет иммиграции. Если же предположить ее полное отсутствие, то число потенциальных матерей, и без того сильно со-

кращающееся, к 2025 г. окажется (в терминах медианных значений) еще на 1,9 млн, а к середине века — на 6,6 млн меньше (рис. 7.18).

7.3.8. Сокращение призывного контингента

Судя по появляющейся в печати информации, Россия уже сейчас испытывает трудности с комплектованием армии, основанной на всеобщем воинском призыве. Тем не менее все последние годы абсолютная численность призывного контингента (юноши в возрасте 18—19 лет) росла и в 2006 г. приблизилась к наиболее высоким за весь послевоенный период значениям (больше было только в 1977—1980 и 2003 гг.). Но уже в 2007 г. этот контингент начал сокращаться, и России предстоит пройти через период его резкого падения, который продлится примерно до 2020 г., причем за это время контингент с 50%-й вероятностью может сократиться почти вдвое. Затем число юношей в возрасте 18—19 лет начнет снова расти, однако даже на пике этого роста оно едва ли достигнет значений 1987 г. — самых низких за последние 40 лет (рис. 7.19).

Если же предположить полный отказ от иммиграции на протяжении всего прогнозного периода, то, как и в случае с женщинами репродуктивного

Рис. 7.19. Численность призывного контингента (мужчины в возрасте 18—19 лет): до 2007 г. — фактическое, с 2007 г. — согласно аналитическому прогнозу при разных доверительных вероятностях

возраста, численность призывного контингента в 2050 г. окажется примерно на 20% меньше, чем показывает аналитический прогноз (рис. 7.20).

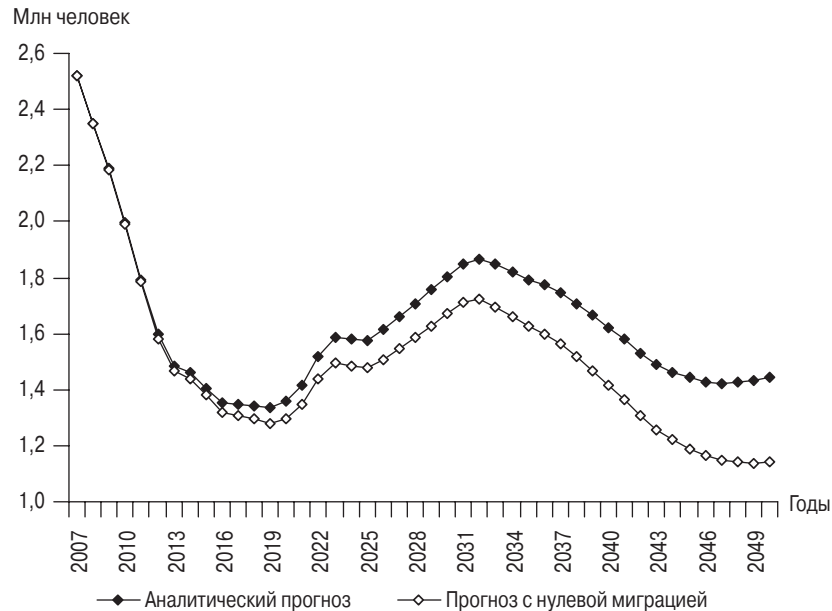

Рис. 7.20. Численность призывного контингента (мужчины в возрасте 18–19 лет), медианное значение аналитического прогноза и прогноза с нулевой миграцией

8. Заключение

8.1. Неутешительный диагноз

Анализ демографической ситуации в России в 2006 г. показывает, что заканчивается второй этап демографического кризиса, начавшийся в 1992 г., и страна вступает в его третий, самый опасный этап. Напомним, как развивался этот кризис, длящийся уже более 40 лет.

Началом его *первого этапа* можно считать 1964 г., когда вследствие падения рождаемости нетто-коэффициент воспроизводства населения России впервые опустился ниже уровня замещения поколений. Тогда это было достаточно необычным явлением, хотя последующее развитие событий показало, что Россия лишь несколько опередила другие страны, чуть позднее все они тоже одна за другой стали переходить рубеж простого воспроизводства населения (см. рис. 4.17).

В 1986–1988 гг., видимо, под влиянием мер демографической политики 80-х гг., антиалкогольной кампании, а возможно и оптимистических социальных ожиданий первых лет «перестройки» нетто-коэффициент воспроизводства снова превысил порог замещения поколений, но это повышение оказалось кратковременным эффектом изменений календаря рождений для условных поколений, после чего последовало резкое падение показателя.

Снижение нетто-коэффициента ниже уровня простого воспроизводства означает начало депопуляции, хотя и не влечет за собой немедленной естественной убыли населения. Долгое время депопуляция может развиваться в скрытой, латентной форме, при сохранении естественного прироста населения: оно растет, но уже только по инерции, в силу существования потенциала демографического роста, накопленного в возрастной структуре населения. Однако этот потенциал конечен, он постепенно исчерпывается, и если текущий уровень рождаемости не обеспечивает замещения поколений достаточно долго, то наступает момент, когда естественная убыль населения становится неминуемой.

Все это было известно давно. Уже в начале 1980-х гг., когда рождаемость в России была существенно выше, чем сейчас, ее уровень все же был недостаточен для поддержания хотя бы неизменной численности населения, не говоря уже о ее росте. Исследования того времени фиксировали стабилизацию уровня рождаемости городского населения, в 1960–1970-е гг. тенденция к общему падению рождаемости определялась ее снижением у сельских жителей. Существовали представления, что, достигнув городского уровня, сельская рождаемость также стабилизируется. Но и тогда было ясно, что такая стабилизация «происходит на слишком низком уровне, который не

может обеспечить даже простого воспроизводства населения, и сохранение его длительное время приведет к абсолютному уменьшению численности населения и крайне неблагоприятной возрастной структуре»¹. Согласно официальному прогнозу ЦСУ РСФСР 1980 г. в России естественная убыль должна была начаться в 2001 г. На деле это произошло уже в 1992 г., что обычно принято связывать с социальным и экономическим кризисом, последовавшим за распадом СССР, который якобы и привел к резкому падению рождаемости.

Резкое падение рождаемости в 1990-е гг. действительно имело место. Следует, однако, отметить, что есть немало стран, которые не переживали в это время никакого кризиса, но где уровень рождаемости в 1992 г. был не выше, чем в России, причем падение до столь низкого уровня, происходившее в этих странах между 1980 и 1992 гг. (рис. 8.1), не было связано с какими-либо кризисными явлениями. Так что, возможно, официальный прогноз 1980 г. был, как и все советские прогнозы, избыточно оптимистическим и просто недооценил вероятность быстрого снижения рождаемости в России, поскольку в те времена считалось, что опыт капиталистических стран не несет полезной информации для прогнозирования событий в странах социализма.

Так или иначе, в 1992 г. впервые возник «русский крест» — число рождений оказалось ниже числа смертей, естественный прирост населения сменился его естественной убылью, что ознаменовало вступление в новый, *второй этап* демографического кризиса — переход от скрытой, латентной к явной депопуляции. За 16 лет (1992—2006) естественная убыль населения страны составила 11,8 млн человек, и хотя часть этой убыли (5,5 млн) была компенсирована миграцией, число жителей России к началу 2007 г. уменьшилось на 6,3 млн человек. Так что налицо явное обострение демографического кризиса.

Тем не менее у этого второго этапа кризиса была особенность, которая в определенном смысле смягчала его остроту. Как показано в настоящем докладе, несмотря на сокращение населения после 1992 г., Россия все эти годы получала «демографический дивиденд», связанный с особенностями российской возрастной пирамиды.

Дело в том, что на этом этапе сокращение численности населения России сопровождалось улучшением возрастных соотношений внутри населения, наиболее важных с экономической, социальной или демографической точек зрения.

¹ Воспроизводство населения СССР / Под ред. А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова. М., 1983. С. 244.

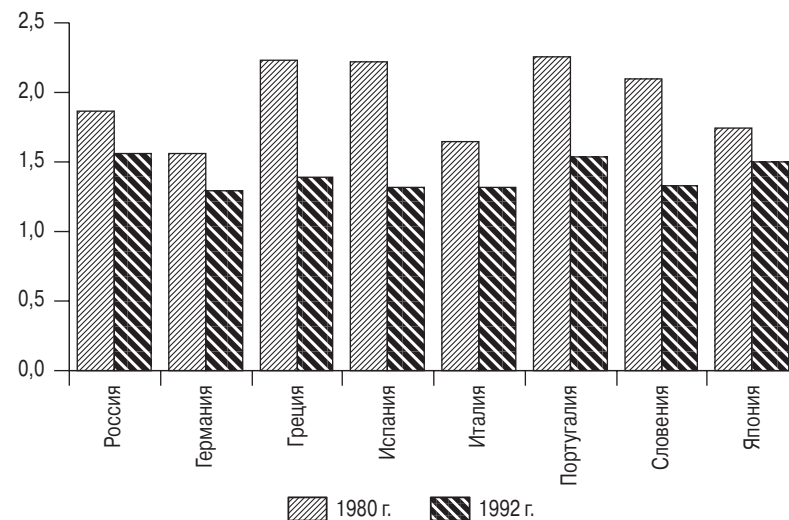

Рис. 8.1. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах в 1980 и 1992 гг.

В этот период шло непрерывное увеличение числа лиц в трудоспособном возрасте (мужчин от 16 до 60 и женщин от 16 до 55 лет): в 1993 г. оно не достигало 84 млн, в 2006 г. превысило 90 млн. Одновременно резко сократилось число детей до 16 лет — с 35,8 млн в 1992 г. до 22,7 млн в 2006 г. Число же лиц пенсионных возрастов почти не менялось, оставаясь на уровне 29—30 млн, и в 2006 г. было даже несколько меньшим, чем в 2002 г.

В результате непрерывно снижалась демографическая нагрузка на трудоспособное население. В 1993 г. она составляла 771 человек в возрастах до и после трудоспособного на 1000 лиц в трудоспособном возрасте, в 2006 г. — 580 на 1000, столь низкой она не была никогда прежде. Разумеется, это не могло не сказаться благоприятно на потребности в социальных расходах государства, в той мере, в какой она зависит от демографических соотношений, она была минимальной.

Еще одной важной позитивной особенностью периода был непрерывный рост числа женщин репродуктивных возрастов. К ним обычно относят женщин в возрасте от 15 до 50 лет, их число выросло с 36,3 млн в 1992 г. до 40 млн в 2002—2003 гг., после чего оно чуть-чуть сократилось, все еще оставаясь очень высоким, более высоким, чем когда-либо в прошлом. Если же взять более узкий диапазон возрастов, вносящих основной вклад в рождае-

мость, то число женщин в возрасте от 18 до 30 лет, на долю которых обычно приходится 75—80% всех рождений, между 1992 и 2006 гг. выросло с 11,9 млн до 14,2 млн — на 2,4 млн, или на 20%. Это очень большой рост. Нечто подобное — и даже еще в большей степени — Россия пережила в 1970-е гг., и тогда число родившихся все время росло, несмотря на некоторый спад рождаемости. Несомненно, свой вклад в рост числа рождений после 1999 г. внесло и нынешнее увеличение числа потенциальных матерей (см. табл. 4.2).

Отметим, наконец, и такой важный параметр, как динамика числа молодых людей призывных возрастов. Она также была крайне благоприятной, число 17—18-летних юношей росло и в 2006 г. приблизилось к максимальному уровню, наблюдавшемуся в конце 1970-х гг. Это облегчало достижение целей призывных кампаний при сохранении относительно высокого уровня рекрутирования молодых людей в сферу образования и экономику.

Таким образом, несмотря на переход от латентной к явной депопуляции и соответственно от первого ко второму этапу российского демографического кризиса, его острота существенно смягчалась благодаря получению «демографического дивиденда» в виде весьма благоприятных с экономической и социальной точек зрения изменений возрастной структуры. Однако эти благоприятные изменения могли быть только временными, они не могли остановить развитие кризиса, который подошел к своему *третьему, особенно опасному этапу*, когда получение «демографического дивиденда» заканчивается и изменения возрастной структуры, в отличие от предыдущего периода, становятся крайне невыгодными, с очевидностью усугубляя нежелательные последствия продолжающейся убыли населения.

2006 г. еще не стал переломным в смысле поворота от позитивных к негативным тенденциям изменения возрастных соотношений, который займет несколько лет, хотя некоторые признаки перелома уже проявились. В частности, уже с 2004 г. началось сокращение числа женщин репродуктивных возрастов, в 2007 г. впервые за длительный период сократилась численность населения в трудоспособном возрасте. Эти тенденции будут быстро нарастать, о чем свидетельствует представленный в докладе прогноз.

8.2. Прогноз-предостережение

Этот прогноз, по сути, рассматривает возможные варианты демографической динамики на третьем этапе российского демографического кризиса.

Прежде всего он указывает на малую вероятность преодоления естественной убыли населения, ликвидации «русского креста». Полностью исключить такую вероятность нельзя, но смена отрицательного естественного прироста положительным или хотя бы нулевым предполагает сочетание

столь благоприятных тенденций изменений рождаемости и смертности, что сейчас оно представляется маловероятным (хотя такой сценарий также рассматривается в прогнозе — см. рис. 7.5).

Согласно медианным значениям нашего прогноза, равно как и согласно другим существующим прогнозам, которые приводятся на рис. 8.2, наблюдающееся сейчас уменьшение естественной убыли населения России имеет конъюнктурный, временный характер и через несколько лет сменится ее ростом.

Соответственно, в терминах медианных значений прогноза, «русский крест» не только не исчезнет в обозримом будущем, но его «раствор», максимально сузившись к 2012 г., снова начнет расширяться, к середине 2020-х гг. достигнет уровня начала века, а затем превзойдет его и надолго сохранится на весьма высоком уровне (см. рис. 8.3, на котором для сравнения приве-

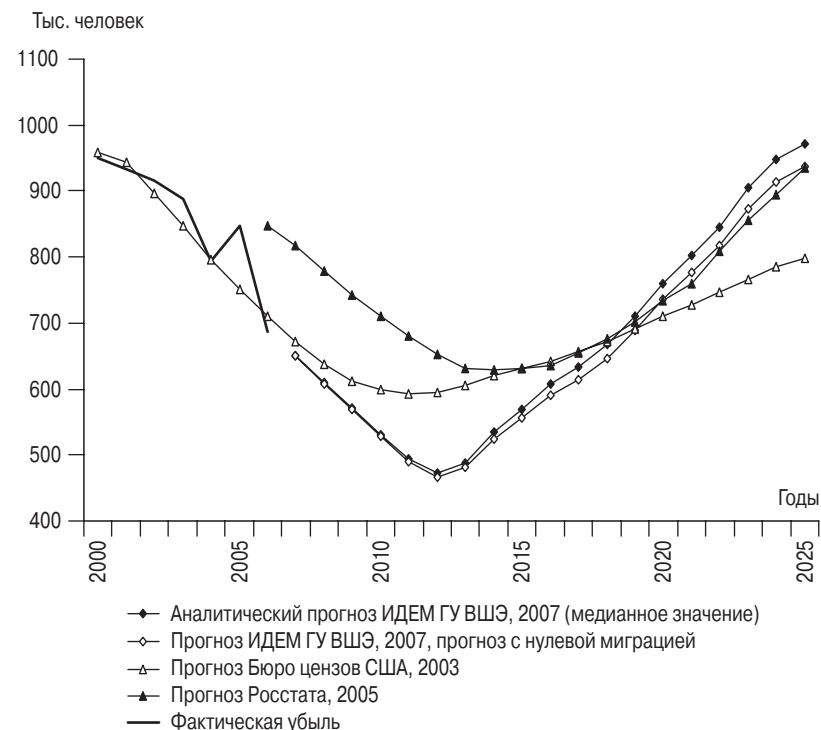

Рис. 8.2. Снижение естественной убыли имеет конъюнктурный характер и через несколько лет сменится ее ростом

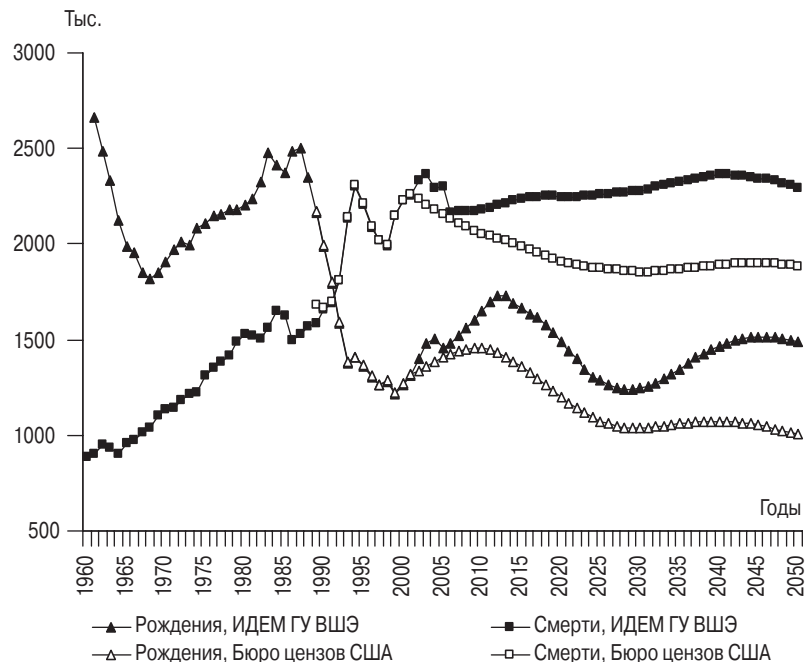

Рис. 8.3. «Русский крест» неустраим, примерно после 2012 г. его «раствор» начнет увеличиваться

дены также результаты прогноза, выполненного несколько лет назад Бюро цензов США).

Именно это обстоятельство делает наиболее вероятным дальнейшее сокращение численности населения России, ибо компенсирующая иммиграция, даже если она будет иметь место, едва ли может достичь таких размеров, чтобы полностью нейтрализовать естественную убыль населения.

Сокращение населения само по себе крайне нежелательно, оно лишает общество напора, динамизма, свойственного растущим населением. Такое сокращение вдвойне нежелательно в России с ее огромной территорией, значительная часть которой крайне слабо заселена и освоена. Но ко всему этому добавляется неизбежное ухудшение структурных соотношений, которое может иметь самые серьезные экономические, социальные и политические последствия.

В ближайшее время страну ожидает резкое сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Согласно медианному значению ана-

литического прогноза ИДЕМ ГУ ВШЭ за 2008—2025 гг. убыль трудоспособного населения составит 14,1 млн человек, весьма близкие оценки дает и прогноз Росстата (14,9 млн по среднему варианту прогноза). В силу продолжающегося старения населения демографическая нагрузка пожилыми на одного трудоспособного к 2025 г. возрастет почти на 50%, а общая нагрузка (пожилыми и детьми) — на 40%. Все это будет происходить в стране, еще недавно получавшей значительный «демографический дивиденд», привыкшей за последние 10—15 лет к гораздо более благоприятным структурным демографическим изменениям, к снижению общей нагрузки и при этом имеющей серьезные проблемы с социальными расходами, в частности нерешенные проблемы пенсионного обеспечения. Новый этап демографического кризиса отнюдь не облегчит решения этих проблем. И это далеко не единственный аспект предстоящих неблагоприятных демографических сдвигов, рассмотренных в гл. 7 настоящего доклада.

Готова ли Россия, ее политическая элита ответить на вызовы нового этапа демографического кризиса? Ищет ли она эти ответы? Или у руководства страны, у «политического класса» по-прежнему сохраняется иллюзия, что демографические процессы находятся под контролем, что все вот-вот наладится, естественная убыль населения снова превратится в естественный прирост и демографический кризис будет преодолен? Было бы очень опасно, если бы дело обстояло таким образом.

Приложения

Приложение 1. Федеральные округа и входящие в них субъекты Российской Федерации

Центральный федеральный округ

1. Белгородская область
2. Брянская область
3. Владимирская область
4. Воронежская область
5. Ивановская область
6. Калужская область
7. Костромская область
8. Курская область
9. Липецкая область
10. Московская область
11. Орловская область
12. Рязанская область
13. Смоленская область
14. Тамбовская область
15. Тверская область
16. Тульская область
17. Ярославская область
18. г. Москва

Северо-Западный федеральный округ

19. Республика Карелия
20. Республика Коми
21. Архангельская область
22. Ненецкий автономный округ
23. Вологодская область
24. Калининградская область
25. Ленинградская область
26. Мурманская область
27. Новгородская область
28. Псковская область
29. г. Санкт-Петербург

Южный федеральный округ

30. Республика Адыгея
31. Республика Дагестан

32. Республика Ингушетия
33. Кабардино-Балкарская Республика
34. Республика Калмыкия
35. Карачаево-Черкесская Республика
36. Республика Северная Осетия — Алания
37. Чеченская Республика
38. Краснодарский край
39. Ставропольский край
40. Астраханская область
41. Волгоградская область
42. Ростовская область

Приволжский федеральный округ

43. Республика Башкортостан
44. Республика Марий Эл
45. Республика Мордовия
46. Республика Татарстан
47. Удмуртская Республика
48. Чувашская Республика
49. Пермский край
50. Кировская область
51. Нижегородская область
52. Оренбургская область
53. Пензенская область
54. Самарская область
55. Саратовская область
56. Ульяновская область

Уральский федеральный округ

57. Курганская область
58. Свердловская область
59. Тюменская область
60. Ханты-Мансийский автономный округ

61. Ямало-Ненецкий автономный округ
62. Челябинская область

Сибирский федеральный округ

63. Республика Алтай
64. Республика Бурятия
65. Республика Тыва
66. Республика Хакасия
67. Алтайский край
68. Красноярский край
69. Иркутская область
70. Усть-Ордынский автономный округ
71. Кемеровская область
72. Новосибирская область
73. Омская область

74. Томская область
75. Читинская область
76. Агинский Бурятский автономный округ

Дальневосточный федеральный округ

77. Республика Саха (Якутия)
78. Приморский край
79. Хабаровский край
80. Амурская область
81. Камчатская область
82. Корякский автономный округ
83. Магаданская область
84. Сахалинская область
85. Еврейская автономная область
86. Чукотский автономный округ

Приложение 2. Численность населения крупнейших городов Российской Федерации*, по данным переписей и текущего учета (на 1 января 2007 г.), тыс. человек (в порядке убывания в 2007 г.)**

Город	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2007 г.
Москва	1039	2080	4604	6096	7063	7970	8677	10102	10443
Санкт-Петербург	1265	1619	3119	3003	3552	4073	4435	4669	4571
Новосибирск	...	120	404	886	1161	1312	1436	1426	1392
Екатеринбург	43	140	423	779	1025	1211	1363	1293	1315
Нижний Новгород	90	222	644	942	1170	1344	1435	1311	1278
Самара	90	176	390	806	1027	1193	1257	1158	1139
Омск	37	162	289	581	821	1014	1148	1134	1135
Казань	130	179	406	667	869	993	1085	1105	1116
Челябинск	20	59	273	689	875	1030	1142	1078	1091
Ростов-на-Дону	119	308	510	600	789	934	1008	1070	1052
Уфа	49	99	258	547	780	978	1080	1042	1023
Пермь	45	121	306	629	850	999	1092	1000	990
Волгоград	55	151	445	592	815	928	995	1013	986
Красноярск	27	72	190	412	648	796	912	912	927
Саратов	137	220	372	579	757	856	902	874	841
Воронеж	81	122	344	448	660	783	882	849	841
Краснодар	66	153	193	313	460	560	619	645	709
Тольятти	6	6	...	72	251	502	629	702	705
Ижевск	...	63	176	285	422	549	635	632	616

Город	1897 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2007 г.
Ульяновск	42	66	98	206	351	464	624	636	612
Ярославль	72	116	309	407	517	597	629	613	604
Барнаул	21	74	148	303	439	535	599	604	600
Владивосток	29	108	206	291	441	550	631	592	581
Хабаровск	15	52	207	323	436	528	598	583	577
Иркутск	51	108	250	366	451	550	622	593	576
Новокузнецк	...	4	166	382	496	541	602	550	561
Тюмень	30	50	79	150	269	359	476	511	550
Оренбург	72	123	172	267	344	458	544	549	530
Кемерово	...	22	137	289	374	462	518	485	520
Рязань	46	51	95	214	350	453	512	522	512
Пенза	60	92	160	255	374	483	538	518	509
Набережные Челны	...	4	9	16	38	301	505	510	506
Тула	115	155	285	351	462	514	536	472	504
Липецк	21	21	67	157	289	396	447	506	503
Астрахань	113	184	259	305	410	461	505	506	500
Томск	52	92	145	249	338	421	502	488	493

* С численностью населения, превышавшей когда-либо 500 тыс. человек.

** Составлено по: Население России за 100 лет. М., 1998. С. 58—63; Россия: Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Ленинград, 1991. С. 115—128; Российский статистический ежегодник. 2005. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2005. С. 100—101; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2007 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2007. С. 58—66.

Научное издание

Население России 2006

Четырнадцатый ежегодный демографический доклад

Ответственный редактор *А.Г. Вишневский*

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*

Редактор *Т.Г. Беляева*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *О.В. Балашова*

Корректор *Т.Г. Беляева*

Подписано в печать 16.10.2008 г. Формат 60x88 1/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 17,85. Уч.-изд. л. 18,19
Тираж 1000 экз. Заказ № . Изд. № 951

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел./факс: (495) 772-95-71